Б. А. Райнов

ИСТОРИЯ КИЛИИ

Том II

Б. А. РАЙНОВ

ИСТОРИЯ КИЛИИ

Том II

(1914–1945)

ББК 63.3(4Укр-4Оде)
Р-18

Б. А. РАЙНОВ «История Килии». Том II. – Измаил: Изд-во «СМИЛ», 2011 г. – 416 стр., 64 ил.

ISBN 978-966-1606-41-7

© РАЙНОВ Б. А., 2011
© РИА «СМИЛ», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Второй том «Истории Килии» (1914–1945) – книга о самых драматических событиях в Килии и округе, Бессарабии и стране в первой половине грозового XX века. Первая Мировая война, две революции, события поистине апокалипсические. Но последовавшая за этим интервенция боярской Румынии, захват Бессарабии, Буковины, двадцатидвухлетний режим оккупации и военного положения на земле между Прутом и Днестром, безудержное ограбление основной массы населения края унесло куда больше человеческих жизней, чем война и революции вместе взятые.

Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные источники, даже такие, как «Статистический ежегодник Румынии», а также воспоминания бессарабцев, переживших то время.

Символами румынского оккупационного режима тех лет являются расстрелянный Красный Татарбунар 1924 года, изуверский режим пыток, голода в политических тюрьмах королевства, главный контингент которых – бессарабцы – участники антиоккупационного, антифашистского движения.

На обширном документальном и мемуарном материале во втором томе освещены история освобождения Бессарабии Красной Армией в 1940 году, противоречивая политика советской власти в крае в 1940–1941 годах. Много нового узнает читатель о героической обороне фронта на Дунае в сорок первом году, об уникальной десантной операции «Килия веке» на вражеской земле за Дунаем.

В современной Румынии много говорится и пишется об освободительной миссии румынской армии в союзе с Вермахтом. Читатель же скорее всего не раз содрогнется, читая об

ужасах румынской оккупации в Бессарабии, и т. н. «Трансни-стрии», в румынских лагерях смерти на этой земле...

Читатель узнает о героической борьбе, которую вело антифашистское подполье в Придунавьи, бессарабцы не пассивно ожидали освобождения.

На многих страницах книги рассказывается о мужестве, самопожертвовании, боевом мастерстве, проявленных воинами-освободителями в незабываемом 1944-м! С самого начала Великой Отечественной Килия и Килийщина вносили свой вклад в дело разгрома захватчиков. Это священное дело они с еще большей силой продолжили после освобождения края и до конца войны – до Победы!

Шестьдесят пятой годовщине Победы, ветеранам Великой Отечественной – воинам-победителям посвящает автор эту книгу.

Подвиг их бессмертен,
он – потомству в пример!

ИСТОЧНИКИ
(документы из архивов)

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР).

Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) Подольск.

Центральный архив Министерства Военно-Морского Флота Российской Федерации. Гатчина.

Измаильский коммунальный архив. Док. 1918–1939 г.г.

Нацархив Молдовы.

Архив МИД Румынии. Бухарест.

Архив Минобороны Румынии. Бухарест.

Архив МВД Румынии. Бухарест.

Кишиневские епархиальные ведомости 1914 г. №№ 34, 35, 1915 г. № 3, №№ 23, 24.

Документы архива Килийского районного историко-краеведческого музея.

Нота Германии Советскому правительству 22 июня 1941 г.

Сборники документов

Документы внешней политики СССР т.т. 1–5 (1918–1940 г.г.).

Борьба трудящихся украинских придунайских земель за социальное и национальное освобождение, 1918–1940 г.г. Одесса. 1967 г.

Советский придунайский край. (1940–1945 г.г.). Одесса, «Маяк», 1968 г.

Борьба за власть советов в Бессарабии. 1917–1940 годы. Кишинев. 1977 г.

Материалы совещания высшего руководства РККА в Москве 21–31 декабря 1940 г.

Пакт «Молотов – Риббентроп и его последствия для Бессарабии». Кишинев. 1991 г. (Использованы «Доклад генерала армии Г.К. Жукова маршалу С.К. Тимошенко» и другие документы сборника).

Стенографический отчет Седьмой сессии Верховного Совета СССР. М., 1940 г.

Литература

В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 50.

А. Барбюс. «Палачи». М., 1974.

А.А. Брусилов. «Мои воспоминания». М., 1929 г.

А.И. Деникин. «Очерк русской смуты». М., 1969 г.

Г.К. Жуков. «Воспоминания и размышления», Т. 1. М., 1975 г.

Ф. Гальдер. «Дневник начальника генерального штаба Вермахта». Т. 2. Воениздат. М., 1969 г.

История Молдавии. Т. 2. Кишинев. 1968 г.

А.М. Лазарев. «Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос». Кишинев. 1974 г.

А.М. Лазарев. «Год 1940 – продолжение социалистической революции в Бессарабии». Кишинев. 1985 г.

Синенко В.И. «Операция «Килия веке». Киев. 1975 г.

Кузнецов Н.Г. «На флотах боевая тревога». Воениздат. М., 1971 г.

И.И. Локтионов. «Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне». Воениздат. М., 1962 г.

Коллектив авторов. «Советский Черноморский флот». Воениздат. М., 1969 г.

А.Д. Бачинский. «В стране советской». Изд. «Маяк». 1984 г.

А.Д. Бачинский. «Непокоренный Дунай». Изд. «Маяк». Одесса. 1985 г.

Райнов Б.А. «Очерк истории Килии». Измаил. 2003 г.

Карпов В. «Генералиссимус». М., 2004 г.

Клобунов В. «Румыния в планах Гитлера». «В–И Ж». № 3. 1991 г.

Цукерторт И. «Германский милитаризм и легенда о превентивной войне против СССР». «В–И Ж». № 5. 1970 г.

«Показания генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса на Нюрнбергском процессе». «Военно-исторический журнал». № 2. 1987 г.

Штефан Чебану. «Бессарабия». Кишинев. 1993 г. (на румынском языке).

Левит И. «Молдавская республика» (Ноябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.) Кишинев. 2003 г.

Мартиросян А.Б. «За кулисами мюнхенского сговора». М., 2008 г.

Лидел Гарт. «Вторая Мировая война». М., 1976 г.

Уинстон Черчилль. «Вторая Мировая война». Бухарест. 1998 г. (на румынском языке).

Жаля К. «Бессарабия. Описание, история – воссоединение». Бухарест–Кишинев. 1918 г. (на румынском языке).

Хайнес Р. «Политика Румынии в отношении Германии в 1936 – 1940 годах». Бухарест. 1998 г. (на румынском языке).

Стоенеску А.М. «Армия, маршал, евреи». Бухарест. 1989 г.

Чукэ М. «Режим Антонеску». Подборка документов. Журн. «Досье истории». № 3. 1993 г. (на румынском языке).

Коллектив авторов. «Современная история румын». Галац–Кишинев. 1991 г.

Коллектив авторов (координатор И. А. Поп, И. Болован). «История Румынии». Клуж-Напока. 2004 г.

КИЛИЯ И ПРИДУНАВЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Масштабы и последствия давно отгремевшей и казалось бы забытой Первой Мировой войны столь велики, что они до сих пор не только потрясают разум, но нередко вызывают мифы о причинах, ее породивших. Чего тут только нет! И предначертания таинственной книги мудрости – «Каббалы», а заодно и козни Сионистских мудрецов, деяния рыцарей могущественных массонских лож, и предсказания знаменитого Нострадамуса, а также его собратьев-прорицателей всех времен и даже предсказания археологов, исследовавших первое из семи чудес света – пирамиду Хеопса и узревших предсказание той войны в некоторых геометрических пропорциях этого колосса, – произошло это в 1913 году. (Правду говоря, в 1913 году вовсе не надо было быть ясновидцем или сверхпроницательным аналитиком-политологом, чтобы догадаться: война, какой еще не видел свет, вот-вот разразится).

Так или иначе, расположенный на пороге Балкан, где вспыхнул запал той страшной войны, наш край и город занимают небольшую пространственную, но важную часть тех событий. Вот почему на них интересно и полезно взглянуть из нашего тревожного сегодня...

К концу XIX века в мире не осталось территорий, не захваченных какой-либо из могущественных держав того времени...

В 1896 году правительство США объявило, что и в их стране нет ни клочка ничейной земли, куда бы можно было переселиться – ликвидируется последний фронтир – граница между обжитой и необжитой территорией.

Впрочем, к тому времени, США уже контролировали обе Америки, и таким образом, конкретное воплощение получил лозунг президента США Монро: «Америка – для американцев!». Пройдет совсем немного времени и другой американский президент, Теодор Рузвельт, провозгласит куда более глобальный лозунг: «Двадцатый век – век Америки!». Это уже заявка на мировое господство. Это предвещало мировую бойню за передел

мира и те, кто намеревался его переделить, усиленно готовились к войне.

К концу первого десятилетия двадцатого века не без угрожающих трений, но в основном сложились военно-политические блоки, между которыми вспыхнет мировая война, и в самых непроницаемых сейфах уже хранились разработанные генеральными штабами планы войны.

Ну, а политики той эпохи – императоры, президенты, премьер-министры исправно подталкивали мир к катастрофе (в которой бесславно погибнут и многие из них)... Из всех сильных мира того германскому императору, Вильгельму II, его министрам, генералам и адмиралам (если не считать крупнейших финансовых тузов той эпохи) принадлежит роль главных поджигателей той войны.

Венценосцы той поры были страстными вояками, а когда случались между войнами затишья, то – страстными охотниками. Такими были и Вильгельм II, и Николай II и другие императоры и короли помельче... Не успевший еще вкусить славы на поле брани наследник австрийского престола Франц-Фердинанд зато был самым заядлым охотником из всех современных ему венценосцев и претендентов на корону (пока что он числился в наследниках). Эту свою страсть он сочетал с другими: к графине Софье Хотек, к цветам и редким растениям, к редчайшим и совершеннейшим произведениям искусства и дорогим раритетам. Его летняя резиденция – замок Конопиште в сорока верстах от Праги был райским уголком – музеем, картинной галереей, удивительным цветником и садом и, конечно же, выставкой несметного числа охотничьих трофеев этого сверхметкого охотника...

И было у Франца-Фердинанда... Нет, не три, а целых пять заветных желаний:

– побыстрее стать императором и верховным главнокомандующим;

– двуединую империю сделать триединой, уравняв Чехию с Австрией и Венгрией:

– самому, соответственно, стать триединым королем, ведь власть – от Бога, а Бог, как известно, триедин;

– дети от любимой жены, знатной графини, но не королевской крови, – должны стать основоположниками новых династий на землях балканских славян;

– эти самые и, прежде всего, сербские земли должны быть покорены целиком и полностью, путем быстротечной, победоносной войны.

Эти заветные желания наследника Австро-Венгерского престола были хорошо известны сербским патриотам из тайной военной организации «Черная рука», и они поклялись, что Франц-Фердинанд умрет наследником на ступенях трона. Храбрости членам этой организации было не занимать, а дисциплина в их рядах была железной...

Просвещенный читатель, видимо, помнит, что, согласно концепции «генерала от сортиров» (см. из «Похождений бравого солдата Швейка в Мировой войне»), победа двуединой империи в той войне вытекала из полевых солдатских сортиров... Но перед войной вполне конкретный Франц-Фердинанд не без оснований полагал, что победа над маленькой Сербией, на защиту которой мог стать российский колосс, эта победа, от которой зависит и его личное, Фердинанда, счастье, зависит от союза Австро-Венгрии с мощной Германией, следовательно – с ее воинственным усатым кайзером, Вильгельмом II...

Лето 1914 года в Европе (и в Килийской волости) выдалось очень жарким. Оставив принимать в свои многочисленные, вместительные «магазины» и ссыпать в прожорливые трюмы иностранных и российских пароходов не очень обильный урожай того года, килийские богатеи-хлеботорговцы укатили на курорты под сень кипарисов и пальм, простые обыватели – те, кто мог позволить себе летний отдых, – довольствовались жебриянскими пляжами и бесплатными, но очень лечебными грязями на Сасыке. Питание не составляло особой проблемы – рыба, помидоры, арбузы, дыни были в изобилии и стоили копейки, или вообще ничего. Ночевали же в шалашах из камыша, или в рыбацких куренях, каких на берегах лимана было множество. Само море у Жебриян, как утверждают старожилы – даже не безнадежно древние – было не мутным, бурого цвета компотом из морской травы и мусора, а как и подобает настоящему морю – горько-соленой рапой, такой прозрачной, что камбалы и всякая иная живность просматривалась на глубине в несколько метров. В общем, в то жаркое лето простой люд, кто мог себе позволить, отдыхал беззаботно...

Но императорам, королям и президентам, министрам, генералам и адмиралам тем, что покрупнее, не было покоя тем жарким летом. Кроме подготовки к войне были и всякие иные дела.

Российскому Николаю II предстояло... завершить юбилей еще 1912 года – открыть в Кишиневе монумент своему пра-, прадеду Александру I – Благословенному, что он и проделал 16 мая 1914-го. В том предвоенном, и как оказалось – в военном, году были и еще юбилеи. Многочисленная судейская рать империи с

нетерпением жаждала отметить полустолетний юбилей знаменитой судебной реформы, причинившей самодержавию столько неприятностей. Военных должен был осыпать звездопад по случаю столетия вступления российских войск в Париж после окончательного разгрома Наполеона Первого. Приближался еще один юбилей – траурный для балканских народов, особенно сербов – пятьсот двадцатипятилетие поражения православного войска балканских стран на Косовом поле, после которого в Сербии на 500 лет установилось турецкое иго. Так или иначе, события, связанные с этим юбилеем, и сделали лето четырнадцатого года предвоенным, послужив детонатором грандиозного взрыва.

То лето оставалось еще предвоенным, когда двенадцатого июня в упомянутом выше Конопиште состоялось свидание эрцгерцога Франца-Фердинанда с кайзером Вильгельмом II и его гросадмиралом Тирпицем. На этот раз не было традиционной охоты в богатых дичью заказниках Конопиште, не любовалась воинственная тройка красотой цветников и садов, окружающих замок, и сказочными богатствами коллекций раритетов в нем. Тогдашняя пресса ни слова не проронила об этом свидании (неделю спустя она, пресса, подробнейшим образом, словно для наводки, описала маршрут, по которому проследует кортеж эрцгерцога в Сараево), известно, однако, о чем в Конопиште договорились австрийский наследник престола и германский император.

– Австро-Венгрия в ближайшее время нападет на Сербию.

– Германский Рейх окажет помощь Австро-Венгерской монархии, особенно если возникнет угроза для последней со стороны России.

– Надо привлечь на свою сторону Румынию – ее монарх – истинный германец, а в виде пряника пообещать за союз в войне Бессарабию...

– Детям Франца-Фердинанда – короны и троны в королевствах на землях Польши и Сербии.

Николай II в июне 1914 года в Румынию таки поехал – важен был, если не союз с Румынией в предстоящей войне, то хотя бы ее нейтралитет.

Свидание с престарелым королем Румынии Карлом I состоялось во дворце королевского курорта, носящего имя, а точнее, литературный псевдоним румынской королевы Кармен Сильва (настоящее имя – Елизабета). Тут сделаем небольшое отступление.

После русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в которой Объединенные принципаты Молдова и Валахия были союзница-

ми России, они обрели независимость и стали Румынией. Море русской крови было пролито за это. Но... После этой войны решением Берлинского конгресса юг Бессарабии, отторгнутый от России в пользу Молдовы после Крымской войны, был с Россией воссоединен. Румыния получила за это огромную и очень перспективную компенсацию – целую Добруджу с Кюстенджи – Констанцей, Мангалией и той же Кармен Сильвой с другими черноморскими портами и с двумя из трех гирлами Дуная впридачу.

Но Карл I Румынский затаил злобу на Россию, за это и был снедаемый ею до конца дней своих.

18 (30) августа 1883 года в Вене Румыния подписала с Австро-Венгрией военный договор, по сути направленный против России. В тот же день к нему присоединилась Германия, а 3 (15) мая 1888 года – Италия. Этот договор держался подписавшими его сторонами в строжайшем секрете до конца Первой Мировой войны. (В Румынском королевстве о нем знали только король Карол I и король Фердинанд I, да узкий круг их приближенных). Во время переговоров по поводу заключения этого союза румынский премьер Брэтиану И.К. намекнул германской стороне, что Румыния будет надежным барьером Запада, если ее граница на востоке пройдет по Днестру...

Тогда канцлер Германии Бисмарк отверг притязания Румынии на Бессарабию. Но в 1888 году императором германской империи стал молодой Вильгельм II, а через два года Бисмарк перестал быть канцлером Германии... И вот российский император в Кармен Сильве. Свидание с румынским королем – уже глубоким стариком, к тому же неизлечимо больным, прошло почти при полном взаимном молчании коронованных особ – вежливом со стороны Николая II, недобром, можно сказать, злобном со стороны Карола I. Но важно другое – переговоры между российским министром иностранных дел Извольским и румынским премьером И.К. Брэтиану (тем самым, который в 1883 году клянчил у Бисмарка Бессарабию) прошла в активном деловом, даже коммерческом ключе... Сошлись на том, что взамен нейтралитета в войне, которая вот-вот разразится, Румыния получит... Окончательная цена будет определена позже...

Побывал Сазонов и в Бухаресте, откуда вместе с румынским премьером совершил автомобильную поездку в Карпаты – вдоль границы с Австро-Венгрией – будущих исходных позиций румынского наступления.

Как известно, война началась первого августа 1914 года. Когда и до Килии дошел манифест царя о ее начале, то и в нашем

городе, как и во всей империи, были отслужены торжественные литургии о даровании Победы российскому войску и царю. (Всевышний, увы! – этим мольбам не внял...). Был ли в Килии парад, кричали ли женщины «Ура!», и в воздух чепчики бросали ли? Как то было в столице, в первопрестольной Москве или в коммерческой Одессе – этого мы не знаем – в тогдашнюю килийскую глухомань первые вести о войне доходили туго, как раскаты землетрясения сквозь слежавшиеся наносы плавней.

Гроза страшной войны дошла до волостного города Килия ощутимо лишь после того, как 30-го сентября немецкие корабли «Гебен», «Бреслау» и турецкая эскадра обстреляли Новороссийск, Керчь, Феодосию, Одессу и довольно близко подошли к дунайским гирлам, особенно же, – когда из города ушла на войну первая партия мобилизованных... Война в Килии стала явственно ощущаться, когда Турция закрыла черноморские проливы и в Килийский порт перестали приходить иностранные суда за бессарабским зерном. (В царском манифесте, объявлявшем войну Турции, Николай II обещал русским хлеботорговцам, что после войны проливы никогда не будут закрываться для российского мореплавателя).

Опасаясь прорыва германских кораблей в Дунай, власти приказали перекрыть затопленными пароходами и баржами с песком гирло Дуная, впадающее в Жебриянский залив, гирло быстро занесло илом. Но выяснилось, что российским военным кораблям и транспортам нужен свободный доступ в Дунай. И тогда по приказу адмирала Потапова был прорыт судоходный канал – Потаповский...

Килия стала базой для отряда устаревших миноносцев и для группы канонёрок Российского Черноморского флота, пристанищем для кораблей румынской Дунайской флотилии, немало пароходов стран Антанты укрылось в Килии. Многократно увеличен гарнизон города, его состав часто менялся. На восточной окраине парка заняла позиции батарея тяжелых, дальнобойных орудий – для прикрытия военно-морской базы на случай прорыва в Дунай немецких кораблей. Хирургический, а за ним и другие корпуса больницы графини А.В. Толстой превратились прежде всего в военный госпиталь.

Ряд священников Килийской церковной округи добровольно ушли на фронт для духовной работы среди солдат. «Кишиневские епархиальные ведомости» тех лет многократно отмечали деятельность настоятеля храма Святого Николая в Килии, отца Агуры по оказанию помощи фронту сбором денежных средств,

теплых вещей, в деле оказания помощи пострадавшим от войны семьям погибших и увечных воинов, сиротам, беженцам, число которых в Килии быстро увеличивалось...

И все же благодатный юг Бессарабии меньше некоторых других районов Империи даже в 1916 году страдал от бушевавшей войны, голодный, кровавый хаос еще не охватил край.

В кровавом месиве фронтов раздавались матюки, предсмертные крики и стоны, порой пьяный рев, но никак не бравурные песни. А тут, хоть и не очень далеко от фронта, новобранцы на плацах Измаила, Аккермана, Килии, Рени распевали строевую песню на стихи:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты –
Мы смело рвемся на врага,
Мы – русские солдаты.
В нас дух отцов-богатырей,
И дело наше право.
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.

«Кишиневские епархиальные ведомости». № 7. 1916 г.

И все же... Ощущается нечто созвучное времени другой войны с Германией – Великой Отечественной. Недаром и та первая в начале своем называлась Отечественной.

У нас на юге Бессарабии, усеянном в те времена богатыми немецкими селами колонистов, не могла не возникнуть и возникла проблема отношения к этим самым немецким колонистам. Возник этот вопрос и в бессарабской прессе. К типичным радикальным мнениям по этому вопросу можно отнести высказанное на страницах «Епархиальных ведомостей» № 37 за 1914 год мнение священника Иоана Болтяна. «Пора и давно пора нам понять, что немцы – злейшие враги славянства; своим житьем среди нас они вносят заразу и разложение. Нужно лишить немцев права подданства, а многочисленные земли, находящиеся в аренде или владении, выкупить и продать на выкуп нашим малоземельным крестьянам, которые кровью и грудью своих сынов защищают Родину от вражеских полчищ...

Зверства немцев воскресили в нашей памяти Атилл, Тамерланов и гуннов старого времени – воистину немцы – достойные их последователи в двадцатом веке». Не только справедливым, но и прозорливым был священник!

За Дунаем была Румыния, и каждый из противоборствующих военных блоков стремился втянуть ее в войну на своей стороне. Антанту интересовало геопространство, занимаемое этим госу-

дарством, его людской потенциал – пушечное мясо, Германию – еще и хлеб, нефть и другие стратегические материалы Королевства... На худой конец оба блока были заинтересованы хотя бы в нейтралитете этой страны в разгорающейся войне. Дряхлый, терзаемый неизлечимой болезнью король Румынии был всей душой предан своему германскому фатерланду, был готов ввязаться в войну на его стороне и очень страдал от того, что не может этого сделать – румынское дворянство в большинстве своем традиционно было связано с англо-французами, да и его личные капиталы находились в банках Лондона и Парижа... Кроме того, воевать в союзе с Германией означало воевать за интересы Австро-Венгрии, во владении которой находились Трансильвания, Банат, Кришана, Марамуреш, Северная Буковина, обещанные Румынии Антантой. (На коронном совете третьего августа 1914 г. король Карл I настаивал на немедленном вступлении в войну на стороне Тройственного союза, но остался в полном одиночестве.

Возобладало мнение премьера Брэтиану, который заявил: «По всей видимости, война будет долгой. Подождем как развернутся события. Нам еще представится случай сказать свое слово»).

Начальный успех первого галицийского наступления русского Юго-Западного фронта осенью 1914 года разжег аппетиты румынских правителей, и тогда первого октября была подписана секретная русско-румынская конвенция, по которой в обмен на нейтралитет Румынии, Россия гарантировала ее неприкосновенность и даже территориальное приращение за счет населенных румынами земель Австро-Венгрии.

У Англии и Франции за свой нейтралитет Румыния получила крупные займы. С Германии Румыния тоже имела доход за нейтралитет и право перевозки через румынскую территорию оружия для Турции. Расплачивалась Германия и поставками оружия румынскому королевству, обещая и территориальные приращения – Бессарабию, Заднестровье до Буга...

Подписание русско-румынской конвенции окончательно сразило короля Карла I Гогенцоллерна: седьмого сентября он еще смог записать в свой дневник, что идет снег и что премьер Брэтиану чинит вредные для Германии интриги. Восьмого октября в своем сказочном дворце Пелеш у подножья Южно-Карпатской гряды Бучеж румынский монарх скончался, едва записав слабеющей рукой в дневник: «Идет снег...» (См. «Исторический журнал». № 8, 1976 г., стр. 40. На рум. яз.). Королем стал болез-

ненный, слабовольный Фердинанд I. Жена его, прекрасная, темпераментная Мария – англо-русских кровей, став королевой Румынии, стала и важной, если не первой скрипкой в политической игре, которую вело королевство на арене внешней политики. В связи с этим шансы на вступление Румынии в Антанту существенно возросли (но выросла и цена, которую Антанта должна была уплатить за этот шаг Румынии). Однако, набивая себе цену, ни в 1914-м, ни в 1915-м Румыния этот шаг не сделала. В 1914 году российские войска ни до Вены, ни хотя бы до Будапешта не дошли. В 1915-м они вообще отступали на всех фронтах, кроме Кавказского. Это удержало Румынию от прямого вступления в войну. А кровавые волны войны все больше захлестывали Килию: тысячи мужчин – главная рабочая сила портов, лесопилок, мельниц, маслобоек, рыбаков, крестьян-хлеборобов, огородников воевали на суше и на море. Многие с войны уже успели вернуться инвалидами, а во многие семьи пришли похоронки. Кроме того, десятки тысяч людей не только мужчин и женщин привлекались на окопные и военно-транспортные работы. Порты стали работать в основном на войну.

Ремонтной базы для флота России на Дунае не было, и в Килию из Севастополя была перебазирована «Экспедиция особого назначения» – плавучие механические судоремонтные мастерские со специалистами. Килия и Вилково обеспечивали эту «экспедицию» плотниками, строителями и разнорабочими. Когда же осенью 1915 года на стороне Германии в войну вступила Болгария, Килия обрела еще более прифронтовой облик.

В прифронтовую зону превратилась и вся Бессарабия: в ней протянулись новые военные дороги – грунтовые и шоссейные: Арциз – Дунай и другие. Строились и новые железнодорожные ветки: Аккерман – Бессарабская, Рени – Этюлия. А по Хотинскому уезду в 1915 году прошла линия фронта – война огненным плугом перепахала сотни тысяч гектаров плодородной земли, напитав их кровью, начинив смертоносным металлом, разрушила многие села. Десятки тысяч бессарабцев сделались брошенными на произвол судьбы беженцами. Многие из беженцев нашли прибежище в Килии и волости.

Война, разруха, военные реквизиции, войсковые постои, наплыв беженцев даже в богатой Бессарабии довели основную массу людей до крайнего обнищания. Цены на основные продукты питания к началу 1916 года в 8–12 раз превысили довоенные.

Но в 1916 году, когда на западном театре военных действий противостоящие друг другу войска зарылись в землю, прикры-

лись бетоном и броней, оплелись колючей проволокой в 15 рядов – в общем, никакой артиллерийский ураган, никакие газовые атаки не в состоянии были подвинуть линии фронтов. А на восточном театре российские войска свершили чудо. Юго-Западный фронт под командованием генерала Брусилова на Луцком направлении прорвал многополосную оборону австрийцев и развил прорыв в стратегическое наступление. Наступающие войска освободили север Бессарабии, заняли значительную часть Буковины и австрийской Галиции. Потери, понесенные австрийскими войсками, надолго подорвали их боеспособность...

В этих условиях, 17 августа 1916 года Румыния подписала с Антантой договор о военном союзе, выговорив себе не только Трансильванию, но и Банат, Кришану, Марамуреш, Буковину, а у России даже пыталась выклянчить Бессарабию... Решением коронного совета под председательством Фердинанда I (не без влияния королевы Марии) 17 августа 1916 года Румынское королевство объявило Австро-Венгрии войну. В Румынии и до сих пор гремят бравуарные марши, слова которых призывают.

Вперед, батальоны, пройдите Карпаты
С цветами на жалах штыков!
За перевалами ждет вас победа
И братья с надеждою ждут!

Румынские батальоны поначалу действительно довольно резво повалили на карпатские перевалы... Они заняли Брашов, Меркуря Чук, подошли к Сибиу и Сигишоаре...

По такому случаю венценосцы обменялись поздравлениями. При этом тон гогенцоллернский был снисходительным, как если бы армия российского царя примазывалась к славе румынской. (Менее чем через два года румынский король отхватил от своего русского союзника Бессарабию, утверждая, что изначально воевал за создание Великой Румынии). Первоначально на Карпатском фронте румыны обладали почти тройным численным перевесом над австрийцами.

Но! Еще в четырнадцатом году, когда неясно было, с кем пойдет Румыния, российский генштаб подсчитал, что понадобится 15 русских дивизий, чтоб разгромить румынскую армию, если она пойдет с немцами, и столько же, чтоб спасти ее от разгрома, если она станет союзницей России. И вот Румыния такой союзницей стала...

30 августа войну Румынии объявила Германия и направила против нее одну из лучших своих армий – Восьмую во главе с одним из лучших германских полководцев того времени – генералом Макензеном... Первого сентября войну Румынии объявили

Болгария с Турцией. Уже шестого сентября на Южном фронте у Туртукая, – того самого, у которого в XVIII веке впервые ярко блеснула боевая слава А.В. Суворова, румынская армия потерпела жестокое поражение, понеся потери в тысячи убитых и 25000 пленных. Через несколько дней румынская армия терпит новое сокрушительное поражение от болгар и турок под Силистрой – это уже совсем недалеко от российского участка Дуная и от Килии... Одно за другим следуют поражения румынской армии в Карпатах, на реках Жиу, Олт, наконец – под Бухарестом.

Шестого декабря 1916 года немцы вступили в румынскую столицу, а королевская чета и правительство Брэтиану обосновались в Яссах. (Для встречи вступающих в румынскую столицу немцев, префект Бухареста генерал Мустяцэ выстроил жандармов в парадной форме, а всякого, кто словом или действием оскорбит германца, пригрозил расстрелять. К мольбам Румынии о помощи англо-французы остались глухи. А России довелось открывать новый фронт – «Румынский» – от Брэилы на Юге, до Ватра Дорней на севере (600 километров!). На него из резерва, но главным образом, – с других российских фронтов пришлось стягивать не 12, как рассчитывали перед войной, а 44 дивизии, в том числе 12 кавалерийских – на очень сложный, горный театр военных действий, к тому же совершенно неподготовленный. В тылу же этого нового фронта, в том числе и в Бессарабии, Россия получила всевозрастающий хаос из голодных, оборванных солдат разгромленных румынских дивизий, дезертиров, беженцев из королевства. Многие румынские офицеры побросали свои части и пустились в беспробудный загул. Пример показал наследник престола – принц Карол – будущий король Карол II... Он покинул свой полк и очутился в Одессе. В злачных местах Одессы-мамы принц загулял так, что долгое время ни румынская, ни даже русская контрразведка не могли его найти. А когда нашли, то оказалось, что принц успел не только гульнуть, но и жениться на ресторанной певичке Зизи Ламбрино. (По крайней мере, до недавнего времени где-то в Европе обретался ее сынок – полуродной старший братец экс-короля Румынии Михая I). Можно себе представить, как гуляло румынское офицерье! Вся эта тыловая муть была как нельзя более питательным бульоном для всевозможных воров и аферистов, находкой для шпионов и почвой... удобной для распространения среди некоторой части бессарабских верхов великорумынских, унионистских настроений.

С образованием «румынского» фронта Килия стала практически городом прифронтовым: с фронтов за Прутом и Дунаем сюда

нередко доносилась артиллерийская канонада, для рыбалки в плавнях требовались особые разрешения, в городе появились союзные румынские солдаты, моряки, офицеры. А на реке – мониторы и вооруженные пароходы румынской Дунайской дивизии (флотилии). Половина мужского населения городов и волости было на фронтах, даже в Греции и во Франции в составе русских армейских бригад распевали килийцы «Соловья-пташечку»... Все больше похоронок приходило на Килийщину. Никто даже с пьяных глаз уже не кричал «Даешь Берлин!» Все чаще, как и в России, слышалось: «Хлеба!» и «Долой войну!» и не только по-русски, а и по-румынски...

В Измаильском уезде были расквартированы части и подразделения 115-й и 124-й пехотных дивизий и Отдельной морской Балтийской дивизии, подразделения связи, саперные, полевые госпитали. Важной морской базой стало с. Жебрияны (Приморское). До него намеревались тянуть железнодорожную ветку, но так и не решили откуда...

Поток раненых увеличивался с каждым днем – через Измаил, Килию, Вилково, Сулину в Одессу их направлялось до двух тысяч ежедневно. Стационарных госпиталей катастрофически не хватало. Под плавучие приспосабливали баржи. Так появились плавучие лазареты «Сестрица» на 500 коек и «Сестра милосердия» на 100. Их персоналу часто доводилось работать под бомбами и пулями немецкой авиации – фронт был совсем близко. (В 1918 году при эвакуации «Сестрицу» пришлось затопить под Вилково). (Р.П. Шишкина: «Говорят забытые герои», газета «НВ» 3-V, 2008 г.). Не хватало и врачей – на фронт шли «лекари военного времени» ускоренных выпусков. (В конце 1917 года прибыл в Килию выпускник Дерптского университета, лекарь Салакин. Со временем он стал известным врачом и даже политическим деятелем).

А чтоб попасть на «румынский фронт», частям российской армии приходилось покидать эшелоны за сотни километров от места боев, без отдыха и горячей пищи, по зимнему бездорожью совершать длительные переходы, карабкаться на обледенелые склоны Карпат и с ходу вступать в бой. (См. Российский военный госархив. Ф. 2003. Опись 3. Д. 5, л. 18).

После открытия т. н. «румынского» фронта многие бессарабцы, в том числе и наши земляки, в описанных выше условиях сражались на этом фронте. Среди них И.С. Соловьев, М.Г. Денисов и многие другие килийцы, вилковчане, жители из всех без исключения сел Килийщины. Многие наши земляки сложили свои головы в Карпатах. Не только боевой опыт, но и опыт рево-

люционный обрели там килийцы. На карпатском фронте с 1915 года пулеметчиком сражался и заслужил два Георгия будущий маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Так или иначе с самого начала существования «румынского» фронта и до осени 1917 года вела боевые действия на нем, сдерживала наступление германо-австрийских войск в основном русская армия...

Лесистые Карпаты с их крутыми, часто обрывистыми склонами, высокими господствующими вершинами и редкими перевалами – очень сложный театр военных действий в особенности осенью, зимой, весной.

О том, в каких условиях воевали и зимовали в Карпатах войска русской армии «румынского» фронта в «Очерках русской смуты», пишет генерал А.И. Деникин – тогда командир восьмого армейского корпуса четвертой российской армии: «Командный состав употреблял все усилия, чтоб ослабить до некоторой степени ту ужасную хозяйственную разруху, которую создали нам румынские пути сообщения. Где-то в Новороссии на нашей базе всего было достаточно, но до нас ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами из нетопленных румынских вагонов, неприспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах...

Местами на высоких горах в жесткую стужу, в холодных землянках по неделям жили на позициях люди – замерзавшие, полуголодные. С огромным трудом, по козьим тропам доставляли им патроны, хлеб и консервы». (См. названный источник, изд. «Мысль». 1991 год. М., стр. 33).

Успех в боевых действиях в горах в решающей мере зависит от обладания такими ключевыми объектами, как господствующие высоты, линиями водоразделов, редкими и потому очень важными перевалами.

27–28 октября 1916 года российские войска и части пятой румынской пехотной дивизии генерала Григореску пресекли попытку кайзеровских войск фельдмаршала Макензена прорваться через главный перевал Восточных Карпат Ойтуз и попытаться разгромить российские и румынские войска Южного фланга «румынского» фронта.

Еще более значительными силами попытка была повторена семнадцатого ноября того же года. Войска, оборонявшие ключевой перевал, и на этот раз выстояли, после чего на этом фронте наступил длительный период боев местного значения, как писали газеты того времени.

После длительного периода изнурительных боев «местного значения» с шестого августа по третье сентября 1917 года на южном фланге «румынского» фронта произошло самое кровопролитное сражение военной кампании семнадцатого года на этом фронте.

Планируя ликвидировать наконец этот фронт, Макензен на участке Мэрэшть–Мэрэшешть бросил 13 полнокровных германских дивизий, при поддержке мощной артиллерийской группы. Через два дня на ключевой перевал Ойтуз фельдмаршал двинул хорошо оснащенную группу своих войск, рассчитывая тем самым отвлечь часть сил русско-румынской армии, обороняющихся у Мэрэшть–Мэрэшешть.

Уловка не удалась – Ойтуз остался в руках русских и румынских войск. Позиции у Мэрэшть–Мэрэшешть несколько раз переходили из рук в руки, но в итоге, понеся большие потери, непобедимый дотоле фельдмаршал Макензен вынужден был отступить.

С тех пор и поныне румынские историки, военные и гражданские пишут историю своей страны и ее армии так, будто Победу у Мэрэшть–Мэрэшешть – Ойтуз одержала одна только румынская армия, ее военачальники. На них тогда пролился обильный дождь наград, а командующий Второй румынской армией, генерал Александр Авереску – бессарабец из села Бабеле (ныне Озерное Ренийского района) стал первым в истории румынского королевства маршалом (вскоре он на короткое время станет даже премьером).

Между тем, вскоре после тех жарких боев, румынские войска были отведены в ближайший тыл русских войск, за этой завесой 24 румынские дивизии переформируются, пополняются, перевооружаются с помощью Франции и под наблюдением французских генералов.

Так создается новая румынская армия, которая в январе 1918 года будет брошена на захват Бессарабии...

ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИИ, АГРЕССИЯ

Еще вовсю бушевал ураган Первой Мировой войны, как один за другим разразились новые не менее грозные – Февральская и Октябрьская революции. События последней особенно напугали правящие круги стран Антанты, особенно великих колониальных империй – Великобритании и Франции. И те самым активным образом содействовали захвату Бессарабии Румынией – в уплату за её участие в интервенции против России – Советской России.

Но – по порядку.

Килия, Вилково, Килийская волость в Февральской революции?

О них, как и обо всём Придунавьи, можно с уверенностью утверждать, что тут не было ни двоевластия, ни тем более троевластия, как в некоторых регионах Украины. Близость такого центра, как Одесса, состав гарнизонов, возвращающиеся с фронтов солдаты – часто изувеченные, вести с фронтов – всё это привёло к тому, что с марта 1917 года тут установилась хоть на первых порах и не очень эффективная, но одна власть – власть советов солдатских, матросских, крестьянских депутатов. Этому способствовало и то, что Совет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа, осуществлявший властные функции в регионе северо-западного Причерноморья, отверг власть Центральной рады.

Килийский Совет первоначально состоял преимущественно из беспартийных и эсеров, к тому же в связи с частой сменой кораблей в килийской базе и подразделений гарнизона менялся и состав Совета. Как свидетельствуют документы, в Килийском Совете работали секции: общественной безопасности, продовольственная, агитационная, культурно-просветительная. Последние две были наиболее активны. По мере пополнения Килийского Совета депутатами из числа прибывших в город на излечение фронтовиков он, становился властью все более полной и твёрдой...

23 мая – 9 июня в Одессе работал Первый съезд депутатов РУМЧЕРОДА. Килийскому Совету о его работе доложил командированный этим форумом студент Вайнберг, а прибывший вместе с ним матрос Финогеев решения съезда Румчерода довёл до сведения советов в волости, которые к этому времени приступили к конфискации помещичьих и церковных земель, не ожидая созыва Всероссийского Учредительного Собрания.

В Килийский Совет обращались по самым разным вопросам: «Особая экспедиция» – плавмастерские – за рабочей силой, дефицит которой в связи с мобилизациями на войну становился всё острее, рыбаки – за разрешениями ловить рыбу в зоне, которая практически была уже прифронтовой, многочисленные семьи фронтовиков, инвалидов войны и получившие похоронки – за помощью. Эвакуированные просили жилья, хлеба, работы, пострадавшие от военных реквизиций, поборов и мародёрства требовали справедливости. Со своими нуждами обращались больницы, школы, рабочие клубы – обращались как к своей власти (См. Измаильский архив, Ф.4. Опись I д. 557л. 125, Д. 573 л-л 100–101). Килийский Совет принимал эмиссаров РУМЧЕРОДА, посылал туда своих эмиссаров, посылал делегатов на I и II губернские съезды Советов в Кишинёв (См. сб. док. «Борьба за власть советов в Молдавии», стр. 97, 166. М. 1957 г.).

В типографии Фаликова (здание б. маг. «Книготорга») Килийский совет печатал собственную газету «Народное дело», Килийский совет контролировал и направлял её работу, II съезду Советов Бессарабии в сентябре 1917 года об этой газете рассказывал делегат от Килии Наузников (См. сб. «Борьба за власть советов в Молдавии», стр. 97. Изд. Кишинёв, 1957 г.).

Несмотря на довольно интенсивную и многообразную деятельность, до октябрьских событий 1917 года в Петрограде, Килийский Совет не решает главных для основной массы населения волости и города вопрос – о земле, хотя именно такого рода требования поступали в Килийский Совет из дальних и пригородных сёл, да и из самой Килии.

Тяжкие испытания принесла война городу Вилково: на войну, в основном в военный флот ушло 1320 мужчин (а ведь город небольшой) с войны пришли сотни похоронок, в городе остались лишь нетрудоспособные мужчины, да небольшое число получивших отсрочку от призыва. Бедствовали семьи, оставшиеся без рыбаков, бедствовал город, который, несмотря ни на что, должен был давать высокие уловы рыбы и выполнять многочисленные наряды на казённые работы, в том числе по заявкам

«Экспедиции особого назначения» (См. Изм. ФООГА, Ф.4, оп. I, д. 553, л. 5).

Но старообрядческий Вилково довольно долгое время оставался лояльным по отношению к городской управе, возглавляемой М. Петрикеевым. (См. там же: Ф. 1172, оп. I, д. 86, л. 2).

И в Килии, как и во всей России, более насущным становится вопрос о большевизации советов. Всё спасение России и революции – в передаче власти советам. Это и есть вопрос пославших нас товарищей солдат, рабочих и крестьян. (Из выступления килийского делегата на Бессарабском губернском съезде советов Наузникова. Кишинёв, сентябрь 1917 года. См. сборник документов «За власть советов в Молдавии». Стр. 98).

Ситуация стала меняться, когда в конце марта 1917 года трудовой Вилково избрал городским головой ещё не старого, но авторитетного потомственного рыбака А. Гнеуша (Гнеушева), который стал практически председателем Совета. Одним из первых действий его было разоружение и смещение пристава и городовых. (См. Изм. Архив. Ф. 4, оп. I, д. 573. Л. 100).

На Килийщине, как и во всей Бессарабии, главный вопрос – о земле – в Еникёе (Новосёловка), Парапоре, как и ещё в пятидесяти местах Бессарабии, этот вопрос решился явочным порядком. Ещё в апреле 1917 года крестьяне отобрали землю у помещиков, вспахали и засеяли её. При этом обошлось без поджогов и физического насилия. (См. ЦГАОР. СССР. Ф. 406, оп. 2, д. 642, л. 171).

11 – 13 июня 1917 г. в Измаиле уездный крестьянский съезд вынес резолюцию: «Всякая частная собственность на землю отменяется отныне и навсегда. Вся земля с водами и лесами, и с недрами объявляется достоянием всего народа и переходит к нему без всякого выкупа. Пользоваться землёй может всякий, кто будет на ней трудиться». (См. «Сборник документов и материалов. Борьба за власть советов в Бессарабии», стр. 49. Кишинёв. 1957 г.). В работе съезда, принявшего это решение, принимали участие и делегаты из сёл Килийской волости, но не от Килийского Совета...(См. там же).

Как известно, февральская революция, заявления Временного правительства о готовности вести войну до победного конца, проволочки с решением главного для миллионов крестьян вопроса о земле (а армия состояла в основном из крестьян) – всё это, как и непомерные людские и материальные потери от войны, положило начало развала российской армии. Этот процесс резко ускорился после провала «Летнего наступления Керенского».

После кровавой мясорубки у Мэрэшть – Мэрэшешть, а особенно после Декрета о мире и Декрета о земле русские войска массами покидают румынский фронт – направляются на родину, к семьям – спешат туда, опасаясь упустить раздел земли...

К ужасам войны всё чаще прибавлялись ужасы погромов, учиняемых отступающими с румынского фронта войск, полки, батальоны, эскадроны которых нередко превращались в банды беспощадных мародеров.

Не миновала такая участь и Килию, которую в начале декабря 1917 года двое суток грабил и жёг 4-й пехотный полк. (См. газету «Свободная Бессарабия». 12 декабря, 1917 года).

Осенью 1917 года в Килию с фронта после тяжёлых ранений вернулись солдаты – большевики, Игнат Савельевич Соловьёв и Михаил Герасимович Денисов. Время тревожное, события развиваются стремительно – они даже не оставили следов в архивах, но факт остаётся фактом: Килийский Совет большевизируется, а его председателем становится И.О. Соловьев – потомственный плотник, человек грамотный и волевой, убеждённый большевик, авторитетный не только в своей рабочей среде.

Жебриянский совет возглавили вернувшиеся с фронта большевики И.М. Чеботарёв – солдат четвёртого артиллерийского полка, О.Ю. Перстнев – на фронте член ротного комитета, матросы И.М. Иванов и Ф.В. Иванов. (См. «Історія міст і сіл України. Одеська обл.», стр. 498–499. К. 1969 г.). В нарастающем хаосе возникла грозная для края опасность – опасность захвата Бессарабии королевской Румынией.

Поток политических событий вынес Кишинёв из центра России, с фронтов представителей солдат, офицеров, интеллигенции – вузовских профессоров, преподавателей гимназий, журналистов, служащих.

Довольно единая по национальному духу эта группа нашла самую активную поддержку у румынской агентуры в крае, особенно в губернской «столице» – Кишинёве, ведь не говоря о румынских войсках, – при каждом крупном российском штабе имелись во время войны представительства румынской войсковой контрразведки – «сервичул контринформацией милитаре»...

А среди лидеров бессарабских сепаратистов, быстро преобразившихся в прорумынских унионистов, были журналист П. Халипа, помощник губернского комиссара Временного Правительства, помещик И. Инкулец, недавний член Петроградского Совета П. Ерхан, профессор истории А. Болдур и другие (первоначально человек 50). Они стали инициаторами созыва Перво-

го съезда военных бессарабцев, который работал в Кишинёве 20 – 27 октября 1917 года и принял решение о необходимости организации всебессарабского национального органа власти «Сфатул Цэрий» – Государственного Совета. Его первое заседание состоялось ранее намеченного срока, 21 ноября 1917 года. Причину спешки пояснил его председатель И. Инкулец: «Если б не было выступления большевиков, то с открытием «Сфатул Цэрий» не спешили бы». (См. арх. внешней политики Российской Федерации, Ф. 125, оп. I, л. 27, д. 27, л. д. I, л. 27).

После того, как «Сфатул Цэрий» 15 декабря 1917 г. провозгласил Бессарабию автономной республикой, Съезд представителей советов Придунайского края в Аккермане принял постановление: «Буджак останется на вечные времена в составе России, с советами, или иным строем». (См. также, опись 5, д. 7, л. 20).

II съезд РУМЧЕРОДА, несмотря на пёстрый политический состав делегатов, единогласно высказался за роспуск «Сфатул Цэрий», который «Ни по своему составу, ни по способу конструирования совершенно не отвечает целям и задачам многочисленного трудового народа разных национальностей Бессарабии». (См. «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» № 239 11 декабря 1918 года). Многие уездные советы Бессарабии протестовали против того, что «Сфатул Цэрий» провозгласил себя властью в Бессарабии. (См. газ. «Свободная Бессарабия» № 200, 30-XII, 1917 г.) (В архивах Измаила, Кишинёва, Одессы, Бухареста не удалось обнаружить документов, подтверждающих, что килийцы посылали в «Сфатул Цэрий» депутатов или просто ходоков).

У Килийского Совета дел невпроворот: осуществление декрета «О земле», поддержание правопорядка в круговерти воинских частей, флотских экипажей, толп эвакуированных – всё это и свои, и румыны – союзники, ведь, наконец, – самый сложный вопрос – продовольственный...

В конце декабря в городе и волости был организован ревком под председательством М. Г. Денисова. Вооруженный отряд ревкома – около 300 человек – местных килийцев, солдат гарнизона и, даже, добровольцев – румын.

Резиденция ревкома и штаб его вооруженного отряда помещались в летней резиденции графини Толстой по Большой Дунайской (ныне – главный корпус СШ-2, Ленина, 2). Живший там управляющий графини был «уплотнён», а конфискованный у него граммофон по праздникам играл, веселя трудящихся...

Пока тут у Дуная советы и реввоенсоветы пытались решать неотложные дела, руководство «Сфатул Цэрий» в Кишинёве,

зная, что оно не может рассчитывать на поддержку народа Бессарабии, на закрытом заседании этого органа 20 декабря 1917 года добилось того, что было принято решение (вопреки протестам крестьянской секции этого органа) о приглашении в Бессарабию румынских войск – «временно, для охраны железных дорог...»

«Немедленно, после восстановления порядка и спокойствия, воины – румыны возвратятся к себе домой», – заверял бессарабцев румынский генерал (вскоре – второй в истории Румынии маршал) Презан – начальник генштаба.

22 декабря 1917 года правительство Румынии и командующий российскими войсками румынского фронта, генерал Щербачёв заключили перемирие с австро-германским командованием, благодаря которому румынские войска с согласия и англо-французских представителей в Яссах, смогли приступить к захвату Бессарабии. (См. сб. док.: «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии», стр. 177 и 207, М. 1996 г.).

«Истории Бессарабии» А. Болдура, И. Нистора, публицистика, начиная с И. Жаля, и в 1918 году, и по сю пору представляют публике присоединение Бессарабии к Румынии как волеизлияние единого румынского народа, как возвращение края, населённого молдаванами, русскими, украинцами, болгарами, гагаузами, немцами, евреями и ещё несколькими десятками этносов к матери-родине, в результате которого эта мать тепло принимает в своё лоно своих чад... Но это словеса румынских чиновников, платных газетчиков, или бессарабских перевёртышей, которых вскоре за немалую услугу королевство отблагодарило министерскими портфелями, депутатскими и сенаторскими креслами, академическими дипломами и связанными со всем этим благами. Сказанное и написанное ими – о законности «воссоединения» – ложь, спекуляция.

Истина же проста, она состоит в том, что Румыния, воспользовавшись благоприятной для себя конъюнктурой, стала Великой Румынией – Романия Маре, прихватив у Австро-Венгрии Северную Буковину и многое другое, а у России Бессарабию прихватила с помощью военной силы.

Первая попытка переправы румынских войск через Прут, предпринятая по инициативе армейского командования во второй половине декабря 1917 года, провалилась.

И тогда, по просьбе «Сфатул Цэрий», полученной ещё 20 декабря 1917 года румынское правительство санкционирует посылку своих войск в Бессарабию (1 января 1918 года). Первоначально румынские стратеги сочли, что, по крайней мере, для

захвата Кишинёва будет достаточно усиленного полка трансильванцев, следующих из российского плена на австрийский фронт (с разрешения ещё и Украинской Центральной Рады).

Однако, после короткой перестрелки на кишинёвском вокзале трансильванцы ретировались в вагоны и последовали в Румынию, оставив на перроне убитых, раненых и пленных... Шестого января у Леово румынские войска силами в несколько полков с пулемётами и артиллерией переходят Прут. На своём пути к Кишинёву они первым делом расстреливают советы. Но, как пишет газета «Бессарабская жизнь» от девятого января того года: «К полуночи шестого января на подступах к Кишинёву наступающие были остановлены молдавскими и российскими батальонами и начали отступать, отступление превратилось в беспорядочное бегство...».

Уже первые шаги румынских оккупантов по бессарабской земле показали, что пришли они не освобождать, а грабить, убивать, захватывать.

Получив «добро» от представителей Антанты в Яссах, румынское командование перебрасывает через Прут пятидесятитысячный корпус генерала Эрнста Броштяну. Этими силами и было предпринято наступление в трех направлениях: Кишинёв – Бельцы, Бендеры – Аккерман и Болград – Измаил. Но и обладая большим численным превосходством над ещё не сколоченными бессарабскими полками и рассыпающимися полками бывшей российской армии, дивизиям Броштяну далеко не сразу удалось взять Кишинёв и Бельцы, особенно упорный, ожесточённый характер обрели бои у Бендер...

Куда успешней действовали доблестные королевские войска в качестве жандармов и карателей. В своих «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин пишет: «Прежде всего, военные власти расстреляли ряд лиц из состава «Сфатул Цэрий» и вне его – «красных» и «белых», но одинаково отрицательно относящихся к румынам. «Парламент» сбросил с себя немедленно всякий налёт радикализма и уже открыто стал послушным орудием румынской власти. Затем состав его был пополнен членами от крестьянского съезда, избранными при подобающей обстановке – ввода войск в здание заседаний съезда, арестов его членов, а затем и расстрела некоторых из них без суда и следствия, в том числе председателя и двух его заместителей. После принятия этих решительных мер съезд разбежался, а «Сфатул Цэрий» актом от 24 января объявил о независимости Молдавской Народной Республики».

Жестокости и самодурству «освободителей» по отношению к бессарабцам не было предела: «Румынские офицеры должны быть приветствуемы следующим образом: «Каждый приветствующий должен остановиться на месте, лицом к начальнику и быстро, геройски с улыбкой на лице снять шапку и поклониться до самой земли. Для обучения населения этому и точному приведению в исполнение приказа, в дневные часы моя фуражка коменданта будет прогуливаться на палке по улице и все обязаны будут её приветствовать».

Комендант гарнизона местечка Единцы, капитан Думитриу. (См. Архив внешн. политики Российской Федерации. Ф. 125, оп. 3, д. 13, л. 9). Жителям Единец крупно повезло – приказ не сопровождается угрозой расстрела за его неточное исполнение...

Что касается боевых действий, то после взятия Кишинёва особенно упорно сопротивлялись румынским захватчикам Бендеры.

Вместе с жителями города и окрестных сёл Бендеры защищали революционные подразделения Пятого и Шестого «Заамурских» пехотных полков Восьмой российской армии, рабочие железнодорожных мастерских, добровольческий полк болгарских колонистов из Болграда, Кубея и других болгарских сёл юга Бессарабии – около 700 человек.

Город Бендеры дважды переходил из рук в руки и достался румынам ценой больших потерь лишь седьмого февраля 1918 года.

Даже апологет «Великой Румынии» историк Н. Иорга в своих «Воспоминаниях» (т. 1) признаёт, что, захватив Бендеры, румынские войска учинили дикую расправу над населением города.

После Бендер полк, организованный студентом Новороссийского (Одесского) университета Владимиром Ивановичем Райновым, под его же командой вёл тяжелые бои с превосходящими силами румын под Манзырем (Лесное) и родными Кубеем (Червоноармейское) и Болградом...

Выведенный за Днестр полк стал первым Бессарабским Советским пехотным полком, а его командир первым из бессарабцев был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Полные драматизма героические страницы в историю борьбы с захватчиками вписали защитники Измаила, Килии, Вилкова, Жебриян (Приморского), Галилешт (Десантного)... Четыре дня сдерживали натиск румынских войск защитники Измаила. Вступив же в город 22 января, румыны первым делом расстреля-

ли группу пленных моряков... В тот же день на траверсе острова Кислицкий произошёл бой между кораблями Румынской речной дивизии (румынской Дунайской флотилии) и отрядом кораблей, базирующихся на Килию, – румынам пришлось отступить. И только 27 января румынам удалось взять город – полтора десятка пленных, в том числе румынских моряков, солдат и рабочих интернационалистов было расстреляно оккупантами. (См. сб. док. «Советский Придунайский край 1917 – 1940 годы», Одесса 1967, стр. 24–26).

30 января 1918 года румынская пехота под прикрытием огня с мониторов пыталась ворваться в Вилково, но, понеся потери, отступила, отошли и мониторы – один из них был подожжен огнём обороняющихся.

Защитники города под руководством командующего морскими силами Юга А. Г. Железнякова и председателя вилковского реввоенсовета И. Д. Платова не только успешно отбивали атаки противника, но и сами переходили в контрнаступление – гнали румын до Жебриян и Галилешт.

Только 17 февраля, пользуясь большим превосходством в сухопутных и речных силах, румынам удалось захватить Вилково. Захваченных в плен раненых румыны тут же расстреляли... (См. Сб. док. «Придунайский край 1918 – 1940 годы», стр. 22–23).

Упорно оборонялся Аккерман (Белгород-Днестровский), последний клочок бессарабской земли румыны смогли захватить лишь в марте 1918 года...

Однако, ещё в середине февраля в Бессарабию двинулись войска Советской России, изгнавшие до этого Центральную Раду из Киева... От командования наступающих советских войск В.И. Ленин требовал действий быстрых и решительных... (См. Ленин В.И. ПСС, изд. 5, т. 50, стр. 41).

Выполняя это указание, советские войска нанесли румынам мощные удары под Тирасполем и Бендерами – противник в панике бежал...

Это породило в правящих кругах Румынии панику, и правительство Александра Авереску пошло на мирные переговоры с Советской Россией, завершившиеся девятого марта подписанием соглашения, по которому: «Румыния обязывается очистить Бессарабию в течение двух месяцев. Немедленно же она очищает стратегический пункт Жебрияны. Румыния также обязывается не предпринимать никаких военных действий против Всероссийской Федерации Советских республик.

Для улаживания могущих возникнуть между Румынией и Российской Федерацией Советских республик рабочих и кре-

стьян недоразумений образуются международные комиссии в Одессе, Киеве, Петербурге, Москве, Яссах, Галаце из представителей России, Румынии, Англии, Франции и Соединённых Штатов». (См. сб. док. «Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии», М. 1997 г., стр. 196).

Стоит подчеркнуть, что при подписании этого документа ни румынская сторона, ни дипломаты Антанты ни капли не сомневались в абсолютной правомерности возвращения России её территории. На этом этапе румынское правительство не делало никаких заявлений об «исторических» или «этнических» правах Румынии на Бессарабию.

Подписание соглашения о возвращении Бессарабии Советской России стоило генералу Авереску и его правительству отставки. Но уходящий в отставку Авереску счел необходимым с парламентской трибуны предупредить пришедшее к власти правительство Маргеломана: «Россия больна, без сомнения, она очень больна. Но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, малой державе, не пристало пользоваться состоянием паралича, в котором находится сосед... Это было бы необдуманной политикой».

И ещё одно обстоятельство благоприятствовало румынской агрессии против Советской России – перемирие с Германией и её союзниками, заключенное 18 марта 1918 года, после которого Румыния, в нарушение договора только что заключенного со своим восточным соседом, пропустила германо-австрийские войска в Бессарабию и Украину и отказалась выполнить условия договора с Российской Федерацией об очищении Бессарабии.

Энергичные протесты УНР, Советской Украины, деятелей бывшего Временного Правительства, белой эмиграции и Российской Федерации действия не возымели – Бессарабия осталась под румынской оккупацией. Так уже в румыно-советских отношениях возник болезненный «бессарабский вопрос»... Захватнический акт против Бессарабии, Украины, России румынские политики, историки, пропагандисты и поныне преподносят как божеское благодеяние, способствовавшее исполнению вековечных чаяний бессарабцев и запрутских румын.

Румынский официальный хронист того времени Ион Жаля, например, события эти описывает в елейно-торжественном тоне: «Девятое апреля 1918 года, девять часов утра... На перроне Кишинёвского вокзала играет военный духовой оркестр, замер строй почётного караула, тут же: председатель «Сфатул Цэрий» А. Инкулец, вице-председатель П. Халипа, премьер Чугуряну с

молдавскими министрами и другими высшими чиновниками независимой Молдавской республики, румынские генералы Броштяну, Рэшкану, Анастасиу, старшие офицеры их штатов, городские власти Кишинёва, митрополит Гурий – они встречают правительственную делегацию из Ясс...

Поезд остановился, на перрон выходят: премьер Румынии Маргеломан, его свита – преимущественно военные – армейские, полицейские, жандармские генералы, высшие чины «сигуранцы». Обойдя строй почётного караула, высокие гости и встречающие садятся в машины: во главе кортежа – эскадрон румынской королевской кавалерии, такой же эскадрон замыкает кортеж. Кавалькада проследовала в гостиницу «Лондонская». Там генералы, возглавляющие румынские войска, «освободившие» Бессарабию, получают инструктаж.

Затем следует деловое совещание с высшими местными властями (а по сути – инструктаж этим властям со стороны «гостей», дабы власти эти чего не напутали...). В 14 часов – официальный прием, данный кишинёвскими властями в честь новых хозяев, – они и вели себя на приёме в их честь как хозяева – новой челяди своей раздавали подарки: на милостыню кишинёвской бедноте 20000 лей, на нужды церквей – столько же, главному раввину города – в два раза меньше, но всё же – еврейская община Кишинёва многочисленна, её верхушка богата и влиятельна... Кишинёвский примарь на благоустройство города получил 50000. (См. И. Жаля: «Бессарабия. Описание – история – воссоединение». Стр. 27–36. Бухарест – Кишинёв. 1918 г.) (Та тоненькая книжка написана в таком тоне, как будто история Бессарабии начинается с этого самого «воссоединения»...

Главные трагические для Бессарабии события того дня разыгрались уже в здании «Сфатул Цэрий» после шестнадцати часов... Только часа в четыре пополудни вместо обусловленных трёх смог Александр Инкулец ввести в зал заседаний румынского премьера для того, чтоб тот зачитал условия «добровольного» объединения Молдавской народной республики с румынской «матерью-родиной». И это после того, как Инкулец, Халипа, Чугуряну и другие влиятельные унионисты двое суток до этого «обрабатывали» молдавский «парламент», склоняя его к «добровольному воссоединению».

Если верить дифирамбам И. Жаля по поводу этого события, то произошло оно так: «Все 140 членов «Сфатул Цэрий» были вдохновлены развернувшимися по вопросу об объединении дискуссиями, текст декларации господина Маргеломана – премьера

Румынского королевства выслушали стоя, с энтузиазмом аплодируя». Ну а если не по репортажу платного апологета, а по действительности? Хотя бы такой, как её описывает А. И. Деникин: здание «парламента» было окружено румынскими войсками, румынские солдаты заняли сам зал заседаний «Сфатул Цэрий», декларация Маргеломана звучала, как ультиматум.

Ожидавший в соседней комнате Маргеломан в нетерпении возмущался: «Чего они тянут резину? Неужели думают, что вопрос объединения решается сейчас?! Он давно уже решен и не здесь, а в Бухаресте!»

Но и в этой обстановке, когда декларация была поставлена на голосование, крестьянская фракция «Сфатул Цэрий» бурно протестовала против диктата. Вот тогда-то и были выведены румынскими солдатами из зала председатель и два его заместителя, – по тогдашней терминологии, – «товарища», и вскоре – расстреляны без суда. В создавшейся суматохе большая часть крестьянской фракции разбежалась, оставшаяся часть «Сфатул Цэрий», как пишет И. Жаля, единогласно проголосовала за объединение (см. там же).

Зачитав декларацию об условиях объединения, Маргеломан и его свита удалились в штаб-квартиру пятого румынского армейского корпуса, где его командир генерал Истрати дал обед в честь высоких гостей.

«День был солнечный, – пишет И. Жаля, – и пока шел торжественный обед, в синем небе пять румынских самолётов демонстрировали кишинёвцам пилотажное мастерство...(А может быть, ещё и таким способом брали бессарабцев на испуг?)».

Пока румынский премьер с министрами и генералами «обмывали» насилие, учинённое над Бессарабией, в «Сфатул Цэрий» продолжалось «выкручивание рук», «вымучивание голосов» депутатов. В итоге: восемьюдесятью четырьмя голосами «за», тремя «против» (эти трое смельчаков вскоре были расстреляны оккупантами), при тридцати шести воздержавшихся было проголосовано объединение Бессарабии с Румынией, что и было сообщено Маргеломану. Сумерки девятого апреля спускались на Кишинёв, когда вышеупомянутый кортеж машин в сопровождении двух эскадронов румынской королевской кавалерии (Гвардия), проследовали к «Сфатул Цэрий», где Маргеломан именем румынского народа и короля объявил объединение свершившимся...

По тем временам «Акт» от 9 апреля 1918 года явился в результате самого позорного и неизвестного в истории других парламентов давления на свободное волеизлияние депутатов. В

промежутке между 13 января 1918 года – дня вступления румынских войск в Кишинёв, – и 27 марта (9 апреля) 1918 года по приказу командующего румынскими войсками в Бессарабии генерала Броштяну были расстреляны депутаты «Сфатул Цэрий», принадлежащие к противникам присоединения Бессарабии к Румынии: Катарос – лидер «Сфатул Цэрий» из крестьянской секции, Чумаченко – заместитель министра земледелия, Панцирь – член крестьянской фракции и зам. министра земледелия, Праховицкий – заместитель военного министра, Рудьев – Бельцкий комиссар.

Все казненные, за исключением Чумаченко, – молдаване. Опасаясь расправы, вынуждены были бежать из Бессарабии все депутаты от социалистических партий. Таким образом, на заседании 9 апреля отсутствовали все депутаты – противники присоединения Бессарабии к Румынии.

Печать получила приказ не печатать ничего, что выражало отрицательное отношение к оккупации Бессарабии». (См. Стахи В.: «История Молдовы в датах». Стр. 254. Кишинёв, 1998 г.).

Протестов против грубого и незаконного акта захвата Бессарабии Румынией было много: учащиеся и учителя старших классов бессарабских гимназий, солдаты и офицеры многих воинских частей – молдавских и русских войск в Бессарабии, депутатов, избранных в Учредительное собрание, многих организаций разнообразной российской эмиграции... (См. архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 125, оп. 3-«а», д. 3, папка 9, л. 13).

Были и одобрения акту присоединения: пылкое одобрение выразили многие земства, в которых заседали в основном молдаване, например, Сорокское. Но это было их «лебединой песней» – вскоре земства в Бессарабии были ликвидированы румынской администрацией Бессарабской провинции...

Ещё более цинично и грубо было покончено с крайне эфемерной автономией Бессарабии. Произошло это 10 декабря 1918 года.

Далеко за полночь шло заседание «Сфатул Цэрий», обсуждавшее аграрный вопрос, точнее – законодательство... Число депутатов быстро уменьшалось...

И вдруг, без всякого предупреждения, председательствующий Пантелеймон Халипа начал зачитывать резолюцию о безоговорочном присоединении Бессарабии к Румынии в качестве рядовой провинции без какого-либо намёка на автономию. В это время в зале находилось всего 46 депутатов. Часть из них стала

аплодировать, заглушая вопросы председательствующего: «Кто против?», «Кто воздержался?». «Принято единогласно», – заявил он. Между тем, многие депутаты из состава крестьянской фракции протестовали, просили слова для заявления. Председательствующий П. Халипа слова никому не дал, и, таким образом, при полном отсутствии кворума депутатов «Сфатул Цэрий», акт присоединения был сочтён утверждённым.

В поднявшейся неразберихе и в полутьме, – было пять часов утра, – десять депутатов сбежали (и вскоре оказались в Одессе).

А Халипа вызвал по телефону генерального комиссара королевства по Бессарабии, генерала Вайтояну и тот зачитал указ короля Фердинанда I о роспуске и прекращении деятельности «Сфатул Цэрий». Так Румыния стала Великой (Романия Маре), но Бессарабия в королевстве не стала даже его рядовой провинцией – за Прутом был Регат – королевство, Бессарабия в нём стала чем-то вроде протектората, а практически – колонией. Генерал же Вайтояну, зачитав королевский указ, прихватит 28 послушных депутата – бывших депутатов бывшего «Сфатул Цэрий», – на торжественный обед в честь «исторического» события. Откушав и как следует обмыв его, компания во главе с генералом отправилась к памятнику императору Александру I у подножья Митрополичьего холма и к памятнику императору Александру II на Рышкановке и с помощью румынской солдатни свергла их...

А в Бессарабию мощным потоком хлынули румынские чиновники, жандармы, армейские полки и дивизии, комиссариаты и кестуры сигуранцы.

Все они хотели Бессарабию, но «Бессарабию без бессарабцев!»

Эта кровавая история в очередной раз подтвердила, что сложившаяся в средневековой Мунтении традиция предавать не только своего внешнего союзника, но и свой собственный народ – перемётываться в лагерь врагов, стала и традицией Румынии. (Карол I, предав своего российского союзника, которому обязан освобождением от турецкого ига, – заключил союз против России с Австро-Венгрией и Германией. Эти союзники были преданы Румынией, когда в 1916 году Румыния примкнула к Антанте с тем, чтоб в 1918, предав Россию, захватить часть и её территории).

А впереди будет ещё союз с Гитлером против Сталина в 1941-м и союз со Сталиным против Гитлера в 1944-м. Ну, а в наше время союз с НАТО. Стоит ли напоминать, что такие выверты правителей Румынии приводили Румынию и её народ в лучшем случае к разбитому корыту...

БЕССАРАБИЯ – КОЛОНИЯ «ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ» (начало: 1918 – 1924 годы)

Если почитать объёмистые труды – «Историю Бессарабии» И. Нистора или А. Болдура, то главы, повествующие о времени румынской оккупации, рисуют идиллическую картину процветания края и благоденствия его жителей под «триколором» «Великой Румынии»...

Между тем, один из первых послевоенных премьеров королевства, отнюдь не либерал и не социалист, а близкий к легионерам и фашиствующим железногвардейцам, Вайда Воевода, о политическом положении в Бессарабии первых же лет оккупации пишет: «Царский кнут был плох, но по сравнению с румынским он – просто игрушка».

Вся реальная власть в Бессарабии была сосредоточена прежде всего в руках военных, а нахлынуло их в край между Прутом и Днестром не менее ста тысяч... Во всех городах и местечках, а также во многих сёлах располагались армейские гарнизоны. Военные трибуналы во главе с кишинёвским чинили суровый суд и жестокую расправу.

Многочисленным был и жандармский корпус: его посты имелись в каждом селе (бессарабцы прозвали жандармов курокрадами, и это был самый мягкий эпитет, которым обзывали этих тупых и жестоких охранников бессарабцы). В городах же и местечках их было целые легионы. А ещё в Бессарабию из королевства присылали самых изощрённых и кровожадных агентов сигуранцы, самых жадных чиновников и бесчеловечных судей. И было всех этих в Бессарабии несметное множество – на каждую тысячу бессарабцев приходилось в среднем 75 военнослужащих, жандармов, агентов сигуранцы, а в «старом королевстве» всего по 25 на тысячу жителей...

Произвол и жестокость румынских властей в Бессарабии не знали предела. Бессарабия превратилась в край, в котором, как признавал румынский полуофициоз, газета «Адевэрул»: «...Любой жандарм, даже если он уголовный преступник,

жулик, или просто идиот, становился одновременно законодателем, судьёй и палачом». Такое положение в Бессарабии своим декретом № 1616 от первого августа 1918 года закрепил сам король Фердинанд I. Этим декретом в крае вводилось военное положение, которое не отменялось практически все 22 года румынской власти. После этого, для описания положения в крае некоторые румынские и зарубежные газеты ввели на своих страницах постоянную рубрику: «В бессарабской колонии».

Даже такие унионисты как П. Халипа, И. Кодряну и им подобные высшие чиновники в «Записках» правительству Румынии уже в декабре 1918 года вынуждены были написать, что в Бессарабии... «За малейшее неподчинение, проявление протеста человека объявляют большевиком, русским шпионом и бьют беспощадно. Согбенных стариков колотят кулаком по лицу за то, что не могут стоять перед чиновником или жандармом навытяжку.

Мы не говорим уже о повальном грабеже, которому подвергается население края».

Вскоре дело дошло до того, что в Бессарабию была направлена парламентская следственная комиссия, в том числе депутат от Бессарабии И. Пеливан и сенатор Е. Попович установили множество фактов ограбления бессарабских крестьян перчепторами, жандармами и просто рядовыми чиновниками из королевства. Что касается жандармских постов и застенков сигуранцы, то в акте от 20.X.1920 года установлено: «Во время допросов в сигуранце заключенных пытают раскалённым утюгом и раскалёнными яйцами под мышку...

Пятнадцатилетнего паренька Филиппа Карайвана агент сигуранцы Ангел пытал раскалёнными яйцами под мышку...

В ножевые раны на ладонях засыпалась соль... И всё это – безнаказанно», – установила парламентская комиссия. Её вывод по результатам расследования: «Население судит о румынах и Румынии по злым служащим, вороватым сборщикам налогов, явившимся из старого королевства.

Для бессарабского крестьянина слова «Румыния» и «румын» стали синонимами слов «враг» и «захватчик». Слово «жандарм» равнозначно слову «палач», а «сборщик налогов» равнозначно «вор»...

И это – далеко не всё, что по горячим следам констатировала комиссия, состоящая не из поклонников советского строя, а, наоборот – из его ненавистников, из тех, кто приложил огромные усилия к тому, чтоб облегчить королевской Румынии захват Бессарабии...

Особенно жестоким был произвол оккупантов на преимущественно русскоязычном юге края. В апреле 1918 года командир первой румынской кавалерийской дивизии своим приказом установил в городе Измаиле и уезде комендантский час – с семи часов вечера до семи утра, кроме того жители Измаильского уезда должны были выдавать властям большевиков и подстрекателей к бунту, не имели права собираться в группы более двух человек. Нарушение этих правил влекло наказание по законам военного времени – вплоть до расстрела. (См. национальный архив Молдовы ф. 2003, оп. 1, д. 31, л. 204). На основании королевского указа № 1616, режим какого угодно террора мог ввести любой военный, или жандармский начальник в любой местности Бессарабии.

Комендант города Вилково, майор Абрамеску в первые же дни оккупации города издал такой приказ: «Вступление моих солдат в Вилково должно принести в город спокойствие и порядок – мы пришли для оказания помощи, без всякой задней мысли, как христиане...» Но в первый же день оккупации города румынское воинство учинило массовое ограбление населения – солдатня забирала, что кому приглянулось во дворах и домах вилковчан, а офицеры забрали 26000 рублей из местного отделения кредитного банка и из кассы кооператива. На жалобы ограбленных майор Абрамеску ответил: «Пусть вилковчане благодарят за то, что обошлось только этим. Ничего не поделаешь, – на то и военное положение». (См. Изм. арх.: Ф. 4, оп. 1, д. 589, л. 31 – 32).

Румынские войска были и той силой, с помощью которой бессарабские помещики накладывали на крестьян, на целые сёла грабительские контрибуции за землю, которую крестьяне получили во время власти советов.

За неуплату в указанный срок следовали жестокие экзекуции, конфискация имущества, нередко – расстрелы...

В селе Еникёй (Новосёловка) на Килийщине латифундисты Койчев и Богданов для того, чтоб собрать контрибуцию с односельчан, также прибегли к помощи румынской армии, призвав взвод солдат во главе с лейтенантом (17 июня 1918 года). Но контрибуция была божеской – по 10 рублей за десятину использованной земли. Эксцесс обошёлся без человеческих жертв. (Сб. документов «Борьба за власть советов в Молдавии» стр. 3000).

В Бессарабии была введена жёсткая цензура – книги, журналы и газеты, все почтовые отправления подвергались тщательному цензурному контролю. Особенно жёстким был цензурный режим в Поднестровьи и в русскоязычных городах и сёлах.

С первых дней захвата Бессарабии румынские власти развернули широкую румынизацию края, которая очень болезненно коснулась русских, украинцев, болгар и других нерумыноязычных – были уволены все учителя, работники культуры, издательств, служащие, не знающие румынского языка, а также все не принявшие румынского подданства, всякого рода вывески допускались только на румынском языке, на улице и в публичных местах предписывалось говорить только по-румынски. (См. сб. док. «Борьба трудящихся придунайских земель...» Документ № 45).

За отказ принять присягу румынскому королю едва избежали расстрела несколько вилковских учителей, восемь килийских, сорок болгарских, а также семь учителей из немецких сёл, один гагауз и пятнадцать молдаван. (См. Изм. арх., ф. 309, оп. 1, д. 31, л. 42 и 263). Не знающие румынского языка чиновники, учителя, агрономы и другие специалисты в лучшем случае становились пахарями, рыбаками, ремесленниками, торговцами...

Румынская оккупация полностью оборвала вековые экономические связи Придунавья, как и всей Бессарабии с Одессой, Николаевом, Херсоном, Киевом, Екатеринославом – с Украиной и Россией в целом. Это чрезвычайно пагубно сказалось на экономике края – всех её отраслях. Мало того, что Румыния была страной малой, она была и крайне отсталой в экономическом отношении, аграрной, как и Бессарабия, страной. Это также отрицательно сказывалось на экономике Бессарабии.

С первых же дней румынской оккупации Придунавье, как и вся Бессарабия, подверглось невиданному ограблению.

Вначале это осуществлялось с помощью немецких и австрийских войск – методически, до последнего зёрнышка. После разгрома германского блока к дикому грабежу приступили войска Антанты: английские, французские, греческие и, разумеется, румынские. Каждая сторона спешила награбить как можно больше. Иногда состязание в грабеже доходило до перестрелки между конкурентами. В килийском порту такое произошло между французами и греками...

(См. Изм. арх., ф. 309, оп. 16, д. 23, л. 6).

Грабители, вывозящие бессарабский хлеб, баснословно наживались: за вагон овса бессарабским землевладельцам платили 4000 лей, на бухарестской зерновой бирже это же зерно перепродавалось за 300000 лей. За продажу зерна в голодающую Германию немецкий маклер Грош получил 650000 лей, а румынский министр Манойлеску – взятку в миллиард лей...

На страницах румынской прессы того времени сколько угодно подобной информации.

Организовать ограбление бессарабских крестьян было одной из главных обязанностей высшей администрации края. Среди многих документов об этом свидетельствуют и приказ № 36 генерального комиссара Бессарабии, генерала Вайтояну от 2 сентября 1918 года, которым предписывалось: «Земледельцам обязательно сообщать властям количество зерна и прочих сельскохозяйственных продуктов, полученных от нового или старого урожая, или приобретённых каким-либо иным путём.

О неубранных сельскохозяйственных продуктах должно быть сообщено не позже 10 дней со дня окончания уборки.

Необходимое для нужд каждой семьи зерно ни в коем случае не должно превышать 30 пудов.

Лица, представившие заявления, не соответствующие действительности, наказываются штрафом в 500 – 5000 лей, или тюремным заключением до 6 месяцев. Укрывающие зерно и прочие продукты в ямах, потайных складах подвергаются штрафу 2000 – 20000 лей или тюремному заключению до одного года с конфискацией всего зерна.

Агенты короля, обнаружившие нарушения, получают денежную премию в 25% от суммы наложенного штрафа».

Килия и при румынской власти осталась крупнейшим на Дунае экспортёром зерна, но количество экспортируемого хлеба, как и в целом, грузооборот килийского порта уже в первые 10 лет оккупации сократились в 4 раза по сравнению с довоенными показателями, как свидетельствуют даже «Статистические ежегодники» Румынии. Резко сократился объём торговли Старого и Нового рынков Килии, перестали действовать Покровская и Николаевская ярмарки Килии. До 1922 года килийцы могли пользоваться лишь услугами банков в Измаиле, Кишинёве, Галаце, Тульче, Бухаресте и только в 1922 году в Килии открылся филиал кишинёвского банка «Бессарабия».

Не избежала опустошительного ограбления и деградации и без того слабо развитая промышленность края.

Оккупанты вывезли из Килии закупленное в Италии оборудование элеватора, который предполагалось строить, наиболее ценное оборудование и плавсредства килийского и вилковского портов, килийской, вилковской и жебриянской военно-морских баз, вилковского рыбозавода, килийских коньячно-водочного и пивоваренного заводов, резко снизился объём производства кирпича и черепицы, которыми славилась Килия и Кара-Мехмет.

За 22 года румынской оккупации ни Бессарабия в целом, ни один из её регионов, в том числе Придунавье с Килией, так и не вписались в румынский национальный производственный комплекс даже как сырьевая база, подвергаясь лишь хищнической эксплуатации...

Главное богатство Бессарабии, особенно Придунавья – плодороднейшая в мире земля. Вкупе с теплом, светом и Дунаем – она бесценна!

Полторы сотни крестьянских бунтов, Бендерское и Хотинское восстания убедили оккупантов, что забрать у крестьян землю силой и всю сразу, как хотелось, не удастся – опасно. Тогда была придумана грабительская аграрная «реформа». Даже для старых бессарабских помещиков по сравнению с помещиками из «старого королевства» она была неравноправной.

Согласно положения о реформе, помещичье владение в Бессарабии ограничивалось ста десятинами пахотной земли, в то время как в «старом королевстве» поместье могло включать до пятисот десятин пашни.

Реформа обещала крестьянским хозяйствам Бессарабии пять – семь десятин прирезанной земли. Таким образом, в земельный фонд реформы в Бессарабии отчуждались помещичьи пахотные земли сверх стодесятинной нормы, земля, полученная крестьянами от Советской власти, земли тех владельцев, которые бежали от оккупантов или отказались принять присягу румынскому королю, – это были преимущественно русские и украинцы.

Отчуждалась значительная часть монастырских и церковных земель (на каждого монаха или монахиню монастырям оставлялось по полдесятины пахотной земли). Не отчуждалась земля под садами и виноградниками, тем самым помещикам, церквям и монастырям представилась возможность крупных махинаций с землёй – у них, как по мановению волшебной палочки, появились огромные сады и виноградники...

Так, или иначе, в «земельном фонде» реформы оказалось более миллиона десятин пахотной земли Бессарабии.

Целью реформы была, прежде всего, РУМЫНИЗАЦИЯ земельной собственности в Бессарабии, поэтому зёмлей в первую очередь наделялись хлынувшие из Румынии новые «хозяева»: офицеры, полицейские, жандармы, агенты «сигуранцы», священники, учителя (преподавание в школах, служба в церкви переводились на румынский язык), огромная орава чиновников. Священники наделялись землёй бесплатно, офицеры армии, жандармерии, полиции, сигуранцы, учителя – за мизерную

плату 10 – 20 лей за десятину. Часто они эту землю тут же отдавали в аренду по цене 1500 – 2000 лей за десятину на год...

Помещики, у которых в фонд реформы отчуждалась земля, в накладе не остались, величина выкупных платежей за эту землю определялась такой, чтобы деньги, положенные в банк, с лихвой перекрывали дореформенные доходы помещиков с отчуждённой земли.

Особые льготы при наделении землёй получили депутаты «Сфатул Цэрий», голосовавшие за присоединение Бессарабии к Румынии – по 150 и более десятин бесплатно, по 50 десятин получали те, кто на местах поддерживали «добровольное» объединение... Крестьяне же, в пользу которых якобы и проводилась реформа, получили наделы в 2 – 3 раза меньше тех, что им было обещано по цене от 1100 до 2000 лей за десятину. Цена земли на островах Килийской дельты была в несколько раз выше, чем в степи, нормы наделов в несколько раз меньше. Крестьяне-недоимщики и несвоевременно платящие выкупные суммы наделов лишались. Реально осуществление реформы затянулось местами на полтора десятка лет, что, естественно, создавало дополнительные возможности для всевозможных махинаций с землёй в пользу тех, кто реформу осуществлял. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы крестьян и донесения агентов «сигуранцы». Типичный пример такого сообщения агента № 762 килийской бригаде сигуранцы: «При обходе мною участка в коммуне Галилешты получены следующие сведения: в коммунах Галилешты, Нерушай, Корячка, Дракуля, Кара-Мехмет население крайне негодует на незаконный образ действий лиц, состоящих во главе крестьян во время наделения их землёй, вроде агронома Оцелия и его администраторов Фетова, Круглика и других, так что больше земли получили господа агроном, администраторы, писаря коммун, перчепторы, учителя и богатые землевладельцы, а не крайне нуждающиеся пахари». (См. Изм. арх., ф. 555, оп. 1, д. 1, л. 31). Вдова солдата, погибшего на фронте I Мировой войны, Чебанова Матрёна свои два гектара получила в солончаковой степи в 1928 году, а крестьянин села Кара-Мехмет Фаддей Исаченко свой надел смог получить только в 1938 году в топях Стенцовских плавней, зато 4 десятины. (См. архив Килийского музея).

И всё же, даже посредством грабительской земельной реформы оккупанты не смогли изъять у бессарабских крестьян всю землю, полученную ими от Советской власти по декрету «О земле». И тогда была проведена ещё и т. н. Генеральная ревизия земли, которой владели бессарабские крестьяне, в ходе которой у

крестьян было обнаружено и изъято в государственный фонд ещё несколько сот тысяч десятин «лишней» земли... В конечном итоге и эта земля досталась в основном румынам, прибывшим из «старого королевства»...

В итоге земельной реформы и ревизии, осуществлённой оккупантами, пахотная земельная площадь, которой владели крестьяне, сократилась на 782 тысячи десятин, у крупных же землевладельцев дополнительно оказалось 630 тысяч десятин пахотной земли, число помещичьих имений возросло на 4480. В основном это были «новые помещики», которыми стали прибывшие из «Старого королевства» офицеры, священники, учителя, чиновники и просто ловкие аферисты. У этих «новых» согласно «Статистическим ежегодникам Румынии» оказалось уже в 1923 году 352619 десятин земли. В Килии такими «новыми» стали адвокат Граур, примари Секэрян и Зак и некоторые другие, а несколько «потесниться» пришлось наиболее крупным землевладельцам из Фридрихсдорфа, Парапор, Кара-Мехмета...

В целом же сельское хозяйство края уже в первое десятилетие румынской оккупации сильно деградировало, о чём свидетельствуют те же «Статистические ежегодники». Так средняя урожайность пшеницы снизилась с 11 центнеров с десятины до 7,4, а кукурузы с 12 центнеров до 9,3. Резко уменьшилась в крае площадь посевов под сахарной свеклой, подсолнечниками, коноплей, а также под садами и виноградниками, значительно сократилось поголовье крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, которыми раньше славилась Бессарабия, более трети крестьянских хозяйств стали безлошадными и бескоровными, а значит, эти семьи были обречены на нищету и голод.

Главные пособники в деле захвата Бессарабии Румынией стали важными пособниками в деле ограбления бессарабцев. В «Великой Румынии» бывший председатель «Сфатул Цэрий» И. Инкулец стал сенатором, как и бывший вице-председатель этого органа П. Халипа. По возвращении с торжеств в Алба Юлия, где и было провозглашено образование «Великой Румынии», эти соучастники великого предательства бессарабцев возглавили т. н. «Касса ноастрэ» – орган, ведавший осуществлением земельной «реформы», – естественно, что их собственные имения и другие владения от этого возглавления на много увеличились, как и владения бывшего премьера пресловутой Народной Молдавской республики Чугуряну.

К тому же в благодарность за неоценимые услуги бухарестские его хозяева возвели Чугуряну в ранг министра и назначили

главным координатором деятельности бессарабских высших колониальных властей...

Наиболее же эффективным, постоянно действующим механизмом ограбления Бессарабии и её трудового народа была налоговая система Румынии. Она предусматривала налоги общегосударственные и коммунальные, прямые и косвенные. Кроме поземельного, на движимое и недвижимое имущество, на содержание армии, за каждую голову скота, на землю под жильём, за любое строительство, отдельно – за глину, за полив, хотя никаких централизованных, тем более государственных поливных систем не было и в помине. Поливали вёдрами вручную, из ерика-вадки – дедовским способом, в лучшем случае – допотопным «дулапом», приводное колесо которого двигала, ходя по кругу, старая кляча или ослик, за проезд по госдорогам тоже взимался налог. Кроме старой, Аккерман – Измаил, в начале тридцатых годов появилась в Килийской волости – пласе новая: Килия – Кара-Мехмет...

Платили налог не только за проезд по суше, но и по реке.

Высокими были косвенные налоги за товары широкого потребления: соль, спички, сахар, мыло, керосин, табачные и винноводочные изделия.

Казалось, время повернуло вспять – в средневековье, ибо восстановлена была феодальная десятина – «дижма» – десятая часть дохода со всего хозяйства, «вама» налог на товары, перевозимые через Дунай и Прут и привозимые на рынки, «базарные» само собой, их часто взимали откупщики со страшными наценками. А ещё были налоги за установку памятников на могилы и за право венчания – венчило. Без уплаты этого налога венчание было невозможно, а значит, брак недействительным... Вооружённая рыбоохрана жестоко преследовала самовольный лов рыбы на реках, озёрах и лиманах, а пойманную по дорогому разрешению полагалось отдавать на специальные рыбоприёмные пункты – «кирганы» за бесценок...

Налоговый аппарат в Румынии для Бессарабии подбирался особо – как для колонии. Перчепторы – главные сборщики налогов в волостях, их агенты в городах, в деле сбора налогов были жестокими, беспощадными, и невероятно жадными, не останавливались перед применением военной силы – полицейских, жандармов, офицеров и солдат. Нередко в сёла направлялись для сбора налогов целые карательные отряды, стычки с которыми для крестьян кончались трагедией. Огромные штрафы, конфискация имущества с его последующей продажей с молотка и про-

сто грабёж в ходе сбора налогов были явлением обычным. Любое сопротивление крестьян при этом беспощадно и жестоко подавлялось.

Документы архивов отмечают множество случаев подобного рода. В селе Павловка Аккерманского уезда в 1922 году жандармы отрубили руку крестьянину Афанасенко только за то, что он оттолкнул жандарма, незаконно отобравшего имущество хозяина, в сентябре 1924 года ещё более трагическим был случай в селе Николаевка Измаильского уезда – жандармы убили крестьянина Ткаченко, что, как известно, явилось поводом к Татарбунарскому восстанию.

С каждым годом оккупационный режим в Бессарабии становился жестче, особенно на преимущественно русскоязычном юге края, что, естественно, вызывало нарастающее сопротивление бессарабцев, возрастала и организованность этого сопротивления, в чём, видимо, сказывалась и близость такого центра, как Одесса...

В конце 1918 года по решению Первой конференции Одесской окружной организации Компартии большевиков Украины в Измаиле была организована подпольная коммунистическая организация, активными бойцами которой были А. Клюшников, Т. Филипенко, М. Кольцов-Бежанович, М. Шишман, – все с немалым стажем подпольной работы. Вскоре партийные ячейки возникли во многих населённых пунктах Придунавья, в том числе в Килии, Фурманке, Вилково... В ноябре 1921 года для руководства движением сопротивления, в том числе для руководства вооружённой борьбой в Бессарабии был создан Центральный комитет боевых организаций Бессарабии. Его Южно-Бессарабские формирования составляли Южную боевую организацию, которой руководили И. Платов – председатель Вилковского ревкома в 1917 – 1918 годах, К. Орловский – опытный, храбрый командир, мужественный, несгибаемый А. Гуров, И. Галузинский – сын казака и молдаванки, беспредельно преданный делу борьбы за освобождение Бессарабии от румынских оккупантов, заслуживший у боевых товарищей романтичную кличку «Вечный революционер», чья судьба очень схожа с судьбой главного романа Войнич «Овод»...

Много славных боевых дел на счету у Южной боевой организации... Одна из самых дерзких операций её – налёт на штаб-квартиру аккерманской сигуранцы... Под вечер 29 ноября 1921 года к городу подошла группа румынских жандармов, которая конвоировала арестантов. Прохожие в страхе шарахались от конвоя, тем более, что один из «жандармов» грозно покрикивал:

«К арестантам не подходить!» Конвой беспрепятственно подошёл к зданию сигуранцы Аккерманского жудеца, молниеносно были сняты часовые, не успевшие издать ни звука. Без лишнего шума были уничтожены жандармы и агенты сигуранцы, находившиеся внутри здания, забрано много оружия и документов. В кабинет начальника внесли мешок с динамитом, от него протянули и зажгли бикфордов шнур. Отряд мстителей был уже за городом, когда прогремел мощный взрыв – от здания сигуранцы остались одни развалины... А на стенах ближайших домов аккерманцы читали листовки, текст которых гласил: «За кровь каждого рабочего и крестьянина погибнут десятки румынских кровопийц и разбойников. Неминуемая смерть ждёт палачей». (См. Изм. арх., ф. 586, оп. 1, д. 403, л. 542).

Документы Измаильского коммунального архива и Национального архива Молдовы отмечают десятки боевых стычек партизанских групп Бессарабии с оккупантами, диверсии на железной дороге, поджоги складов с военным имуществом и продовольствием, имевших место в 1918 – 1924 годах.

Архивные документы также отмечают действия «летучих флотилий» народных мстителей в дунайских и днестровских плавнях.

Румынские войска направлялись в сёла Бессарабии, особенно её юга, на подавление вооружённых выступлений крестьян в 1921 году 22 раза, в 1922 – 52 раза, в 1923 году – 46 раз.

С самого начала румынской оккупации многонациональная рабоче-крестьянская Килия, её волость, рыбацкий Вилково доставляли оккупантам много неприятностей. Прежде всего, это были забастовки килийских грузчиков. Как следует из донесения шефа килийской бригады сигуранцы, утром 22 ноября 1919 года, возчики города, – около полутора тысяч человек, – объявили часовую забастовку, требуя повышения зарплаты... (См. Изм. арх., ф. 555, оп. 1, д. 83, л. 31). Направленные в Кишинёв и Измаил донесения от 18 августа 1920 года шефа килийской бригады сигуранцы сообщают не только о новой забастовке килийских возчиков, но и о том, что бастующие организовали на соборной площади многолюдный митинг, перед которым вожаки бастующих выступали и говорили на русском языке. Прибывшего на митинг шефа килийской сигуранцы Р. Стэнеску рабочие избили и заставили спасаться бегством. (См. там же: листы 7 и 8). А забастовка продолжалась и нанесла хлеботорговцам большой ущерб, – хлеботорговцы наняли даже штрейкбрехеров-грузчиков и солдат из Килии старой...(См. там же, стр. 36).

Долгое время килийские, как и все румынские портовики не имели своего профессионального союза и были беззащитными не только перед хозяевами и властями, но и перед вэтафами – верховодами артелей грузчиков и возчиков, которые бессовестно обирали работяг. Вэтафы часто были и владельцами лавок, в которых грузчики и возчики – кэрущаши были в неоплатном долгу за взятые товары. Точно также, вэтафы были и владельцами кабаков, в которых артели грузчиков и возчиков пропивали заработанные деньги, даже не донеся их до дома, до семьи... Такая «система» как нельзя лучше устраивала портовые власти – «кэпитанию» и власти государственные, а также хлеботорговцев и судовладельцев. И вот в результате огромной работы, проведённой коммунистами и социалистами, большую часть портовых рабочих Румынии удалось объединить в профсоюз, который назывался «Союз рабочих портовиков Румынии». (В противовес ему хозяева и власти почти тут же организовали штрейкбрекерский профсоюз «Национальный союз рабочих и ремесленников Великой Румынии», но трудовые массы быстро раскусили его суть...). В том же 1922 году 857 возчиков и 657 грузчиков килийского порта организовали свой собственный «Союз портовиков». Профсоюз этот установил твёрдые ставки за работу, строго следил за тем, чтоб в случае безработицы, – а такое случалось часто, – грузчики и возчики работали по графику, из которого никто не выпадал бы, естественно, профсоюз оказывал материальную помощь остро нуждающимся. Власти и хозяева чаще всего вынуждены были считаться с порядками, установленными рабочей организацией! С 1922 по 1932 год председателем профсоюза килийских портовиков избирался известный в городе общественный деятель, доктор Ф. Салакин, – либерал по партийной принадлежности и депутат парламента... Со временем в этот профсоюз вошли почти все грузчики и кэрущаши.

Профсоюз завёл на своих членов расчётные книжки, с чем вынуждена была согласиться и капитания порта. На улице Казино (ул. Полины Осипенко) профсоюз портовиков приобрёл дом для своего офиса и кассы, был там и своеобразный, первый в Килии, рабочий клуб. (Сейчас этого здания нет, а в советское время был РДК).

Активными профсоюзными деятелями, борцами за интересы рабочих, если судить по гражданским и полицейским архивным документам были Сила Пономаренко, Стелиан Лупашко, Митрофан Цыпа, Пётр Швайгель, Авраам Хлебников, Пётр Килияну, Герасим Харитонов, Алексей Брегой, Иван Афенди, Фёдор Соко-

лов, Василий Романов, Фёдор Герлажи, Михаил Соловьёв, чьи имена часто фигурируют в гражданских, полицейских архивных документах и в документах сигуранцы...

Тогда же небольшая профсоюзная организация возникла и в порту Вилково – всего 18 человек, отмечают документы.

Практически на протяжении всего периода румынской оккупации в дунайских плавнях действовали своеобразные группы сопротивления и самообороны. Видимо, они были переменного состава и в них приходили те, кого преследовала власть, – рыбаки, не имеющие разрешения на лов рыбы, уклоняющиеся от службы в румынской армии, беднота из числа недоимщиков...

Оружие? От топоров и вил, до ружей и наганов в лучшем случае, но рыбоохрана и жандармы избегали встреч с людьми их вожака Терентия. Об отважном, осторожном неуловимом Терентии – народном защитнике среди старожилов Килии до сих пор ходят легенды; наш земляк, поэт Емилиан Несторович Буков, в автобиографической книге «Молодость в пламени» (Кишинёв, 1982 год, стр. 8 – 9) говорит о нём, как о человеке, которого видел воочию.

Поэт посвятил земляку своему – народному герою поэму «Терентий», строчки которой утверждают: «От Терентия дрожат куроловы все подряд». А куроловами – похитителями крестьянских курей, да и не только курей – бессарабцы называли румынских жандармов.

Румынские власти, видимо, пришли к выводу, что отдельными карательными экспедициями и даже массовыми арестами с нарастающим движением сопротивления в Бессарабии, особенно на её беспокойном юге, не покончить – надо применить крупные формирования регулярной армии, как в 1907 против массового крестьянского движения, – иначе, пожалуй, и Бессарабию не удержать... Поэтому усиленно заработала агентура сигуранцы, стремясь проникнуть в среду подпольщиков, а гарнизоны в городах края увеличились.

К началу 1923 года руководимый А.И. Клюшниковым Южревком – один из трёх в составе Южно-Бессарабской боевой организации из-за того, что Измаил оказался наводнённым агентами сигуранцы и войсками перебрался в Татарбунары. В руководство этим ревкомом влились бывший потёмкинец Ф.В. Бальц, участники восстания под руководством лейтенанта Шмидта – Ф.А. Коваль, А.Л. Осадчук. Южревком установил тесную связь со всеми местными ревкомами Южной Бессарабии, в том числе и с ревкомом Килийского подрайона, руководимым М.Г. Денисовым и И.С. Соловьёвым.

Эти прибывшие с фронтов Первой Мировой войны большевики работали среди рабочих, рыбаков, крестьян, отбирая из их среды будущих бойцов.

А в доме преподавателя гимназии, Стериополо Ивана Ивановича и его жены Ольги Иосифовны собиралась молодёжь: гимназисты Анатолий и Валентин – сыновья хозяев дома, их товарищи по гимназии – Корней Митрофанов, Борис Чебанов, блещущий начатками многих талантов сын огородника Нестора Быкова, – Емелиан, их коллега ещё по начальной школе сын плотника, – Шая Дижур. Уютно светила керосиновая лампа, шумел поставленный хозяйкой самовар... Е.Н. Буков пишет: «Слушая нашего учителя, мы побывали у подножья пирамид, в дальних странах, на морях и океанах и даже на других планетах... Неизгладимое впечатление на всю жизнь на нас произвели произведения Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Маяковского, с которыми мы впервые познакомились в той комнате с окном в сад...» Прирождённые воспитатели, Иван Иванович и Ольга Иосифовна, способствовали развитию талантов своих иных друзей – из Бориса Чебанова вышел хороший художник, чьи полотна отражают красоту родного края, а юный Миля Быков стал замечательным поэтом и писателем, Емелианом Буковым и почти все они – убеждёнными борцами-антифашистами... Через многие и многие годы, многие из них, пройдя застенки Жилавы, Галаты, Дофтаны, подарив человечеству свои трудолюбие, способности, таланты, доброту, будут называть Ивана Ивановича Стериополо своим учителем, а Ольгу Иосифовну – второй матерью...

Но квартира И.Н. Стериополо была не только своеобразным небольшим молодёжным клубом, нередко бывала она и явочной квартирой для революционного подполья города и округи и штабом Ревкома Килийского подрайона, как и курень Нестора Быкова в центре обширного его огорода на острове Малый Степовой в том месте, откуда было рукой подать и до романтичных островов Катеньки и Машеньки. И ставший легендарным, но реальным Терентий часто наведывался в этот курень...

А обстановка в Бессарабии, особенно на Юге, становилась не то, что с каждым годом – с каждым месяцем всё напряжённее. Свирепствовали оккупанты – грабили, пытали, убивали, провоцировали...

В той же мере нарастало и сопротивление оккупантами, организованность бойцов. Свой существенный вклад в это дело вносил и ревком Килийского подрайона, руководимый Игнатом Савельевичем Соловьёвым («Грозным»), таким в то время был его подпольный псевдоним!

БУДЖАК В ОГНЕ
(Татарбунарское восстание 1924 года)

Румынские короли, их правительства всегда презирали румынский народ, опасались его и при малейшей угрозе себе со стороны этого народа, не задумываясь, бросали против трудящихся не только сигуранцу, полицию, жандармерию, но и армию, приказывая ей не жалеть патронов, да что там патронов – снарядов, которые избегали расходовать даже на маневрах... Так было в старом королевстве при подавлении крестьянского движения в 1907 году, так было и потом, в двадцать девятом: шахтёров Лупен не только расстреливали, даже под зёмлей, но и травили боевыми отравляющими веществами. А в 1933 король Кароль II лично приказал стрелять в бастующих железнодорожников Гривицы. Рядом с рабочими были их матери, жёны, дети и пули косили всех, а штыки вонзались и в детские тела. И это в столице, недалеко от королевского дворца!

Что тогда говорить о «бессарабской колонии»?!

К 1924 году для подавления нарастающего антиоккупационного движения в ней заранее тщательно подбирались силы – отборные силы сигуранцы, жандармерии, регулярной армии во главе с самыми жестокими командирами и начальниками, разрабатывались изощрённые провокации, готовились планы. Что касается антиоккупационного движения в Бессарабии, то оно страшило оккупантов не только тем, что могло лишить старых и новых хозяев имений и всего награбленного в крае, а и тем, что могло поставить под вопрос само существование захватническим путём сколоченной «Великой Румынии».

Причины для восстания накапливались все годы румынской оккупации. Образно их можно выразить словами стихов:

Засыхали буджакские степи,
Засыхали поля без воды.
Бессарабца позорные цепи
Довели до последней нужды –
Хуже бед не бывало, пожалуй,
Со времён татарской орды...
Всё и вся пожирал, как пожар,
Произвол кровожадных бояр.

Так или иначе, в конце 1923 года Южнобессарабский ревком (А.И. Клюшников, И.Л. Глатов, И.Н. Батищев и другие), учитывая опасность стихийного, преждевременного выступления масс против оккупантов и стремление последних спровоцировать и в упреждающем порядке подавить таковое, принял решение тщательно готовить общее вооружённое восстание. Это стало главной целью всех трёх ревкомов юга Бессарабии – Измаильского, Аккерманского и Кагульского и их подрайонных ревкомов, в том числе Килийского, руководимого Игнатом Савельевичем Соловьёвым (подпольная кличка «Грозный»). Их боевые отделы должны были: собрать и распределить оружие, имеющееся на местах, организовать доставку оружия из-за Днестра и распределить его по подрайонам, сформировать боевые отряды и наладить их боевую подготовку.

Отделы связи ревкомов должны были организовать устойчивую надёжную связь между собой, с ревкомом сёл и подрайонов, с их боевыми группами. Эти последние, в свою очередь, выделяли людей для связи с Южревкомом и его тремя ревкомами.

Отдел разведки должен был организовать непрерывную разведку с целью получения достоверных данных о сигуранце, жандармерии, полиции, особенно о дислокации и передвижении частей и подразделений армии...

При подготовке вооружённого восстания на юге Бессарабии особое внимание надлежало обратить на привлечение в отряды молодёжи и её боевую и политическую подготовку.

По готовящемуся плану, восстание должно было начаться неожиданно, повсеместно, с захвата учреждений, связи, сигуранцы, жандармских участков, тюрем, армейских штабов и казарм...

Местные ревкомы должны были создать милицейские формирования для охраны общественного порядка, недопущения мародерства и порчи имущества. Подготовку восстания надлежало вести основательно, неспешно, начинать его организованно, по единому сигналу.

Один из главных вопросов – источники оружия и боеприпасов. Какое-то его количество имелось у населения (охотничье и оставшееся после войны), значительное количество оружия и боеприпасов доставлялось из-за Днестра (каждый ревком имел свои тайные склады оружия и боеприпасов). Доставка оружия и боеприпасов из-за Днестра поручалась наиболее опытным бойцам – подпольщикам юга Бессарабии и агентам из-за Днестра. Проверенные, опытные подпольщики устраивали тайные склады оружия и охраняли их.

Массовое же вооружение повстанцев в ходе самого восстания предполагалось осуществлять за счёт оружия, захваченного у врага.

А.И. Клюшников полагал, что успех восстания может быть гарантирован организованным выступлением сил повсеместно созданных местных ревкомов в сёлах – их боевых групп.

Ревком килийского подрайона (в общем волости) во главе с И.С. Соловьёвым, М.Г. Денисовым, И.И. Стериополо, Е.Г. Коваленко в деле подготовки восстания был одним из самых активных. Транспорт с оружием и боеприпасами из-за Днестра в Килию, Вилково, Нерушай, Галилешты, Жебрияны не раз доставлял бесстрашный подпольщик, Иван Никитич Галузинский, заслуживший кличку «Вечный революционер». Однажды по дороге в Килию его транспорту с оружием пришлось смешаться с цыганским табором, но груз был доставлен по назначению...

И.Н. Галузинский доставлял из-за Днестра не только оружие и боеприпасы, а и инструкции, листовки, литературу, директивы. Они, как правило, торопили и многое обещали, прежде всего – помощь из-за Днестра... Не секрет, что тогда там, за Днестром, многие горячие головы ещё грезили о новом вале «мировой революции». В Заднестровьи от Бирзулы (Котовска) до Овидиополя сверкал на манёврах шашками конный корпус Котовского. Его командир грозился стремительным броском не только освободить от румын Бессарабию, но и дойти до Бухареста. В Тирасполе для того же вострила граненые штыки Бессарабская дивизия начдива Гарькавого. В ней, как и в кавкорпусе Котовского, было немало бессарабцев, в том числе аккерманцев, измаильцев, болградцев, жаждущих освободить от оккупантов родной край. Всё это не могло не быть известно румынам, и они решили сыграть и на этом в стремлении упредить восстание на юге Бессарабии...

А.И. Клюшников, И.Л. Платов, И.Н. Батищев, как и большинство членов подчинённых им ревкомов, в том числе и И.С. Соловьёв, М.Г. Денисов, И.И. Стериополо верили в то, что если покрыть всю Бессарабию сетью крестьянских ячеек в сёлах, рабочих групп в городах, широкой агитацией разъяснить сущность советской власти, тогда ревкомы смогут взять власть в свои руки, «тогда мы сможем сказать, что достойны советской власти, что мы её завоевали собственными руками». (Журн. «Коммунист Молдовы» № 11, 1966 г.). Ревком болградского подрайона заглядывал ещё дальше: «Мы, бессарабские болгары, – мост, через который перебросим революционное красное знамя в Добруджу, где гибнут от румынского произвола наши братья». (Газета

«Коммунист» № 1, 1924 г. – орган Центрального бюро болгарской группы Коминтерна). Это призыв отчаяния, надежды и болезнь экстремальной левизны...

Неожиданно подготовка восстания была приостановлена – дипломатические ведомства Румынии и СССР согласились провести конференцию по «Бессарабскому вопросу», т. к. он снова обострился. Почему? Для СССР, в частности, и потому, что установление нормальных дипломатических отношений с Чехословакией и Югославией – союзниками Румынии по «Малой Антанте» – зависело и от нормализации советско-румынских отношений. Для Румынии? Дипломатическая игра на выигрыш времени, в частности, для подготовки к подавлению антирумынского движения в Бессарабии... В марте–апреле такая конференция состоялась в Вене.

Румынская сторона категорически отвергла предложение советской о проведении в Бессарабии плебисцита, в ходе которого бессарабцы решили бы: хотят ли они быть в составе Румынии или СССР, или же желают жить в независимом государстве. Советская сторона, как и всегда, категорически не соглашалась считать Днестр границей между государствами, считая, что это только временная демаркационная линия.

Бессарабцы же очень надеялись на то, что плебисцит будет проведен, и в исходе его в пользу присоединения к СССР не сомневались – по крайней мере, Южревком, отставив подготовку всеобщего вооружённого восстания, организовал большую подготовительную работу по проведению плебисцита. Второго апреля 1924 года румынская сторона от продолжения конференции по «бессарабскому вопросу» отказалась, надолго отодвинув и усложнив решение болезненного «Бессарабского вопроса».

В связи с этим, одно из воззваний антиоккупационных сил Бессарабии гласило: «Наша задача состоит в том, чтобы готовить народ к решительной борьбе. Необходимо объединиться, стать плечом к плечу, собрав воедино всю волю трудового народа в единый могучий кулак и ждать набатного призыва. Час этот уже недалеко, потому что нет больше сил гнуть спину перед румынским жандармом». (См. Национальный архив Молдовы. Ф. 738, д. 4115, л. 47).

Долголетние наблюдения в XIX и XX веках свидетельствуют: в Центральной Европе и в европейской части России испепеляющие засухи, влекущие за собой страшные неурожаи и массовый голод, следовали с промежутками в 10 – 12 лет, в середине этих промежутков бывали годы засушливые с низкими урожаями, но

некоторые запасы от урожайных лет спасали от голодоморов. Благодатная же Бессарабия, как Дон и Кубань, даже в такие засушливые годы голода не знала. Исследования таких авторитетных авторов, как П.П. Семёнов-Тянь-Шаньский, Л.С. Берг подтверждают это однозначно. Опустошительное ограбление Бессарабии румынскими оккупантами, уже в первое десятилетие их господства в крае, привело к тому, что для подавляющей части трудового населения края недоедание – почти голод стало явлением хроническим. Средней же силы засухи периодичностью в 4 – 5 лет влекли за собой голодомор.

1923 год в Бессарабии, как и во всей восточной и юго-восточной Европе, выдался засушливым, зима 1923 – 1924 года была бесснежной и очень морозной, летом 1924 года грянула всеиспепеляющая засуха, за ней последовал голод, переросший в голодомор...

К осени в буджакские сёла, как прожорливая саранча, нагрянули сборщики налогов, – с жандармами и армейскими отрядами – стали требовать уплаты налогов. С чердаков и из кладовых выметали последние крохи скудного урожая. За неуплату налога (600 лей с десятины) забирали из хозяйств всё, что можно было забрать, если и этого не хватало – сгоняли с земли, конфискуя и её. Момент социального взрыва приближался.

Прелюдией этого взрыва явилось крестьянское восстание в селе Кубей под Болградом в конце 1923 года, но румынским властям удалось ещё накануне арестовать местный ревком.

Для крестьян села Шабо близ Аккермана, как и для крестьян села Николаевки на Килийщине, главной статьёй дохода были виноградники – виноградники высококультурных сортов. Той суровой зимой они вымерзли, а власти насчитали налоги, как за продуктивные. Стихийный бунт властям и в этом случае удалось подавить арестом ревкома. (Позже боевикам коммунистического подполья удалось уничтожить опасного агента сигуранцы, выдавшего шабский ревком). (См. Национальный архив Молдовы, Ф. 680, оп. 1, д. 3417, л. 7).

Таким образом, к осени 1924 года юг Бессарабии был на грани социального взрыва и не навеваемые из-за Днестра идеи экспорта революции были главной тому причиной, как это с тех пор и доныне утверждают румынские авторы. А вот возможностью экспорта контрреволюции в то время всё ещё тешили себя правящие круги Англии, Франции... К их услугам были румынские Фердинанды, польские Пилсудские и, конечно же, недобитые Врангели, Булах-Булаховичи... Не сумев разыграть четвёртый

поход Антанты против Советской России, они мечтали (и не только мечтали) о пятом...

Южревком, подчинённые ему ревкомы районов и подрайонов знали, что восстание ещё не подготовлено должным образом (не готов был даже план восстания) и старались предотвратить преждевременное выступление крестьян и рабочих. В вышеприведённом обращении Южревком предупреждал: «Не надо поддаваться провокациям, на которые вас могут толкать жандармы.

Революция – серьёзное дело, чтоб с ней спешить – тут надо семь раз отмерить, чтоб один раз отрезать. Верьте, когда наступит час, мы его не упустим и тогда скажем: Все – за оружие! Все – на врага! Все – за нами и с нами!» (См. там же).

Однако, чаша народного терпения переполнилась, и восстание вспыхнуло, вспыхнуло так, как опасался Южревком – стихийно, преждевременно.

В румынской интерпретации началом событий, которые мы именуем Татарбунарским восстанием, явилось нападение банд-группы человек 20, возглавляемой Иваном Бежановичем (он же Бежан, Кольцов, Пугачов) на жандармов села Старая Николаевска Килийской волости. К нападавшим сразу же примкнули дезертиры из румынской армии, Фёдор Короткий из соседнего Нерушая и Иван Григоренко из Галилешт. Румынские источники не скупятся на кровавые краски, изображая нападавших, как бандитов, убивших двух жандармов, примаря, его жену, как грабителей, кинувшихся грабить лавки и богатых жителей села.

Между тем, за десять дней до того, как вспыхнуло восстание, в район прибыли и начали орудовать сборщики налогов с жандармами. В базарный день среди тысячной толпы крестьян, съехавшихся из окружающих сёл, вдруг появились листовки с текстом: «Долой румынских оккупантов!» Их текст в тот момент, когда Южревком предупреждал о возможной провокации со стороны властей, высокое полиграфическое качество наводят на догадку, что они и были очередной провокацией сигуранцы...

Вечером же 10 сентября 1924 года жандармы, дислоцированные в Старой Николаевке решили «прогуляться» по селу и, по обычаю, прихватить у жителей, что приглянётся... В нескольких хатах это действительно удалось, а вот крестьянин Ткаченко потребовал отнятое возвратить. Понятно, он был зверски избит жандармами, но этого им показалось мало, и они пристрелили его..., после чего в примарии и в помещении полицейского поста учинили весёлую гулянку. Брезжил рассвет 11 сентября, когда возмущённые крестьяне – человек 50 – 60, вооружённые вила-

ми, косами, охотничьими ружьями напали на примарию и полицейский участок... Местный ревком послал гонца в ревком Татарбунарский, дошла весть о восстании и до Южревкома. А.И. Клюшников срочно направил в восставшее село своего помощника Бежана–Кольцова. Тот, прихватив в Нерушае небольшой отряд, к утру 11 сентября прибыл в Старую Николаевку.

Прибывшие попытались предотвратить несвоевременное восстание, но стихию крестьянского бунта унять не удалось, и тогда Кольцов был вынужден взять руководство восстания на себя.

Боевая группа во главе с Кольцовым стремительной атакой взяла почтовое отделение, лишив жандармский пост и примарию возможности вызвать из волости подмогу. Другая боевая группа с Фёдором Коротким и Иваном Григоренком во главе, после короткого боя, ворвалась в примарию. В перестрелке были убиты два жандарма и оказавший вооружённое сопротивление ненавистный примарь, Станислав Янковский и один из атакующих (их трупы сгорели при пожаре примарии). В доме примаря была убита его жена. В полицейском участке повстанцы захватили 12 винтовок, патроны к ним и 60 гранат, во дворе грузовик, в котором прибыли сборщики налогов и жандармы, сопровождавшие их. (Пока происходили эти события, сборщики налогов и оставшиеся в живых жандармы успели разбежаться).

В полдень в центре села состоялся многолюдный митинг, на котором Кольцов призвал крестьян совместными усилиями народа Бессарабии изгнать оккупантов с родной земли. (Активно выступавшие против румын в родном селе крестьяне в большинстве своём не пошли с отрядом в Татарбунары). Так возник (а с румынской стороны, почти с уверенностью можно сказать – был спровоцирован) предлог для Татарбунарского восстания.

Ещё никаких решений о начале всеобщего восстания Южревком не вынес, а карательная машина оккупантов уже начала действовать – момент внезапности – важный фактор успеха восстания был утрачен практически до того, как оно началось...

Румынские власти объявили всё Придунавье на осадном положении: запрещены всякое движение гражданских лиц на дорогах края, выход жителей за пределы своих населённых пунктов – нарушение запрета каралось расстрелом на месте. Начались массовые превентивные аресты и расстрелы по заранее составленным спискам...

Третий армейский корпус в Бессарабии был усилен девятью пехотными полками, кавалерией, полевой и тяжелой артиллерией, в том числе новейшие 155-миллиметровые пушки, только что поступившие из Франции.

Главные силы корпуса сконцентрированы на юге Бессарабии – регион был наводнён войсками. Корпусу были приданы специальные батальон полевой жандармерии – пехотные и кавалерийские. Одним из них командовал подполковник Г.К. Войкулеску, вскоре ставший кровавым палачом Татарбунарского восстания... Бессарабские города на Дунае были блокированы румынскими мониторами и морской пехотой, тысячи мужчин, даже стариков Рени, Измаила, Килии, Вилкова были загнаны в баржи, люки которых задраили, затем суда были выведены на середину реки. Жителей придунайских городов предупредили: если города будут охвачены «беспорядками», то баржи с людьми пойдут на дно...

«Таким образом, подозреваемых в связях с советами мы лишили возможности действовать против нас. На участке море – Вилково – Килия наши корабли круглосуточно несли сторожевую службу, не давая повстанцам переправиться через Дунай, или отойти к морю», – похвалился командующий Румынской Дунайской флотилии адмирал Гаврилеску.

Точно также румынский черноморский флот блокировал морское побережье от Аккермана до Сулины, а в стратегически важных пунктах, например в Жебриянах, высадил крупные, хорошо вооружённые десанты. Не только прибрежные, но и отдалённые степные сёла подвергались обстрелу корабельной артиллерии, по Стенцовским плавням, островам и плавням Килийской дельты была подготовлена система артогней...

Всеми карательными войсками, направленными на юг Бессарабии, командовал заместитель военного министра Румынии генерал Попович, прославившийся невероятной жестокостью. А военный министр приказал: «Мятежные сёла стереть с лица земли огнём корабельной артиллерии!»

Против восставшей Николаевки немедленно были брошены крупные армейские подразделения и полевая жандармерия. Несмотря на то, что село не оказало сопротивления, над его жителями без разбору, участвовали они в событиях 11 сентября или нет, каратели учинили дикую расправу. Расправившись с крестьянами Николаевки, каратели направились в Нерушай, где произвели массовые аресты – захватили заложников. Аресту подвергались и некоторые члены местного ревкома. Волна массовых превентивных арестов захлестнула весь юг Бессарабии.

Только 14 сентября в Татарбунарах в доме у И.Н. Батищева состоялось расширенное заседание Татарбунарского ревкома с

участием членов некоторых ревкомов близлежащих сёл. Было принято решение – всеобщее восстание начать 15 сентября. Но плана восстания ещё не было, его подготовили только к следующему совещанию, да и то только для Татарбунар. В доме у К. Назаренко прошло поздно ночью совещание с участием А.И. Клюшникова, И. Бежана-Кольцова, О. Павленко, И. Батищева, Н. Лисового, Г. Черненко, Л. Цуркана и хозяина дома К. Назаренко. Начало всеобщего восстания перенесли на 16 сентября.

Во все ревкомы южной Бессарабии были разосланы нарочные с приказом всем разом выступить 16 сентября. Однако, ввиду осадного положения в крае, нарочные ни разу не могли попасть по назначению, а некоторые попали в лапы карателей...

Л. Добровольскому, К. Назаренко и С. Черниенко совещание поручило доставить в Татарбунары оружие со склада в Чишме (Струмок), а также боеприпасы для довооружения татарбунарских повстанцев.

На рассвете, 16 сентября, отряд численностью в сотню человек собрался на южной окраине местечка на т. н. «Поле Весемьских». Клюшников и другие члены Южревкома распределили собравшихся на три отряда и резерв. Короткую пламенную речь, с которой А.И. Клюшников обратился к повстанцам, он закончил словами: «Свобода пришла в Татарбунары, но революция в Бессарабии только начинается, поэтому все, кто может держать оружие в руках, должны выступить против румынских оккупантов...»

Первая группа Никиты Лисового получила задание атаковать гостиницу и ресторан, где остановились прибывшие 15 сентября румыны, уже пролившие кровь крестьян в Николаевке и Нерушае...

Группа Г. Черненка должна была разгромить жандармерию, И. Щербине и третьей группе было приказано взять примарию и почту. Резервная группа во главе с Ф. Бальцем и Парфентием Вороновским – татарбунарскую почту и телеграф, ещё перед началом боевых действий должно было перерезать провода связи с уездным центром и соседними сёлами. В начале шестого часа это задание было выполнено, после чего первая группа изготовилась для атаки гостиницы с жандармами. Но атаковать тут же было некого, – как оказалось, за час до подхода атакующих, жандармские офицеры увели своих головорезов в неизвестном направлении... Отряд Н. Лисового направился к примарии, где уже вела бой группа И. Щербины. Совместной атакой двух

групп, к 7.00 примария была взята повстанцами, при этом был убит возглавляющий сопротивление нотарь примарии. У жандармского поста и налогового управления – перчепции разгорелся жаркий огневой бой, жандармы вели интенсивный ружейно-пулемётный огонь. Объединёнными усилиями трех повстанческих отрядов под общим командованием А.И. Клюшникова объекты были взяты. При этом был убит начальник жандармского поста и два жандарма, первые убитые появились и среди восставших...

Едва стих бой, как тут же на площади, у примарии, начался митинг. С каждой минутой он становился многолюдней – проходили мужчины, женщины, подходила молодёжь. А.И. Клюшников провозгласил освобождение края от румынских оккупантов и победу Советской власти...

«Провозгласив советскую власть, мы тем самым заявляем перед всем миром, что наш народ желает воссоединения с Советским Союзом, с нашей Советской Украиной.

Свобода и справедливость, о которой долго мечтали наши люди, завоёвана. Боярская Румыния к этой провинции не имеет никакого отношения». (См. Национальный архив Молдовы, ф. 758, д. 9653, л. 59).

Ревком в составе Клюшникова, Лисового, Батищева и других его членов взял на себя всю полноту власти в Татарбунарах. В местечке было организовано патрулирование, у въездов и у главных учреждений установлены посты вооружённой охраны, фабрики, пекарни, мастерские, магазины должны были работать, как обычно.

Ревком объявил мобилизацию в ряды повстанцев мужчин призыва 1920, 1921 и 1922 годов, для военных нужд были реквизированы автомашины у коммерсанта Бродского и фабриканта Эссена.

Населению местечка было приказано снести в примарию всё имеющееся у него огнестрельное оружие и боеприпасы к нему, в результате чего арсенал повстанцев пополнился сотней охотничьих ружей и несколькими винтовками. Но самое первое, что сделал ревком, взяв власть в свои руки, – из тюрьмы и застенков сигуранцы освободил заключённых, которые тут же пополнили ряды восставших.

Несмотря на опасность, простые люди, гордые, свободолюбивые, мужественные татарбунарцы были охвачены эйфорией – даже перед грозными испытаниями.

Три дня в селе была свобода –
Три дня был праздник у народа,
С позором враг бежал...
Палачи все дали дёру:
Жандармы, примарии и перчепторы
Забились, словно мыши в норы...
Народ торжествовал,
Девчата песни распевали,
Глаза их радостью сияли
И молодели старики.
Парни в строй военный стали –
Оружье с клятвой принимали,
Знамёна кумачом пылали,
Звучал «Интернационал».

Эти строчки по свежим впечатлениям написал пятнадцатилетний гимназист Фёдор Руденко из Шабо. События, свидетелем которых он оказался в скором времени, сделали его активным антифашистом.

Конечно, ему была уготована грозная Дофтана, где продолжали борьбу татарбунарские повстанцы. Стихи стали песней, которую пели на мотив давно переложенных на музыку стихов М.Ю. Лермонтова «Бородино».

Румыны называли, да и называют татарбунарских повстанцев бандитами, насильниками, грабителями...

Да, стихия восстания – грозная стихия. Но вот в архиве Молдовы хранится протокол, согласно которого: «Нижеподписавшийся комиссар, то есть Ненин (Клюшников), получил из кассы почты Татарбунар 128 (сто двадцать восемь) тысяч лей для оплаты питания Красной Армии».

Получил комиссар Ненин.

Выдал начальник почты Соколеску.

Свидетели Шевченко П. и Коваль Л.

16 сентября 1924 г. (См. ЦГА МССР ф. 738, д. 4115, л. 35).

Во многих случаях, даже документы румынских властей свидетельствуют, что повстанцы не трогали ни личных вещей чиновников, ни государственного имущества... (См. там же д. 3652, л. 45).

План дальнейших действий татарбунарских повстанцев?

Его практически не было! И это лучше всего доказывает: Татарбунарское восстание – не экспорт революции из-за Днестра.

Случись такое, – всё происходило бы иначе, и были бы схемы, карты, планы, отработанные и написанные в высоких штабах. Ничего этого и в помине нет. Действия ревкома, его отрядов

определялись обстоятельствами и во всё большей мере – действиями противника...

С 15 и 16 сентября восстания произошли в Чишме (Струмок) и Нерушае – на юго-запад от Татарбунар, в Акмангите – на восток от Татарбунар. Такая география начала восстания подсказала румынам направления действий татарбунарских повстанцев и привела к раздроблению их сил... (Оперативные же интересы, с военной точки зрения, явно диктовали необходимость держать силы в одном кулаке и действовать как можно быстрее в направлении Сарата – Аккерман – Днестр с выводом из строя участка железной дороги Сарата – Арциз, Сарата – Кулевча (чтоб задержать подход превосходящих сил противника по единственной железной дороге). Коль так не произошло, то это ещё одно доказательство того, что план восстания составляли не профессионалы в высоких штабах, а в общем-то склонные к стихийности дилетанты из ревкома, да и то – на скорую руку... Когда же румынские генералы и полковники для подавления восстания сосредоточили силы, многократно превосходящие повстанческие, то, естественно, что место, время и условия боя определяли каратели...

Район же восстания достаточно открыт – безлесная почти равнина, удобная для действий крупных масс войск (румыны) и очень неудобен для действий против таких регулярных сил отрядами типа партизанских, какими практически были слабо сколоченные, почти необученные и недостаточно хорошо вооружённые силы повстанцев.

В селах, в которых восстания успели произойти, они начинались и развивались по-разному.

В Нерушае восстание началось по инициативе и под руководством ревкома. Но с самого начала восстания на село нагрянули крупные силы румынских войск и полевой жандармерии, перед этим расправившиеся с крестьянами мятежной Николаевки... Она присоединилась к повстанцам Чишмы. В этом селе в ночь с 15 на 16 сентября отряд крестьян по сигналу председателя сельревкома Андрея Стеценко внезапно атаковал и разгромил жандармский пост, примарией и почтой овладели без боя. Обо всём этом сельревком послал донесение в Татарбунары. В селе налажены патрулирование, сбор оружия, запись добровольцев... Прибыл отряд из Нерушая. Для вооружения всех желающих не хватило даже оружия из тайного склада Леонтия Тимошенко. Ещё до полудня 16 сентября отрыли и заняли линию обороны на южной окраине села (со стороны Нерушая) – и в самый раз: во второй половине дня защитники Чишмы отбили атаку крупных

сил армейской пехоты и полевой жандармерии румын, пытавшихся с ходу овладеть селом. К вечеру повстанцы Чишмы получили подмогу – 130 человек пехоты и полусотня конницы под общим командованием Г. Черненка.

Отступившие было румыны, получив подкрепления из Вилкова и Жебриян, в предвечерних сумерках предприняли новую атаку. Завязался кровопролитный бой, в котором обе стороны понесли потери. В этом бою был убит и командир повстанцев Чишмы, Андрей Стеценко.

И эта остервенелая атака превосходящих сил карателей была отбита. Узнав от связного об этом бое, А.И. Клюшников, захватив с собой конный отряд, прибыл в Чишму. Пришли новые добровольцы – из Татарбунар и Спаски, к сожалению, – безоружные.

Никите Лисовому с конным отрядом было приказано пробиться в Нерушай и добыть из тайного склада оружие, но выполнить приказ не удалось: подошедшая из Жебриян морская пехота румын и войска, пришедшие из Вилкова, встретили конников Лисового таким шквалом огня, что последние, понеся потери, вынуждены были отступить...

Восстание начало распространяться не только в южном, но и в северном направлении – в тот же день, что и в Татарбунарах, крестьянское восстание произошло в Акмангите (Белолесьи), – была установлена власть местного ревкома. Посланный из Татарбунар отряд Бежана-Кольцова в Акмангите попал прямо на митинг. После митинга отряд татарбунарцев и акмангитцев двинулся на восток. На окраине села Михайловка отряд (человек в 250), обратил в бегство жандармский заслон, после чего... заночевал в Михайловке. Пока повстанцы отдыхали, румыны, пользуясь свободной железной дорогой, накапливали силы – эшелоны с румынской пехотой из Кишинёва и Аккермана выгрузили пехоту в Сарате. К румынской пехоте присоединились отряды «самообороны» из немецких колонистов – откормленные молодчики и солидные хозяева, вооружённые дальнобойными нарезными «зауэрами» с оптическими прицелами; стрелковую подготовку они прошли под руководством инструкторов из фатерланда...

На северной окраине села Камчик (Заря), между повстанцами и карателями завязался упорный бой. К полудню каратели отступили на линию железной дороги у Сараты под защиту цепей румынской пехоты с пулемётами, успевшей выгрузиться из непрерывно прибывающих эшелонов...

Поредевшие силы Кольцова форсировать железную дорогу и вырваться на оперативный простор, ведущий к Днестру, не смогли.

Румынская пресса и агентура сигуранцы в это время усиленно распространяли слухи о том, что за Днестром накапливаются силы Красной Армии, которые готовятся форсировать реку. Между тем, ни одно подразделение советских приднестровских гарнизонов никаких приказов на этот счёт не получило – все они оставались на своих местах.

Вечером 17 сентября, под давлением превосходящих сил противника, отряды Кольцова были вынуждены начать отход. Кровопролитные арьергардные бои этим отрядам пришлось вести у сёл Камчик, Михайловка и особенно – на Акмангитской горе...

Бой у моста через речку Кундук для отважного командира Бежана-Кольцова был последним – смертельно раненый он скончался на руках у боевых друзей. А тяжелый бой продолжался уже под руководством другого храброго и опытного командира повстанцев – Ф.В. Бальца.

Редели ряды бойцов, ещё живые почти все были ранены, но из боя не выходили, кончались патроны – позицию у моста удерживать было нечем. В надежде получить подкрепление (а главное – боеприпасы) повстанцы отошли к окраине местечка...

17 сентября на южном направлении (со стороны Нерушая) крупные силы румын: сухопутная и морская пехота, полевая жандармерия под прикрытием огня полевой артиллерии – перешли в наступление вдоль побережья озера Сасык (Кундук), корабельная артиллерия с мониторов на Дунае и с кораблей румынского черноморского флота своим огнём сметала целые кварталы мятежных сёл.

Повстанцы сражались отважно, нередко переходили в контратаки – на отдельных участках теснили противника. Героическая Чишма (Струмок) несколько раз переходила из рук в руки. На град снарядов, на ливень пулемётного огня румын повстанцы могли отвечать всё более редеющим ружейным огнём – кончались боеприпасы. В сгущающихся сумерках 17 сентября повстанцы отступили из полуразрушенных горящих Чишмы и Спаски на северо-западную окраину Татарбунар.

Окружённое румынами местечко горело, подожженное огнём румынской артиллерии. Тут каратели использовали против повстанцев не только пулемёты и пушки, но и огнемёты и боевые отравляющие вещества (раньше итальянских фашистов в Абиссинии и гитлеровских нацистов в Освенциме, Майданеке и дру-

гих лагерях смерти!). Кольцо окружения медленно сжималось. Повстанцы отбивали одну атаку за другой. Порой дело доходило до рукопашных схваток... На рассвете 18 сентября, когда боеприпасов не стало, повстанцы пошли на прорыв. Одна группа, вырвавшись из окружения, ушла в степь в северо-западном направлении, но ей преградили путь немецкие колонисты. Снайперским огнём с дальнего расстояния, они хладнокровно расстреливали вырвавшихся из татарбунарского пекла, нескольких тяжелораненых добили выстрелами в упор...

Большая группа повстанцев: пехота, человек сто всадников (пехота на подводах), во главе с Клюшниковым, вырвавшись из окружения, стала уходить на юг, вдоль побережья Сасыка – к морю... Румынская агентура усиленно распространяла слухи о том, что у берегов Бессарабии замечены корабли советского Черноморского флота...

Повстанцы, которым вырваться из Татарбунар не удалось, сражались до последнего патрона, до последнего вздоха.

В полдень 18 сентября пылающее, полуразрушенное местечко оказалось в руках озверевших карателей – над жителями Татарбунар началась кровавая расправа...

Накануне Татарбунарского восстания Килия, как и Измаил и Вилково, была подвергнута особо жесткому режиму осадного положения и превращена оккупантами в один из опорных пунктов, откуда в «горячие точки» могли нагрянуть каратели, как это произошло 11 сентября в отношении Николаевки. Не только в Татарбунарах и близлежащих сёлах шла ожесточенная борьба. Отряды народных мстителей действовали и в дунайских плавнях. Атаманом одного из таких отрядов был легендарный «Терентий», точнее, как и сам он подписывал обращённые к народу листовки – «Теринте» (видимо, был молдаванином). Вот одна из листовок этого наследника дунайских гайдуков давно минувших лет:

«Товарищи бессарабские крестьяне и румынские солдаты-бедняки!

Поступайте в наш отряд для борьбы с румынской буржуазной властью. Мы обеспечим всех вас и ваши семьи. Мы будем бороться против буржуазного ига, тяготеющего над вами до тех пор, пока не прекратят нас преследовать, расстреливать, сажать в тюрьмы, избивать, грабить, сдирая налоги. До каких пор будут издеваться над нами, грабить и убивать нас власти!? Мы требуем свободы, отмены непосильных налогов, хлеба голодным, работы безработным! На террор румынской буржуазии мы будем отвечать беспощадным террором.

Честные граждане Румынии! Мы объявляем войну румынской буржуазной власти. Всех честных борцов за свободу призываем в наши ряды!

Теринте.»

(Архив Килийского музея).

В самом начале татарбунарских событий такие листовки появились на большом «новом базаре» на огромной площади вокруг Покровского собора в Килии. Причудливый стиль текста листовки сочетает в себе классическую латынь, преподаваемую в гимназиях того времени и думы простого крестьянина, рыбака. Это мысли, скорее всего, одного из членов Килийского ревкома, И. И. Стериополо – преподавателя килийской гимназии и отважного гайдука двадцатого века Теринтия.

Листовки эти вызвали среди килийцев оживлённые толки, а среди оккупантов растерянность, суету, панику...

Так что Теринте и его народные мстители, налетающие из дунайских плавней, – не просто легенда, а ставшая реальностью быль. Об этом говорят и свидетельства очевидцев: «Красивый, среднего роста крепкий мужчина, тёмноволосый с чёрной бородой». Таким врезался в память тогда одиннадцатилетнему подростку (Соловьёву Дмитрию Игнатьевичу) герой килийских плавней Теринте. (См. «Воспоминания участников килийского подполья» в Районном килийском историко-краеведческом музее).

Наш земляк, поэт и писатель Е.М. Буков (тогда – пятнадцатилетний гимназист) в своих мемуарах «Молодость в огне» пишет: «Несколько раз в курене на большом отцовском огороде, что на острове, видел плечистого, тёмноволосого мужчину. Иногда он был с чёрной же бородой, иногда – бритый. Бывал он у нас в курене и с несколькими своими товарищами, которые звали его Теринте». (Предводителю гайдуков дунайских плавней Буков посвятил поэму «Теринте»)...

В день, когда на «новом базаре» появилось воззвание Теринте, румыны так переполошились, что прямо среди базарной толпы открыли беспорядочную пальбу, а на второй день объявили, что на город из плавней напали большевики. (См. фонд «Воспоминаний ветеранов подполья» КИ – КМ). Летучие флотилии народных мстителей действовали и в вилковских плавнях – под носом у жандармов, агентов сигуранцы, пограничников, которыми была битком набита «Дунайская Венеция», – её любили навещать даже короли... Вот еще почему были набиты заложниками баржи, готовые к затоплению. «Мы не принимали участия в Татарбунарском восстании, – говорил на допросе вилковчанин

Егор Бобровников, но во время восстания все мужики нашего города были брошены в баржи, выведенные затем на середину Дуная. От скученности люди теряли сознание, умирали. Тех и других жандармы выбрасывали в Дунай». (Национальный архив Молдовы, ф. 738, д. 4118, л. 12). Не принимали участия в Татарбунарском восстании и жители Килии, Васильевки, Кара-Мехмета, Червоного Яра и многих других сёл, но по заранее составленным спискам в превентивном порядке были арестованы, подвергались пыткам, а затем без суда и следствия расстреляны участники коммунистического подполья, или просто подозреваемые в том. Жертвами такого кровавого произвола оказались: Соловьёв И.С., Денисов М.Г., Мерзликин К.В., Иванов И.Г. из Килии, Переверзев Г.Ф., Бабин И.Ф., Игнатьев С.И., Голобородов Ф.Т., Гавлицкий И.К., Гавлицкий К.К., Васильев С.М. из Васильевки, Соколов К.Ф., Корнеев И.Ф. из Муравлёвки, Кожухарь Я.Ф., Матковский И.Е. из Червоного Яра.

Спустя годы искалеченными в результате жестоких пыток, но непобежденными вышли из застенков Дофтаны Ф. Бернадский, И. Стериополо, И. Макаров и другие, превентивно арестованные жители Килийской волости...

С падением Татарбунар восстание переместилось на юг. Вырвавшийся из пылающего местечка отряд А.И. Клюшникова, практически без боя вступил в село Ескиполом (Глубокое), из которого жандармы и тыловые службы румынской армии успели сбежать. После небольшого отдыха отряд поспешил в Нерушай, где в тайнике под присмотром Ивана Работы был склад оружия и боеприпасов. На восточной окраине села завязался бой с румынской пехотой и полевой жандармерией. Восставшие нерушайцы ударили по карателям с тыла, в результате враг поспешно бежал. Повстанцам, ряды которых выросли до двухсот хорошо вооружённых бойцов, успех показался столь значительным, что вдогонку бежавшим румынам был послан отряд Н.А. Лисового. Но радоваться было рано – из Татарбунар и Килии в село нагрянули крупные силы румынской пехоты, полевой жандармерии и немецких колонистов. В завязавшемся кровопролитном бою полегло большинство повстанцев, а над мирными жителями села «победители» учинили дикую расправу... Небольшой отряд повстанцев во главе с Клюшниковым ушёл в Галилешты (Десантное), куда вступил уже под вечер 18 сентября. В течение ночи с 18 на 19 сентября отряд пополнился добровольцами из местных крестьян во главе с членами сельского ревкома, Осадчим Артамоном, Акименко Аникой и Василенко Гавриилом, оружие доставили из тайника в Стен-

цовских плавнях. (См. Партархив Одесской области, фонд воспоминаний, оп. 1, д. 246). В надежде уйти к советским берегам на рыбацких лодках, отряд направился к Жебриянам. Обойдя село с севера, повстанцы неожиданной атакой взяли румынскую погранзаставу, но попали под шквальный артогонь с румынских кораблей, блокировавших берег, и под ливень пулемётного огня высаженной с кораблей морской пехоты. Понеся большие потери, отряд повстанцев попытался отступить, но оказалось, что отступать некуда – отряд оказался в огненной ловушке под артогнем с кораблей и полевой артиллерии из-под Нерушая. Оттуда же подходила большая автоколонна с румынской пехотой, которая вскоре открыла огонь по повстанцам.

Несколько часов – до сумерек 19 сентября под таким огнём находился отряд А.И. Клюшникова, в результате чего потерял убитыми почти три четверти своего состава, сам командир был ранен...

В наступившей темноте небольшой группе повстанцев во главе с Клюшниковым всё же удалось вырваться из окружения. Часть её ушла в плавни, а Клюшников с горсткой сподвижников решил прорваться в Жебрияны...

Колонна грузовиков с жандармами шла к морю, на неё и наткнулись повстанцы. На краю кукурузного поля завязался последний бой. Он не мог продолжаться долго – у повстанцев кончились боеприпасы. Последнюю гранату раненый Клюшников бросил в грузовик с жандармами, последнюю пулю из нагана пустил себе в висок... Об этом уже в Дофтане поведал своим товарищам Никита Лисовой. В горячке боя он расстрелял все патроны, раненым был взят в плен: пройдя все круги ада, он попал в самую страшную тюрьму Румынского королевства. На тюремном кладбище «У трёх слив» – его могила... Долго еще после последнего боя, в поисках повстанцев, карателя прочёсывали плавни и придунайские степи – кого обнаруживали на дороге, в степи, в плавнях, или просто в чужом селе расстреливали на месте...

Уже в сентябре 1924 года румынская пресса уклончиво сообщала: «За время восстания население Бессарабии сократилось на 3000 человек». Это – приблизительно боевые потери повстанцев – потери в вооруженных столкновениях с карателями. Дикая же расправа оккупантов с мирным населением юга Бессарабии принесла жертв раз в десять большие. В первый же день после подавления восстания в Татарбунарах каратели расстреляли 300

мирных жителей местечка. В подвале здания замуровали около 100 человек: женщин, детей, стариков – все задохнулись. Людей до смерти полосовали шомполами, вешали, расстреливали, травили боевыми отравляющими веществами. Лачуги бедняков сжигали... При этом, каратели любили фотографироваться на фоне сожжённых хат, виселиц, трупов...

Население мятежной Чишмы, – в основном, стариков, женщин, детей – каратели согнали на площадь у примарии и расстреляли из пулемётов почти всех. На глазах у согнанных в центр сёл жителей Михайловки, Акмангита, Спаски, Нерушая, Борисовки (село с молдавским, в основном, населением), Галилешт, Жебриян каратели расстреляли подозреваемых в участии в восстании, остальных шомполовали, некоторых до смерти, волна арестов невиданного по массовости и жестокости террора прокатилась по всему югу Бессарабии. Сколько людей при этом было замучено, убито «при попытке к бегству» – никто не в состоянии счесть...

Румынскими карателями без суда и следствия расстреляны килийцы: Соловьёв И.С., Денисов М.Г., Иванов И.Г., Мерзликин К.В. Жители села Васильевка Бабин И.А., Игнатьев С.И., Переверзев Е.Ф., Васильев С.М., Мерзликин А.А., Голобородов Ф.Т., Гавлицкий К.К., Гавлицкий И.К. В той же братской могиле похоронены расстрелянные румынами жители села Китай (Червоный Яр) Кожухарь Я.Ф. и Матковский И.Е. А также Котов И.Ф., Соколов К.Ф. из Муравлёвки. Всех их озверевшие каратели долго пытали, а затем за селом расстреляли на глазах у жён и детей...

Только по подозрению в участии в восстании был расстрелян схваченный карателями в селе Фурмановка Генку Гавриил.

В неравном бою с карателями погибли похороненные в селе Десантном Бантыш Я.О., Бурлаченко А.И., Бурлаченко Ф.П., Белый А.К., Власенко Г.М., Григоренко М.П., Григоренко К.П., Ковтуненко П.И., Моргун Д.В., Моргун И.Р., Омельченко К., Орловский О.П., Орловский П.А., Осадчий М.Т., Осадчий К.Т. В той братской могиле похоронен и геройски погибший в бою с карателями руководитель Южно-Бессарабского ревкома А.В. Клюшников-Ненин. Над их братской могилой стоит скульптурная группа – часть мемориала в Десантном. Памятники героям Красного Татарбунара возведены и в сёлах Приморское, Шевченково, в городе Вилково, где в 1924 – 1925 годах расправу над повстанцами чинила одна из следственных групп румынских оккупантов.

Всё то – только в пределах Килийского района...

Скромные обелиски и торжественные мемориалы на могилах повстанцев 1924 года взывают: «Люди, помните! Помните, вечно помните тех, кто отдал свою жизнь борьбе за освобождение от румынских оккупантов. Помните и будьте бдительны!»...

Вошла в народный эпос песня Ф. Руденко из Шабо «Красный Татарбунар»:

Высоко горячо дышит в небо пожар, –
То горит средь степей красный Татарбунар...
Не осилил народ злобных псов – палачей,
Не сумел разорвать чужеземных цепей.
От Татарбунар до Волчка,
До села Нерушай
Льётся море крови в покрасневший Дунай...
Бьют и жён, и детей, бьют седых стариков,
И ведут на расстрел в перезвоне оков...

Восстание длилось неделю, расправа с народом, не ослабевая, продолжалась месяцы и годы, практически – до 28 июня 1940 г...

У представителей каждой из карательных структур «Великой Румынии» были наработаны свои излюбленные способы расправы с людьми. Солдаты, если не расстреливали на месте, то избивали прикладами, ногами в тяжёлых ботинках, шомполами... Армейские чины истязали плетьми, калечили рукоятями пистолетов, из пистолетов же добивали жертвы, жандармы и полиция, кроме этого, избивала резиновыми шлангами, специальными плетями из бычьих жил (это называлось «Целовать бычью жилу»), избитую до полусмерти жертву могли ещё заживо зарыть в землю...

Наиболее жестоко, изощрённо, садистски пытали в сигуранце и в тюрьмах. В ходу была «мельница» – это когда истязаемого с руками, привязанными к ногам, надевали на перекладину (истязаемого предварительно раздевали догола), и целое отделение, а то и взвод палачей били ремнями, плетями или резиновыми шлангами, когда человек терял сознание, на него лили пару ведер воды и продолжали истязать... Нередко под ногти вгоняли иголки, вбивали гвозди, пытали электрическим током, раскалённым железом. Пытали голодом, холодом, жаждой, надолго бросали в сырые «каменные мешки»...

Проще всего было в «полевых условиях». Крестьянина из Чишмы Ивана Чумаченко каратели избили так, что ткани тела стали пластами отваливаться от костей. Прежде чем заколоть штыками, жителю того же села Андрею Иванову каратели отре-

зали губы и нос, оторвали уши. Крестьянина Окорокова жандармы убили на глазах у семьи, на своём огороде был заколот штыками крестьянин Платонов...

В Чишме каратель из немецких колонистов, Фриц Готлиб, убил 14 человек, нотарь Георгицэ – 9, многих убил шеф местного жандармского поста, родственникам убитых подолгу запрещали хоронить тела жертв и даже подходить к ним... (См. журн. «Красная Бессарабия» № 8 1929 год, стр. 26). Чтоб не возиться с конвоированием арестованных или захваченных в плен, солдаты, морская и речная пехота, жандармы и полицейские массами и поодиночке расстреливали на дорогах, при переправе через Перебойню у Вилкова, в песках «Белые кучугуры», на Волчке, в открытом поле и в виноградниках...

Каратели зверствовали не только в районе восстания, но и далеко за его пределами – в Поднестровьи, на реке Прут, в Кишинёве, Бендерах. Репрессии были рассчитаны не только на то, чтоб жестоко расправиться с повстанцами, но ещё и на то, чтоб до смерти запугать жителей своей, как они считали, «бессарабской колонии» и ещё больше ужесточить в ней оккупационный режим.

Шли недели и месяцы после восстания, а каратели разного рода продолжали свирепствовать – грабили, пытали, убивали, сжигали усадьбы участников восстания, подозреваемых в антирумынском настроении и просто бессарабцев – по прихоти своей.

Д.И. Соловьёв, сын расстрелянного в превентивном порядке И.С. Соловьёва, вспоминал: «После подавления восстания ещё долго разгуливали каратели, сжигая дома участников восстания, вместе с семьями расстрелянных. Мы с матерью, боясь такой участи, вынуждены были вечерами уходить из дому – прятаться у родственников и знакомых, в куренях на островах, в банях, в скирдах. И так до самой зимы, когда каратели немного успокоились». (См. архив КИ – К музея, фонд «Воспоминания ветеранов подполья»).

Работников из семей участников восстания государство и хозяева-частники увольняли с работы с «волчьим билетом». Из южной Бессарабии многие семьи участников восстания и просто подозреваемых в симпатиях к советской стране были выселены в королевство, а попросту ограблены – превращены в нищих бродяг. У людей власти отбирали домашнюю утварь, рабочий инвентарь, продуктивный и рабочий скот и главное, – специальным постановлением правительства № 2935/925 отбирали землю. Отобранная земля попала в руки румынских чиновников, офицеров, немецких колонистов.

Начиная с 1812 года, а в Килии с 1806 года, население Бессарабии, особенно южной, увеличивается, как за счёт естественного прироста, так и за счёт колонизации и иммиграции; в этом отношении не составляют исключения даже годы I Мировой войны. Интенсивное бегство населения из края началось с первых дней румынской оккупации. В ходе и после Татарбунарского восстания бегство населения из Бессарабии приняло размеры настоящего исхода. Это была вынуждена признать даже сигуранца.

Например, 11 февраля 1926 года её агент сообщает в пограничную полицию Тузлы: «В Килийской волости Измаильского уезда большое течение за эмиграцию в Канаду, а в Аккерманском уезде ежедневно 10 – 20 человек переходят границу через Днестр. В конце января сего года переехал Днестр по льду автомобиль, гружённый молодежью. Достоверно известно, что в феврале месяце из Лиманской волости бежали к большевикам 5000 человек, а из всей Бессарабии 18000 человек». (См. Изм. архив, ф. 309, оп. 1, д. 85, л. 12).

5 июня 1925 года газета международного крестьянского совета сообщила: «В столице восточной колонии румынских бояр – Кишинёве – в ближайшее время состоится процесс 500 крестьян. Расправу, именуемую судебным процессом с 26 августа по 2 декабря 1925 года, чинил трибунал третьего армейского корпуса. Предварительное следствие в Аккермане, Татарбунарах, Акмангите и Вилково сразу же после подавления восстания сопровождалось страшными пытками над подследственными. Один из участников восстания, молдаванин Шоагэ вспоминал: «Для выяснения «истины» допрашиваемым зажимали пальцы в тисках, втыкали иглы под ногти, резали тело, раны посыпали солью». (См. журн. «Красная Бессарабия» №№ 7 – 9, 1934 г.).

«После тяжёлых побоев и истязаний, били сапогами, вырывали волосы, – вспоминает А.П. Семенюк из Чишмы, – я потерял сознание. Очнулся в погребе, где были заперты 120 человек. Наутро из нас осталось в живых 35 человек, остальные задохнулись или погибли от жажды. Ещё шесть или семь человек подавали слабые признаки жизни, но их румынские палачи закопали вместе с мёртвыми. За время предварительного следствия на местах и в Кишинёве умерло около 100 человек». (Национальный архив Молдовы, ф. 738, д. 4111, стр. 273). Могучего Никиту Лисового истязаниями довели до такого состояния, что он не мог стоять на ногах и в зал судебного заседания, – мрачное складское помещение, – его вносили на носилках...

Чего же пытками добивались палачи у подсудимых?

«Доказательств» того, что Татарбунарское восстание инспирировано из-за Днестра большевиками через своих агентов в Бессарабии.

На этот счёт подсудимым предъявлялись трафаретные обвинения: «Ты обвиняешься в преступлении против государственной власти, в том, что договорился с агентами советского правительства из России помочь большевикам оккупировать Бессарабию».

Столь же трафаретными были вопросы к свидетелям: «Что ты можешь сказать об этом?» (там же: ф. 738, д. 3656, л. 8). «Доказательства» в пользу обвинения фабриковались не только подделкой протоколов допросов обвиняемых, но и фальсификацией вещественных доказательств: патроны, гранаты, винтовки, взятые в румынских армейских складах, выдавались за поступившие из-за Днестра. (Национальный архив Молдовы, ф. 738, д. 4111, л. 61).

Об абсурдности подобных обвинений в одной из своих статей Анри Барбюс писал: «Сотни подсудимых на кишинёвском процессе – не террористы из-за Днестра. Это сельские жители, угнетаемые властями».

О бойцовском поведении Анри Барбюса в Румынии газета «Диминяца» («Утро») писала: «Он говорит тихо, но голос его звучит, как отзвук фанфар. Он заставляет слушать себя даже недоброжелателей».

В Кишинёв Барбюс выехал из Бухареста 19 ноября... Обгоняя самые скорые поезда, в Кишинёв из министерства внутренних дел пришла телеграмма – министр строжайше приказал: «Свидания с подсудимыми запрещены, на процессе может присутствовать, как частное лицо». То, что увидел и услышал писатель на процессе татарбунарцев, в Кишинёве, Бессарабии, королевской Румынии послужило основой для книги «Палачи», обличающей румынский фашизм... А процесс шёл своим чередом.

В своём выступлении на процессе, адвокат Коста Фору заявил: «Суду нет необходимости выискивать причины восстания за пределами страны, все они в наличии тут. Люди восстали против тех несправедливостей, при которых они жили... Если бы я лично жил так, как они, то так же восстал бы». (Национальный архив Молдовы, ф. 738, д. 4113, листы 177 – 178).

Адвокат поплатился за свои выступления в защиту повстанцев – фашиствующие молодчики из сигуранцы подстерегли его и избили едва не до смерти... История знает всего лишь один случай – попытку интернациональной помощи татарбунарским повстанцам в ходе восстания, но к Советскому Союзу она не имеет

отношения. 16 сентября отряд интернационалистов из Болгарии под Вилково напоролся на сильный заслон румынских пограничников и морской пехоты. Те, кто не был убит в перестрелке, попали в застенки сигуранцы и подверглись страшным пыткам, выдержавшие их были выданы болгарской охранке, подверглись пыткам, после чего были расстреляны. (См. газ. «Вииторул» 18 – X – 1924 г.).

11 октября 1924 года группа аккерманской интеллигенции, в том числе и представители из «Старого королевства», заявила в процессе резкий протест против методов, какими власти устанавливают «порядок» в Бессарабии. В ответ правительство прислало комиссию для разбора причин протеста и устранения правонарушений. Комиссию возглавлял министр внутренних дел королевства, его помощником был небезызвестный И. Инкулец – бывший председатель «Сфатул Цэрий». С выяснением причин комиссия не возилась, а для наведения «порядка» вызвала на юг Бессарабии дополнительные эскадроны прославившейся свой жестокостью т. н. летучей полевой жандармерии...

А ещё комиссия «установила, что бессарабцы в составе Великой Румынии живут припеваючи, а восстание – дело рук Москвы и её агентов из числа украинцев, русских, болгар...» Между тем, румынская сигуранца и юстиция отлично знали, что в числе повстанцев было и немалое число молдаван («бессарабских румын» на лексике оккупантов). В восстании участвовали молдаване из молдавских сёл Борисовки, Чемашира (Приозёрное) и других, фамилии участников восстания Унгуряну, Чобану, Шоагэ, Петку убедительно свидетельствуют о национальной принадлежности людей... Среди повстанцев оказались солдаты из королевства, бежавшие к повстанцам из гарнизонов Брэилы, Сучавы. Они оказались отличными стрелками, пулемётчиками и даже командирами. Что касается Советского Союза, то в этой стране зверства карателей при подавлении Татарбунарского восстания и судей в ходе Кишинёвского процесса над постанцами, вызвали гнев и возмущение советских людей и митинги протеста прошли в Одессе, Москве, Ленинграде, Омске и в других городах...

Среди выступивших в защите южнобессарабских крестьян были председатель ВЦИК СССР М.И. Калинин, член политбюро ЦК ВКП(б) С.М. Киров, нарком обороны М.В. Фрунзе, писатели и учёные с мировым именем? А.М. Горький, Рабиндранат Тагор, Ромен Ролан, Бернард Шоу, Луи Арагон, Альберт Эйнштейн и многие другие.

Высокие образцы мужества в борьбе с фашиствующим «правосудием», с заплечных дел мастерами из сигуранцы проявили французские, итальянские, чехословацкие, румынские адвокаты, защищавшие подсудимых на кишинёвском процессе. И, конечно же, Анри Барбюс – организатор и оратор многих митингов, автор многих статей в прессе – в защиту татарбунарских повстанцев. Его публицистика того времени, особенно очерк «Палачи» до сих пор вызывает к нему ненависть тех, кому всё ещё мерещится Великая Румыния...

Тогда, в 1924, к суду было привлечено 500 обвиняемых, 11 из них от побоев, жестокого режима и болезней умерли в ходе процесса. Режим кишинёвского централа был ужасным: кормили 5 дней в неделю – 4 дня мамалыгой с водой, один день – мамалыга с фасолью «чорбой» – та же вода с несколькими фасолинами. Допросы с изуверскими истязаниями – круглосуточно. Судилище завершилось в начале декабря 1925 года. Трибунал III армейского корпуса осудил 85 человек.

И.Н. Батищев был приговорён к смертной казни (заменённой двадцатью годами каторги), по 15 лет каторги получили Никита Лисовой и Леонтий Цуркан (оба умерли в Дофтане), остальные 85 осуждённых были осуждены на сроки от 10 лет до одного года, уже в следующем году 68 человек осуждены заочно, 194 обвиняемых трибунал был вынужден признать невиновными.

В самые страшные места заключения в королевстве были отправлены отбывать наказание осуждённые: в форты и казематы военной тюрьмы Жилава под Бухарестом, в грозный Аюд, в соляные копи Тыргу Окна, где сольная пыль во влажной атмосфере быстро разъедала дыхательные пути и лёгкие...

Получила свои жертвы и Дофтана со своими холодными, сырыми одиночками, ужасным блоком «Аш», без табуреток и коек, с водой по щиколотку на железном полу. Если заключенный присаживался на корточки, его избивали до полусмерти и оставляли валяться в воде...

А ещё были сырые каменные «мешки» карцеров и многое другое...

«Контингент» заключенных этой румынской Бастилии с 1918 по 1940 годы составляли в основном бессарабцы...

И в застенках румынских тюрем татарбунарские повстанцы оказались стойкими бойцами.

Своим соратникам по борьбе на волю, из казематов Жилавы, повстанцы писали: «Мы не падаем духом, но полны решимости

продолжать борьбу. Мы заявляем, что вопреки кровавому террору олигархии скоро снова будем среди передовых борцов бессарабского крестьянства». (См. журн. «Красная Бессарабия» № 2, 1926 г.).

После подавления Татарбунарского восстания командир третьего армейского корпуса издал приказ, согласно которого надлежало: «Установить строжайший надзор за семьями повстанцев, за всеми подозреваемыми в сочувствии им, за целыми селами, зараженными большевизмом». (В число таковых попали почти все славяноязычные сёла юга Бессарабии). (См. Изм. архив, ф. 5, д. 242, стр. 41).

В число неблагонадёжных были включены сёла Килийской волости: Васильевка, Китай (Червоный Яр), Карячка (Мирное), Кара-Мехмет (Шевченково), Дракуля (Трудовое), молдавское село Дмитриевка, Еникиой (Новосёловка), Фурманка, Галилешты (Десантное), Жебрияны (Приморское), Нерушай, Старые Трояны. В Килии, Вилково и в неблагонадёжных сёлах увеличены контингенты гарнизонов, полиции, жандармерии, сигуранцы. В последующие годы до самого 1940 года, эти населённые пункты практически так и не перестали числиться в категории подозрительных-неблагонадёжных...

И в Бессарабии были увеличены гарнизоны, контингент сигуранцы, жандармерии, полиции, ужесточен был режим цензуры, закрыты все периодические издания на русском языке и все частные школы с русским языком преподавания. Всё это и многое другое подобное апологеты «Великой Румынии» называли и называют «восстановлением спокойствия», «стабилизацией положения». Примером многочисленных утверждений подобного рода могут служить писания доктора исторических наук А. Морару в румынском «Военно-историческом журнале» № 6 1990 года, статья «Восстание, или экспорт революции». Для трудящихся порабощённой Бессарабии, даже потопленное в крови Татарбунарское восстание осталось «Живым» примером стремления к свободе, к свету. В бессарабцах не угасла вера в то, что:

Придут ещё раз те осенние дни –
Вновь подымимся мы, и погибнут они!

Эти пламенные строки-клятва родились в грозной Дофтане более десяти лет спустя после Татарбунарского восстания. Они родились в сердцах тех молодых бойцов, которые знамя борьбы за социальное и национальное освобождение бессарабцев переняли у татарбунарских повстанцев.

Этим строкам созвучны те, которыми вошёл в поэзию наш земляк, тогда – гимназист Емилиан Буков. (Но об этом – в другой главе).

Под плитами полированного гранита спят вечным сном
Воители в крестьянских постолах –
Бессмертной славы коммунары!

А с высокого гранитного постамента в суровой решимости ринулись как будто бы на штурм самого неба – как тогда, в огненном сентябре 1924 г. Эти самые, вошедшие в бессмертие воители в крестьянских постолах...

В придунайских городах и сёлах, в степи и в плавнях об их бессмертии

Звенит пшеницы колос,
Сталь машин, янтарный виноград,
Учителя спокойный на уроке голос,
Песни и смех ребят...

(А. Н. Бурда. Поэма «Бессмертье».).

КРАЙ В ТИСКАХ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Первые фашистские организации в Румынском королевстве образовались еще в начале двадцатых годов. Профессор Ясского университета Александр Куза еще в 1923 году организовал «Лигу национально-христианской защиты» (ни один из обучающихся там студентов-килийцев в эту «лигу» не вступил, наоборот, как вспоминал студент юрфака С.М. Кицис, килийское студенческое землячество часто било первых румынских фашистов).

Впрочем, пальму первенства в деле организации фашистских групп в Румынии с самого начала у А. Кузы оспаривал Корнелу З. Кодряну, организовавший «Ассоциацию христиан-студентов», первоначально вошедшую в «Лигу» Кузы.

Румынские правящие круги ничуть не препятствовали возникновению фашистских организаций, они и сами еще до Татарбунарского восстания запретили деятельность компартии, союзов коммунистической молодёжи и левых профсоюзов в королевстве.

После подавления Татарбунарского восстания фашистские организации стали множиться в стране, как грибы. В 1927 году, не поделив лавры вождей, разошлись Александр Куза и Зеля Кодряну – последний организовал партию «Легион Михаила Архангела». В 1928 году прервалось монопольное владычество Национально-либеральной партии в управлении государством – на волне возрастающего недовольства трудящихся, политической темноты румынского крестьянства и разнузданной демагогии партии Национал-цэрэнистов Юлиу Маниу, эта партия пришла к власти.

Обнищавшие бессарабцы о либералах, при которых это происходило, сочинили довольно едкие стишки, в которых были и слова:

Прийшли ліберали,
Усе позабирали...

Но вскоре бессарабцам и про цэрэнистов пришлось сочинить стихи:

Прийшли цереністи,
Нема чого їсти...

В Румынии при цэрэнистах шабаш террора и грабежа оказался еще более разнузданным, чем при либералах.

Естественно, что и на местах, в том числе и в Килии, у власти оказались цэрэнисты. Придя к власти они, прежде всего, позаботились о своих доходах. Нотариус Секэряну вскоре после того как стал новым примарем, купил у своего коллеги по партии, Граура, особняк графини Толстой (ныне СШ № 2), Граур отгрохал себе «домик» в самом центре (ныне Дом детского творчества). Новые правители были погорластее прежних и без устали, во всё горло нахваливали свою власть: «Теперь у нас будет хорошая жизнь!» У них – да!

А страна все быстрее скатывалась к фашизму.

В 1931 году Зеля Кодряну создаёт партию «Железная гвардия». Образцом послужили эсэсовцы Гитлера и Гиммлера и штурмовики Рема в Германии, еще не фашистской. Экстремально агрессивная националистическая и антисемитская, эта партия была ещё и по-гитлеровски демагогична. Пользуясь финансовой поддержкой румынского военно-промышленного комплекса – «Астра ромынэ», «Малакса», королей стали Аушницев складываются нефтяные монополии, уже в 1932 году эта партия становится парламентской. Помогла и разнузданная демагогия, особенно лозунг: «Каждому крестьянину по погону (полгектара) земли!». В 1934 году партия Зели Кодряну меняет название с «Железной гвардии» на «Все для государства» – название, указывающее на претензии стать правящей в государстве.

В 1935 году образуются еще две практически фашистские партии: «Румынский фронт» Вайды Воевода и Национал-христианская Октавиана Гоги, но самой фашистской остается партия Кодряну, которая получает наибольшую поддержу фашистов германских: в Румынии она их «пятая колонна».

Румынские власти способствуют насаждению фашизма и в Бессарабии. В какой-то мере им это удаётся, особенно в чиновничьем Кишинёве. Но в Килии, да и в Придунавьи – нет. Тут не малюют на дверях еврейских квартир «звезд Давида», никто не призывает к еврейским погромам, мирно трудится еврейская беднота, правда, преимущественно в частном бизнесе процветает этот самый бизнес. Удивительно, но факт: страна вползает в фашизм, а килийские евреи этого не замечают: занимаются своими делами, ведут привычный образ жизни Кацы, Коганы, Кици-

сы, Гамшиевичи. Ценой жизни в скором времени почти все они заплатят за свою непредусмотрительность! А ведь самая грамотная этническая группа Килии! Неисчислимые беды принес мировой экономический кризис трудящимся Старого королевства, а его аграрному придатку Бессарабии – особенно. Ко всему – засухи конца двадцатых, начала тридцатых годов: они вызвали настоящий голодомор и настоящий новый исход населения из Бессарабии. Зато особо мощным и опустошающим было нашествие сборщиков налогов на Бессарабию. Даже околоправительственная пресса иногда признавала: «Агенты сыска ведут себя как опричники: врываются в крестьянские дома, забирают хлеб, последний скарб, порой даже не оставляя расписок о забранном имуществе». (См. газ. «Универсул», 26 сент. 1929 г.).

Каждый второй рабочий Килии потерял работу, те, кто удержался на работе, работали по скользящему графику день – два в неделю. Зато хозяева старались удлинить их рабочий день до 12–14 часов.

При таких обстоятельствах обострение борьбы рабочих с хозяевами было неизбежным, и действительно, волна забастовок, прежде всего экономических, стала нарастать с самого начала 1929 года. Бухарест, Арад, Решица, Кишинёв – вот далеко не полная география забастовочного движения. Горняки, металлурги, железнодорожники, портовики, в том числе килийские – вот участники забастовок.

Самым мощным и значительным в 1929 году было выступление шахтеров города Лупень в долине реки Жиу. Шахтеры требовали восьмичасового рабочего дня, возвращения на работу уволенных товарищей, своевременной выплаты зарплаты – обычные экономические требования.

Хозяева вызывали жандармерию и войска, которые стреляли в рабочих, а в шахте под землей против них были применены газы. 30 шахтеров были убиты, более сотни ранены. Шахтеров поддержали рабочие всего промышленного района. События эти вызвали движение солидарности в других промышленных районах страны и за рубежом.

В этих условиях правящие круги Румынии для укрепления своего господства решили вернуть на престол Карола Гогенцоллерна, не скрывающего своих тоталитаристских устремлений и обещавшего твердой рукой обуздать рабочих и «стабилизировать положение в стране».

8 июня 1930 года высшие военные и депутаты – цэрэнисты и либералы в парламенте вернули на румынский трон Карла II,

который до этого трижды, – в 1921, в 1925 и в 1928 годах, ещё, будучи наследником, отказывавшегося от трона.

Став королем, Карол II принялся решительно «исправлять ситуацию». Претендующую на власть королеву-мать Марию с двумя дочерьми выслал из столицы в захолустный Бальчик, разогнал многочисленных любовников матери, отправил в отставку верных ей генералов, армейских и полицейских, и поселил в своём дворце главную свою любовницу Елену Вулф-Лупеску. Официально он был женат на Елене Греческой – матери Михая.

Но законная королева оказалась неспособной удовлетворять извращенные сексуальные потребности своего венценосного мужа, поэтому реальной королевой была незаконная. А на одну ночь к королю его верные адъютанты доставляли множество других по очереди, – благо известнейший в столице микрорайон борделей «У каменного креста» находился недалеко от королевского дворца «Котрочень».

Король принялся наводить в стране «порядок» железом и кровью. Самый кровавый пример – расстрел рабочих (и их семей) железнодорожных мастерских «Гривица» в Бухаресте. На помощь бастующим железнодорожникам – около семи тысяч – пришли их семьи: жены, дети, как водится, принесли мужьям, отцам «тормозки» – еду, но по домам ушли далеко не все. Отборные полки армейской пехоты и жандармерии плотно окружили мастерские и прилегающие к ним кварталы. В шесть часов утра 15 февраля 1933 года Карол II лично отдал войскам и жандармерии приказ стрелять из пулеметов и винтовок по рабочим. Не все солдаты подчинились этому приказу. Подразделения, в которых отмечалось такое, были уведены в казармы и там заперты, на смену им направлены другие.

В течение последующих двух суток войска и полиция хоронили убитых железнодорожников, их матерей, жен, детей и еще много месяцев после этого шла судебная расправа с дерзнувшими протестовать.

Если такое творилось в Старом королевстве, в столице, то, что же происходило в румынской колонии – Бессарабии?

Румынская пропаганда стремилась представить дело так, будто после подавления Татарбунарского восстания режим в Бессарабии стал ну просто-таки бархатным, край процветает, бессарабцы не нарадуются наступившему благоденствию, и, разумеется, ни о каких протестах не помышляют. На самом же деле, ограбление края оккупантами приняло ещё более опустошительный

характер, оккупационный режим ужесточился, а борьба трудящихся за освобождение от социального и национального гнета и после Татарбунарского восстания не прекращалась.

Да и как она могла прекратиться, если, опасаясь новых потрясений в Бессарабии, румынские колонизаторы спешили вывезти из края самые ценные предприятия, самое ценное сырьё. К 1929 году их число в Бессарабии по сравнению со временем Российской империи сократилось вдвое, а из оставшихся 95 процентов были мелкими, полукустарными, с числом рабочих не более пяти человек на предприятии – часто это были родственники хозяина. Соответственно почти вдвое сократился объём производимой в Бессарабии промышленной продукции. (См. «История Молдавии» т.11, стр. 274. Кишинёв, 1968 г.). Десятки тысяч тружеников в городах, сотни тысяч в сёлах влачили нищенское существование. Буржуазная газета «Жизнь и экономика» (1929 г.) писала: «Бессарабию в экономическом отношении били глухие и слепые. Они не слышали стонов и не видели крови». (См. там же, стр. 275).

Даже под сводами румынского парламента можно было порой услышать признания подобные тому, которые сделал бессарабский депутат Лянкэ: «Вся Бессарабия поставлена вне закона. Самый мирный бессарабский гражданин, лишенный какого бы то ни было средства законной защиты, оставленный на произвол первого попавшегося представителя власти, никогда не может быть спокоен за свое имущество, честь и даже жизнь. Такое положение обусловлено режимом, который господствует в Бессарабии». (Газ. «Факла» 15.02.1923 г.).

В 1932–1933 годах Бессарабию, особенно ее засушливый юг в очередной раз охватил голодомор, который даже по осторожным данным западной и прогрессивной румынской прессы скосил в нашем крае девятнадцать процентов населения.

Газета «Дрептатя» («Справедливость») за 4 октября 1935 года писала: «Бессарабия умирает от голода. В Аккерманском уезде умирают 20000 человек, из них 13838 детей».

Газета «Вяца Бессарабией» («Бессарабская жизнь») тогда же: «Дети 13–14 лет работают по 16–17 часов в день за семь – восемь лей. Килограмм хлеба стоит 18 лей».

«Девочки 14–15 лет, вывезенные из голодающей Бессарабии, для спасения работают в ковровых мастерских Галаца от зари до зари, питаются похлебкой и мамалыгой, живут в холодных бараках, зарабатывают 50 лей в год». (Газ. «Универсул» 8 апреля 1936 г.).

В то же время «Румынские перчепторы сдирают с голодных крестьян налоги. В одном только Аккерманском уезде за короткий срок у крестьян за недоимки отнято 200 наделов, которые за бесценок проданы богатеям». (Журн. «Красная Бессарабия» № 2 1936 г.).

27 февраля 1936 года швейцарская газета «Люценрнер фолькишер блат» («Народная газета Люцерна») сообщает: «Факты, которые наблюдаются сейчас, превзошли все до сих пор известное. В деревнях Бессарабии 75% населения уже два года не видят хлеба. В то же время действуют различные комитеты по сбору средств для помощи голодающим – нередко от фашиствующих партий. Так подобного рода комитет от Национально-христианской партии Октавиана Гоги и Александра Кузы деньги, собранные для помощи голодающим, использовал для фашистских изданий, что стало поводом даже для парламентского расследования». (См. парламентский монитор, март, 1929 год).

В придунайских сёлах голод был не таким опустошительным, как в степном Буджаке. Выручала плодороднейшая земля островов, рыба, которую бедняки ловили без дорогостоящих разрешений, но зато рискуя страшными побоями от жандармов, а то и пулю получить от вооружённого рыбнадзора. Самых обездоленных выручали мидии, водяной орех – чилим, на худой конец – высушенный и размолотый в муку корень плавневого рогоза.

В Измаиле, Рени, Килии, Вилково резко сократился объём промышленного производства, еле теплилась жизнь, зато росла армия безработных. В конце 1933 года в Измаиле их насчитывалось 4000, в Рени – 3000, в Килии – полторы. Обострялась нищета трудового люда, а с ней росли заболеваемость и смертность. Если в старом королевстве смертность составляла 20,6 человека на 10000 жителей, в Бессарабии – 36. (См. «Статистический ежегодник Румынии» 1930 г.).

Это был рекорд Европы, который превышали только африканские колонии. Статистический ежегодник Румынии 1936 года свидетельствует: на 1000 бессарабцев приходилось 7,7 больных туберкулезом, 2,9 бессарабцев из 1000 болели трахомой (в королевстве только 0,6) и только по заболеваемости сифилисом старое королевство опережало Бессарабию на четыре случая к тысяче жителей.

К 1938 году, как свидетельствует соответствующий «Статистический ежегодник», численность жителей Измаила сократилась с 36000 до 26000 человек, Рени – с 13682 до 12359, Килии – с 18000 до 16900 по сравнению с 1917 г.

После Татарбунарского восстания румынские власти не только ужесточили репрессии, но стали больше внимания уделять идеологической обработке бессарабцев. В городах и даже в больших селах для «простого народа» под патронажем самой королевской семьи организовывались т.н. «Очаги культуры» («кэмин културал»). Два таких «очага» появились и в Килии: один там, где сейчас магазин «Никита», другой – где был летний кинотеатр.

Кроме того, в «образцовых» сёлах – таковыми считались села с преимущественно молдавским населением – строились типовые примарии и школы. В Килийской волости (пласе) такие подарки получили Думитрушть (Дмитровка) и Чамашир (Приозёрное) – сёла тогда чисто молдавские...

Получить среднее образование бессарабцу было очень трудно – в трёх южных жудецах края было всего семь гимназий, а обучение на протяжении только одного триместра стоило полторы – две тысячи лей, кроме того только болградская гимназия обеспечивала своих гимназистов бесплатным содержанием, притом довольно сытным. Очень дорого стоили обязательная гимназическая форма, канцелярские принадлежности, тетради.

В 1938 году неграмотность среди бессарабцев составляла: в городе 37%, в селе 66% (в старом королевстве соответственно 22,5% и 37%). (См. «Статистический ежегодник» 1938 г.).

В начале двадцатых годов богатые килийские экспортеры хлеба многократно посылали в Бухарест ходоков в высокие правительственные сферы с ходатайствами о строительстве в городе гимназии. В конце концов, просьбы и крупные взятки возымели действие, и премьер Анжелеску разрешил построить смешанную полугимназию его имени. Так, в 1922 году Килия заимела, наконец, полугимназию (ныне СШ № 1).

Придя к власти в 1928 году, национал-цэрэнисты стали привлекать на свою сторону молодёжь, организуя молодежные клубы.

В такой клуб был преобразован и «культурный очаг» при кинотеатре «Иллюзион» (летний кинотеатр). Молодежь туда привлекали шашками, домино, чаем, кофе, лёгкими закусками и шаткими подмостками, где разыгрывались пьески, в которых героями были румынские офицеры со скрипящими портупеями и звенящими шпорами и аксельбантами, при пистолетах и саблях. Нередко это привлекало юношей, в повседневной жизни до дыр занашивавших единственную рубашку, да и ту домотканую.

В одной такой пьеске участвовал и рослый белобрысый юноша Митя Соловьёв. До тех пор, пока его старший товарищ

Шая Дижур, увидя друга в павлиньей форме, не спросил: «А не в такой ли форме были те, кто в 1924 году расстреляли твоего отца?» Много лет спустя Д.И. Соловьёв вспоминал: «После этого вопроса мне мигом расхотелось играть в таких пьесах, и я стал постепенно приобщаться к молодежному революционному подполью».

Кого-то в цэрэнистский клуб привлекала возможность научиться играть на гитаре и выступать в струнном оркестре. Из такого оркестра в революционное подполье перешёл друг Д.И. Соловьёва, Пётр Порфирьевич Денисов. Отчего можно с уверенностью утверждать, что ни в Бессарабии в целом, ни на ее многонациональном юге румынским властям не удалось разыграть националистическую карту – разжечь межнациональную рознь. Лучше всего об этом свидетельствует многонациональный состав бессарабцев – узников политической тюрьмы Дофтаны.

В начале тридцатых годов румынские власти стали осуществлять специальный закон о румынизации, по которому с хорошей работы или государственной службы изгонялись евреи, русские, украинцы и представители других национальностей (не румыны), на их места предписывалось принимать румын или тех, кто официально объявил себя таковыми.

При этом и бессарабские молдаване должны были именоваться румынами. Такой же принцип осуществлялся властями при приеме бессарабских молдаван в гимназии и высшие учебные заведения и при прохождении военной службы (что, впрочем, не избавляло их от издевательств, как «внуков Сталина»). Вместе с этим усиленно насаждался и румынский язык. «Железной гвардии» и потакавшему ей королю, его камарилье, не удавалось сделать румынскую разновидность фашизма массовой в этой провинции. Небольшие ячейки этой заразы состояли, как правило, из румын, прибывших из старого королевства. Даже в Ясском университете, в котором преподавал Александр Куза, числившийся «крестным отцом» румынского фашизма, студенты-бессарабцы, как правило, не шли на фашистскую удочку. Зато Ясский университет, можно сказать, был одной из молодёжных цитаделей румынского комсомола и коммунистической партии – немалое число его студентов-бессарабцев были воспитанниками коммунистических и комсомольских организаций, среди них Елена Сырбу, Александр Гуцан и другие.

Что касается Килии, то тут сигуранца особенно бдительно следила за тем, чтобы в город не проникли коммунистические идеи.

3 ноября 1931 года в Измаильскую префектуру из килийской бригады сигуранцы поступило донесение:

«Имеем честь доложить вам, что в ночь на третье ноября сего года в городе Килия распространены 30 коммунистических листовок, написанных на русском языке и отпечатанных на шапирографе, из которых направляем вам один экземпляр в переводе. До сего времени виновные не установлены». (Изм. архив, ф. 312, оп. 1, д. 66, л. 203).

Действительно:

Голодом можно мозг уничтожить,
Пулей сердце пробить.
Стремленье народа к свободе
Ничем не убить!

(Ф. П. Руденко. «Легенда Дофтаны».)

Понесшее в ходе Татарбунарского восстания и после него большие потери, антиоккупационное движение возродилось.

Как конкретно это произошло в Килии? Об этом рассказывают ветераны-подпольщики, к примеру, Шая Лейбович Дижур.

«Начинали с кружков политграмоты – политэкономии, прогрессивной литературы и газет. Из Бухареста, Галаца, Кишинёва, Измаила просачивалась в Килию, попадала в кружки и советская литература, «Мать» Горького, например, газеты, журнал «СССР на стройке», «Искра» – газета компартии Румынии, журналы, газеты, издаваемые румынскими прогрессивными литераторами Тудором Аргези, Михаилом Садовяну. Кто входил в такие просветительские кружки? Рабочая молодёжь – прежде всего портовики, рабочие лесопилок. Сама жизнь в условиях всё более обостряющегося кризиса подсказывала, что из пассивных слушателей пора превращаться в активных борцов. Вот типичный пример такой диалектики». (Архив Килийского музея).

В преддверии зимы 1931 года доведенные до отчаяния нищетой несколько портовых кэрущашей-возчиков и грузчик внесли предложение: деньги из профсоюзной кассы разделить между семьями крайне нуждающихся. Профсоюзный босс, доктор Салакин, не дослушав ходоков, грубой бранью прогнал их из профсоюзного дома.

В защиту портовиков выступила газета портовиков измаильских «Красный портовик», издаваемая коммунистами. В декабре – январе следующего года она писала: «Рабочие не имеют права прибегать к забастовкам для защиты своих интересов. Разве господа Салакины и им подобные не эксплуатируют рабочих? Разве они выбираются рабочими на общих собраниях и

дают отчёт о своей деятельности перед нами? Разве они выдвигают на командные посты кого хотят? Особенно жестокое наступление на рабочих осуществляется в Измаильском уезде».

Несмотря на вмешательство капитании (управления) порта и крупных экспортеров хлеба и даже полиции, Салакин перестал быть боссом килийских портовиков. (Изм. архив, ф. 312, оп. 1, д. 78, л. 291).

Когда в 1927 году вернулся из заключения бывший член ревкома Килийского подрайона И.И. Стериополо, в Килии уже были молодые кадры, готовые организоваться в антиоккупационное подполье: с одной стороны, молодые рабочие, с другой – гимназическая молодёжь – Емилиан Буков, братья Стериополо, Корней Митрофанов, Борис Чебанов. Они составляли килийскую группу наиболее прогрессивной учащейся молодёжи, входящей в организации, именуемые «Красный школьник». Шефами этой организации были комсомол и компартия Румынии. На первый взгляд, их дело – социальная защита учащейся молодёжи и просветительство. Но проводилась эта работа в государстве, которое быстро скатывалось к фашизму. Поэтому многие из числа этой молодёжи уже побывали в подвалах полиции и даже в застенках сигуранцы, где познали, что значит «целовать бычью жилу» – быть битым плетью из этих самых жил. Те, кто выдерживал такие испытания и не отрекался от своих идеалов, шли в комсомол и далее – в компартию Румынии.

Измаильское, Кишинёвское, наконец, бухарестское коммунистическое подполье, убедившись в закалке, выдержке, твердости, стойкости такой молодёжи, поручало ей всё более серьезную работу: занятия в кружках политграмоты, сбор средств для помощи революционерам по линии этой международной организации (МОПР).

Приближался 1929 год, а с ним, как оказалось, мировой экономический кризис, следовательно, и в Килии наступило время, когда настоятельно требовалось организовать спонтанное рабочее движение портовиков, лесопильщиков, мукомолов, ремесленников. Для этого нужна была собственная подпольная коммунистическая организация.

В 1928 году за такую организационную работу принялся Измаильский уездный комитет компартии Румынии. В Килию стали наведываться члены Измаильского уездкома, коммунисты Сергей Бурлаченко, Кирилл Семидетков, Поштаренко Исаак и другие. Теоретическую подготовку будущих молодых членов килийской и коммунистической ячейки умело осуществлял И.И. Стериополо.

В начале 1929 года коммунистическая ячейка в городе была создана и начала действовать во главе со Срулем Рувимовичем Бронштейном (подпольная кличка Шмуль). Шая Дижур в ячейке был ответственным за агитацию и пропаганду, Сливенко Алексей Ефремович был «техником» – ведал шапирографом, добывал бумагу, чернила, придумывал приспособления для подвешивания транспарантов и испытывал их в ходе опасной практики. Молодые Дмитрий Игнатьевич Соловьёв и Петр Порфирьевич Денисов действовали в тройке с опытным конспиратором Ивановым Василием Захарьевичем – членом Нижне-Дунайского крайкома (Галац). Тройкой, работавшей в порту, руководил боевой лидер портовых рабочих Стесенко Михаил Иванович, и ещё одна коммунистическая тройка действовала среди рабочих лесопилок...

В ноябре 1932 года под руководством Сергея Даниловича Бурлаченко прошла самая мощная в Бессарабии стачка – стачка измаильских портовиков. Она пришлась на разгар вывоза зерна: в порту погрузки ожидали иностранные суда, в городе 200 подвод, съехавшихся со всего юга Бессарабии, а порт замер – не помогли тульчинские штрейкбрехеры, измаильские полицейские и гарнизон. После десяти дней стачки хозяева пошли на уступки – набавили зарплату и сократили рабочий день.

Старым лидерам профсоюза килийских портовиков во главе с Салакиным тогда удалось сорвать стачку солидарности килийских портовиков с измаильскими, но Салакину и Костенко это стоило портфелей профсоюзных боссов.

Килийские полиция с сигуранцей свирепствовали вовсю, стараясь разгромить килийское подполье – арестовывали подозреваемых, избивали, пытали, но напасть на настоящий след долго не удавалось. Килийское подполье действовало. Основными направлениями его работы были порт, лесопилки, молодёжь, сёла волости, связь с Измаилом, Галацем, Кишинёвом, Бухарестом.

К 1932 году килийская комсомольско-коммунистическая организация насчитывала двадцать человек, организации и ячейки действовали также в Кара-Мехмете (Шевченково) – во главе с участником Татарбунарского восстания И. Царенко, в Еникёе (Новосёловка), в Фурманке, Нерушае, Чишме (Струмок), активно действовала подпольная коммунистическая организация в Вилково. Интересы работы потребовали создания Килийского подпольного райкома компартии. Случались и аресты – вначале отдельные, довольно случайные. При этом Шаю Дижу-

ра, Георгия Сокуренка в сигуранце жестоко избивали, грозили расстрелять, но молодые подпольщики держались стойко – никого не выдали.

Монархия Карола II с самого начала проявила тенденции к тоталитаризму, милитаризации, в конце концов – к открытому фашизму. При новом короле стали перестраиваться, а точнее, строиться заново отрасли промышленности, работающие на армию, на войну. Если раньше почти всё оружие для военных ведомств королевства приобреталось за границей, то теперь строились военные заводы, изготовляющие стрелковое, артиллерийское вооружение, боеприпасы к нему, румынские или смешанного капитала предприятия, при этом король был их обязательным совладельцем. А в том, что касается производства всевозможной амуниции, обмундирования, аксессуаров к нему – кокарды, эмблемы, галуны, аксельбанты – то король был главным монополистом в производстве всего этого. Дело это было чрезвычайно доходным, и владелец этого производства добивался того, чтоб королевские вооруженные силы были самыми пышными в Европе. Они и стали такими, в ущерб боевым качествам.

Был Карол II и большим любителем получать подарки в виде акций от румынских и работающих в стране иностранных фирм, не чурался подарков и в виде крупных сумм иностранной валюты, драгоценностей, лишь бы были они подороже. Братья Аушницы всегда, особенно на Новый год, дарили королю массивные золотые портсигары – играючи, король срезал их прямо с ёлок. Нередко к таким дарениям приходилось прибегать и не под Новый год – когда король очень уж настойчиво начинал ухаживать за молодыми женами уже не очень молодых хозяев...

Такие «инциденты» происходили при визитах Его величества к «королям» румынской стали, чаще чем к другим некоронованным «королям». Действуя всеми законными, а чаще незаконными способами Карол II Гогенцоллерн румынский в скором времени после восшествия на престол нищего румынского народа стал богатейшим лицом в Европе. В тогдашней Европе он был не только одним из самых богатых, но и едва ли не самым воинственным королем.

Все более воинственными становились и румынские генералы, а граничащая с Советским Союзом Бессарабия стала самой милитаризованной провинцией королевства. Командир осуществляющего оккупацию Бессарабии III армейского корпуса генерал Драгу, по свидетельству венской газеты «Ди роте фанэ», еще 16 февраля 1930 года корреспондентам этой газеты заявил: «Мой

корпус готов идти в поход на СССР». С каждым годом все больше становился военный бюджет королевства – деньги, содранные с народа, рекой текли в бездонные королевские карманы. Все чаще у границ СССР проводились маневры румынской армии. На очередное увеличение военного бюджета Румынии, на очередные провокационные маневры королевской армии у советских границ известный советский поэт Демьян Бедный ответил стихами:

Сколько шику, сколько блеску!
Сабли, шпоры и ... поборы.
Сыпьте леи, дуралеи!
А в народе говорят:
Лей – лей, не жалей на бояр и королей!

Газеты королевства, в том числе бессарабские, пишут о голодных обмороках учащихся и даже гимназистов, а государство милитаризируется.

Принят новый закон о допризывной подготовке молодежи. По этому закону юноши с 18 до 20 лет должны были проходить курс допризывной подготовки. Целью – укрепление морального духа и национальных устоев, культивирование духа порядка, гражданской дисциплины и физического здоровья. На деле все это оборачивалось жестокой муштрой и истязаниями, ибо дух моральный и порядок вбивался палками фельдфебелей, теми же орудиями культивировалось здоровье, да так, что истязаемые допризывники «премилитары» получали тяжкие увечья, от которых не всегда спасали и вшитые в брюки лоскуты одеял или овечьих шкур. И так 40–50 дней в году плюс недельные лагерные сборы.

Расплачивался за это трудовой народ на местах – в местные бюджеты закон вносил специальные статьи расходов. Королю же лично все это приносило немалый доход – парадное обмундирование для «премилитаров» шилось, и деревянные винтовки изготовлялись на королевских фабриках.

Бессарабцам, особенно нерумыноязычным, допризывная подготовка приносила дополнительные истязания вследствие того, что они, как уже отмечалось, еще с довоенной поры в румынской королевской армии были занесены в разряд «внуков Ленина и Сталина». Естественно, что допризывники и молодые солдаты были важным полем деятельности комсомола и компартии Румынии – важным, но трудным, забитым из-за неграмотности. Большую работу по политическому просвещению этой категории молодежи проводил П.П. Денисов и не только в Килии, а и в городах старого

королевства – Яссах, Тимишоаре, Араде. В результате родились «общества красных рекрутов». В борьбе с надвигающимся фашизмом надо было сомкнуть ряды прогрессивной гимназической, студенческой, армейской и рабоче-крестьянской молодежи. Для этого по поручению старших товарищей из Бессарабского обкома КПР Константина Степановича Сырбу, Федора Павловича Руденко, Сергея Даниловича Бурлаченко (который, будучи на нелегальном положении, часто менял местопребывания) в молодежной среде создавались организации «Красный школьник», «Союз революционных студентов». Сотни юношей и девушек входили в эти организации (названия из конспиративных соображений менялись, но организации оставались боевыми помощниками комсомола и компартии в борьбе с надвигающимся на страну фашизмом). В начале тридцатых годов среди вожаков этих организаций были Емилиан Буков из Килии – гимназист из Кишинёва, студент литературно-философского факультета Бухарестского университета; Александр Гуцан из села Ташлык Аккерманского уезда (Каменское Арцизского района), в середине тридцатых годов он возглавил Аккерманский уездком комсомола; Александр Рогожинский из Аккермана; отважная, неукротимая семнадцатилетняя Елена Сырбу – студентка медфака Ясского университета и многие другие бессарабцы.

«Красный школьник», комсомол, компартия, застенки сигуранцы, страшные тюрьмы румынского королевства Жилава, Мисля, Думбравены, Дофтана – их жизненный путь. Но они и такие, как они, всю свою жизнь посвятили борьбе с фашизмом. Их не могли сломить тюремные казематы, пытки, печально знаменитая «мельница», когда по голому телу со связанными руками, подвешенному на перекладину, сразу четверо-пятеро здоровенных палачей били палками, плетьми, ремнями. Утомлялись усердные озверевшие палачи, а их жертвы оставались несгибаемыми.

Мы – смена мученикам жизни,
Мы – помощь пламенным борцам.
Мы свежей кровью в жилы брызнем
Уставшим, раненым бойцам.

Эти строчки «Гимна Коммунистического интернационала» стали их клятвой, которую они не нарушили ни разу в жизни.

Женские тюрьмы «Мисля», «Думбравены» были страшны не только жесточайшими, изощренными палачами, но и стаями голодных крыс, которые, бывало, загрызали обессилевших от пыток узниц. И через такое прошли и не были сломлены Елена Сырбу из Молдовы, Наталья Чёрная из Вилкова.

Несмотря на все старания, долгое время килийская сигуранца и полиция не могли добраться до килийского антифашистского подполья. Жандармы и агенты сигуранцы могли лишь с ненавистью срывать со стен, с заборов листовки и плакаты подпольщиков, да сообщать об этом в Измаил и Кишинёв. Вот сообщение полиции от 29 апреля 1932 года:

«В четыре часа тридцать минут, в связи с произведенной проверкой в городе, городовым полиции Андреем Николае был обнаружен плакат из красного материала, подвешенный на веревке за телеграфный провод вблизи шлагбаума при выезде из Килии на Кара-Мехмет. На плакате наклеены буквы, вырезанные из белой бумаги: «Долой антисоветскую войну!» Материал натянут на раму из толстого телеграфного провода в форме четырехугольника 70 на 75 сантиметров.

На этом же месте найдена на земле листовка, написанная на румынском языке, на шапирографе, печатными буквами за подписью Измаильского уездного комитета компартии и комсомола, в которой призывают всех рабочих и крестьян в день первого мая покинуть станки, фабрики и мастерские и массами выходить на демонстрации, чтоб показать капиталистам, что они составляют большую массу. Из произведенных расследований до сего времени невозможно было установить виновных в вывешивании плаката». (Архив, Измаил, ф. 312, оп. 1А 68, п. 1).

29 июля того же года килийская полиция вынуждена была докладывать измаильской сигуранце: «Этой ночью найдено 24 листовки коммунистического характера, посвященные дню первого августа. В листовках призывают народ к беспорядкам, а в случае войны – направить оружие против тех, кто дал им его. Листовки напечатаны за подписью: Килийский комитет компартии». (См. там же п. 68).

С установлением фашистской диктатуры в Германии в 1933 году и в Румынском королевстве «Железная гвардия» и другие фашистские организации активизировали свою деятельность, они стали платной «пятой колонной Гитлера» в Румынии. На деньги, получаемые из фашистской Германии, румынские фашисты основали новые издательства и органы своей печати, в Бессарабии стал издаваться фашистский листок «Голос Бессарабии».

«Легионы смерти» «Железной гвардии» развернули террористическую деятельность невиданных в Румынии масштабах.

Одним из первых на борьбу против новой волны фашизма поднялась молодежь из «Красного школьника». Его обращение к румынской молодежи гласило: «Красный школьник объявляет

открытую борьбу всем фашистско-шовинистическим организациям, которые с помощью демагогических лозунгов стремятся увлечь молодежь на путь предательства интересов молодежи. «Красный школьник» борется:

– за демократическое автономное самоуправление в школах,

– за всеобщее, бесплатное начальное образование,

– за бесплатное содержание всех бедных учащихся, вне зависимости от их национальной принадлежности и вероисповедания,

– за преподавание на родном языке и необязательность религии».

(См. Нацархив Молдовы: ф. 680, оп. 1, д. 3539, л. 10).

Уже комсомольцем нередко приезжал в родной город студент Емилиан Буков (он же Букур Раду, Раду Василе) не просто на каникулы или на побывку, а еще и с заданиями ЦК комсомола Румынии. Килийские подпольщики Д.И. Соловьёв, Д.З. Иванов вспоминали: «Где-нибудь в глухомани Маякских плавней или в трясинах острова Кислицкого он передавал пакеты с листовками и подпольной литературой».

На встречах с килийской молодежью, рабочей, гимназической, Буков читал свои стихи, выступал с речами. Сыщики сигуранцы следовали за ним по пятам, самых красивых и шустрых девиц в качестве провокаторов подсылала к нему сигуранца, «друзей», «сочувствующих» – также. Долго не попадался на удочку пропагандист. И все же тут в родном городе он был арестован – выслуживалась перед Бухарестом килийская сигуранца.

На память о тюремной камере остались стихи:

Ко мне в тюремное окошко
Пришло сегодня Солнце вдруг.
– Откуда, брат? – спросил я Солнце.
Оно в ответ: «С Востока, друг».

Весной 1933 года килийское подполье понесло серьезные потери (может быть, и потому, что длительный успех притупил бдительность некоторых подпольщиков). К Первомаю подпольщики напечатали до полутора сот листовок, в которых писали:

«Мы сеем хлеб, а умираем с голода, мы строим палаты для эксплуататоров, а живем в конурах, мы рубим дрова, а умираем от холода. Справедливо ли, чтоб кучка паразитов жила за счет нашего трудового пота?»

Два плаката на красном материале с лозунгами: «Да здравствует Коммунистическая партия!» и «Да здравствует Советская Россия!» предполагалось набросить на телеграфные провода.

Часть листовок была направлена в Вилково и села волости, около половины предназначалась для распространения в Килии, плакаты должны были вывесить звено Д.И. Соловьёва и звено П.П. Денисова и Г.А. Сливенко. Звено Д. Соловьёва, не встретив особых трудностей, выполнило задание, звено же Денисова и Сливенко на Кара-Мехметской дороге (улица Красногвардейская) было вспугнуто полицейским патрулем. П. Денисов затаился, пока проходил патруль и советовал обождать, чтобы полицейские ушли подальше. Но горячий Е. Сливенко, обозвав Денисова трусом, оставил его расклеивать листовки, а сам с громоздким плакатом под плащом отправился в центр города, к зданию полиции (ныне Ленина, 9), намереваясь вывесить плакат на нем. Но на центральной площади его перехватил и обыскал полицейский патруль. Плакат был обнаружен и вместе с носителем доставлен в полицию (не помогли и 500 лей предложенной жандармам взятки). Через две тройки подпольщиков во главе с самим секретарем Килийского райкома компартии и комсомола тоже оказались в подвалах полиции.

Как развороченное осиное гнездо, взвились килийская полиция и сигуранца, то же произошло в Вилково и во всем Измаильском жудеце. Прошли повальные аресты «подозрительных». Кроме Соловьёва, Денисова, Сливенко и Бронштейна в Килии были арестованы и предстали пред судом П.М. Караняга, З. Гринберг, П. Кутыло, И. Кравченко, Т. Шевченко, В. Ковалёв, И. Челак, Д. Иванов, Т. Швайко – коммунисты, комсомольцы, – авангард килийских рабочих, молодежи. Волна арестов прокатилась по Вилково, где были арестованы: Гончаров Савва Афиногенович, Изотовы Аким и Иван Калиновичи, Голубов Иван Арсеньевич, Сычёв Михаил Семенович, Кравченко Семен Иванович, Господарёв Федор Изотович...

Соловьёв, Денисов, Сливенко и Кравченко получили по году тюрьмы. Все ужасы Дофтаны и других политических узилищ Румынии прошли неустрашимые бойцы антифашистского подполья. Самой страшной была Дофтана. Ее персонал прошел «курсы усовершенствования» в гитлеровском гестапо, а начальником был назначен садист Савинеску Еужен, вскоре заслуживший у заключенных кличку Балаур-Дракон, которую он оправдывал сполна. Ко всем пыткам, которыми славилась Дофтана, прибавился изуверский «режим молчания» – кто кричал, хотя бы под пытками, дополнительно получал карцер – каменный мешок, в котором кружку воды и кусок заплесневелой мамалыги приносили через день.

А можно было получить заключение в блок «Аш» – там железный пол зимой и летом был залит водой, доходившей до щиколоток, и не было ни кровати, ни даже табурета, а за сидение на корточках жестоко избивали.

«Дракон» прекратил работу тюремной библиотеки, строго нормировалось число писем и посылок, которые мог получить заключенный в год, уменьшилось число и время прогулок заключенных. Но, главное, запрещалась любая форма общения заключенных, разговор во время прогулок, переговоры через «глазок» камер, пение, тем более – громкий протест, короче говоря – режим полного молчания – мертвой тишины.

Вот в такой режим угодили Д.И. Соловьёв и Е.А. Сливенко. Но сильнее любого режима был дух «Красного Татарбунара» – среди узников Дофтаны. В ней томились И.Н. Батищев, И.Н. Галузинский и другие участники Татарбунарского восстания.

У них учились мужеству молодые борцы. Вместе, несмотря на запрет, голод, холод и пытки они боролись против садистского режима Савинеску. Грозно звучали в Дофтане песни «Красного Татарбунара», рождались новые стихи Федора Павловича Руденко из Шабо, братья Сорочаны из Татарбунар перекладывали их на музыку. Так родилась и зазвучала песня Дофтаны:

Где вышки стоят – великаны,
И нефть потоком в долину бежит,
От глаз и ушей затаившись средь сопок,
Сумрачный замок стоит...
Суров он и будто безлюден,
Но в нем непрерывно и грозно звучит
Голос политзаключенных.

На протесты и требования заключенных администрация отвечала организацией массовых жестоких избиений. И тогда из всех окон тюрьмы начинал греметь согласованный крик политзаключенных: «Не бей!» Эхом он далеко разносился по ущельям по долине речки Праховы. Администрация приказывала бить в набат, но гром набата не мог заглушить протестов заключенных. Им на помощь приходили рабочие нефтепромыслов, крестьяне окружающих деревень.

В конечном итоге власти вынуждены были сменить Савинеску, отменить его садистский режим, дать дофтанским узникам режим политических заключенных. А песня «Дофтана» стала гимном политзаключенных не только этой, но и других тюрем королевства:

Голодом можно мозг уничтожить,
Пулей сердце пробить,
Но стремление к Солнцу
Нельзя утопить даже в крови,
Волю к свободе ничем не убить.

Музыкой к стихам Ф.П. Руденко стала мелодия песни сибирских политкаторжан «Слушай!» Дофтанские поэты сложили стихи и на мелодии советских песен, например, на мелодию знаменитой «Молодой гвардии». Килийские узники грозной Дофтаны в ее репертуар добавили свои «липованские» творения. Вот несколько строк таких стихов:

За горами да за Карпатами
Течет быстрая речка Прахова.
За решетками, да за проклятыми
Там томится рабочих семья.

Песни оказались на воле раньше авторов, их создавших. Как и прилетевшие из-за Днестра песни из советских кинофильмов, они вошли в репертуар антифашистского подполья, стали оружием борьбы за свободу Бессарабии от румынских оккупантов.

Усиление милитаризации страны и фашистской угрозы требовало мобилизации сил в Бессарабии на борьбу с этой опасностью. И в 1932 году в Бессарабии образуется «Антивоенный комитет», который должен был координировать все формы легальной, массовой борьбы против милитаризации и фашизма, для работы в этом направлении с молодежью, – чтоб она не пополняла ряды «Железной гвардии» и других фашистских организаций, не была их резервной. В июле 1933 года рождается «Антифашистский комитет». Дискуссионные молодежные клубы, литературные вечера, и более узкие «литературные чаи», лотереи по оказанию помощи нуждающимся гимназистам и студентам – вот изначальные формы работы с молодежью. Формы вполне легальные, но сигуранца и полиция нередко преследовала и их.

В 1933 году из заключения в Килию вернулся член Нижне-Дунайского крайкома компартии Румынии Василий Захарьевич Иванов, в следующем году – Дмитрий Игнатьевич Соловьёв, и килийское подполье – крупнейшее и одно из самых активных на юге Бессарабии – стало еще более активным. Оно стало распространять не только листовки, поступающие из Кишинёва и Измаила, но и собственной печати. [В них клеймится гонка вооружений, развязавшаяся крупнейшими капиталистическими странами, в особенности фашистской Германией под лозун-

гом: «Пушки вместо масла!»]. В них клеймится и гонка вооружений, в которую все больше втягивалась Румыния, ей для пропаганды этой гонки больше подходит лозунг: «Пушки вместо мамалыги!» В тот год во многие префектуры королевства поступала информация, подобная той, что вышестоящему начальству из Килийской волости (пласы): «Во всех селах Килийской волости нет семян для весеннего сева. Население не имеет ежедневного питания». (Изм. архив, ф. 52, оп. 1, д. 540, л. 51).

Суровым предупреждением бессарабцам, призывом к бдительности звучит листовка, написанная Александром Гуцаном, секретарем Аккерманского уездкома комсомола и юной антифашисткой Еленой Сырбу:

«Румынская буржуазия готовит интервенцию против Советского Союза. Фашистский закон о допризывной подготовке призван воспитывать трудящуюся молодежь в шовинистическом духе и подготовит из нее «пушечное мясо». Молодые рабочие и крестьяне, мы не будем слепым орудием в руках буржуазии! Молодые рабочие, крестьяне, студенты и школьники, сомкнем наши ряды в единый фронт борьбы против фашизма!» (См. Нацархив Молдовы, ф. 173, оп. 1, д.27, л. 197).

Прозорливостью и мужеством надо было обладать, чтоб в скатывающемся в кровавое болото фашизма королевстве, за много лет до его вхождения в фашистский блок, писать такие призывы!

В начале второй половины тридцатых годов отсталая аграрная Румыния раньше более развитых капиталистических стран оказалась в тисках нового мирового экономического кризиса. Очень остро сказался он и в Придунавьи. Килийские экспортеры хлеба, капитания порта, владельцы крупных пекарен и паровых мельниц перешли в новое наступление против трудового люда, решив снизить зарплату на сорок процентов, а цены на хлеб поднять на два лея, сделав их выше, чем в Измаиле.

В этих условиях Килийский подпольный райком компартии и руководимые им профсоюзы возчиков хлеба и портовых грузчиков стали организаторами борьбы рабочих за свои права – прежде всего, на труд и полную зарплату за него. Пятого февраля 1936 года появился первый номер газеты Килийского подпольного райкома «Серп и Молот». Те, кто писали передовую статью первого номера, хорошо знали условия работы и жизни килийских рабочих, особенно портовиков и поэтому передовая статья наставляла рабочих, их жен: «Надо протестовать против уменьшения зарплаты, отказаться от привычки «Нехай другі ідуть, там і без мене обійдуться», и всем вместе дружно, членам

профсоюза и тем, кто вне его, – отстаивать свои права вплоть до всеобщей забастовки».

Обращаясь к рабочим, газета писала: «Ваши жены изнурены тяжелой работой, голодом, ваши дочери, вырастая, вынуждены идти в прислуги к буржуям, ваши сыновья, едва набравшись сил, подставляют плечо под мешок. Вместо образования в высших учебных заведениях вашим детям широко представляют «образование» в кабаках, чуть не в каждом переулке...» Кстати, о кабаках, газеты предупреждала: «Не брать зарплату крупными купюрами, чтоб не разменивать их в тех же кабаках, пропивая полностью всю зарплату». (См. Изм. архив, ф. 312, оп. 1, д. 68, л. 206).

«Душой» газеты «Серп и Молот» был В.З. Иванов, корреспондентами – рабочие порта, пилорам, мельниц – люди, пишущие о наболевших проблемах со знанием дела. И маленькая, в тетрадную страницу, газета, печатавшаяся на шапирографе, стала не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором рабочих масс. За ней и за теми, кто ее выпускал, усиленно охотились сигуранца и полиция.

Под угрозой ареста в начале 1937 года В.З. Иванов вынужден был оставить хорошо оплачиваемую работу помощника главного механика килийской городской электростанции (главным был немец от фирмы АЕГ), родной дом и город и уехать в многолюдный Бухарест. Но по делам подполья он бывал в Галаце, Измаиле, откуда порой пешком по ночам добирался и до Килии.

В 1937 году Килийский подпольный райком возглавил рабочий лесопилок Пономаренко Иван Иванович – авторитетный, уважаемый не только среди рабочих своего производства, но и среди портовиков. Во время Первой Мировой войны он воевал и в составе русских бригад во Франции. После Февральской революции вернулся в Килию, был одним из сподвижников И.С. Соловьёва и М.Г. Денисова. Преследуемый сигуранцей и полицией, после Татарбунарского восстания он несколько лет скрывался в селах юга Бессарабии. Килийское подполье возглавил, когда в мире фашизм перешел в открытое военное наступление. После того, как летом 1936 года на весь мир по радио прозвучал пароль испанских фашистов «Над всей Испанией безоблачное небо!», в особенности с началом итало-германской интервенции против Испанской народной республики, и в килийском подполье нашлось немало добровольцев, стремившихся с оружием в руках сражаться против фашизма на испанской земле. Из многих Килийский подпольный райком выбрал лучших из лучших:

Захария Соколова, Валентина Казаку и Бернадского Федора. Был организован и сбор средств на дальнюю дорогу добровольцев-интернационалистов через всю Европу. В этом активное участие приняли и такие известные в Килии люди как Наум Яковлевич и Самуил Яковлевич Рабиновичи, Хаим Львович Пивоваров и другие килийцы из еврейской общины.

Килийские добровольцы были людьми не только отважными, но и грамотными, поэтому в Республиканской Испании они были определены в Отдельный интернациональный артиллерийский полк, в составе которого и громили испанских, итальянских и германских фашистов.

Это о них и им подобных испанский поэт Рафаэль Альберти написал стихи:

О, пусть далек ваш край – не существует дали
Для сердца, что поет, не зная рубежей.
Бойцу почетна смерть, – вы эту смерть встречали
В горящих городах, среди немых полей...
О пусть далек ваш край – великий, или малый –
На карте может быть не больше он пятна.
Вас общая судьба в одну семью спаяла,
И вы пришли сюда, забыв про имена.

Кровавое шествие остановили много лет спустя на полях сражений в России. А в трагическом 1939-м килийским интернационалистам с остатками т. н. Каталонской республиканской армии довелось отступать по горным кручам Пиренеев во Францию. Это тогда промозглым мартом в горах:

Ветра точили скалы,
Испания, доспехи волоча,
На север шла.
И всю ночь кричала
Труба помешанного трубача...

(И. Эренбург).

Во Франции воинов-интернационалистов ждал лагерь для интернированных, фактически концлагерь. Когда же, в 1940 году, и Франция оказалась под сапогом гитлеровцев, килийские интернационалисты были возвращены в Советский Союз. Тяжело заболевший в лагере для интернированных во Франции В. Казаку вскоре по возвращении в Союз умер, а самый старший из килийских интернационалистов, Федор Бернадский всю Великую Отечественную доблестно трудился для фронта, для Победы.

Захарий Митрофанович Соколов с началом Великой Отечественной, как раньше в сражающуюся республиканскую Испа-

нию, добровольцем ушел в Красную Армию. Как опытный боец, знающий немецкий язык, был зачислен в части особого назначения. В 1944 году пал смертью храбрых в бою в период Словацкого антифашистского восстания.

15 сентября 1937 года Карол II в очередной раз продлил в Бессарабии состояние осадного положения, а это означало увеличение числа «подозрительных», которых по малейшему поводу могли подвергнуть превентивному аресту, объявить заложниками, обыскать, ограбить их жилища, конфисковать имущество, отправить в тюрьму, походя расстрелять «при попытке к бегству». Участились и военные маневры королевской армии, чаще всего с участием самого короля. Маневры «в восточном направлении», как объявила пресса: Приглашались гости, обычно германские, польские военные. После маневров – высочайший загул с охотой, «ухой» в любимом Вилково. В таких случаях по всему югу Бессарабии в виде профилактики производились массовые аресты «подозрительных». В Килии ими неизменно оказывались Д.И. Соловьёв, П.П. Денисов, Д.З. Иванов.

В 1938 году король и королевство сделали очередной большой шаг к полной фашизации страны – королевским указом от 31 марта отменялась конституция, распускались парламент и все политические партии. Всю полноту власти взял в свои руки король Карол II, диктатура которого прикрывалась отныне фиговым листком «Коронного совета» – его членов подбирал сам король из числа самых доверенных и послушных лиц своей камарильи. В декабре того же 1938 года король попытался подвести под свою диктатуру социальную базу в виде единственной, единой общенациональной партии «фронт национального возрождения», или «Партии нации», как именовал этот «фронт» сам король. В конечном итоге (этот конечный итог грянул довольно быстро) ни тоталитарная власть короля, ни мертворожденный политический монстр в виде «фронта национального возрождения» не спасли Карла II и установленный им режим, и саму «Великую Румынию» от позорного краха, от страшной катастрофы, которую таким способом намеревались предотвратить. Но зато, какой хаос пертурбаций, какую грызню за большие, средние и малые портфели, а с ней невероятную коррупцию, какую пестроту новых обязательных мундиров, знаков отличия, эмблем для чинов гражданских всех ведомств и военных всех родов войск и видов оружия породило это нововведение! Какие доходы потекли в бездонные карманы короля, – ведь все это изготовлялось по большей части на королевских фабриках и заводах!

Не говоря об армии, в новые пестрые с позолотой униформы оделась вся официальная Румыния от юнца – «стрэжера» (аналог «Гитлер югенд») до министров – на это уходила значительная доля госбюджета, всевозможные специальные поборы, иностранные займы. Страна нищала, король, его камарилья богатели... Богатели баснословно.

Ну, а в Килии? В 1938 году в городе образовался многолюдный коллектив строителей элеватора. В основном это была молодежь, в числе которой были вернувшийся из румынской армии Дмитрий Соловьёв, из Бухареста – Петр Денисов и молодые люди, которым вскоре предстояло идти на службу в румынскую армию, куда матери, жены, невесты провожали своих родных и близких с плачем и причитаниями, как по покойнику, и не только в Бессарабии, а и в старом королевстве – стране, в которой об армии слагались самые грустные песни и «дойны». В общем, на строящемся элеваторе складывалась обстановка, благоприятная для антивоенной, антифашистской пропаганды.

Организация работала в тесном контакте с товарищами из лесопилок и порта с революционной молодежью города, вилковским подпольем. На этой линии, а также внутри Килии часто связной бывала Паламарчук Мария Алексеевна – жена Николая Алексеевича.

В бочонках с селедкой и хамсой, поступающих из рыбацкого городка, нередко оказывались «вложения» в виде листовок, литературы, депеш. Такие же «сладости» порой поступали в ящиках с мармеладом и в коробках с халвой из Галаца и Измаила.

Несмотря на огромный риск в килийскую «глубинку» все же добирались связные из-за Днестра. Особенно запомнили килийские подпольщики красивую женщину, прибывшую из-за Днестра в 38 году. В роскошном экипаже, имитируя знатную даму, она перемещалась по Придунавью...

Чем ближе был полный крах режима оккупантов, тем больше было уклоняющихся от призыва в румынскую армию – кочевали из села в село, убегали в плавни. Массами уклонялись рабочие и крестьяне и от мобилизации на строительство новых и на ремонт старых оборонительных линий в королевстве... Самые решительные сбегали даже за Днестр.

Шеф вилковской полиции весной 1940 года докладывал измаильской сигуранце: четыре юноши, украв лодку, уплыли морем в Россию, чтоб скрыться от мобилизации 1940 года. (См. Изм. архив: ф. 312, оп. 1, д. 105, л. 341–342).

И в 1939 году, и в 1940-м килийское и вилковское подполья понесли потери. В июне 1939 года были арестованы килийские подпольщики Пономаренко Иван – «Владислав», Паламарчук Константин – «Костикэ», рабочий килийской лесопилки Гаетан Петр – «Наум», Руляков Иван – «Сашко», Андреев Даниил – «Нику», Пивоваров Хаим Львович – «Лёва» – по одному лишь подозрению. Бойцы подполья угодили в концлагерь для подозрительных, но и там организовали саботаж в работе на военное ведомство королевства – в лагере делали макеты танков и орудий из дерева и даже из камыша, которые румыны устанавливали на линии укреплений «Карол» на Днестре. (Там же).

Мария Гаетан доставила из Бухареста в Килию целый чемодан листовок антимилитаристского содержания: «Не позволяйте партии нации (Каролу II) говорить от имени молодежи!

Да будет известно всем: молодежь не хочет быть пушечным мясом в империалистической войне». Мария Гаетан была арестована, но листовки успели разойтись по городу и волости.

Измаильская сигуранца (и подчиненная ей килийская) незадолго перед июнем 1940 года вынуждены были признать: «Все русскоязычное население в крае и в жудеце подозрительно. Даже малые дети в своих семьях получают воспитание по взглядам родителей...

И потому в городе Измаиле и Измаильском уезде всегда существовало коммунистическое движение, которое постоянно проявлялось с момента оккупации Бессарабии румынскими войсками». (Измаильский архив, ф. 312, оп. 1, д. 103, л. 341–342).

Что касается будней города, повседневного труда его жителей, то Килия оставалась важным торговым центром на юге Бессарабии с многочисленными магазинами, лавками, большим базаром.

Известной же на всю Бессарабию, Румынию и даже на всю Европу, особенно южную, ее делал порт. В урожайные и не кризисные годы почти две с половиной тысячи грузчиков – шкелярей, подводчиков, весовщиков, складских рабочих – лопатарей выполняли тяжкий труд переработки груза хлеба, за которым приходили пароходы и баржи, в основном иностранные. В годы неурожайные или кризисные порт почти замирал. Если же работа случалась, то портовики выполняли ее в очередь, установленную их профсоюзом – так, чтоб семьи не умерли от голоду. Как и в XIX веке, никакой механической погрузочной техники Килийский порт не знал.

В течение навигаций действовала и грузопассажирская линия, связывающая бессарабские дунайские порты с портами

румынскими, прежде всего – с Галацем и Тулчей. Из Галаца в Килию поступали различные промышленные товары, из Плоешть – горючее на мельницы, маслобойки, волночески и на городскую электростанцию.

Керосин для ламп и деготь продавался в каменных лавках – пещерах «Петрол», а по окраинам города и селам керосин и деготь развозили живописного вида «дегтяри».

Короля Карола II с его походной камарильей в Вилково «на охоту» и прочие удовольствия доставлял красивый речной лайнер – тоже «Карол II» (в 1940 г. он – «Король Михай I»).

Многочисленной была флотилия килийских лодок. Их имели преимущественно рыбаки и огородники, в особенности те, у кого огороды и сады были на островах. Такие хозяева, если не продавали свою продукцию перекупщикам, то везли ее на продажу в Сулину своими лодками.

Такой хозяин с вечера загружал лодку товаром – чаще всего помидорами, потому что рыбу обязан был сдавать в «Кирган» при рыбнадзоре. С сыном – помощником или на худой конец с женой ночевал в лодке, чтоб еще до рассвета отправиться в дальний нелегкий путь, в основном на веслах. Идти вниз по течению было не слишком тяжело, и к вечеру посудина оказывалась на взморье ниже Вилкова. Еще одна ночевка в лодке и с рассветом – снова в путь.

Морем, вдоль берега, если повезет на благоприятный ветер – под парусом, до не слишком далекого бора Сулины, а там сразу и Сулина.

Помидоры или даже рыбу можно было с выгодой продать. Сулина пользовалась статусом порто-франко, но дома ждали хозяйство, рыбалка, дети. Поэтому товар продавался чаще всего оптом – перекупщику, а самому надо спешить домой.

Если, как свои пять пальцев, знать все русла, руслица, протоки дельты, то в облегченной лодке напрямую домой можно было попасть уже к ночи того же дня. Что и говорить – сложно: в одном лице лодочник, лоцман, огородник или рыбак!

Медленнее чем, скажем, в Татарбунарах, но технический прогресс пробивался и в Килию. Стараниями примаря Зака и секретаря примарии А. Исаченко были накоплены деньги, на которые немецкая фирма АЕГ в 1929 году построила и запустила городскую электростанцию. До 1940 года ее главные электрики были из немцев – считалось, что только они могут справиться с эксплуатацией такой сложной техники. И только вторые дежурные электромеханики набирались из килийцев. (На такой, тоже почетной и хорошо оплачиваемой должности несколько лет про-

работал член краевого Нижне-Дунайского комитета компартии Румынии Василий Захарьевич Иванов). Тогда здание электростанции в начале самой парадной улицы города представляло собой и определенную архитектурную ценность, а с точки зрения электроэнергетической (500 киловатт) мощности станции позволяли осветить соседнюю больницу (графини Толстой), примарию и еще несколько главных учреждений города, квартиры тех, кого называли «отцами города». Ну а сам город? На перекрестках его четырех главных улиц стояли высокие столбы с электролампами под колпаком. Надо признать, что электрохозяйство было сработано на совесть, и без особых изменений служило до послевоенного времени.

Еще более примечательное чем электростанция приобретение Килии конца тридцатых годов – элеватор. О нем говорили, мечтали, спорили без малого полсотни лет. И вот в 1938 году на крутом повороте Дуная – на набережной порта, сложенной из крупных плит песчаника еще при Стефане Великом, приступили к забивке десятиметровых дубовых свай. Оборудование было закуплено еще при царской России в Италии. Само здание, и до сих пор самое высокое в городе, его гордость, – спроектировал итало-румынский инженер, строитель и архитектор Ангел (Анжело) Саглини. Архитектор и строитель он, безусловно, выдающийся – по его проектам построены Нижне-Дунайский университет в городе Галац и там же элеватор, элеваторы в Рени и Измаиле, а самый большой – в Килии (завершено строительство только в сорок пятом). Был этот Саглини архитектором не только талантливым, но и предприимчивым – на юге Бессарабии, в Килии, Новоселовке, Ташлыке-Каменском Арцизского района, по его проектам возведен не один десяток частных домов. Они нарядны и сочетают элементы местного стиля и чего-то ангеловского – особенного. Примером такого ангельского творения может служить памятник местной архитектуры – дом № 49 по улице Ленина. А строительство элеватора в Килии явилось хорошей школой промышленного строительства, в процессе которого выполнен огромный для Килии объем бетонных работ уже на первом этапе строительства. Это был рекордный для Килии по числу рабочих коллектив строителей. На строительстве Килийского элеватора работали целые «династии» килийских строителей, в том числе выдающиеся вожаки килийских рабочих таких, как Д.И. Соловьёв, П.П. Денисов и другие.

Можно сказать, что строительство такого объекта как элеватор технически, профессионально послужило подготовке к такой стройке, как Килийский судоремонтный.

Архитектура жилищ простого люда определялась, как и в старину, стройматериалом, а он в массе своей состоял из камыша, плетня, «чамура», «лампача» – как и сто лет тому назад.

«Лицо» трех-четырех парадных улиц определяли здания, построенные еще при царской России чиновниками, богатыми евреями. Здания кирпичные, реже каменные. Они были очень красивыми в то время – с кружевами карнизов, с коваными благородного рисунка деталями по верху стен, и рисунки эти почти никогда не повторялись. Достойно сожаления, что ремстроевский ремонт в течение десятилетий почти стер индивидуальность украшений зданий Килии конца XIX – начала XX веков.

Чиновничество, прибывшее из «Старого румынского королевства», само строило мало. Оно занимало брошенные здания или покупало их у прежних владельцев. Кроме здания по Ленина, 49, в тридцатые годы построены здания на улице Железнякова (Портулуй-Портовой), что между Гагарина и Суворова. Красивое здание с претензией на элементы средневекового замка, даже с намеком на угловую башню, построил известный на всю округу владелец художественного фотоателье Бенераф (теперь оно зажато между «Белым домом» и домом детского творчества). Кстати, это здание – тоже памятник архитектуры местного значения. Оно было построено для разбогатевшего нотариуса Граура, которому надоело жить в доме графини Толстой. Да и местоположение графской усадьбы отрицательно сказывалось на адвокатских доходах. В новой усадьбе для адвоката развели красивый цветник и построили фонтан, как и в усадьбе эмигрировавшей графини.

А еще в тридцатые годы, как и в XIX веке, Килия была поставщиком леса для всего юга Бессарабии. По рекам Румынии плотовщики – плуташи-бокараши – люди мужественной профессии, нередко с риском для жизни сплавляли лес-кругляк в Дунай. Тут его связывали в огромные караваны плотов, которые уже буксиры доставляли в Рени, Измаил, но главным образом в Килию. Русло Тайманчук, более известное в Килии, как Дунаец, бывало тесно заставлено плотами. На территории нынешнего КССРЗ и рядом, в начале улицы Татарбунарской, работало несколько лесопилок, принадлежавших лесопромышленникам Гамшиевичам и Вилдерманам. Тут кругляк распиливался на различные профили и отправлялся на лесоторговые склады всего юга Бессарабии, а горы опилок служили топливом, иногда взрывоопасным, и компонентом таких местных стройматериалов, как кирпич – сырец и глина для мазки.

Привозные товары промышленного производства все больше теснили изделия производства кустарного, но многочисленные швейные, сапожные мастерские, как и в старину, одевали и обували значительное число килийцев, тем более сельских жителей. Что касается столяров, плотников, бондарей, то они удовлетворяли большую, лучше сказать подавляющую часть потребностей в таких товарах и услугах. В самых крупных мастерских такого профиля в Килии работало 10–15 мастеров и подмастерьев, в основном вручную.

Как и в старину, славились килийские бондари, производившие самую разнообразную бочкотару – от стоведерных бочек и огромных чанов до небольших бочонков, «балерок» и бадеек для колодцев.

Материал – в изобилии всюду растущая акация и, конечно, дуб. На островах Дунайской дельты росли целые дубовые рощи, да и в усадьбах килийцев, особенно «липован» и украинцев, дубы не были редкостью. На колесные ободья шел привозной бук. Самые вкусные копчености получались при копчении в дыму дубовых опилок – особенно много их надо было для копчения рыбы в том несметном количестве, в каком она приготовлялась для внутреннего пользования и особенно – на вывоз.

Заросли ивы и вербы на берегах и островах Дуная давали прекрасный материал для работы корзинщиков, которыми славилась Килия. Корзины самого разного назначения, размеров и форм, изготовленные в Килии, продавались практически по всей Бессарабии. Замечательным поделочным материалом был рогоз (папура). Рогожи – от маленьких декоративных до огромных – для различного рода загородок, дома и шалаши, на подстилку – все это продавалось опять-таки на всех базарах Бессарабии, не говоря о Килии и волости. Редко кто из старших школьников имел портфель. Девочки носили книги и тетради в аккуратных корзинках, мальчишки в домотканых сумках на лямке.

Стволы вербы шли на изготовление ступ для толчения крупы и паприки, из белой древесины тополя ложкари для всей Бессарабии скоблили – вырезали ложки, мешалки и т. п. Каждая семья без исключения нуждалась в «ваганах» и «ваганцах» – в чем замешивалось тесто.

В первые десятилетия двадцатого века, как и в веке XIX, славилась Килия искусством мастеров гончарного дела. Макитры и макитрочки, кувшины и кувшинчики расписные, глазированные и простые, миски и мисочки, чашки и чашечки, детские свистульки и игрушки всякого рода, керамика, которой названия

сейчас позабыты, с берегов Дуная, богатых толстенными залежами отличной глины, были в доме каждого крестьянина, рабочего, ремесленника в Килии и во всем Придунавьи.

В годы румынской оккупации многие улицы нашего города были переименованы. Малая Дунайская получила название Мирча Бесараб – это князь, при котором Валахия стала вассалом Турецкой империи. Большая Дунайская с 1918 по 1940 годы именовалась улицей Стефана Великого (Штефан Чел Маре) – действительно выдающегося в истории Молдовы. Улица Телеграфная стала Телефонной – телефонная станция была расширена, что послужило основанием модернизировать название улицы.

Названия улиц Портовой и Крепостной (Железнякова и Суворова) просто были переведены на румынский язык (Страда портулий и Четэций).

Несмотря на то, что к концу тридцатых годов численность населения Килии возросла до 18000 человек, в силу естественного прироста, вследствие миграции из сел в город, в том числе вследствие того, что пригородные села Омарбия и Натягайловка практически слились с Килией, общий объем городской торговли оставался ниже уровня 1913 года. И оптовая, и розничная торговля в городе продолжала оставаться в большинстве своем делом еврейским, о чем говорят хотя бы фамилии главных владельцев магазинов: Кацы, Коганы, Константиновские, Брайловские и другие (не говоря о хлеботорговле). Бойкими торговцами продолжали оставаться россияне-старообрядцы и болгары. Несмотря на законы Карола Второго «О румынизации промышленного производства», оно контролировалось преимущественно предпринимателями-евреями, немцами-колонистами, болгарами. Килийские магазины были полны разнообразными, отличными товарами. Цены? Как и разнообразие товаров, разные цены, но они были ориентированы на богачей и покупателей достатка выше среднего.

(В конце тридцатых годов, если верить старожилам, костюм из «бостона» стоил 2000 лей – месячная зарплата начинающего учителя или стоимость годовой аренды гектара земли). Это подтверждают и «Акты об аренде». В урожайный год и в хороший сезон за разгрузку воза зерна в килийском частном «магазине» (зерноскладе) грузчик мог заработать 20–30 лей, снеся в склад десяток пятипудовых мешков. В соседнем шинке за эти деньги он мог купить шкалик водки (250 грамм) и грамм 300 не дорогой, но хорошей колбасы к выпивке. Семья же грузчика, как правило, многодетная после такого «перекуса» хозяина оставалась голодной.

Рабочие инструменты огородников, пахарей, рыбаков? Для первых очень важным было поливное колесо – «дулап» – механизм, пришедший из глубины веков и мало изменившийся за прошедшие века. Самым универсальным орудием производства огородника была сапа, также пришедшая из глубины веков. Сапы можно было заказать кузнецам, или купить в магазине. Лодки делались и в Килии, но самые прославленные мастера – строители лодок – были в Вилково. Универсальное, самое распространенное рыбацкое судно в Килии – лодка-дубок (по-молдавски «дуба»).

Землю на островах чаще всего пахали однолемешным плугом – парой или одной лошадью. В степи пахали двухлемешным плугом парой или тройкой лошадей. Такие плуги изготовляли местные кузнецы – мастера высокого класса, или же они приобретались в Теплице, Сарате, где собирались из деталей и узлов, завозимых чаще всего из Германии, в сборочных мастерских немецких колонистов. То же самое можно сказать о сеялках, косилках, веялках и молотилках, а также о другой сложной сельскохозяйственной технике, используемой зажиточными и богатыми крестьянами. Продукты крестьянского труда, прежде всего зерно, овощи были дешевы, базары, в том числе и килийский, были полны, смотря по сезону овощей, фруктов, арбузов, дынь. Смешным показался бы покупатель, берущий арбузы, дыни «на килограмм», да и картошку покупали на ведро, не меньше. В сезон фруктов, бахчевых, винограда только богач мог отказать ребенку в арбузе, дыне, в нескольких яблоках, в нескольких гроздьях винограда. Не Килия, а Вилково было главным поставщиком рыбы, но килийские рынки также были полны самой разнообразной речной и морской живности. Камбала считалась ординарной рыбой, и даже белужью голову можно было купить задешево (а какая из нее уха, сколько в ней мякоти, которую можно поджарить, какие вкусные золотистые шкварки!). Все это, конечно, если есть деньги.

Как и любой портовый город, Килия славилась ресторанами. Из числа тех, что ближе к порту, самым известным был ресторанный комплекс грека Камилатиса. Для килийских денежных тузов и крупных чиновников там был даже зал, в котором в разгар веселья отборные красотки плясали на столах, даже, говорят, красотки весьма знатного рода (или с претензией на таковой). Целая улица – нынешняя Полины Осипенко – называлась улицей Казино и недаром: в тамошних заведениях не только пропивались, но и проигрывались или выигрывались в рулетку или

в карточных играх несметные деньги. Рестораны Митешовых, Ивановых, Ставровых, Феферманов окружали собор. Шинки и всевозможные бадеги были разбросаны по всему городу – на улицах и в переулках, от порта и до кузниц на выезде из Килии.

Да, Килия, как и всякий портовый город, крупный торговый центр была обжорной, но и нищих и голодных, оборванных в ней было предостаточно. Во многих семьях утро начиналось с плача голодных детей, и чтоб унять этот плач мамы рассылали мальцов выпросить у соседей, не таких бедняков, у кого кулек муки, у кого стаканчик постного масла. Так же добывалась соль, а то и несколько спичек. Через некоторое время готова была мамалыга или затируха, и на некоторое время голодный плач утихал. Если с ресторанами, шинками и бадегами в Килии дела обстояли благополучно (в том смысле, что их было более чем достаточно и на любой карман – напиться можно было даже в долг), то со школами, с образованием все было наоборот. Школ в Килии было мало, обучение было делом дорогим, образование – тем более. Если в Аккермане и Измаиле было по нескольку гимназий, мужских и женских, если в маленьком Болграде их было две, то в Килии – всего одна смешанная полугимназия. За двадцать лет из ее стен вышло менее двухсот выпускников. За редким исключением это были дети чиновников, коммерсантов, экспортеров хлеба.

Были в нашем городе еще три начальные школы – естественно, с румынским языком обучения. В теплое время года школьники их посещали мало, потому что много работали – пасли гусей, коз, копали огороды, помогали взрослым пахать землю. Зимой – еще хуже, потому что в многодетных семьях бедняков детей не во что было одеть и обуть.

В начале тридцатых годов, с восшествием на румынский престол Карола II, была закрыта частная еврейская начальная школа – тарбут. Преподавание в частной женской гимназии просветителей Свитенок было переведено на румынский язык, а сами они, чтоб получить право преподавания в этой школе, должны были пройти «усовершенствование» и сдать экзамен по программе высшей школы, а еще сменить фамилию – на Светку. При храме Святого Николая действовала церковно-приходская школа с обучением на румынском языке, а при старообрядческой килийской церкви Покрова Божьей Матери – Церковно-славянскому языку и пению учил глубокоуважаемый прихожанами протодьякон Анисим. Своих питомцев он не только учил, но и воспитывал.

«Правила для учащихся» – из поколения в поколение придумывают их для школ. Есть среди них списанные как будто с

воинского дисциплинарного устава – казенно-солдафонские. Есть очень эклектические, елейно-сусальные, типа знаменитого «морального кодекса строителя коммунизма» хрущевских времен – плагиат с «Декалога» праотца Моисея и «Нагорной проповеди» Иисуса Христа. Мудрыми, доходчивыми, ненавязчивыми были «Школьные правила» протодьякона Анисима. Вот некоторые из них:

– Никогда не храни злобы в своем сердце ни на кого.

– Не входи в товарищество с теми, кто хочет поступить плохо, старайся, напротив, отклонить их от дурного поступка.

– Не будь завистлив, но всегда старайся сравниться с теми, кто успешнее и умнее тебя.

– Не насмехайся ни над теми товарищами, которым трудно учиться, ни над калеками, ни над бедными, жалей их и старайся хоть чем-нибудь помочь им.

– Какую бы работу ты ни делал, прилагай к ней все свое старание. То, что делаешь, надо делать хорошо, со вниманием.

– Не привыкай к беспорядку в своих вещах и делах. Порядком выигрывается время.

– Будь вежлив и почтителен со всеми и не забывай слов «Священного писания»: «Встань перед сединами и почитай родителей и старших».

Таким правилам может позавидовать любая академия педагогических наук.

Писчебумажных магазинов тех лет в Килии было несколько и притом больших, поражающих многообразием и обилием товаров. Чего в них только ни было: самопишущие ручки от «Паркера» с чернилами «пеликан», карандаши самого разного назначения от фабера, готовальни немецкие с невероятным числом чертежных принадлежностей, на выбор – никелированные или золоченные, альбомы, ватман, тетради – загляденье. Но все невероятно дорого: ученическая тетрадка – 20 лей. Поэтому ученики начальных классов писали в основном на аспидных досках грифелем – тоже товар не дешевый. Перья для ручек были самые разные: от дорогих импортных вплоть до золотых для авторучек – это для чиновников, профессоров, врачей, адвокатов. Когда ученики доходили до писания ручкой, то делали они это дешевыми, тонкими деревянными ручками, дешевыми же быстро ржавеющими перьями, чернилами из специальных таблеток или из «химических» карандашей.

Несмотря на то, что необходимость в таких специальностях, как слесарь, токарь по металлу, электромонтер, механик и т. п.

неуклонно возрастала, до советской власти Килия не знала учебных заведений типа ремесленных училищ, тем более технических гимназий или, как в царской России, реальных училищ. У себя в городе килийцы учились ремеслу, как и в старину, – в ученичестве. Дело это было долгим, дорогим и мучительным. Но если ученик был настойчивым, а мастер ему попадался не пьяница, тогда из ученика получался тоже хороший мастер.

О высшем образовании простые люди из Килии, как и во всей «Великой Румынии», могли только мечтать – семестр учебы в университете стоил 3–5 десятин земли, поэтому дипломированных коренных килийцев можно было пересчитать по пальцам. Даже выходцу из зажиточной семьи надо было выказать много упорства, вынести немало лишений прежде, чем он становился обладателем диплома о высшем образовании (еврей, даже богатый, мог получить его только за границей).

Но выходили же и из Килии знаменитости? Емилиан Несторович Буков родился восьмого августа 1909 года в маленьком доме по улице Крепостной № 2. Тогда это была первая усадьба на улице (с этого дома началась улица, если не считать больничного комплекса графини Александры Валерьяновны Толстой). Был Емилиан шестым ребенком и единственным сыном в семье не бедного огородника, садовода, виноградаря, рыбака Нестора Быкова.

В ту осень в честь рождения сына отец посадил черешню, которая оказалась «долгожительницей» – «умерла» всего за два года до кончины самого Е.Н. Букова. На острове Малый Степовой за протокой Дуная Кофа, которую килийцы чаще называли Дунайцом, у Нестора Быкова был немалый участок плодороднейшей земли – более двух десятин с огородом, садом, виноградником и, естественно, с колибой – куренем. Понятно, что значительную часть теплого времени года мальчик проводил в этом райском месте на берегу многоводного, глубокого, рыбного в те времена рукава Дуная – Кислицкий. Шустрый, памятливый, любознательный мальчик полюбил сады, виноградники, обширную дубовую рощу и, конечно, могучий Дунай, его камыши и ивы, таинственные заводи реки, ее неисчислимые легенды, утопающие в зелени острова. Ближайшие к Малому Степовому – Катенька и Машенька – он со временем воспел в поэме те же названия.

Ну, а люди?

Естественно, что его и его друзей с детства окружали рыбаки, огородники, лодочники, рабочие недальних лесопилок – молдаване, «липоване» (русские старообрядцы).

В школу Емилиан пошел девяти лет, в 1918 году. Понятно, что это была румынская школа (русскую женскую частную супругов-просветителей Свитенок румыны закрыли в тридцатом году).

Уже в начальной школе мальчик Миля выделялся способностями не только в письме и арифметике, но и пении, рисовании, музыке. Под стать ему были и его друзья – одноклассники: сын плотника, ветерана Первой Мировой войны, Митя Соловьёв, сын столяра – «золотые руки», Шая Дижур и другие.

Своему единственному сыну Нестор Быков решил любой ценой дать высшее образование, тем более что в 1922-м году открылась Килийская смешанная прогимназия (4 класса вместо восьми), в которую и поступил блестяще окончивший начальную школу тринадцатилетний Емилиан Буков (в румынской транскрипции – Быку). Гимназия была дорогой, и друзьям Мили Мите и Шае учиться в ней было не по карману, они стали помощниками своих отцов в их ремесле и труде, но остались верными друзьями Емилиана до конца жизни, как и он их.

В гимназии, как и в начальной школе, Емилиан выделялся многогранными способностями, его любили многие преподаватели, но его любимым преподавателем стал Иван Иванович Стериополо, читавший естественнонаучный цикл.

Уютная комната с окном в сад в доме учителя и его жены Анны Иосифовны стала своеобразным клубом, в котором собирались старые и новые друзья Емилиана, среди которых и сыновья учителя. В этом «клубе» подростки знакомились с произведениями Гоголя, Чехова, Горького и даже Чайковского с увлечением слушали рассказы о дальних странах и о совсем не далекой Стране Советов, о других планетах и невероятно далеких мирах, а игры были такими поучительными (на развитие памяти, внимания), что пригодилось в будущем нелегальной революционной деятельности...

Не знали тогда юные завсегдатаи этого интересного «клуба», что это – одна из явочных квартир и даже штаб революционного комитета Килийского подрайона, председателем которого был Игнат Савельевич Соловьёв и в который входил и гостеприимный хозяин дома...

Но вот настал год 1924-й. Даже в благодатную Килию он принес зимой страшные холода, потом сухую весну, за ней испепеляющую летнюю жару, а в итоге – неурожай и голод, голод, понятно – в семьи бедняков.

Замер Килийский порт – нечего было грузить в трюмы барж и пароходов. Тысячи грузчиков, возчиков, других рабочих стали безработными.

Город наполнился нищими, крестьянами, которые за неуплату налогов лишились земли. И так было во всем Буджаке.

Чем голоднее было простым людям, тем свирепее становились сборщики налогов, полицаи, жандармы, тем беспощаднее грабили они народ, забирая последний хлеб, конфисковывая бедняцкое имущество, землю, если она была – обрекая людей на нищенство, голодную смерть.

И тогда стихийно грянуло, не могло не грянуть, Татарбунарское восстание. В тех условиях – в жандармском милитаристском королевстве, несмотря на мужество повстанцев, не могло оно не кончиться кровавой трагедией для «штурмовавших небо» коммунаров и для простого народа в целом. Эхо зверств карателей в Татарбунарах, Галилештах (Десантном), Жебриянах (Приморском), на Волчке Приморской косы докатились до Килии, которая не восставала. Были превентивно арестованы предревкома Килийского подрайона Игнат Соловьёв, его соратники. Друг Емилиана Митя Соловьёв своими глазами видел, как на окраине Васильевки после жестоких пыток были расстреляны его отец с соратниками – Денисовым, Мерзликиным, Переверзевым и другими. И.И. Стериополо попал в самую страшную тюрьму Европы – Дофтану.

Тогда, в двадцать четвертом, кровавые преступления королевского режима Румынии вызвали не только гневные протесты Максима Горького, Анатоля Франса, Альберта Эйнштейна, Рабиндраната Тагора, Анри Барбюса. В унисон с трудящимися Советской России, Украины, самой Румынии прозвучали протесты бессарабской молодежи. Одним из первых был пятнадцатилетний Емилиан Буков. Красный Татарбунар на всю жизнь сделал бунтарем юного килийца. Об этом свидетельствуют напечатанные на румынском и русском языках в газете коммунистов Измаильщины стихи «Красный корабль»:

...Бессарабия, Бессарабия – гордый, красный корабль мой,
Проплываешь ты мимо Волчка, горечь за собой волоча.
Но ничего! Мы еще потолкуем об этом –
Все, что было, отозвется эхом!
Таково резюме, сделанное юным поэтом...

Далеко не один только Буков тогда в двадцать четвертом сделал решительный шаг на стезю борьбы против румынского колониального рабства в Бессарабии. Руденко Федор, сын богатого

виноградаря из Шабо, гимназист, как и Буков, и его ровесник своими глазами видел пылающий Татарбунар. Увиденное и пережитое и его, как и Букова, сделало бунтарем, а со временем – революционером. В унисон с буковским «Красным кораблем» звучат его стихотворные строки:

Но придут еще раз те осенние дни,
Вновь подымимся мы
И погибнут они,
Вновь взовьется красный флаг
Красных Татарбунар!

Но вернемся в гимназические годы Емилиана Букова.

В ранние гимназические годы начинает писать Буков не только стихи, он пробует себя и в прозе – именно пробует – не сразу печатается его проза. А запечатлена она в его «Дунайских тетрадях». В них штрихи времени в родном краю: факты, события, люди – прежде всего его друзья – сверстники, дневные и ночные посетители отцовского шалаша на острове, конечно же, прежде всего легендарный, но реальный Теринте.

«Тетради» запечатлели не только язык автора, но и говор разных килийцев, в том числе и говор килийских молдаван с его лингвистическими особенностями. Это – свидетельство сыновней любви автора к родной земле. На протяжении всей жизни Е.Н. Букова она вдохновляла его, отливаясь и в прелестных стихах, и в поэмах, а в них подмечены еще в юности особенности говора килийских молдаван – россыпь самоцветов, желанная находка историков языка, диалектологов...

Поскольку учебное заведение, в котором учился Буков, было полугимназией, то продолжать учебу довелось в гимназии измаильской. Но...

Хотя Нестор Буков бедняком не был, измаильская гимназия оказалась семье не по карману, несмотря на то, что сам гимназист подрабатывал носильщиком на пристани, грузчиком в порту, репетитором.

Завершать гимназический курс довелось в Кишиневе, хотя и там, чтоб покрывать расходы по учебе довелось разгружать вагоны на железнодорожной станции, быть кочегаром в котельной, репетитором, как в Измаиле, а еще хористом церковного хора, маляром.

Пролетарско-гимназическая жизнь, бунтарский дух Красного Татарбунара и старшие товарищи привели Е.Н. Букова в ряды румынского комсомола. Работа в комсомольском подполье? Связной, курьер, доставляющий по разным адресам нелегаль-

ную литературу, листовки и, конечно же, в Килии. Килийские соратники – друзья Букова. Дмитрий Соловьёв, Петр Денисов встречали его в чащобах острова Кислицкий – получали увесистые пакеты с листовками, литературой, после чего эти материалы расходились по Килии, Вилково, селам области.

Так как во времена «Великой Румынии» Кишиневский филиал Ясского университета состоял только из агрономического и богословского факультетов, то талантливому юноше с литературными наклонностями пришлось стать студентом литературно-философского факультета Бухарестского Университета. Тут окончательно выясняется и утверждается, что он поэт, поэт-трибун и революционер в поэзии и общественно-политической жизни – на всю оставшуюся жизнь. И много, много лет спустя, почти что подводя итоги, он с гордостью говорил и писал:

Я – пропагандист!
Об этом заявляю прямо, –
Со дней мятежной юности своей...

Сигуранца конфисковывала сборники его стихов – стихов о борьбе горняков долины Жиу (1929 год), которых каратели морили голодом, расстреливали, травили газами, стихов о борьбе китайских трудящихся против колонизаторов и собственной компрадорской буржуазии, о борьбе румынских крестьян за землю: «Мы требуем земли!» – это и глас крестьян Бессарабии, ее «Красного юга».

Коричневая чума нацизма накатывается на Европу и талант поэта, его перо становится оружием борьбы с этой чумой. «Но пасаран!» и другие стихи он посвящает антифашистам, сражающимся в Испании. Там сражаются и его земляки – килийцы: Захарий Соколов, Валентин Козак, Федор Бернадский...

Со своими стихами он выступает на рабочих собраниях, на встречах с молодежью – в Бухаресте, Кишинёве, Аккермане и в родной Килии. Сигуранца ползет за ним по пятам, в качестве провокаторов, доносчиц подсылает неотразимых красоток.

В родной Килии поэта арестовали.

В книге воспоминаний много лет спустя об этом он писал так: «В семье богатого килийского чиновника, секретаря, жила моя ровесница – блондинка красоты неописуемой, стройная, гордая недотрога, тоже студентка Бухарестского университета, как и я, но училась на юрфаке. В нашем круге было известно, что к ней неравнодушен сам господин комиссар килийской полиции.

И вот однажды утром встречает меня она в нашем городском парке и почти с ходу говорит: «Знаешь, Миля, что я, как и ты «левая» и работаю в «ячейке»? Давай соберем наши ячейки вме-

сте на совместное секретное собрание. Можно у меня дома – о секретности не беспокойся». Это был один из лучших домов в городе, на улице Крепостной. Отказать! Нет! Поломавшись для порядка, я согласился собрать «свою ячейку». И собрал... Пеструю толпу юношей и девушек, которых знала: никакого отношения ни к какой ячейке они не имели. Собрались они повеселиться, побалагурить, что и проделывали очень шумно.

Когда толпа, наконец, разошлась, лицо красавицы выглядело неважно – было полно разочарования и укоризны. Я же развел руками: «Что ты хочешь? Это – «моя ячейка». Ну, а чтоб тебе не было грустно, дай-ка я поцелую тебя в твои прекрасные глаза».

Дней через десять состоялся в кинотеатре братьев Кандарупис («Иллюзион») интересный литературный диспут и «презентация» моих новых стихов.

По окончании «презентации» меня арестовали.

На допросах в Сигуранце и полиции поэт бывал и до этого, но за тюремной решеткой впервые. Впечатления и мысли отлились стихами:

Ко мне в тюремное окошко
Пришло сегодня Солнце вдруг.
– Откуда, брат? – спросил я Солнце.
Оно в ответ: – С Востока, Друг!

Жандармы в бешенстве готовы
И на него надеть оковы.
Но Солнце пулей не убьешь
И в кандалы не закуешь!

До конца жизни своей поэт остался верен юношеской клятве, данной самому себе тогда, в кровавом двадцать четвертом – бороться за права простых людей. (См. «Молодость в огне». Стр. 94. Кишинев, 1988 г.).

В мае судьбоносного для Бессарабии 1940 года королевская Румыния приводила очередную дополнительную мобилизацию в свою и без того сильно раздутую армию. Естественно, мобилизуемые дополнительно контингенты не спешили в мобилизационные центры, а наоборот... Поэтому в городах, весях государства армия проводила энергичные облавы. В одну из таких облав угодил и не подлежащий мобилизации обладатель диплома о высшем образовании Е.Н. Буков.

В результате, он оказался пулеметчиком Третьего егерского полка, расквартированного в Болграде.

А в Бессарабии дело стремительно приближалось к развязке, согласно ультиматума Советского правительства правительству Румынии от 26 июня – о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

В результате, вместо границы на Днестре, 28 июня 1940 года Е.Н. Буков встретил Красную Армию в Кишиневе. Встретил стихами:

Во тьме бесправия,
В тисках нужды и рабства,
Страна Советская, тебя мы, бессарабцы, ожидали,
Как ждут дождя Пустынные пески!

В устах автора стихов «Красный корабль» (1924 год) эти слова были исполнены предупреждения «Мы еще потолкуем об этом».

Вот и «потолковали».

В освобожденной от румынских оккупантов Бессарабии революционной поэт стал активным строителем новой жизни на фронте культуры, поэзии...

Когда грянула Великая Отечественная война, Буков вместе со всем советским народом стал на защиту Родины – был солдатом, военным корреспондентом, диктором московского радио на Молдову и Румынию. Сборники его стихов тех лет: «Я вижу тебя, Молдова» (1942 год), «Весна на Днестре» (1944 год) – провозвестники Победы.

Весной сорок четвертого, впервые после начала войны советские войска целого фронта, идя «вперед на запад!» перешли советскую государственную границу как в Молдове.

В достижение этого успеха свой ратный труд, поэтический талант и жар пропагандиста вложил и Емилиан Буков.

В огне поэт помнил и видел родной край: Дунай, Килию. Сад у родного дома на улице Крепостной, черешенку, которую посадил отец в честь рождения сына:

«Шли мы в бой, черешенка кивала
Нам своей кудрявой головой».

В последние годы поэт проделал титанический труд, чтоб его Молдова восстала из руин и вышла из мрака неграмотности, чтоб расцвели в ней народные таланты, наука, культура. Огромно, многообразно, искрометно его собственное литературно-поэтическое творчество тех лет. По его сказке – поэме «Андриеш» дети и взрослые Молдовы учились писать охотнее, чем по букварям.

Произведение на основе богатейшего молдавского фольклора – о борьбе добра (Андриеш – пастух и защитник своего стада) со

злым Черным вихрем. Написанное в годы Великой Отечественной поэтическое творение – олицетворение великой битвы времени... Как лучшее произведение для детей, поэма была удостоена государственной премии, выдержала много изданий, с каждым разом совершенствовалась автором.

Закаленный в борьбе революционер, прошедший через горнило войны боец Буков стал после войны и выдающимся государственным деятелем: зампред совета министров республики, депутат Верховного Совета СССР, организатор и первый председатель Союза писателей Молдовы, руководитель многочисленных государственных комитетов и комиссий – ни одну из этих должностей он не исполнял номинально, всюду его деятельность была плодотворной.

Он много ездил по республике, чаще всего не один – со специалистами разного рода и, конечно, с писателями, поэтами, художниками, композиторами. В Кишиневе и в поездках – множество встреч с рабочими, колхозниками, студентами, учащимися, учителями, работниками культуры, учеными. Каждая такая встреча – яркое событие для тех, кому случалось встречаться с Е.Н. Буковым.

Каждая такая поездка, встреча оставляла за собой зримые плодотворные следы в виде закладки или открытки новой школы, библиотеки, дома культуры, а главное – открытие новых талантов, особенно литературных. Емилиан Несторович Буков в этих встречах был человеком доступным и общительным (может быть, порой и чересчур). Но таким уж он был – то богатство души, от таланта. Он любил людей искренних, открытых, желал им добра словом и делом. Щедростью натуры его пользовались друзья, знакомые и даже люди незнакомые поэту – он любил делать добро, не терпел завистников и клеветников.

Попавших в беду готов был выручать, рискуя не только карьерой, но и собственной свободой (вернувшаяся из сибирской ссылки семья поэта Николая Костенко надолго нашла приют в доме Букова по Университетской № 1 – адрес, известный многим нуждающимся в помощи...).

Даря свои книги родному городу, поэт писал: «Я ваш земляк. Родился и вырос в маленькой хатке по улице Больничной № 2... (Крепостной – Дзержинского).

Желаю вам здоровья, радости и хлеба. Люблю чуткость к ближнему, ради этого пишу и живу, презираю клеветников...

Собираюсь написать большую книгу о земляках и о себе. Дорогие земляки, любите правду и настоящих людей.» (1964 г.).

Особая забота поэта-трибуна – молодежь, и не только та, которую он посвящал в тайны литературного творчества, открывал путь к профессии инженеров человеческих душ, а и рабочая, колхозная, студенческая, ученическая. Он, чья молодость прошла в огне, он, всегда готовый к бою, видел в подрастающей смене покорителей космоса, целины, Арктики и Антарктики и с полным основанием мог заявить:

Молодежь, тебя я знаю
И давно горжусь тобой.
Никогда не уставая,
Никогда не остывая,
Ты всегда готова в бой!

Общаясь с молодежью, поэт все делал для того, чтоб она всегда была готова в бой.

Жил он в Кишиневе практически на Буюканском спуске и вместе с молодежью города он – строитель Комсомольского озера, которое разлилось на месте огромной мусорной свалки. Среди строителей:

Тот из университета,
Рядом парень от станка,
Дальше школьник...

И тут же он – ведущий писатель, поэт республики, выдающийся государственный деятель.

Бывал он и на больших стройках (тогда самые большие: Братская, Куйбышевская, Сталинградская ГЕС, стройки Днепропетровского Каскада и другие подобные именовались «Великие стройки коммунизма» – они и в самом деле не знали себе равных в мире). На острове Волго-Донского канала поэт не гостем пробыл полгода. Спустя многие года его обвиняли: «Но там работали и зэки, даже такие знаменитые впоследствии перестройщики», как Д. Лихачев. Для Букова Волго-Донского стройучасток – участок всенародного жаркого трудового фронта, и он воспел этот труд в целом сборнике стихов. А если там работали и зеки, рядовые и знаменитые, что ж на самых опасных участках фронтов Великой Отечественной за победу над врагом сражались штрафные батальоны. Слава победителей принадлежит всем, кто к Победе сделал хоть шаг, хоть полшага. Писал ли Буков по заказу? Да, писал. Но «заказ» при этом шел и от автора. Искренне! Он – революционер и партийный пропагандист с ранней юности своей, и разве не ему по праву должен был принадлежать лучший перевод на молдавский «Интернационала»? Именно он – автор его молдавской версии.

А еще он перевел на молдавский язык бессмертные творения А.С. Пушкина, В.В. Маяковского, А.М. Горького, Т.Г. Шевченко, вплетя красоту и мудрость этих сокровищ в молдавскую культуру.

А на ставшем тесном Земном шарике от американских ядерных взрывов

Стонет океан –

Тихий океан...

И раскалывается земля на Семипалатном ядерном полигоне от взрывов советского ядерного оружия. А там на очереди...

Мир может быть опасен от ядерной смерти только, если на защиту поднимется все человечество и борьба за мир – самое важное признание поэта, общественного деятеля и государственного мужа – Е.Н. Букова.

Мы Мира требуем на планете,

Чтобы на ней росли и радовались дети!

В Берлине, Париже, Пекине, Риме, Квебеке, Москве, Киеве, Алма-Ате – везде, где с миссией мира бывал поэт, этот его призыв выражал чаяния, волю уже не тысяч, миллионов – миллиардов людей планеты Земля.

Наш великий земляк – бессарабец с самого юга края, давшего приют представителям многих народов, потому как и у многих жителей края национальные корни Е.Н. Букова разнообразны. Но сегодня, в очередной раз коварная, ненасытная гидра румынского великодержавного шовинизма заявляет о своих претензиях на край между Прутом и Днестром (и не только) и потому уместно решительно подчеркнуть, что в своем многообразном литературном творчестве, в политической деятельности, в многочисленных встречах с интеллигенцией, в том числе научной – молдавской, румынской, русской Е.Н. Буков неизменно отстаивал национальную идентичность молдаван, их культуры, прекрасного, древнего и вечного языка – языка народа, давшего миру Стефана Великого, Дмитрия Кантемира, Василе Александрии, Михаила Садовану.

Убежденный интернационалист, Буков неизменно, решительно отстаивал (с риском для карьеры) государственность и суверенитет Молдовы. Поэт изъездил полмира и весь Советский Союз, но и под сенью парижских бульваров, и в тени цветущих каштанов прекрасного Киева на берегу Днепра-Славутича ему снились

Ивы, камыши Дуная
И цветущий яблоневый сад.

У родного домика на улице бывшей Крепостной, в которой он родился. С них начинался для поэта весь мир и его необъятная Родина.

Очень занятый государственными, творческими делами, он находил время навещать родной край, родной город, часто – с семьей, с друзьями – поэтами, писателями, с земляками, как Павел Боцу, а то и с московскими знаменитостями, такими, как Илья Эренбург. Эти встречи всегда были очень теплыми, интересными, запоминающимися.

О своей родной Килии он мечтал и готовился написать большую книгу. Но в своей беспокойной жизни выполнить это обещание он не успел...

Однако, полистайте тома его сочинений разных лет – прозу и поэзию и вы найдете целые россыпи прекрасных стихов, баллад, поэм, рассказов о Килии и килийцах: рыбаках, грузчиках – халамах, об их тяжелом труде. Трогательные стихи посвятил поэт своему отцу, матери, любимому учителю Стериополо И.И., который не уставал повторять: «Грызи гранит науки, паренек. И стань сознательным бойцом за счастье трудового люда!»

Сколько доброты и нежности в стихах, посвященных друзьям-землякам: украинцу Тарасу, русскому Зотову Ивану, молдаванам Кебапу и Спиридону, другу – гимназисту Борису Чебанову. А герою придунайского края, легендарному, и в то время реальному Теринте поэт, кажется, по доброму завидовал и прославил его в стихах и поэме...

Кто в Килии не знал доброго силача, защитника слабых, антипода спесивого, жестокого и трусливого держиморды, Роберта Беню по прозвищу Окс? И ему посвятил Буков даже не просто стихи, а небольшую поэму. (Румынские оккупанты в сорок первом расстреляли Беню в Одессе). Под пером влюбленного в свободу и придунайский край поэта родилась поэма о русской девушке, певунье Машеньке, о черноглазой плясунье, украинке Катеньке – они предпочли смерть в волнах Дуная турецкому плену, жизни в неволе («Катенька и Машенька»).

А разве мог поэт не написать прекрасные поэмы о Буджаке, о Вилково?

И легкой оказалась рука его.

Эстафету приняли его ученик и преемник на посту председателя Союза писателей Молдовы, Павел Боцу, талантливые килийские поэты, Михаил Карадобре, Владимир Семейко, Людмила Степановна Иванова и целая поросль совсем молодых поэтов... Всех вдохновляет Дунай, Придунайский край!

В «столице мира» – Париже о своем родном городе он написал трогательные слова:

Брожу по бульварам Парижа и вижу:
Парижанин, докурив сигарету,
Окурок кидает чуть не в лицо прохожим.
Я ж, урну не обнаружив,
Свой окурок в кармане гашу.
Не без гордости мимоходом подумав:
Откуда парижанину об урне знать –
Он вырос в сутолоке Парижа,
А меня в Килии воспитала мать.

Поэт любил свою родную Килию нежно, горячо, благодарно – как мать родную.

А она? Много раз обращался всемирно известный килиец Е.Н. Буков к властям родного города за разрешением основать музей в родном домике. Но... домик сгорел, так и не став музеем поэта, лауреата, героя Социалистического Труда.

К чести нынешнего руководства города и района, да и килийцев – историческая справедливость восстановлена тем, что улица Крепостная – Больничная – Дзержинского стала улицей Е.Н. Букова, чье имя – самый яркий бриллиант в венце несомненной славы древней и вечно молодой Килии.

В торговой Новой Килии родился и Яков Ботошанский (1898–1964). Литературно-драматургическое творчество он начал в нашем городе с постановок своих пьес на любительской еврейской сцене. Его мастерство драматурга и известность быстро росли и распространились на всю Румынию. Тогда в Румынии жило более миллиона евреев, подавляющее число их говорило на языке идиш – на нем и писал Ботошанский. Не только на любительских сценах Килии и Румынии ставились произведения интересного автора – драмы «Хершеле», «Реб Лиовер» и другие ставились и на профессиональных сценах, но не в Румынии, а в Москве, Праге. Из-за этого он был вынужден покинуть скатывающееся к фашизму румынское королевство. Жил он после этого преимущественно в Аргентине, но был желанным гостем в еврейских культурных центрах Нью-Йорка, Филадельфии, Мехико-сити, всюду, где имелась еврейская диаспора. В его трехтомнике интересных мемуаров много страниц посвящено нашему городу. Главная же память о нем в нашем городе – это открытые им драматургические, артистические и музыкальные молодые таланты, которые продолжали в Килии дело своего учителя: творили и ставили на килийской сцене драматические,

музыкальные, юмористические постановки. Последние пользовались особым успехом, ибо игрались особенно талантливо. На такие спектакли валом валила «вся Килия», вплоть до румынских чиновников.

Если творчество Якова Ботошанского – это еврейская драматургическая классика и, даже в какой-то мере, подражание великому Шолому Алейхему, то творчество братьев Ильи и Леонида Константиновских, как и их общественная, политическая деятельность в довоенной Румынии, – это публицистика, литература, журналистика и антифашистская борьба – все воедино неразрывно связанное.

Оба родились и выросли в Придунавьи – Килия, Вилково, с детства впитали в себя колорит жизни многонационального люда этого региона. Видимо, это в значительной мере определило их последующий жизненный путь бойцов-антифашистов.

Илье Ароновичу Константиновскому – талантливому писателю принадлежит авторство более чем трех десятков книг, изданных в Румынии (в Румынии меньше всего), в Варшаве, Париже, Москве, Тель-Авиве.

В числе ранних – «Возвращение на Дунай», «Первый арест», «Возвращение в Бухарест». Это книги биографические, а биография автора похожа на биографию сверстников – антифашистов.

Леониду Ароновичу Константиновскому не довелось доучиться на юриста, не довелось стать писателем, как старшему брату, но антифашистом он стал, еще будучи студентом Бухарестского университета. От смертельной опасности захлестывающего румынское королевство фашизма – от пуль и дубинок легионеров – железногвардейцев его спасла эмиграция в Палестину. Но когда пришло время решающих битв с фашизмом во Второй Мировой войне, он стал солдатом Восьмой английской армии генерала (потом – фельдмаршала) Монтгомери. От Эль-Аламейна в Северной Африке до полного разгрома фашизма в Европе – таков боевой путь Леонида Ароновича. Долгим и тяжелым был путь к Победе всех, кто сражался за нее с оружием в руках. Румынские фашисты уничтожили всю его семью в Килии – не пожалели стариков-родителей.

До конца дней своих оставался Л.А. Константиновский активным бойцом-антифашистом. Диаспора евреев-килийцев в Израиле избрала его президентом Килийского землячества на Земле Обетованной, и он был самым активным президентом в истории этой организации. Его трудами воскрешена память о сотнях жертв румынских фашистов в Килии, Татарбунарах, Одессе, Доманевке и главное – в Богдановке.

Открытый шестого мая 1996 года памятник жертвам холокоста в Килии – тоже результат его подвижнического труда: сбор средств, создание проекта, а главное – бесконечное посещение множества больших и малых кабинетов за разного рода разрешениями. Город своего детства и юности Килию он любил нежно, всей душой.

Похоронен он на одном из Тель-Авивских кладбищ, на могильном обелиске надпись: ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ КИЛИЕЦ.

Нам – землякам его – к этому остается добавить:

«ДА ПРЕБУДЕТ ЕГО ДУША СРЕДИ ЖИВЫХ!»

Яркой была музыкальная жизнь Килии, особенно ее еврейской общины. Большая заслуга в этом принадлежит талантливому музыканту и композитору, выпускнику Бухарестской консерватории Иосифу Фаликову. Духовой и струнный оркестр под его руководством давал концерты в Килии, Измаиле, Аккермане. В свою очередь музыкальные любительские коллективы, особенно из Аккермана, часто выступали на «театральных» подмостках Килии. Замечательными тенорами обладали кантор главной синагоги Хаим Львович Пивовар и Зюня Ушерович Коган – учитель музыки и пения, приятным баритоном пел молодой преподаватель математики синагогальной школы – хедера Самуил Яковлевич Рабинович. Замечательным хором славилась главная синагога Килии. Программы же концертов, которые Фаликов, Пивовар и Коган со своими оркестрами и хором давали в Килии, Васильевке, Аккермане, Измаиле включали музыкальные творения румынские, русские, еврейские, украинские, а также музыку и песни советских кинофильмов «Веселые ребята» и «Волга-Волга». На маевках исполнялись и песни, рожденные в тюрьме для политических заключенных «Дофтане», – о Красном Татарбунаре и другие.

Конечно же, большой популярностью у килийцев пользовался цирк, особенно когда в город приезжал цирк-шапито знаменитого на весь мир силача Ивана Заикина (в эмиграции он числился жителем Кишинева – жил на окраине города, улочку эту уже при советской власти назовут его именем). Не только Заикин, но и другие артисты – эмигранты из России навещали преимущественно русскоязычную Килию.

В 1932 году наш город посетил замечательный певец, лирический тенор Вертинский. Эмигрировав из Советской России, он исколесил весь мир от Харбина до Нью-Йорка, удивляя слушателей чудесным исполнением романсов – некоторые из них он сам и сочинял. Его концерты пользовались громким успехом и,

конечно, талантливый артист был избалован неизменным успехом. Но кризисы тридцатых годов, распространение фашизма, да и просто годы вынудили артиста соглашаться на концерты не только в знаменитых концертных залах, но и на подмостках ресторанов и захолустных городков. В талантливо написанных мемуарах артист вспоминает о концерте в Килии. «Во время гастролей по Румынии заехал я в крохотный захолустный городишко, который найдешь разве на редкой карте, – Килия. Принадлежала эта замечательная Килия до революции России, а поэтому и сейчас господствующий язык там русский, хотя господствующее население – еврейское. Петь мне в этом городишке пришлось в ветхом деревянном бараке, именуемом гордо «театром». (Килийцы-старожилы должны еще помнить «летний кинотеатр» рядом с зимним «Маяком»). А артист продолжает: «Вышел я в своем фраке на не очень прочные подмостки, и первое, что бросилось мне не только в глаза, но и в нос, – это десяток небольших керосиновых лампочек, расставленных вдоль рампы. Лампы коптят, и от едкой копоти нестерпимо свербит в носу и хочется чихать.

Из зала кричат: «Песню за короля!», «Ваши пальцы пахнут ладаном!»...

Я не могу больше переносить угара от ламп, присаживаюсь на корточки и прикручиваю фитили.

«Ваши пальцы пахнут ладаном!», – настаивает неизвестный из темноты. А другой обладатель гнусавого козлиного тенора замечает: «Нет, теперь они уже пахнут керосином!»

Делать нечего, контракт подписан – надо петь. Я пою одну, другую, третью свою песенку. Зал шумит, кричит, рукоплещет. И вдруг... И вдруг я замечаю, что зал постепенно начинает пустеть. Ряды слушателей редеют все больше и больше! Что такое? Я ничего не понимаю, а публика убывает. Но я пою.

Я пою и замечаю, что куда-то исчезнувшая публика начинает возвращаться. Еще пять – десять минут, и опять передо мной – полный зал. Я подхожу к своей последней песенке, а публика не желает меня отпускать.

– За короля... Спойте за короля!.. – ревут сотни голосов.

– Господа, у меня нет «Песни за короля», у меня есть «Песня о короле». Но я ее уже спел сегодня.

– Позвольте, – кричат из публики, – но мы же ее не слышали.

– Почему вы не слышали?

– Так мы же уходили.

– А почему уходили?

– Ой, он спрашивает, почему мы уходили! Так это все знают! Так мы уходили на пожар.

– Какой пожар?

– Ой, вы посмотрите, он не знает какой пожар!

– У Доди Мунделевича в аптекарском магазине за углом.

– Но зачем вы бегали на пожар?

Общий вопль потрясает старый барак:

– Ха!.. Зачем!.. Так вы-то еще поете, а Мунделевич уже сгорел. Так Мунделевич же не каждый день горит. А? Ясно?

Уступая темпераментным килийцам, я спел им еще раз «Песню о короле».

Что ж! Приезжая знаменитость и килийский зритель – люди очень разные. Но сам Вертинский подтверждает: зрителей в плохоньком зале было много – сотни! А аптекарский магазин? Это аптека очень знающего, уважаемого в Килии и округе аптекаря Давида Бродского – одно крыло дома, где сейчас «собес».

После войны, когда Вертинский вновь вернулся на советскую сцену, он больше не заглядывал в Килию, а ее старожилы долго вспоминали, как он пел в тридцать втором. А вот о пожаре у почтенного аптекаря Бродского никто из старожилов не вспомнил.

Древняя Килия, ее история, легенды, ее окрестности и острова, и, конечно же, неповторимая красота могучего Дуная – неиссякаемый кладезь сюжетов для художников. Сюда «на этюды» приезжали художники из Москвы, Киева, Одессы, Бухареста. До советской власти в Килии не было ни музыкальной школы, ни художественной студии, но художники-любители, чаще всего самоучки, были.

Красоту Дуная, килийского парка, в том числе знаменитого «мостика на курьих ножках» на своих любительских полотнах запечатлели талантливые килийцы Б. Чебанов, И. Круглик, И. Руляков, молодой Н. Прохоренко – будущий мэтр килийских живописцев.

Замечательные образцы художественной фотографии оставил городу фотограф – художник Эдит Бенераф. Пейзажи, портреты – индивидуальные, парные, свадебные, групповые, жанровые. Фотографии отличались глубоким психологизмом, артистизмом, нередко замечательным юмором, которые сумел подметить, уловить и отобразить художник.

В 1929 году по заказу килийской примарии Э. Бенераф выполнил серию фотографий города. Килийский порт и его пассажирская пристань, наиболее примечательные уголки городского парка, главная улица – тогда Стефана Великого, – цен-

тральная площадь со знаменитой капличкой в ее первоначальном виде и еще главная улица в нескольких ракурсах с жандармом на перекрестке, с бричкой, едущей по брусчатке, и биржей килийских кэрущашей и с такой достопримечательностью как «сака» – бочка водовоза. И еще одна достопримечательность Килии – пожарная часть с каланчой – это еще из века девятнадцатого, оттуда же и кадр, на котором запечатлена примария – здание второй половины XIX века (городская дума). На двух фотографиях запечатлена главная историческая достопримечательность нашего города – храм Святого Николая: общий вид со стороны улицы Крещенской (Иорданулуй) – сейчас это начало улицы Татарбунарской. Мастерски выполнена фотография ракурсом на алтарь и главный иконостас. Повторяю – фотограф выполнял официальный заказ, потому на фотографиях примарь (Секэряну) и полицейский, памятник румынскому солдату. Но гораздо больше простых килийцев: прохожих, зевак, стремящихся попасть в кадр, тружеников – извозчик, «кэрущаш», водовоз, нищие. И это на главной улице города – полная социальная картина Килии 1929 года. В отличие от дел церковных, торговых, питейных, которые в Килии процветали, и было их вдосталь, с медициной и образованием дела обстояли хило, ибо таких заведений было мало и те, что были, многочисленным нуждающимся в них были малодоступны.

Измаильский уезд, как и другие уезды «Великой Румынии», был разбит на санитарно-медицинские округа. Килийский охватывал всю Килийскую волость – десяток сел. В нем имелось три больницы, две из которых микроскопические – на 10–12 коек. И только одна большая больница – дар незабвенной графини Толстой. А во всех трех больницах – 5 врачей...

Доктора Салакин и Рабинович имели собственные больницы (старая поликлиника и перестроенная из зерносклада – на Гагарина № 24). Самым знаменитым врачом городской больницы был ее главврач Симонеску – как и большинство тогдашних врачей – универсал, а еще хирург «божьей милостью», завоевавший не то что в городе или крае, а во всей Румынии славу легендарную. В довольно примитивных условиях операции этот врач делал нередко очень сложные – вплоть до трепанации черепа. Был он мужчиной крепким, характера решительного, самостоятельного, решался и на эксперименты. Известен случай, когда этот врач серией операций девочке, рожденной со ступнями, повернутыми назад, повернул их почти в нормальное положение. Девочка выросла, вышла замуж, родила детей, прожила долгую и нелег-

кую трудовую жизнь, на протяжении которой неизменно помнила чудесного врача, возносила молитву во его здравие. Довелось врачу побывать даже за Днестром, было это году в 1935, когда, казалось, вот-вот будет заключен советско-румынский договор о дружбе и взаимопомощи. Успехами здравоохранения за Днестром в то время он был поражен, отзывался о них восторженно, сетовал, что в королевстве нет такой заботы о народном здравии. За такие отзывы «Железная гвардия» Кодряну не раз грозила расправой врачу, даже пыталась убить. Добровольцы из благородных пациентов доктора Симонеску организовали его охрану.

Врачей было мало, а больных очень много, и большинство их лечилось у разного рода знахарей или умирало, не лечась, исходя из принципа «Все – от Бога». Большинство родов принимали повитухи, нередко роженицы обходились и без них. Если роды проходили благополучно, то нередко уже на второй день роженица уже трудилась – работа, семья не ждали. Смертность при родах и детская смертность были высокими, особенно в селах.

Спорт? В городе огородников, хлеборобов, ремесленников, грузчиков кому-то нужен был еще спорт?

Детям? Но разве дети трудового люда не с детских лет вынуждены были работать, чаще всего, выше своих сил?!

И все же в начале двадцатых годов двадцатого же века в Килии организовался первый спортивный клуб. Это был «Макаби» («Маковеи») – спортклуб еврейской общины города. После того не могло не родиться общегородское спортивное общество, которому было присвоено гордое имя «Олимпия». В «Макаби» культивировались разные виды спорта: легкая атлетика, гимнастика, бокс, классическая и вольная борьба, волейбол, шахматы и шашки. К концу тридцатых годов более трехсот детей, подростков, юношей и девушек входили в это общество. Наряду со спортивной работой в нем велась и сионистская воспитательная работа – «Макаби» с самого начала было преимущественно еврейским по этническому составу. При всем многообразии спортивной деятельности, главным видом спорта в этом обществе был футбол, из «Макаби» родился и общегородской футбол.

Когда, с восшествием на румынский престол в 1930 году Карола II, страна стала быстро скатываться в кровавый омут фашизма, «Макаби» и ее футбольная команда были распущены. Возродиться под новым именем «Вихрь» и принять в ряды общества не евреев не удалось – антисемитизм в королевстве ударил и по спорту. И тогда лучшие футболисты «Макаби» вступили в «Олимпию», которая с самого начала была, по сути, только фут-

больной командой. Это пошло на пользу килийскому футболу, тем более что меценатами его были одни и те же люди: килийские лесо- и зерноторговцы, а также такие общественные деятели, как доктор Рабинович и доктор Салакин, общими были и тренеры – братья Кицисы, особенно Семен (известный килийский адвокат Семен Маркович).

После того, как лучшие футболисты «Макаби» влились в «Олимпию», эта команда заиграла так, что стала грозой профессиональных команд Румынии. В 1937 году команда вошла во вторую лигу румынского футбола и даже вышла на второе место в общенациональном розыгрыше этой лиги, т.е. имела шанс войти в высшую футбольную лигу королевства.

Полуеврейская команда заштатной Килии – в высшую лигу? Играть с элитой королевского футбола?! «Зарвавшихся» килийцев надо остановить», – решили в верхах, видимо, не только в футбольных. Сделать это было поручено бухарестскому «Динамо» – команде столичных жандармов.

В апреле 1938 года, на второй день Пасхи, Килию лихорадило – все только и говорили о предстоящем матче со столичной знаменитостью. Со второй половины дня «вся Килия» потянулась к стадиону (ныне – район бывшего садика «Вишенка»). На стадионе и вокруг яблоку негде было упасть. И вот – матч! Первый тайм, к радости килийцев, закончился вничью.

...Истекали последние минуты матча, а счет оставался нулевым. Что ж, – для «Олимпии» и ничья престижна, а для столичного «Динамо»? За несколько секунд до финального свистка посланный форвардом «Олимпии» мяч, как вспоминают килийские футболисты и болельщики, влетел в ворота соперников. Всю почти ночь на третий день Пасхи ликовала Килия. А «Олимпия» после этой победы была разогнана – нечего каким-то там бессарабцам побеждать жандармов Бухареста – посчитали «в верхах» и, видимо, не только в футбольных.

Далеко за пределами Килии были известны имена лучших игроков интернациональной «Олимпии»: героя блестящего матча: вратаря Швайки – украинца, полевых игроков В. Цалиса, И. Хаимовича, Д. Соскина – евреев, русского С. Рулякова, грека Кондоруписа, молдаванина Авадани и других килийских футболистов. Слава килийского футбола в Румынском королевстве оказалась столь громкой, а привычка килийцев и тяга к нему столь сильными, что власти вынуждены были пойти на восстановление городской футбольной команды, правда, под другим названием: «Стефана Великого». Настоящее рождение массового

спорта, в том числе футбола, в Килию пришло вместе с советской властью.

Было бы несправедливо умолчать о тех килийцах, которые в двадцатые – тридцатые годы прославились на Дунае делами, свершенными далеко от него – в буднях великих строек, в веселом грохоте, огнях и звонах предвоенных пятилеток Советского Союза прославили Килию. Список их не короток, но мы назовем всего двоих их них – самых выдающихся.

Зарзэр Валентин Ананьевич. Родился 15 (28) февраля 1899 года – старший из сыновей известного килийского адвоката и общественного деятеля (в 1905–1907 годах – городской голова Килии) Зарзэра Анания Семеновича. После окончания Килийского трехклассного училища гимназическое образование получил в Саратове.

События 1927–1918 годов разъединили семью. Младшие братья учились сначала в Килии, продолжили образование в Бухаресте, как и отец, стали юристами.

Валентин в 1918 году добровольцем ушел в Красную Армию. Способный математик, он стал артиллеристом, командиром артбатареи, дивизиона, полка, начальником двух артучилищ одновременно. После окончания Гражданской войны решил пойти по стопам отца: окончив юрфак Московского университета, стал правоведом (международное право). Не на шутку увлекся авиацией, настолько, что уже будучи дипломированным юристом, решил сменить профессию. Широко образованный, В.А. Зарзэр стал не просто летчиком, а выдающимся организатором Молодой советской авиации, организатором первых рекордных перелетов советской авиации.

10 июля 1929 года с московского аэродрома взлетел и взял курс на запад трехмоторный пассажирский самолет (военного варианта этой машины не было) – туполевский АНТ–9 «Крылья Советов». Перелет предстоял долгий и трудный: Москва – Берлин – Париж – Рим – Лондон – Берлин – Варшава – Москва, свыше девяти тысяч километров. И первый же этап – до Берлина, протяженностью в 1680 километров предстояло совершить без посадки. Цель полета: завершить летные испытания рекордной машины в сложных метеоусловиях и продемонстрировать Миру достижения советской авиации.

Метеоусловия действительно с самого начала перелета оказались очень сложными: кромешная тьма (стартовали в три часа ночи), дождь как из ведра, сильный ветер, да еще порывистый – все это для машин той эпохи, к тому же гражданских, серьезные испытания.

Экипаж состоял из 9 человек. Фамилии большинства из них в скором времени прогремят на весь мир, как и рекорды, установленные экипажем. Начальник перелета – В.А. Зарзэр, первый пилот, он же штурман – опытнейший летчик-испытатель М.М. Громов (ему предстоит долгая и славная жизнь, он «даст путевку в небо» многим советским самолетам, испытав их в небе, совершив несколько рекордных перелетов, в том числе сразу после В.П. Чкалова перелет через Северный полюс в Америку, станет Героем Советского Союза).

В составе экипажа и инженер, авиаконструктор А.А. Архангельский. Вместе с А.Н. Туполевым они создавали АНТ–9 «Крылья советов» – Архангельский создал для рекордной машины рекордный двигатель. В его жизни будет много других рекордных и серийных двигателей, которыми прославится советская авиация: для фронтового бомбардировщика – туполевского «СБ», для грозного пикировщика «ТУ–2», для многих послевоенных машин, в том числе для космических аппаратов. Техник Русанов был бортмехаником экипажа, Михаил Кольцов летел спецкором, его брат, Борис Ефимов – художником авиаперелета, еще три работника прессы тоже должны были освещать рекордный перелет.

В начале десятого часа полета, который почти на всем протяжении маршрута был бреющим, по курсу обозначился Берлин. Видимость улучшилась и, не совершив разведывательных кругов над незнакомым аэродромом, Громов поднял тяжелую машину высоко в небо и с разворота, по крутой траектории пошел прямо на посадку.

Толпа встречающих на аэродроме кинулась врассыпную, но самолет после короткой пробежки остановился, как вкопанный, у расчетной черты. Суток экипажу не хватило на официальные и неофициальные встречи и интервью, на торжественные приемы... И снова в полет. Курс – на Париж. За штурвалом попеременно М.М. Громов и В.А. Зарзэр, последний, как положено, с места второго пилота. Вот и парижский аэродром. Среди встречающих советский экипаж – Анри Барбюс.

В ходе оживленной беседы он и Зарзэр вспоминали Бессарабию: Валентин Ананьевич – такой, какой запомнил ее с детства, Барбюс – свою полную опасных происшествий поездку в Бессарабию в 1925 году, на защиту татарбунарских повстанцев.

Следующая столица на маршруте перелета – Рим, где темпераментные итальянцы устроили экипажу особо шумную встречу, а начальство не знало, как унять эти восторги и шум.

Из Рима курс самолета пролег через Марсель, где рабочая Франция долго не отпускала советский экипаж.

Из солнечного Марселя курс самолета «Крылья Советов» пролег вверх по Роне – на север, в туманный сырой Лондон.

Неожиданно чопорная английская столица проявила к самолету и его экипажу очень большой интерес: приемы, импровизированные встречи, интервью (с разрешения Москвы) – даже выбились из графика.

И снова Берлин, на сей раз ненадолго. Варшава приняла на военный аэродром. Встреча только с советским дипломатическим корпусом, с народом – мимолетно, по пути следования в посольство.

Трансконтинентальный перелет воздушного корабля «Крылья советов» по Европе продолжался около месяца. И машина, и экипаж ее были удивительными, а перелет – рекордным. В авиационной жизни планеты он стал главным событием года, поэтому о нем писали не только журналисты «аккредитованные» на борту самолета, а и вся мировая печать.

По разному писали. Друзья радовались, рукоплескали, восторгались мужеством и мастерством экипажа, желали советской авиации дальнейших успехов. Недруги изощрялись: «Таинственный самолет из Москвы», «Воздушный разведчик Кремля» и даже «Красный бомбардировщик над Францией». Много раз на страницах западноевропейской прессы печатались сообщения о том, что самолет постигла катастрофа, ведь так хотелось этого, да и тиражи от таких «сенсаций» подскакивали. Экипаж и машина неизменно опровергали подобные сообщения.

Восьмого августа 1929 года воздушный корабль «Крылья Советов» благополучно совершил посадку на центральном аэродроме Москвы.

Столица ликованием встречала героев рекордного перелета. На этот раз им пришлось пробиваться не через дождь, ветер и туман, а сквозь море флагов, транспарантов, дождь афиш и цветов, бурю аплодисментов. Перед многолюдным митингом с яркими речами выступили: начальник перелета Валентин Ананьевич Зарзэр, первый пилот экипажа и штурман в одном лице Михаил Михайлович Громов. Восторженно рассказал о перелете публицист Михаил Кольцов. Рассказывать было о чем: 9037 километров за 53 летных часа пролетела крылатая машина (средняя скорость 170,5 километров в час – крупное достижение воздушного флота Страны Советов и мира).

В последующем В.А. Зарзэр подготовил и организовал целую серию рекордных перелетов: трансконтинентальных в Евро-

Азии и трансокеанских – через Сибирь и Тихий Океан в Америку. Но не только рекорды занимали В.А. Зарзэра (хотя они также нужны авиации, как рекордные машины и заезды автогонщиков для развития автомобильного транспорта).

Будучи членом Президиума Госплана СССР, В.А. Зарзэр много сделал для развития и внедрения в практику сельскохозяйственной авиации и планерного дела в стране. Но он не удовлетворялся функциями талантливого организатора и пропагандиста авиационного дела, он сам рвался в небо.

5 сентября 1933 года новая туполевская машина, «АНТ–17» в неимоверно плохую погоду взлетела с Тушинского аэродрома и ринулась в испытательный, а может быть и рекордный полет. В группе испытателей был и В.А. Зарзэр. Это был его последний полет – в семидесяти километрах от аэродрома самолет потерпел катастрофу...

Рожденный и выросший на килийской земле, в старинном доме по Большой Дунайской, ныне Ленина, 65, Валентин Зарзэр вошел в историю авиации Советского Союза. Этому делу он отдал свои мечты, труд, талант и жизнь до последнего вздоха.

На значительном отрезке жизненного пути пересекались судьбы В.А. Зарзэра и еще одного нашего знаменитого земляка – Ивана Филимоновича Секриеру, человека почти на десяток лет старше Валентина Ананьевича и раньше покинувшего Килию.

Во время Гражданской войны на высших артиллерийских курсах в Москве впервые встретились и сразу понравились друг другу командир батареи Зарзэр и командир прославленного бронепоезда «Черноморец» Секриеру. В отличие от Зарзэра, Секриеру раз в жизни освоенную профессию артиллериста не менял. (Смена профессии Зарзэром – ему не в укор, ведь многим артиллеристам, кавалеристам довелось в пору бурного технического прогресса стать танкистами, а некоторым – даже моряками). Иван Филимонович Секриеру и после Гражданской войны продолжал быть артиллеристом. И каким!

Выдающийся ученый-математик, профессор Секриеру стал специалистом в важнейшем теоретическом и прикладном разделе высшей математики – теории вероятности. В этой области математической науки ему принадлежит фундаментальный труд, который так и называется: «Теория вероятности». В Артиллерийской академии имени Дзержинского и в других артиллерийских учебных заведениях страны не одно поколение артиллеристов училось по трудам профессора артакадемии И.Ф. Секриеру, не одно поколение советских офицеров, генералов и

маршалов-артиллеристов вышло из школы генерала артиллерии Секриеру.

В области прикладной он плодотворно работал над вычислением и совершенствованием «Таблиц стрельбы наземной артиллерии» – для различных ее систем. Работал генерал Секриеру и над изобретением, и совершенствованием приборов управления огнем наземной артиллерии (ПУАО – нарезная артиллерия, ПУМО – минометы) – удобных, надежных, достаточно компактных, эффективных в массовом применении. Это познали на себе немецкие захватчики и их союзники в годы Великой Отечественной войны.

По-разному погибли (и похоронены по-разному) В.А. Зарзэр и И.Ф. Секриеру. Авиакатастрофа оборвала жизнь первого. Некролог по поводу этой трагедии подписан членами Политбюро ВКП(б) во главе с самим Сталиным. Похороны проходили на Красной площади под траурный марш и гром артиллерийского салюта.

И.Ф. Секриеру погиб в застенках кровавого Ежова (как и некоторые другие выдающиеся бессарабцы). В конце двадцатых он – ученый-артиллерист – был в двухмесячной командировке в Германии, еще даже не гитлеровской. Но в конце тридцатых за это был зачислен в немецкие шпионы... Сухой треск пистолетного выстрела оборвал жизнь генерала Могила? Неизвестно.

По-разному погибли и похоронены наши земляки Зарзэр и Секриеру. Но в главном судьбы этих людей очень сходны, ибо это судьбы талантливых мечтателей, искателей-пионеров, ученых. На крыльях самолетов, построенных ведомых последователями Валентина Зарзэра в сорок пятом пришла Победа!

В годы Великой Отечественной артиллерия (дело Ивана Секриеру) стала богом войны – важнейшим орудием достижения Победы.

Тридцать залпов московского салюта Победы – это и салют в их честь! Но все это потом, спустя годы – трудные, грозные, славные.

А в годы двадцатые и тридцатые В.А. Зарзэр и И.Ф. Секриеру в стране мечтателей, стране ученых были героями ее и нашими.

РУМЫНИЯ В ПЛАНАХ ГИТЛЕРА

Стратегические наметки внешней политики Германии Гитлер определил за десять лет до прихода к власти. В 1923 году в «Библии нацизма», пресловутой «Майн кампф», он писал: «Мы кладем конец великому движению немцев на Юг и Запад и обращаем свой взор на Восток. Когда мы говорим о новых территориях в Европе, мы имеем в виду, прежде всего, Россию и государства, которые к ней примыкают». (См. «Нюрнбергский процесс», т. 2, стр. 345).

Итак, истребление славян, евреев, а заодно и цыган, завоевание «жизненного пространства» вплоть до установления мирового господства единственной высшей расы – германской.

Нет, это ни в коем случае не разглагольствования дилетанта или безответственного публициста. Это программные установки политика, которые вознесут его к власти в крупнейшем государстве Западной Европы.

Пройдет не так уж много времени и запылает Рейхстаг и гигантские костры из книг, написанных гениями человечества, а в самые прочные сейфы «Третьего Рейха» лягут секретнейшие папки с планами покорения Европы и Мира, в том числе ключевой – «План Барбаросса». В планах милитаризации Германии, в планах сколачивания агрессивных союзов во главе с гитлеровской Германией, Румыния с ее геостратегическим пространством, в том числе с Нижним Дунаем – трамплином для броска на Украину, Кубань, Кавказ, с ее нефтью, хлебом, людскими ресурсами – пушечным мясом для осуществления захватнических планов Германии занимала важное место. Без этой Румынии нечего было и думать о «натиске на Восток».

Одним из первых шагов Рейха в этом направлении должен был стать союз с Румынией. Конечно, Германия могла бы установить контроль над этим регионом и привычным для гитлеровцев способом – войной. Но в данном случае имелись серьезные предпосылки к тому, чтоб Румыния стала союзницей фашистской Германии «мирным путем».

Как известно, еще в 1866 году в остром соперничестве между Австро-Венгрией, Францией и Германией победителем вышел канцлер Германии, Отто фон Бисмарк, сумевший посадить на престол Дунайских принципатов Молдовы и Валахии родственника германского короля – Карола Первого Гогенцоллерна-Сигма-Ринген... Вследствие этого, до начала Первой Мировой войны Германия оставалась главным инвестором в румынскую экономику и импортером дешевого продовольствия, стратегического сырья – прежде всего нефти. В 1883 году Румыния вступила в Тройственный союз, возглавляемый Вторым Рейхом еще кайзера Вильгельма I – тоже Гогенцоллерна...

Карол I румынско-немецкий в 1914 году и на смертном одре стремился бросить Румынию в войну против стран Антанты во имя интересов своего немецкого фатерланда, но не вышло. Потом до самого лета 1916 года Румыния с выгодой торговала своим нейтралитетом в разгоревшейся войне, получая выгодные займы, оружие и обещания территориальных приобретений, как от Антанты, так и от Тройственного союза.

После успеха Брусиловского наступления в 1916 году Румыния уже при короле Фердинанде I Гогенцоллерне объявила войну Австро-Венгрии. Это, а также охотное участие в интервенции против Украины и России, после разгрома Тройственного союза обеспечило Румынии на Парижской мирной конференции статус страны-победительницы и возможность стать Великой Румынией (Романия Маре), прихватив у бывшей Австро-Венгрии Трансильванию, Банат, Кришану и Марамушер, а у своего союзника России – Бессарабию. Захватив все это и еще Северную Буковину, Румыния вдвое увеличилась по площади территории, назвала себя Великой, но оказалась в очень сложных отношениях со своими соседями – Украиной, вскоре вошедшей в СССР, Венгрией, да и Болгарией, от которой ей еще в 1913 году досталась южная Добруджа (т. н. Квадрилитер).

На некоторое время Англия и Франция заняли место довоенной Германии в экономике, особенно в нефтяной промышленности Румынии, а Румыния на некоторое время завалилась в фарватер англо-французской внешней политики. Но на западе подымалась из руин и пропасти репарационных платежей Германия, а за Днестром подымался колос Советского Союза, никогда не соглашавшийся с отторжением Бессарабии... В возрождающейся милитаристской Германии правящие круги «Великой Румынии» во все большей степени видели силу, которая, как им казалось, может обеспечить территориальную целостность Великой Румынии...

С возвращением в 1930 году на румынский престол Карла II – тоже, разумеется, Гогенцоллерна, интенсивность румынско-германского сотрудничества в экономической сфере, а с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера в 1933 году – и в политической, полицейской, военной сферах более того – духовное сближение развивалось все более быстрыми темпами.

У гитлеровцев в Румынии была своя «пятая колонна», представленная, во-первых, в виде организованного в 1927 году фашистского «Союза Михаила Архангела», затем – «Железной Гвардии» Корнелия Зели Кодряну. Идеология этой партии – смесь великорумынского шовинизма, дикого антисемитизма, милитаризма и христианско-социалистической демагогии. Программные лозунги румынских фашистов, довольно щедро финансируемых румынскими олигархами промышленности, помещиками и из кассы гитлеровской национал-социалистической партии: «Церковь, армия, школа!», «Земля тем, кто ее обрабатывает!», «Уничтожай жидов всеми средствами: пулей, ядом, кинжалом!». Декламируемая Зелей Кодряну внешняя политика: «Союз с Германий не позже чем через 48 часов после того, как мы придем к власти!». (См. «Досье истории» № 11, 1998 г. Стр. 5 на рум. яз.).

Милитаристский, шовинистический характер программы легионеров привлекал военных, особенно армейскую молодежь, поэтому многие военные примкнули к организации Кодряну, тем более что принципы ее организации и методы действия во многом были масонскими.

Христианско-социалистическая фразеология программы привлекла в ряды легионеров значительную часть священников регата, в особенности сельских. (См. П. Кирноагэ: «Политическая и военная история войны Румынии против Советской России». Стр. 58).

Не без основания важной составной частью гитлеровской «пятой колонны» в Румынии того времени можно было считать этнических немцев в королевстве. Было их около 760000 – грамотных, хорошо организованных, дисциплинированных, состоятельных фольксдойче.

Были они и предметом особой заботы зарубежного отдела Германской национал-социалистической рабочей партии. Румынские фольксдойчи имели свои организации НСДАП, вооруженные отряды под видом стрелковых клубов поддерживали тесную связь с фатерландом. Румынские фольксдойчи, как и всякие другие, их организации были предметом особого внимания не

только зарубежного отдела фашистской партии Германии, но и Министерства иностранных дел Германии, ее спецслужб, в том числе «Абвера» – разведки и контрразведки III Рейха, которая из числа фольксдойче формировала свои «опорные группы»...

Вокруг короля образовалась группа влиятельных «друзей Германии», в которую входили Г. Брэтиану, Октавиан Гога, Александр Куза, Вайда-Воевод, Константин Аржентояну и многие другие.

В фашистской Германии круг сподвижников Гитлера изображал из себя друзей Румынии. В этот круг входили такие матерые фашисты, как Альфред Розенберг, Герман Геринг...

Люди этих «кругов» часто встречались в партикулярном порядке, нередко выполняли поручения короля, с одной стороны, германского фюрера – с другой.

Естественно, это вызвало беспокойство тех румынских политиков, которые стремились избежать участия страны в блоках с фашистскими режимами, в участии в локальных или европейской войне. Приходилось обращать внимание и на возрастание реваншистских настроений соседней Венгрии относительно Румынии, но прежде всего надо было наладить нормальные добрососедские отношения с великим соседом на Востоке. От этого зависела и безопасность со стороны Венгрии, да и Германии.

Учитывая это, тогдашний глава внешнеполитического ведомства королевства, известный дипломат и деятель Лиги наций, Николае Титулеску согласился на подписание Конвенции по определению агрессора в формулировке, предложенной Советским Союзом. Последующие контакты Титулеску и наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова привели к тому, что 9.VI.1934 г. между Румынским королевством и СССР были установлены дипломатические отношения. При этом стороны условились, что в процессе этой важной дипломатической акции вопрос о Бессарабии не будет затрагиваться.

Некоторые околоправительственные органы румынской прессы посчитали, что это наконец сигнал того, что Советский Союз признает Бессарабию румынской. Однако лидер либералов того времени Г. Брэтиану с парламентской трибуны пояснил, что несмотря ни на что проблема Бессарабии продолжает оставаться открытой.

По мнению Титулеску, следующим после установления дипломатических отношений между СССР и Румынским королевством шагом должно быть заключение пакта о взаимопомощи.

Понятно, что такая деятельность Титулеску не устраивала румынских «друзей Германии» и они не раз обращались к королю с предложением отстранить Титулеску от руководства румынским министерством внешних сношений. Еще раньше Титулеску не пришелся по вкусу руководству гитлеровского Рейха и всем «друзьям Румынии» в нем. Ведомство Гиммлера стало готовить физическую ликвидацию неугодного румынского министра, а министерство иностранных дел Германии стало комплектовать «Досье Титулеску» с компроматом, чтоб в подходящий момент передать его королю Румынии, которого курс Титулеску на сближение с СССР также не устраивал во все большей мере...

Тем временем, вопреки всем сложностям, непростой процесс подготовки советско-румынского договора о взаимопомощи продвигался вперед – один за другим согласовывались его пункты. Почти все было готово к подписанию документа, когда 29 августа 1936 года в 17 часов находящийся в Женеве Титулеску получил из Бухареста запрос: «Каково мнение министра о действиях Италии и Германии в Испании?» (Эти две фашистские державы развязали интервенцию против Испанской республики, борющейся с фашистскими мятежниками Франко). На заданный ему запрос Титулеску ответил: «Румынии необходимо следовать за Англией и Францией». (Эти страны осудили германо-итальянскую агрессию, правда, заняв позицию умиротворения агрессоров). Король Карол II на этот ответ своего министра отреагировал молниеносно – уже к двадцати часам того же дня Николае Титулеску рескриптом короля был уволен в отставку. Подписание пакта о взаимопомощи меж Румынией и СССР было сорвано.» (См. Архив внешней политики России: ф. 125, опись 21, д. 15, л. 7).

О возможности пресечения гитлеровской агрессии на ее раннем этапе высказывались многие политические авторитеты, например, Уинстон Черчилль в многотомной «Истории Второй Мировой войны»:

«Одна из таких возможностей – Румынско-Советский договор, о дружбе и сотрудничестве, – пакт Титулеску – Литвинов, если хотите. Будь он тогда в тридцать шестом подписан, а затем реализован, не понадобился бы пакт «Риббентроп – Молотов». Гитлер не заполучил бы румынскую нефть, и тогда нечего было бы и думать о германских танковых и авиационных «блицкригах». По иному бы сложились судьбы Румынии, Европы и Мира...».

Используя приобретаемые по льготным ценам стратегические ресурсы из Румынии, Германия полным ходом выполняла

курируемый Герингом «Четырехлетний план» подготовки к европейской войне – создавала боевую авиацию, бронетанковые войска, мощный подводный и надводный боевой флот – все, что ей запрещал создавать Парижский мирный договор... Одновременно Германия стремительно прибирала к рукам румынскую экономику, вытесняя из нее французские, английские, чехословацкие фирмы.

К концу тридцатых годов немецкий капитал почти полностью вытеснил в Румынии капитал Англии, Франции, Чехословакии, Швеции в таких важных отраслях промышленности, как нефтяная, металлургическая, военная. Все более ощутимым было влияние Германии и на аграрный комплекс Румынии – по заявкам из Рейха помещики и другие крупные землевладельцы Румынии, включая латифундии королевской семьи, сеяли все больше технических культур, отборной пшеницы, гороха, – продавали продукцию в Германию. Сам король не упускал случая преумножить свои и без того баснословные богатства – к концу тридцатых годов он стал владельцем крупных пакетов акций более чем сорока иностранных и смешанных фирм в Румынии. Но акции эти и дивиденды с них, и вообще свои валютные и золотые запасы держал он преимущественно в английских и швейцарских банках...

Стремясь любой ценой завладеть ключевыми отраслями румынской экономики и привязать Румынию к своей военной машине, Гитлер и его подручные не проявляли разборчивость в выборе средств для достижения этих целей. Для этого широко применялись влияние и связи «друзей Германии» в Румынии, подкуп, шантаж, а когда это не помогало – политический бандитизм. Если опасных для осуществления пронемецкой политики в Румынии деятелей не удавалось сделать послушными орудиями этой политики, или вывести с политической арены, как это было сделано с Н. Титулеску, то их убивали. Такая участь в разное время постигла М. Дуку, А. Кэлинеску, политических деятелей – крупных ученых Н. Иорга, Е. Мадгеру и ряд других. Исполнителями политических убийств, как правило, были головорезы из «Железной Гвардии» Зели Кодряну, но задумывались эти убийства в Третьем Рейхе – в ведомствах Гиммлера, Гейдриха. В результате Румыния быстро скатывалась к установлению режима открытой военной диктатуры.

В декабре 1937 года король призвал к власти правительство «отцов» – главных теоретиков и духовных вдохновителей румынской вариации фашизма – Октавиана Гогу и Александра

Кузу. Пост военного министра в нем занял недавний начальник генерального штаба, генерал-майор Ион Антонеску.

Кто же он, человек, которого некоторые в современной Румынии и Молдове считают национальным героем – мучеником, патриотом? В то же время ни один здравомыслящий румын не может отрицать, что за всю историю Румынии никто не принес ей больше бед – материальных и людских потерь. Что касается Нюрнбергского трибунала и Народного трибунала в Бухаресте (сорок шестой год), то эти высокие и справедливые судебные инстанции признали его военным преступником ранга Гитлера, Гиммлера.

И. Антонеску родился в 1882 году в городе Питешть. Его отец, дядя, три старших брата и отчим были кадровыми офицерами королевской армии. В атмосфере преклонения перед монархией, чувства элитности офицерской касты, честолюбия, карьеризма, презрения к цивильным «штафиркам» даже благородных кровей прошло детство и отрочество будущего третьего маршала Румынского королевства.

С детства был он худосочным, болезненным, неудачником в спорте – ростом и телом не вышел до совершеннолетия, так что даже став офицером, щуплость в теле камуфлировал вшитой в мундир ватой, задирист и амбициозен. Как выяснилось, умом он обладал не очень глубоким, не гибким, но цепким, был старателен, учился хорошо, от школьных программ не отклонялся. В шестнадцать лет, с опозданием на два года вследствие слабого здоровья, поступил в местную военную гимназию, окончил ее с отличием и поступил в Бухарестскую кавалерийско-пехотную школу. Окончил ее первым по списку выпуска 1904, в связи с чем среди других отличившихся был представлен королю Каролу Первому. После чего поступил в элитное кавалерийское училище в Тырговиште «Дялу» – рядом с известнейшим монастырем того же названия. В том монастыре хранится национальная святыня Румынии – забальзамированная голова князя Михая Храброго, в 1601 году отсеченная заговорщиками. Видимо, эта голова, принадлежащая первому создателю «Великой Румынии» – пусть даже всего на несколько месяцев, – повлияла на умонастроение будущего третьего маршала Румынии.

Училище это он окончил также первым по списку выпускников. Его знания по топографии, уставам, строю пехотному и кавалерийскому кружат голову молодому лейтенанту, делают его задиристым по отношению к коллегам, дерзким даже в отношении начальников вплоть до полковников и генералов.

Музыка, театр, вообще искусство – к ним он остался равнодушным, но не окунуться в мир кутежей молодой офицер просто не мог. Однако перепить тренированных в этом деле коллег хиловатый Антонеску был не в силах, и это его угнетало – ведь он уже привык быть лидером. Этот проигрыш он попытался компенсировать, посещая знаменитый в Бухаресте квартал бардаков на все вкусы «У каменного креста». Но и тут его постигла жестокая неудача – он подцепил не какой-нибудь легкий «гусарский насморк», а цепкий жестокий сифилис, как об этом свидетельствуют знакомые с его медицинским досье биографы Антонеску (А.М. Стоенеску: «Армия, маршал и евреи». Стр. 476. Бухарест 1998 г.). Тот же автор свидетельствует, что вылечить болезнь полностью пострадавшему не удалось – рецидивы ее вместе с обладателем пережили две мировые войны. Даже в разъездах на Восточном фронте в 41–44 годах психологические срывы в виде состояния глубокой депрессии, перемежающейся с припадками яростной истерики – и это в придачу к природной импульсивности. (Это – как и у его кумира – Адольфа Гитлера). Вот с таким противоречивым букетом качеств начал свою военную карьеру в армии лейтенант Антонеску по окончании элитной школы у монастыря «Дялу». (Там же).

Крестьянская война 1907 года застала Антонеску в Галаце, где он командовал пехотным полувзводом. Символично, даже судьбоносно: первая военная миссия лейтенанта Антонеску оказалась карательной, – притом не спровоцированной, а по его инициативе. А дело было так: из пригородных сел на переговоры в префектуру Галац шла мирная депутация крестьян абсолютно безоружных. Навстречу был послан прокурор. Между сторонами завязались переговоры, вполне мирные, но командиру сопровождающего полувзвода показалось, что крестьяне ведут себя неуважительно по отношению к судебной власти и к армии, которую он олицетворял. Команда на открытие огня прерывает переговоры. Результат действий импульсивного лейтенанта – 13 убитых и 7 раненых крестьян. Казус вызвал скандал даже в румынском парламенте. Генеральная прокуратура королевства учинила расследование, которое пришло к выводу, что для открытия огня не было никаких оснований. Но!.. Наследный принц Фердинанд – командующий кавалерией королевства, перед строем гарнизона объявил лейтенанту Антонеску благодарность (и на все свое последующее царствование взял его под свое покровительство!). Через два года лейтенант-каратель поступил в военную академию, которую успешно окончил шестым по списку из 36 выпускников 1913 года. Это обес-

печило ему внеочередное присвоение звания капитана, минуя несколько ступеней, и должность офицера генерального штаба при высоких армейских штабах. Он получил такую должность в штурме на Балканском фронте в период Второй Балканской войны (1913 год).

Коалиционная эта война против Болгарии быстро закончилась сокрушительным разгромом последней. Дождь наград румынских, греческих, турецких пролился на победителей. Капитану Антонеску из этого дождя досталась еще и аттестация, вследствие которой он несколько лет был начальником разных военных училищ, в том числе и элитного родного.

В 1914 году принц Фердинанд стал королем Румынии, а в последующем назначил своего давнего любимца Антонеску на приятную дипломатическую должность в генеральный штаб королевства. Победных лавров она капитану не доставила, но дала возможность служить под началом Авереску и Презана, вскоре – маршалов Румынии, а также возможность посетить царскую ставку в Могилеве, где по церемониалу он удостоился русского ордена. Российская Империя вскоре рухнула, а офицер генштаба Антонеску активно участвовал в разработке планов войны против недавнего русского союзника – планов оккупации Бессарабии.

Особенно прославился Антонеску в качестве командира карательного батальона при подавлении революции в Венгрии (1919 год).

За дела карательные и закрепление захвата Трансильвании – вновь дождь наград, в том числе высшая в королевстве – Орден Михая Храброго, а к ней внеочередной чин подполковника. После этого ощущение элитности, избранности переросло у Антонеску в манию величия – он требует (и, благодаря покровительству короля) получает чин полковника, а с ним вновь дипломатическую должность в генштабе. В этой должности он участвовал даже в работе Парижской мирной конференции. Учитывая неуживчивый характер выскочки-полковника, генштаб избавляется от него, посылая военным атташе в Турцию, Францию, Бельгию, Англию. Из Британии в свое королевство он привез пристрастие к мундирам английского покроя, которые впоследствии внедрил в румынскую армию. Но не только британского покроя униформу вывез Антонеску с Туманного Альбиона, а и убеждение в том, что еврейские финансовые воротилы в западноевропейских демократиях обрели слишком большую власть и

что этого не следует допускать в Румынии. А для исправления ситуации лучше всего методы, предлагаемые Адольфом Гитлером.

В 1927 году Антонеску – начальник высшей военной школы Румынии (военной академии), но это всего лишь большой видимый блеск, а не большая реальная власть, которая его все больше манит. Знатоки его биографии утверждают, что честолюбивый Антонеску каким-то образом пособил блудному принцу Каролу стать королем Каролом II – во всяком случае, 10 мая 1931 года новый король возвел полковника Антонеску в генеральское звание. Естественно, что вместе с этим возросли и политические амбиции Антонеску. Для их удовлетворения он даже сблизился с лидерами Железной гвардии, рассчитывая, правда, не столько на них, сколько на поддержку их молодых штурмовиков-легионеров, поскольку армейская верхушка выскочкой-генералом пренебрегала.

Некоторое время, безусловно, способный генерал-майор Антонеску успешно, даже стремительно продвигался по службе. В конце 1933 года он назначается командиром третьей пехотной дивизии в городе Питешть и одновременно заместителем начальника генштаба, а вскоре и его начальником, на много опередив других, более высоких по чину и старших по выслуге претендентов на этот пост. Вновь назначенный начштаба быстро выяснил, что могущество румынской армии – миф, что в таком виде она не способна ни в какой мере защитить отечество в случае необходимости. Уразумев это, со рвением фанатика принялся Антонеску за реформы. Одев офицерство в мундиры английского покроя, реформировать армию Антонеску решил, однако, на немецкий лад. На переподготовку и в училища гитлеровского Рейха, особенно в танковые и авиационные части были направлены сотни курсантов и молодых офицеров, отобранных лично генералом. Сам он тоже прошел курс стажировки в академии генерального штаба Рейха. Воочию ознакомившись с порядками, установленными в Третьем Рейхе его фюрером, Антонеску на всю оставшуюся жизнь стал ярым поклонником Гитлера. По возвращении со стажировки в генштабе Вермахта, генерал был отправлен в запас, даже не в запас, а в ссылку – в тот же «Дялу» с забальзамированной головой Михая Храброго.

Карола II обеспокоили диктаторские замашки Антонеску, ибо румынский король и сам был не против того, чтобы стать коронованным фюрером Румынии и породниться с фюрером Германии, но...

Но... Как уже отмечалось выше, капиталы румынских Гогенцоллернов хранились в основном в английских банках, и потому Карол II старался балансировать между зовом своей гогенцоллернской крови и диктатом лондонского Сити (до поры до времени это ему удавалось). Это отражалось на внешней политике его правительств и все сильнее раздражало Гитлера. Балансировать королю становилось все труднее – гитлеровский Рейх перешел к крупномасштабной агрессии...

В разгар «Судетского кризиса» (осень 1938 года) Советский Союз не раз и не два, а десять раз на весь мир официально заявил, что выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией о взаимопомощи в отражении агрессии против этой страны, надо лишь, чтоб ее правительство официально обратилось за помощью к Советскому Союзу. Правительство же Чехословакии заявляло, что такая просьба будет заявлена лишь после того, как первой окажет помощь Франция.

Однако, судьба Чехословакии была предрешена Великобританией и той же Францией. Об этом задолго до Мюнхенского сговора советского посла в Англии Ивана Майского предупредил не кто иной, как Уинстон Черчилль (в присутствии самого английского короля), сказав: «Речь идет о предательстве Чехословакии и развязывании Гитлеру рук на Востоке». (См. А. Мартиросян: «За кулисами Мюнхенского сговора». Стр. 584. М. 2008 г.).

Как и Франция с Англией, Румыния в тридцать восьмом предала Чехословакию – не выполнила договорных обязательств о взаимопомощи в случае агрессии. Когда же Советский Союз решил оказать помощь Чехословакии и без ее обращения, то Румынский король Карол II заявил, что его страна не пропустит советские войска через свою территорию, чем очень «пофартил» Гитлеру.

Но весной 1939 года, когда гитлеровская Германия захватила всю Чехословакию, Румынии было предложено принять участие в дележе ее территории. Венгрия и Польша в этом предложенном Гитлером дележе участие приняли, Румыния отказалась от предложенной ей части Словакии, чем вызвала сильное неудовольствие Гитлера.

Еще в ноябре 1938 года в своем «турне» по Европе, Карол II побывал в Германии, встретился с Гитлером. Недовольный тем, что Карол, как сам он говорил, «играет на двух столах одновременно», Гитлер в грубой, ультимативной форме потребовал: «Румыния должна сейчас же определиться: с Рейхом она, или против него, причем – немедленно, а не тогда, когда ей будет приставлен нож к горлу».

Если Румыния согласится на союз с Германией, ей будет гарантирована неприкосновенность ее границ... Кроме того, Румыния должна выйти из Лиги наций разорвать все договоры, которые противоречат интересам Германии и призвать к власти в стране «Железную гвардию». (См. «История румын». Галац. 1992 г. Стр. 36).

Считая, что еще может продолжать «игру на двух столах», Карол решил согласиться лишь с частью предъявленных требований. Германии был обещан нейтралитет Румынии при любых действиях Рейха, увеличение и более выгодные условия поставки нефти в Германию, уравнение румынских фольксдойче в правах со стопроцентными румынами и многое другое. Но передать власть «Железной гвардии»?!

По пути домой, еще из личного поезда Карол II распорядился убить главаря «Железной гвардии» Зелю Кодряну и его ближайших сподвижников. Вождь легионеров Зеля Кодряну был убит прямо в тюрьме строгого режима Рымникул Сэрат, куда его посадил министр внутренних дел Арманд Кэлинеску по Жалобе Николае Иорга (легионеры на это ответили поджогами синагог и еврейскими погромами в городах Решица, Черновицы и ряде других, а в 1940 году расправились с Кэлинеску и Иоргой).

13 сподвижников Кодряну были задушены удавкой в автобусе при транспортировке из Рымникул Сэрат в Бухарест. (См. П. Кирноагэ: «Война Румынии против советской России». Стр. 56. Бухарест. 1997 г.).

Гневу Гитлера не было предела... Но для дальнейшего расширения агрессии Германии нужна была румынская нефть, другое стратегическое сырье, хлеб. Карол II не только остался живым, но и оставался королем Румынии. В обмен на все это Румынии удалось получить не только купленные еще у Чехословакии 40 вагонов оружия, но и далее получать трофейное Чехословацкое оружие в возрастающем объеме. Вот тогда-то и появились на вооружении румынской армии винтовки «ЗБ» пулеметы «ЗБ–29» и «ЗБ–30» – вполне современное по тем временам стрелковое оружие, чешские танки «Т–38», лучше которых были только немецкие «Т–3» и «Т–4».

После захвата Чехословакии фашистская угроза еще явственнее нависла над Балканами, Польшей, самой Румынией. В этих условиях не только Англия и Франция, но и соседние с СССР страны, в том числе Румыния могли бы способствовать пресечению дальнейшей агрессии гитлеровской Германии, если бы, как предлагал Советский Союз, они вошли бы в систему кол-

лективной безопасности против фашистского блока. Не тут-то было: Румыния отказалась даже от предложения Франции расширить т.н. «Малую Антанту» – союз Польши, Румынии и Югославии за счет вступления в него Франции. Вместо действенной системы коллективной безопасности против гитлеровского блока (Германия – Италия – Япония), Польша и Румыния форсировали военное строительство на своих восточных рубежах. Особенно старалась Румыния. По линии Днестра она стала строить мощную систему укреплений – пресловутую «Линию Карол», в восточной Бессарабии вдоль Днестра был организован т.н. «Днестровский цинут» – особая военно-административная область с генералом – наместником короля во главе; Старая и Новая Килия вместе были превращены в единую военно-морскую базу, достроена шоссейная дорога Измаил – Болград, построен второй путь железной дороги на отрезке Кишинев – Каинары, расширялись и превращались в военные аэродромы Бельц, Аккермана, Измаила. В общем Румыния образовывала «Восточный фронт» – из глубины страны на него, прежде всего на Днестр, постепенно, но неуклонно перебрасывались полки дивизии королевской армии.

Все это не остается незамеченным советской стороной, которая, понятно, принимает свои меры... С весны 1939 года учащаются взаимные обвинения в нарушении демаркационной линии по Днестру. Эту линию Румыния неизменно называет государственной границей, а Бессарабию – своей исторической провинцией, что никогда не признавалось советской стороной. Таким образом, снова всплывает и становится с каждым днем все острее «Бессарабский вопрос»...

Начавшиеся между СССР, с одной стороны, Англией и Францией – с другой, очередные переговоры об организации системы коллективной безопасности против гитлеровской агрессии проходили вяло – с апреля по август 1939 года: ни до чего конкретного не привели. Немецкие войска тем временем завершали боевое развертывание для наступления на Польшу и далее – на прибалтийские республики, как показали документы Нюрнбергского процесса и как свидетельствовали разведданные, которыми располагал СССР к лету 1939 года. Не готовый еще к большой войне СССР мог оказаться в глубочайшей политической изоляции перед объединенными силами гитлеровского блока, Англии и Франции, а возможно, и США.

В этой архисложной обстановке 23 августа 1939 года, как известно, был подписан пакт о ненападении между Германией и

Советским Союзом – пакт «Риббентроп – Молотов» или даже «Гитлер – Сталин». Гитлер добился желаемого – дружественного нейтралитета Советского Союза в ходе дальнейшей агрессии Германии в Европе. Платой Советскому Союзу за это были условия Секретного протокола к советско-германскому пакту, третий пункт которого гласил: «В том, что касается Юго-Восточной части Европы, с советской стороны, подчеркивается интерес к Бессарабии. Немецкая сторона заявила о своей полной незаинтересованности в этих областях». Эти требования Сталин предъявил неожиданно – тут же не сходя с места. Ни Риббентропу, ни самому Гитлеру в тот момент деваться от них было некуда. Советский Союз получил столь необходимую ему отсрочку начала неизбежной войны и огромное предполье, когда она начнется – предполье, практически спасшее Москву и Ленинград от захвата гитлеровской Германией – в критическом сорок первом.

Кто теперь скажет, что виделось Сталину в перспективе после подписания этого документа? Длительная мирная полоса для завершения очень напряженных планов третьей пятилетки – ведь только-только завершились боевые действия на Халхин-Голе, возможность завершить программу перевооружения Красной Армии, столь желанные и веками недостижимые до сих пор Черноморские проливы? Нефтяные поля Румынии, без которых авиа- и танковые дивизии Гитлера мертвый металл? Домыслов и спекуляций на эту тему – пруд пруди!..

Применительно к советско-румынским отношениям, на тот момент, реалии однозначно состояли в том, что в пункте третьем Секретного протокола не шла речь о присоединении Бессарабии к Советскому Союзу, тем более не шла речь о конкретных границах в «зоне интересов СССР» в Бессарабии (в Бессарабии, которую Румыния захватила в 1918 году, напав на своего недавнего союзника по Антанте – Россию).

Законности этого акта со стороны Румынии никогда не признавал Советский Союз. Да и Германия ни в 1939 году, ни ранее не ставила под сомнения факта, что оккупация Бессарабии и Северной Буковины Румынией была незаконной.

Парижский мирный договор Румыния по сию пору считает юридическим одобрением со стороны стран-победительниц в I Мировой войне – создания «Великой Румынии» с поглощением Баната, Кришаны, Марамуреша, Бессарабии и Северной Буковины... Но... Соединенные Штаты Америки и Япония, подписавшие Парижский договор, так никогда и не ратифицировали его, – следовательно, он не обрел юридической силы.

Так, или иначе, до начала Второй Мировой войны оставалась всего неделя... Конечно, Бухарест о Секретном протоколе к пакту Риббентропа – Молотова и его третьем пункте ничего не знал. (О нем ничего не было известно даже Президиуму Верховного Совета СССР). Но из самого факта подписания советско-германского пакта о ненападении, румынская сторона сделала, в общем-то, правильный вывод – угроза территориальной целостности «Великой Румынии» со стороны СССР, Хортистской Венгрии, да и Болгарии резко возросла, несмотря на многочисленные заверения Геринга, Розенберга и других «немецких друзей Румынии», что об этом не следует Румынии беспокоиться.

Министр внешних сношений Румынии того времени, Г. Гафенку, правда, много лет спустя в книге «Прелюдия Восточной войны» писал: «Россия желает вернуться к своим границам до 1914 года, а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом». (См. назв. соч. Париж. 1942 г. Стр. 49).

Первого сентября 1939 года Вторая Мировая война разразилась. С самого ее начала стало ясно, что разгром Польши – союзника Румынии – неминуем. Шестого сентября Румыния официально заявила о своем нейтралитете в этой войне.

19 сентября, на третий день после начала советского наступления против польских войск в Западной Украине и Западной Белоруссии, наркомат иностранных дел СССР сделал заявление, в котором отмечалось: «Что касается отношения Советского Союза к военным событиям в Европе, то принципиальная позиция Советского Союза состоит в том, что СССР не обязан втягиваться в войну на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии». (См. Архив внешней политики РФ, ф. 71, оп. 99, д. 107, листы 14, 15).

Но дальше, в том же документе, шла фраза: «Советский Союз будет осуществлять свою собственную внешнюю политику, которая основана на обеспечении интересов народов СССР».

Румынская сторона не без оснований опасалась, что при таком подходе «бессарабский вопрос» может быть разрешен Советским Союзом таким же образом, как это было сделано по отношению к территории Западной Украины и Западной Белоруссии. При таких обстоятельствах румынское руководство попыталось «прощупать» отношение СССР к этой проблеме. С этой целью 29 сентября министр труда господин Г. Раля в беседе с посланником СССР в Румынии П.Г. Куколевым многозначительно отметил: «На последнем заседании Совета Министров Румынии, обсуждавшем вопрос о нацменьшинствах, в том числе

и о бессарабцах... пришли к выводу: предоставить всем меньшинствам равные права». (См. Архив внешней политики, ф. 06, оп. 1, д. 153, папка 14, л. 91, 92).

Советский посланник заверил румынского министра, что Советский Союз относительно Бессарабии ничего не предпримет. Он ничего не знал о третьем пункте секретного протокола к пакту Риббентропа – Молотова.

В ноябре 1939 года румынский король попытался посредничать в деле заключения мира между Германией, с одной стороны, Англией и Францией – с другой. Он убеждал обе стороны в необходимости объединить свои усилия против общего врага – Советского Союза, – ради спасения западной цивилизации от большевизма. В данном случае попытка успеха не имела, но сам «казус» запомнили обе воюющие стороны!

В декабре 1939 года по Румынии прокатилась новая волна паники, она была вызвана советско-финской войной. Советские дипломаты из Румынии докладывали: «Среди населения и членов правительства складывается мысль, что Румынию ожидает судьба Финляндии. Эта мысль подкрепляется тем, что вопрос румынско-советской границы не решен». (См. там же ф. 6, оп. 1, д. 151, л. 10).

Пока решались проблемы Польши, а потом разразилась и неожиданно долго и тяжело продолжалась советско-финская война, Советский Союз не мог приступить к реализации пункта третьего секретного протокола к пакту «Риббентроп – Молотов» – решению «Бессарабского вопроса». В этот промежуток времени СССР по отношению к Румынии внешне был дипломатически корректен, в то же время он активизировал разведывательную деятельность в Юго-Западном направлении. В качестве агентов нередко использовались коммунисты Бессарабии. Немало их попало в руки румынской сигуранцы и военной контрразведки, а затем в тюрьмы Румынии.

Что касается Румынии, то внешне и ее отношения к СССР были так же дипломатически корректными, Румыния демонстрировала свой нейтралитет в разгорающейся Мировой войне. В марте 1940 года из тюрем Румынии были выпущены некоторые политзаключенные, в том числе бессарабцы. В то же время полным ходом шло создание «Восточного фронта». Его первая полоса проходила по правому берегу Днестра, вторая – по реке Прут, третья – по реке Сирет. Румынский генштаб планировал сосредоточить на этом фронте к лету 1940 года 65% сухопутных сил. Румынская армия продолжала перевооружаться чешским и

польским оружием – немецкими трофеями, которые она приобрела за нефть и хлеб. Усиленными темпами завершалось строительство линии укреплений «Карол» на Днестре, совершенствовалась система укреплений на старой линии Фокшаны – Нэмолоаса, модернизировались старые эсминцы Румынского черноморского флота, новыми артиллерийскими системами наращивалась огневая мощь семи мониторов Румынской Дунайской флотилии.

Осенью 1939 года окончательно рухнули надежды Румынии на англо-французские гарантии неприкосновенности ее границ – эти страны поставили румынское правительство в известность, что их гарантии не могут быть распространены на восточные границы Румынии (с Советским Союзом...). Венгрия же, граничащая с Румынией на западе и северо-западе..., примкнула к оси Берлин – Румыния, оказывалась во все большей, опасной для себя изоляции.

Карол II стал резко менять внешнеполитической курс Румынии – от «игры на двух столах» к ориентации исключительно на Германию. Румыния предоставила Германии еще более благоприятные условия для приобретения нефти (по ценам на 30% ниже мировых), румынская военная разведка стала сотрудничать с германской в деле охраны, перевозки нефти по Дунаю из Румынии в Германию, в охране нефтепромыслов от диверсий со стороны британских спецслужб. В самой Румынии Карол II предпринял шаги к сближению, с ушедшей было в подполье «Железной гвардией». Те из ее главарей, которые в ноябре 1938 г., когда был убит Кодряну, бежали из Румынии, теперь стали возвращаться на родину.

Землячество румынских фольксдойче получило статус автономии и право на прямые взаимоотношения с Рейхом, минуя румынские внешнеполитические органы. (См. Ревека Хайнес: «Политика Румынии в отношении Германии в 1936–1940 годах» Бухарест. Изд. Полиром, стр. 180–181). В обстановке нарастающей неопределенности, тревоги и опасности наступил роковой для Румынии год – 1940-й.

12 марта 1940 года завершилась советско-финская война, и в тот же день новый нарком иностранных дел СССР, В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил: «У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса о Бессарабии, захвата которой Румынией СССР никогда не признавал, хотя никогда и не ставил вопроса о ее возвращении вооруженным путем». (См. «Известия» 14.03.40 г.).

Правящие круги Румынии поняли, что Советский Союз больше не будет откладывать решение «бессарабского вопроса». В этих условиях румынское правительство предприняло новые шаги к сближению с фашистской Германией.

Зима 1939–1940 года была суровой, Дунай накрепко замерз, с началом весеннего ледохода его сильно заторосило – вывоз румынской нефти в Германию был блокирован. А когда река очистилась от люда, английские спецслужбы попытались взорвать «Железные ворота». Совместными усилиями военная разведка Румынии и германский Абвер сорвали эти попытки.

В мае 1940 г. между Румынией и Германией был заключен т. н. «Нефтяной пакт», по условиям которого Германия практически стала монопольным импортером румынской нефти – шесть – семь миллионов тонн в год, тогда же Германией было предложено подписать пакт о дружбе и заключить военный союз с Румынией. (См. «История румын» Галац. 1992 г. Стр. 101).

Весной и в начале лета 1940 года заметно участились инциденты на демаркационной линии по Днестру (нарушения воздушного пространства, обстрелы, перестрелки и т. п.). Вину за эти нарушения каждая из сторон возлагала на противную. Ввиду подготовки к военным действиям сигуранца в Бессарабии составила списки лиц, которых надлежало арестовать в превентивном порядке в случае, если начнется война.

Обеспокоенное сближением Бухареста и Берлина и тем, что, в результате молниеносного и сокрушительного разгрома Франции летом 1940 года, резко возросли силы Германии и возможность нападения ее на СССР, советское руководство пришло к выводу «решение бессарабского вопроса далее не откладывать». Военную подготовку к этому в основном завершили: войска Южного фронта в составе 12-й, 5-й и 9-й армий к наступлению были готовы. Командующим Южным фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков. На исходные позиции выдвигались погранотряды, которые должны были взять под охрану новую государственную границу, в том числе и 79-й подполковника Грачова, которому предстояло выйти на границу по Дунаю. Ее демаркацию должны были осуществить военные и представители наркомата иностранных дел с помощью моряков четвертого отряда морпогранохраны капитан-лейтенанта Кубышкина, в первую очередь третий дивизион отряда. В случае необходимости, действия войск должны были поддержать корабли Советского Черноморского флота и сформированной весной сорокового года Советской Дунайской военной флотилии.

К решению «Бессарабского вопроса» интенсивно готовились и дипломаты. И хотя в тех условиях дипломатия действовала с позиции силы, и составленный дипломатами ультиматум носил жесткий характер, многое делалось, чтобы до военных действий с кровопролитием дело не дошло.

О советском ультиматуме Румынскому правительству заблаговременно было предупреждено правительство III Рейха. 23 июня и от посла Германии в Москве графа Шуленбурга в Министерство иностранных дел Рейха пришла телеграмма: «Молотов сделал мне сегодня следующее заявление: «Решение «Бессарабского вопроса» не терпит дальнейшего отлагательства. Советское правительство все еще старается решить вопрос мирным путем, но оно намерено применить силу, если румынское правительство отклонит мирное соглашение»». Шуленбург отмечал, что Молотов подчеркивал: вопрос крайне срочный. (См. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 6, оп. 2, д. 270, л. 7).

Неожиданным для германского правительства было то, что Советский Союз свои территориальные требования к Румынии распространял и на Буковину, мотивируя это тем, что Буковина – последняя часть единой Украины, и Советский Союз считает важным решить этот вопрос заодно с «Бессарабским» (там же).

24 июня Гитлер и Риббентроп долго обсуждали эти проблемы, после чего Шуленбург получил из Берлина следующие указания, которые послу надлежало передать Молотову немедленно:

1) Германия остается верной московским соглашениям, поэтому она не проявляет интереса к «Бессарабскому вопросу», но она обеспокоена судьбой 100000 этнических немцев на этой территории.

2) Претензии Советского правительства относительно Буковины – нечто новое. Буковина была территорией Австрийской короны и густо заселена немцами. Их судьба также волнует Германию.

3) В других районах Румынии Германия также имеет важные экономические интересы. Поэтому Германия заинтересована в том, чтоб эти районы не стали территорией военных действий.

4) Полностью симпатизируя урегулированию «Бессарабского вопроса» имперское правительство надеется, что Советский Союз во взаимодействии с румынским правительством сможет решить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство со своей стороны готово в духе московских соглашений посоветовать Румынии достичь полюбовного урегулирования «Бессарабского вопроса» в смысле, удовлетворяющем Россию. (См. Документы

внешней политики Российской Федерации, ф. 6, оп. 2, д. 276, л. 13).

Граф Шуленбург немедленно выполнил предписание своего внешнеполитического ведомства.

Советская сторона в ответ на пожелания Берлина сообщила: «Советское Правительство решило ограничить свои требования только северной частью Буковины с городом Черновицы. Советское Правительство предъявит свои требования румынскому послу в Москве на протяжении ближайших нескольких дней и ожидает, что Правительство Германской Империи незамедлительно посоветует румынскому правительству подчиниться требованиям, в противном случае войны не миновать». (См. там же). Дипломатическая лихорадка нарастала – И.В. Сталин и В.М. Молотов спешили с возвращением Бессарабии Советскому Союзу и не через несколько дней, а всего через несколько часов – в 22 часа 26 июня посол Румынии в Москве был срочно вызван в кабинет Молотова в Кремле. Там ему был зачитан и вручен ультиматум с требованиями, которые сводились к следующему:

1) Вернуть Советскому Союзу Бессарабию.

2) Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах, обозначенных на прилагаемой карте (разграничительная линия, проведенная Молотовым на этой карте, была широкой и отсекала от Румынии не только Бессарабию и северную часть Буковины с точками, перечисленными Молотовым, а еще и полосу шириной в 10–12 километров, захватывающую территорию южной Буковины и запрутской Молдовы, в том числе район местечка Герца и окружающую его территорию). (См. Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 6, оп. 2, д. 279, папка 23, л. 24–31). На ноте СССР Румынии от 26 июня 1940 года и на последующих документах, касающихся решения «Бессарабского вопроса», лежит печать поспешности и даже солдафонства. В ней не был использован для аргументации обширный арсенал документов о незаконности захвата Бессарабии Румынией в 1918 году. Хуже того, – в этой ноте приводится смехотворно неверная статистика в том, что касается национального состава населения Бессарабии. Утверждение, что край населен главным образом украинцами, подсказанное украинской стороной, возможно лично Н.С. Хрущевым, смехотворно: ни один этнос Бессарабии не составлял абсолютного большинства ее населения. Эта нота – документ дипломатии с позиции силы.

27 и 28 июня Бухарест лихорадочно искал выхода из критического положения: обращался за помощью к германскому,

итальянскому, даже, турецкому правительствам. Посол Италии выразил возмущение по поводу советских требований – устно и кулуарно, представители Германии в Бухаресте Фабрициус и фон Киллингер предостерегли от безнадежного поступка со стороны Румынии – войны с СССР, но сделали они это в частном порядке, от себя лично. Берлин молчал. Одна Турция заявила, что готова выполнить свои обязательства, вытекающие из Балканского пакта.

Несколько раз в Котрочень заседал Коронный Совет. Было решено, что в новое правительство войдут «румынские друзья Германии» Константин Аржентояну в качестве министра иностранных дел, а также Вайда Воевод и Джигурту – ярые германофилы. «Вождь» легионеров Хоря Сима, сменивший убитого Корнелия Кодряну, и еще двое из «Железной гвардии» также вошли в состав нового кабинета. А время, отпущенное советским ультиматумом, уходило. И очередное заседание Коронного Совета большинством голосов решило советский ультиматум принять, но не безоговорочно.

27 июня в 23 часа ответ румынской стороны на советский ультиматум гласил: «Правительство Румынского Королевства готово немедленно приступить в самом широком смысле к дружескому обсуждению общего соглашения, всех предложений, исходящих от советской стороны». (См. Г. Тэтэреску. «Воспоминания». Ч.1. Бухарест, 1941 г. Стр. 17).

После того, как румынский посол Давидеску зачитал этот ответ своего правительства, советский нарком иностранных дел В.М. Молотов заявил: «Если посол считает ответ Румынии позитивным, то уже 28 июня советские войска должны занять определенные пункты: Черновицы, Хотин, Сороки, Кишинев, Бендеры, Аккерман. Еще 3–4 дня им будет достаточно, чтоб занять остальную территорию». (См. там же).

В один час и 30 минут 28 июня румынский посол получил ультимативный письменный ответ на румынскую ноту:

«Правительство СССР считает ответ Королевского румынского правительства от 27 июня неопределенным, но так как румынский посол объяснил, что общий ответ означает его согласие на предложение Советского Правительства, то Правительство СССР предлагает:

1) На протяжении четырех дней, начиная с двух часов дня по московскому времени 28 июня, румынским войскам очистить территорию Бессарабии и Северной Буковины.

2) Советским войскам в тот же период занять территорию Бессарабии и Северной Буковины.

3) Назначить комиссию (по два человека с каждой стороны) для урегулирования спорных вопросов в процессе эвакуации румынских войск и учреждений из Бессарабии и Северной Буковины».

Кроме того, в этой своей ноте, Советский Союз настаивал на том, чтоб ответ Румынии был дан не позже 12 часов, 28 июня. (См. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05, оп. 2, д. 279, п. 23, л. 32–33).

Когда румынский посол в Москве, господин Давидеску 28 июня в 11 часов явился на прием к В.М. Молотову, чтоб передать ответную ноту Румынии Советскому Правительству, передовые части советского Южного фронта уже форсировали Днестр и стремительно продвигались к реке Прут... А из Берлина Бухаресту поступила рекомендация уступить советским требованиям.

Все это в конечном итоге было вынужденной дипломатией силы – Южный фронт генерала армии Г.К. Жукова оказался тем мечом, которым Советский Союз уже в условиях Второй Мировой войны и нарастающей угрозы нападения со стороны фашистской Германии, разрубил сложный «Гордиев узел», каким на протяжении двадцати двух лет был «Бессарабский вопрос».

ЖУКОВСКИЙ ПОХОД В БЕССАРАБИЮ И СЕВЕРНУЮ БУКОВИНУ (28 июня – 3 июля 1940 года)

Итак, пункт третий секретного протокола к Советско-Германскому договору от 23 августа 1939 года, в котором относительно Бессарабии с советской стороны подчеркивался интерес к ней, с немецкой – заявлялось о полной политической незаинтересованности в этих областях, перевел пресловутый «Бессарабский вопрос» в плоскость практического решения.

В советское время история, связанная с так называемым «Освободительным походом» Красной Армии в Бессарабию и Северную Буковину исследованию не подлежала, в учебниках и политических докладах разного рода, как правило, лишь констатировался сам факт его, в духе советской идеологии давалась его оценка. Трудно сказать какому оперативно-тактическому анализу подвергались эти события в генштабе и других крупных штабах вооруженных сил СССР, как повлияли на преподавание военных наук в военных академиях и училищах СССР – источников, освещающих эти вопросы, почти нет, первичные документы о тех событиях стали относительно доступными лишь после 1991 года... Причина такого положения, видимо, в том, что этот поход – следствие того самого третьего пункта секретного протокола к пакту «Риббентроп – Молотов», само существование которого было «тайной за семью печатями» до конца восьмидесятых годов XX века... Даже в первое издание мемуаров самого маршала Жукова Г.К. «Воспоминания и размышления» не вошел фрагмент авторского текста, в котором речь шла о том, что именно он командовал войсками Южного фронта, освобождавшего Бессарабию в 1940 году.

До 1989 года и румынские историки (в самой Румынии) не касались этой темы, чтоб не накликать на себя и на страну недовольства «старшего брата» – Москвы.

В Румынии же времен Антонеску и после расправы над Николае Чаушеску в 1989 году тема стала «притчей во языцех» и

поход этот расценивается не иначе как ничем не спровоцированная советская агрессия против слабой жертвы – Великой Румынии.

Попробуем же мы, живущие в Бессарабии, из нашего нынешнего неспокойного, чем-то напоминающего 1940-й год, времени взглянуть на те события. После почти такого же, как бессарабский «освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию» 1939 года, подготовка похода в Бессарабию затормозилась сложностями советизации этих районов, а в особенности событиями оказавшейся неожиданно трудной для Советского Союза советско-финской войны.

Только в конце марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП (б) – читай – Сталин, – утвердил решение о формировании войсковой группировки для похода в Бессарабию. Получив соответствующее распоряжение, Народный комиссар обороны СССР С.К. Тимошенко издал директивы № ОУ 583 и № ОУ 584 – о формировании Южного фронта из соединений и частей 12-й и 5-й армий Киевского Особого военного округа и 9-й армии Одесского военного округа. Командующим Южным фронтом назначался генерал армии Жуков Г.К., при этом он оставался командующим Киевским особым военным округом. Со свойственной ему энергией генерал Жуков развернул подготовку порученной ему операции. Надо было ее спланировать, осуществить перегруппировку сил и средств, привлекаемых к ее осуществлению, сконцентрировать их в районах сосредоточения на нужных направлениях, обеспечить должный уровень боевой и политической подготовки личного состава Южного фронта, обеспечить его всем необходимым для выполнения поставленной задачи, в том числе достоверными разведданными...

В ходе подготовки к операции по освобождению Бессарабии и Северной Буковины советская разведка сработала гораздо лучше, чем перед войной с Финляндией: состав и численность живой силы противника, его техника и вооружение были определены почти абсолютно точно.

На северо-западном фланге румынского Восточного фронта была развернута его Черновицкая группировка в составе 8–9 пехотных, двух горно-стрелковых дивизий и одной кавалерийской бригады.

Серьезную силу представляла собой Днестровско-Прутская группировка, состоящая из основных сил румынской Третьей армии: 7–8 пехотных, две кавалерийские, одна мотокавалерийская дивизии, две мотобригады, на подходе к этой группировке

была Первая королевская (гвардейская) дивизия. Все это опиралось на протянувшуюся по правому берегу Днестра линию укреплений «Карол». Зимой в начале 1940 года ее инспектировал сам король. Специально подобранная делегация из «бессарабцев» слезно молила короля не оставлять край на растерзание большевикам. Король обещал не только защитить Бессарабию, но и грозился походом на Москву... Впав в воинственный раж, король призывал румынскую военщину к «освобождению» братьев на левобережье Днестра и юге Украины. Генштабу королевства были даны указания о разработке соответствующих военных планов... Второй эшелон румынского Восточного фронта составляла Сиретская группировка – шесть дивизий пехотных, одна кавалерийская, снятые с западного направления из состава Четвертой полевой армии.

За Дунаем в Добрудже располагались войска Второй армии – четыре пехотные, одна кавалерийская дивизии и бригада морской пехоты. В Трансильвании и Банате располагались не вошедшие в Сиретскую группировку войска 4-й и войска 1-й армии – шесть пехотных дивизий, одна кавалерийская, горно-стрелковая бригада и разнообразные части резерва Главного командования. Еще весной сорокового года в Румынии была в открытую проведена мобилизация – под ружье было призвано более миллиона резервистов. Если верить «Докладу о действиях войск Южного фронта при освобождении Бессарабии и Северной Буковины», представленному генералом Жуковым наркому обороны СССР, маршалу Тимошенко, всего в составе Северо-Восточного фронта Румынии к началу советского мирного наступления Румыния имела 25 пехотных, 3 кавалерийские, 1 мотокавдивизию, 2 горнострелковые и 1 мотобригаду.

Южный фланг румынского Восточного фронта обеспечивали румынский черноморский флот – легкий крейсер, лидер эсминцев, два эсминца, пять миноносцев, подводная лодка, вспомогательные боевые корабли, бригада Морской пехоты. Система береговой обороны, в том числе артиллерийское минное прикрытие военно-морской базы Констанца оказались слабо разведанными, что в начале Великой Отечественной войны привело к серьезным потерям, которые понес советский Черноморский флот.

Румынская Дунайская военная флотилия в своем составе имела 7 мониторов, два десятка речных катеров, в том числе 8 бронекатеров, 3 плавбатареи, бригаду речной пехоты – эквивалент пехоты морской. (Данные о ВМФ Румынии почерпнуты из книги «Краснознаменный Черноморский флот». М. Воениздат.

1979 г. Стр. 205). Военно-воздушные силы Румынии, прикрывавшие ее Восточный фронт – примерно 200 самолетов морально и физически устаревшие. Базировались они на авиабазах Констанцы, Текуч, Бакэу, а также на аэродромах Черновиц, Бельц, Кишинева, Бендер, Аккермана, Измаила и Болграда еще недавно бывших взлетными площадками гражданской авиации. Техника и вооружение румынских войск была в основном устаревших образцов, за исключением чешских винтовок «ЗБ» и пулеметов той же фабрикации «ЗБ–30». Как показали ближайшие события, моральный дух и боевая выучка румынского воинства оказались низкими. При всем этом официальная военная доктрина вооруженных сил Румынии рекламировалась как наступательная, о чем нередко заявляли румынские генералы и сам король. Румынские армейские уставы того времени и документы военных архивов также подтверждают это... (См. Архив Министерства обороны Румынии, Ф. 948, оп. 1, д. 99, л. 107–109). В конце апреля сорокового года в генштаб Румынии поступили разведданные об интенсивных перевозках живой силы и техники из глубинных районов СССР в приграничные участки Одесской области и военного округа. Это напугало румынское руководство. Но не желая заострять и без того сложную ситуацию в государстве сначала румынское руководство пыталось делать вид, что на восточной границе ничего особо тревожного не происходит. Но румынский генштаб во все возрастающем объеме представлял политическому руководству королевства разведсводки и отчеты, убедительно свидетельствующие о том, что на границе по Днестру происходит накопление советских сил, понтонных парков, других переправочных средств, ведется интенсивная разведка всех видов, в том числе авиационная на глубину до двухсот и более километров. (См. там же). В июне сорокового года интенсивность движения советских войск к Приднестровью возросла до максимума, на что румыны ответили интенсивными фортификационными работами на линии «Карол».

Последними в районы сосредоточения на Днестре прибыли красноармейские части и соединения, получившие серьезный боевой опыт в войне с Финляндией. В их числе была и трижды орденоносная «Перекопская» дивизия генерала Цирюльникова Петра Гавриловича. Одновременно с боевой подготовкой похода в Бессарабию и Северную Буковину, большой размах обрела и дипломатичная подготовка акции по присоединению Бессарабии и Северной Буковины. Это обуславливалось тем, что после молниеносного разгрома Франции, Гитлер обрел такую самоуверен-

ность, что стал настаивать на немедленном нападении на СССР и его фельдмаршалам едва удалось отговорить фюрера от этого шага тогда, летом сорокового года. Но первые приказы на разработку планов нападения на СССР были отданы, тогда же и началось боевое развертывание штабов, соединений и объединений для нападения на СССР. У советского политического руководства, военного командования, наконец – у хозяйственников страны осталось слишком мало времени для подготовки к отражению нападения на Советский Союз. Тем более надо было спешить с присоединением Бессарабии и Северной Буковины.

Поэтому, уже на следующий после капитуляции Франции день, 23 июня 1940 года, нарком иностранных дел СССР, В.М. Молотов заявил германскому послу в Москве, фон Шуленбургу, что притязания Советского Союза на Бессарабию требуют немедленного удовлетворения.

В случае несогласия Румынии на мирное разрешение проблемы, СССР готов применить силу...

Спешил и командующий Южным фронтом, генерал Жуков, 17 июня сорокового года он доложил наркому обороны, маршалу Тимошенко об окончании планирования первого варианта операции по освобождению Бессарабии и Северной Буковины. 19 июня в Прскурове Жуков провел специальное оперативное занятие с командующими и членами военных советов армий, с командирами корпусов, которым предстояло участвовать в наступлении – докладывалось состояние войск, уточнялись задачи, порядок взаимодействия...

Жуковский план предусматривал решительные наступательные действия на большую глубину, действия по охвату и окружению противника. В разделе плана: «Действия войск» отмечалось: «Основной вариант предусматривает действия, когда румыны окажут сопротивление. Согласно такому варианту Южный фронт наносил концентрический удар соединениями и частями 12-й армии вдоль реки Прут – на Яссы частями 9-й армии – на юг от Кишинева и города Хушь. Идея такого удара предусматривала окружение румын в районе Бельцы – Яссы.

Второй вариант действий предусматривался на случай мирного решения вопроса о Бессарабии и Буковины. В таком случае на их территорию вводилось ограниченное количество войск. Артиллерия калибра 152 миллиметра и более оставлялась на старой границе, но в полной боевой готовности». (См. «Доклад о действиях Южного фронта...» Стр. 66).

Жуков действовал энергично, нередко жестко, как то ему было свойственно, но учитывая значительный от штатной

численности некомплект личного состава войск и техники, недостаток боевой выучки части привлекаемых к операции войск, Наркомат Обороны, командование Южного фронта, его соединений и частей предприняло решительные действия, в результате которых на предусмотренных для начала наступления рубежах, на аэродромах и базах ВМФ, были сконцентрированы силы, способные решить поставленные перед ними задачи.

Для осуществления наступательной операции по освобождению Бессарабии и Северной Буковины привлекались: 32 стрелковые, 2 моторизованные и 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых бригад, со штатной полевой и противотанковой артиллерией, корпусная артиллерия и артиллерия резерва главного командования остались за Днестром. Действия Южного фронта должна была поддерживать авиация Киевского особого и Одесского военных округов, части дальнебомбардировочной и транспортной авиации и части авиации Черноморского флота. На приморском фланге должен был действовать специальный отряд сил Черноморского флота: крейсера, эсминцы, корабли прикрытия. В случае необходимости не исключалось применение главных сил Черноморского флота. Еще в апреле сорокового года была сформирована Советская Дунайская военная флотилия в составе пяти мониторов, 22 бронекатеров и других боевых плавсредств, наземных и воздушных сил прикрытия. Командующим флотилии был назначен контр-адмирал Н.А. Абрамов.

Линию новой границы должны были делимитировать и принять под охрану корабли третьего дивизиона Четвертого черноморского отряда морпогранохраны капитан-лейтенанта Ивана Константиновича Кубышкина (он же оставался командиром всего 4-го отряда морпогранохраны).

Некоторые румынские авторы, например А.М. Стоенеску, утверждают, что в 1940 году советские военные планы предусматривали наступление Красной Армии не только до реки Прут, но и далее до Восточных Карпат и даже на Балканы. (См. ук. Автор: «Армия, маршал, евреи». Бухарест. 1938 г. Стр. 67).

Утверждается также, что документы, подтверждающие это, были захвачены в октябре 1941 года разведкой десятой румынской пехотной дивизии в Одессе. (Но советский Южный фронт 1940 года не располагал силами, способными выполнить такую боевую задачу).

К тому же документы, на которые указывают румынские авторы, вряд ли могли храниться в приграничном военном округе, каким был Одесский.

Для контроля и координации действий Южного фронта, наркомат обороны и генштаб направляли сюда командующего сухопутными силами Красной Армии генерал-полковника И.И. Иванова, начальника отдела боевой подготовки Наркомата обороны, генерала И.А. Панюхова, начальника артиллерии Красной Армии Ф.Ф. Яковлева и многих других специалистов, профессоров военных академий, политработников высокого ранга... (См. Жуков Г.К. Доклад Наркому обороны. Стр. 65).

Согласно оценке Жукова, слабыми звеньями подготовки операции были автотранспорт, связь, особенно радиосвязь, противовоздушная оборона, служба тыла. К началу операции в войска фронта было завезено 142 эшелона боеприпасов, 48 эшелонов горюче-смазочных материалов, 85 эшелонов продовольствия и фуража, но из-за недостаточности и поломок транспорта, часть этих материалов осталась на исходных позициях. (См. там же).

Санитарно-медицинская служба фронта располагала к началу операции 3220 койками в госпиталях разного ранга, а ветслужба – 21 ветлазаретами.

Серьезной проблемой в частях и соединениях Южного фронта даже в условиях марша без боя оказалась эвакуация и ремонт поврежденной техники (на плохих дорогах Бессарабии ее оказалось очень много). К тому же в Бессарабии и Буковине в те дни шли проливные дожди. Даже небольшие ручьи превратились в бурные потоки и непролазные хляби. Многие мосты были разрушены.

И все же, вопреки всем трудностям, условия для присоединения Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу сложились благоприятные – Румыния оказалась в такой изоляции на международной арене, в какой она никогда раньше в своей истории не бывала. Система международных договоров, которые обеспечивали ее безопасность, развалилась полностью. (См. Архив. Министерство международных отношений Румынии: ф. 948, оп. 1, д. 155, стр. 443).

В ходе обмена нотами 26 и 28 июня сорокового года Правительства СССР и Румынии достигли соглашения о том, что силы Южного фронта начнут брать под свой контроль территорию Бессарабии и Северной Буковины с 14 часов 28 июня, была согласована также последовательность занятия важнейших городов Бессарабии и Северной Буковины, а также прохождения рубежей. Стороны также договорились о том, что для достижения безопасности между румынским арьергардом и советским авангардом будет соблюдаться дистанция в пять – десять километров.

Новую границу стороны договорились закрыть третьего июля в 14 часов. (См. доклад генерала Жукова Наркому обороны СССР Тимошенко).

Как только Румыния приняла вторую ультимативную советскую ноту, и стало ясно, что бессарабский подход будет осуществляться по мирному варианту, генштаб румынских вооруженных сил 28 июня издал приказ об осуществлении плана эвакуации румынских войск из Бессарабии – плана «Тудор». Войскам предписывалось эвакуировать вооружение, технику и боеприпасы, сугубо военное имущество. Офицеры и служащие должны были увозить лишь самые необходимые личные вещи, запрещалось увозить мебель.

Приказ оперативного отдела генштаба от того же дня предписывал: Бессарабию и Северную Буковину эвакуировать, сопротивление наступающим организовать на р. Прут. Прежде всего эвакуировать войска, вооружение, оборудование укрепрайонов. Семьи офицеров, служащих, их имущество эвакуировать после войск. Уничтожение железных дорог, складов, аэродромов, фабрик, заводов, электростанций, средств связи недопустимо, как и железнодорожного подвижного состава.

Полиция, жандармерия и погранвойска передавались в подчинение армии. (См. Архив Минобороны Румынии. Ф. 115, оп. 466, стр. 328. ф. 54, оп. 453, стр. 248–249). Румынские источники утверждают, что относительный порядок при отступлении соблюдался лишь до линии Татарбунары – Бессарабская – верховье Прута, дальнейшая эвакуация румынских войск происходила в обстановке нарастающего хаоса.

Освобождая Бессарабию и Северную Буковину по мирному варианту, советские войска, однако, натыкались на минные поля, проволочные заграждения, траншеи, специально устроенные румынами.

В полосе наступления тридцать пятого армейского корпуса войскам довелось восстанавливать разрушенные отходящими румынами мосты. Частично разобранной, а частично заминированной оказалась железная дорога на участке Бендеры – Кишинев – Унгены.

В районе западнее Кишинева авангард Пятнадцатой стрелковой дивизии был встречен огнем румын. В боевом столкновении убиты два красноармейца и шестьдесят румынских солдат. (См. Архив Минобороны Румынии, ф. 28, оп. 190, стр. 70).

Инцидентов, подобных этому, произошло несколько. (См. там же). Много серьезных инцидентов произошло вследствие

того, что разграничительную линию нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов провел толстым красным карандашом.

Там, где границу обозначал Прут, все было ясно, но в районе Герцы... Линия, проведенная Молотовым была такой широкой, что отхватила полосу румынской территории шириной в 15–20 километров. На западную кромку этой линии и вышли советские войска. По этой линии и была установлена граница... (См. Архив Минобороны Румынии, ф. 948, оп. 1, д. 155, листы 292–293).

Впрочем, на присоединении района Герцы к Советскому Союзу на Юго-Западном направлении в 1940 году дело не закончилось.

26–27 октября советские десанты высадились на острова Дунайской дельты Саланджик, Малый и Большой Далер и не ушли оттуда.

Пятого августа сорокового года таким же образом был присоединен к СССР остров Масура, что южнее острова Лимба – за протокой Масура и у Старо-Стамбульского устья Дуная.

В ходе «эвакуации» из Бессарабии и Северной Буковины румынские войска и чиновники из «Регата» мародерствовали на всех дорогах от Днестра до Прута: врывались на подворья, в дома мирных жителей, пьянствовали, забирали, что понравится, особенно лошадей и средства транспорта. Крестьяне старались спасать свое имущество, увозя, угоняя его в глухую степь, в леса или плавни.

Вопреки договоренности, румыны старались вывести с территории Бессарабии и Северной Буковины паровозы, вагоны, не относящийся к военному ведомству автопарк. Для предотвращения этого советское командование было вынуждено выбросить на Прут под Рени авиадесант – 204-ю и 214 авиадесантные бригады... К моменту развертывания авиадесанта, на этом участке оказались две советские танковые бригады. Перепуганные румыны стали в панике разбегаться, но в последующем старались придерживаться условий договоренности... В посмертных изданиях мемуаров Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» по поводу этого приграничного эпизода приводятся такие подробности: «На другой день после этих событий меня вызвал по ВЧ Сталин и спросил: «Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой, что советское командование нарушает договор – выбросило воздушный десант на реке Прут, отрезав все пути отхода, что вы высадили с самолетов танки и разогнали румынские войска».

Я ответил, что никаких танков по воздуху мы не перебрасывали – нет у нас таких самолетов. Очевидно, отступающим вой-

скам померещилось, что танки появились с неба. Сталин рассмеялся». (См. Г.К. Жуков. «Воспоминания и размышления». АПН. 1976 г. Стр. 201).

Этим случаем далеко не исчерпываются факты, когда наступающие советские войска обгоняли отступающие румынские части и соединения. В таких случаях румынские войска чаще всего разоружались, а солдаты – бессарабцы разбегались, или распускались по домам.

Не только советские, но и румынские источники подтверждают низкий боевой дух румынской отступающей армии в 1940 году, массовое дезертирство из нее.

Документы того времени свидетельствуют и о том, что местное население встречало Красную Армию с энтузиазмом, искренне, в основной своей массе оно было радо освобождению Бессарабии и Северной Буковины от власти Королевской Румынии.

Документы свидетельствуют и о том, что, отступая из Бессарабии и Северной Буковины, румыны не только мародерствовали, нередко они расправлялись с теми жителями, которые поторопились выразить энтузиазм по поводу предстоящего освобождения от румынской оккупации.

В Измаиле по приказу румынского майора, чья личность не была установлена, были расстреляны семь человек. В Стороженецкой волости Буковины девять человек поплатились жизнью при таких же обстоятельствах.

В селе Турятка близь Герцы румыны расстреляли шестнадцать евреев, а в запрутской Молдове прокатилась волна кровавых еврейских погромов, жертвами которых стали многие десятки человек – по сути, в регате начинался холокост... (См. Архив Минобороны Румынии Фонды 2–5).

В национальном архиве Румынии (Бухарест) отыскались документы, в которых известный в Килии доктор Рабинович Наум Яковлевич, его родной брат Самуил Яковлевич обвиняются в том, что они организовали боевую группу из евреев города, которая при приближении Красной Армии должна была перейти к активным боевым действиям против королевской армии. (См. Архив Минобороны Румынии. Отдел 2, д. 155, листы: 162–172). (Эти люди подлежали уничтожению, в случае если бы попали в руки оккупантов).

Румынские авторы утверждают, что королевская армия, видя, что советские войска нарушают договорные условия разграничения территории, готова была к нанесению мощных

контрударов по наступающим. Тридцатого июня подошедший из-за Прута Третий армейский корпус готов был нанести контрудар по линии Хынчешть (Котовск) – Альбица. Авторов не смущает тот факт, что это «задом наперед» – именно в этом направлении румынские войска особо успешно откатывались за Прут. Вся же четвертая румынская армия корпусного генерала Николае Чуперкэ готова была перейти в контрнаступление первого июня. Не перешла, якобы только из опасения, что могут перейти в наступление венгерские войска на Трансильванию и болгарские – на Добруджу. (См. там же. Стр. 63–67).

Тридцатого июня озверевшие румынские вояки открыли в Галаце перед вокзалом интенсивную стрельбу по бессарабцам, которые ждали транспорта для следования на родину. 600 человек были убиты, более тысячи ранены. (См. «Известия»: 6 июля 1940 года).

В целом же Бессарабия была освобождена мирным путем.

Третьего и четвертого июля в крупнейших гарнизонах на освобожденной земле были проведены парады частей Красной Армии и митинги трудящихся.

Десять дивизий Красной Армии были расквартированы на новой территории, остальные возвратились в места прежнего расквартирования. Все войска приступили к обычной боевой подготовке, учитывая при этом и опыт, приобретенный в ходе проведенной операции.

Так, или иначе, а своими действиями Южный фронт под командованием Жукова способствовал почти полной реализации соборности Украины, правда, в рамках Советского Союза и с его решающей помощью.

В докладе Народному комиссару обороны Г.К. Жуков глубоко и достаточно критически проанализировал действия войск Южного фронта и внес конкретные предложения в том, что касается нового театра военных действий на случай войны, мер по совершенствованию боевой подготовки личного состава солдат и командиров, по совершенствованию управления войсками. Жуков предлагал особое внимание уделить отработке навыков действий на оперативном просторе, использованию крупных сил бронетехники, вопросам организации операций на окружение и уничтожения вероятного противника, предлагал совершенствовать практику десантирования крупных масс войск в глубине обороны противника.

Предлагались также меры по немедленному устранению недостатков в работе связи, транспорта, особенно железнодорожного... Одним из последствий предложенных Жуковым мер было

строительство железнодорожной ветки Арциз – Измаил. Почти сразу же после присоединения Бессарабии и Северной Буковины к Советскому Союзу румынский король стал пугать Гитлера тем, что вслед за Бессарабией и Северной Буковины Советский Союз может захватить нефтеносные районы Румынии. Генеральный штаб Румынии проделал детальный анализ действий советского Южного фронта в ходе недавних событий. Общий вывод был таким: «Боеспособность Красной Армии невысока. Невысок и уровень подготовки командных кадров ее. Материально-техническое обеспечение недостаточное».

Пройдет меньше года и события начального периода войны покажут, что по крайней мере в отношении войск РКК в Бессарабии аналитики генштаба Румынии сильно ошибались. (См. «Военно-исторический журнал» № 2. 1992 г. На рум. языке).

Вернув Советскому Союзу Бессарабию с Северной Буковиной в придачу, Карол II надеялся, что ему удастся заручиться поддержкой Гитлера, чтоб уберечь Румынию от территориальных притязаний Болгарии и Венгрии.

Но Гитлер готов был гарантировать неприкосновенность границ Румынии, лишь после того, как Румыния удовлетворит территориальные притязания Венгрии и Болгарии, а они, в особенности со стороны Венгрии, были очень тяжелыми.

В результате румыно-болгарских переговоров 19–21 августа Румыния вынуждена была подписать соглашение, по которому она возвращала Болгарии Южную Добруджу, которая досталась Румынии после Второй Балканской войны в 1912 году.

Долго и мучительно для Румынии проходили переговоры с Венгрией. Ни на какой обмен населением для улаживания межэтнических отношений венгерская сторона не соглашалась, не принимались и доводы о том, что Трансильвания – земля, на которой родился румынский этнос.

В конечном итоге Риббентроп и министр иностранных дел Италии Чиано 30 августа в Вене продиктовали Румынии безоговорочные условия ее капитуляции перед Венгрией, которой отошли 43591 квадратный километр румынской территории с населением 2 миллиона 612 тысяч человек, из которых более половины румын, венгров 37,1%. (См. «Румыния в антигитлеровской войне». Бухарест. 1966 г. Стр. 13).

Только после этого последовали долгожданные гарантии неприкосновенности румынской территории, данные Гитлером. (См. сб. док. «Румыния в антигитлеровской войне». Бухарест. 1966 г. Стр. 13).

Таким образом, 1940-й год для Румынии оказался многократно роковым.

В конечном итоге летний 1940 года поход Красной Армии в Бессарабию и Северную Буковину – это прямое следствие того, что в 1918 году Королевская Румыния коварным образом, кровавым путем присоединила к себе эти земли, а в последующем упорно уходила от решения болезненного «Бессарабского вопроса» мирным путем.

ОДИН ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КИЛИИ ПЕРЕД УРАГАНОМ ВОЙНЫ

Он начался 28 июня 1940 года, после того как Бессарабский уездный комитет Компартии Румынии во главе с его председателем, освобожденным из Кишиневского централа, Бурлаченко Сергеем Даниловичем (он несколько лет руководил антиоккупационным подпольем в Вилково, Измаиле, Кагуле) обратился к бессарабцам с воззванием соблюдать порядок, не допускать уничтожения, разворовывания народной собственности, взять под охрану и обеспечить работу электростанций, промышленных и транспортных предприятий, медицинских учреждений, мельниц, пекарен, пресекать спекуляцию и вывоз ценностей за Прут...

Кто должен был и мог все это обеспечить в сложной, чреватой многими опасностями ситуации? Конечно, в первую очередь коммунисты, комсомольцы – антиоккупационное подполье Бессарабии – «активисты первого дня». И в Килии наступил тот день, о котором еще в своей речи на судебном процессе в 1933 году гордо и уверенно говорил молодой коммунист, Дмитрий Игнатьевич Соловьев – время изгнания оккупантов и становления народной власти.

Об ультиматуме, предъявленном Советским Союзом королевской Румынии 26 июня 1940 года, килийское коммунистическое подполье узнало в тот же день и уже к следующему дню образовало Временный килийский ревком в составе: Руляков Иван Федорович, Соловьев Дмитрий Игнатьевич, Денисов Петр Петрович. Активными помощниками Килийского ревкома в те бурные дни были: Даниил Андреев, Иван Пономаренко, Николай Паламарчук, Петр Гайтан, Хаим Пивоваров, Наум Рабинович, Савва Шулеба...

С рассветом 28 июня ревком и его помощники, организованные в боевые группы, взяли под охрану порт со всем его сложным хозяйством, строящийся элеватор, купленное для него в Италии и еще не смонтированное оборудование, горы стройматериалов, мно-

гочисленные хлебохранилища, паровые мельницы, лесопилки, плоты с кругляком на Дунайце, спешно покидаемые румынами учреждения и, разумеется – почту и телеграф. Румынские власти попытались вывезти из города, порта и элеватора ценное имущество, но эти попытки были решительно пресечены, как и попытки грабежа магазинов и мародерства в покинутых квартирах.

В течение недели перед этими событиями в Килии, как и по всей Бессарабии, лили проливные дожди, и потому не удалось предотвратить прорыва слабеньких дамб, подтопления ближних к Дунаю улиц и переулков, подтопления островов Катеньки, Машеньки, Большого и Малого Степового, Кислицкого и других. При таких обстоятельствах румынские власти постарались исчезнуть из города как можно быстрее и незаметнее... Но многие румынские учителя, некоторые чиновники, большинство богатых килийских хлеботорговцев, владельцев магазинов, ресторанов – остались в городе...

У командования Южным фронтом, его политуправления, у высших партийных органов Украины и Молдавской автономной Советской республики и многочисленных представителей Москвы в те дни дел было невпроворот: на освобожденной территории Бессарабии и Северной Буковины повсеместно шли митинги, учреждалась новая власть. В самом Кишиневе на Немецкой площади (впоследствии – центральный стадион) 29 июня состоялся стотысячный митинг, – он растянулся почти до самого вечера длинного летнего дня. На митинге вначале выступили: лидер бессарабских коммунистов С.Д. Бурлаченко, Маршал Советского Союза, народный комиссар обороны Тимошенко С.К., первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев, а за ними – бесчисленные ораторы. Митинг продолжался до сумерек уже без высочайших особ.

В те же дни практически по всей Бессарабии и Северной Буковины, от Черного моря и Дуная, до Черновиц боевой авангард бессарабцев – недавнее антиоккупационное подполье, выступило инициатором организации местных органов советской власти, и эта власть почти повсеместно была установлена практически еще до прихода частей Красной Армии. Ее же, эту армию, первыми восторженно встретили жители Бендер, едва передовые части пересекли середину моста через Днестр. Затем на берегу Днестра, у стен старинной крепости; взрослые и особенно детишки встречали красноармейцев несколько дней подряд...

Днем 28 июня жители Рени и Кагула радостно встречали советских десантников и танкистов – тех самых, которых поспешно отступающие румыны сочли свалившимися с неба.

Трогательной была встреча на Акмангитской горе, где 28 июня Красную Армию хлебом-солью встречали татарбунарцы. На памятной по грозному двадцать четвертому году горе этой, армию-освободительницу первыми приветствовали бывшие участники Татарбунарского восстания, недавние узники Дофтаны И.И. Батищев, И.Д. Сорочан, И.Н. Чумаченко и другие. 28 июня коммунистическое подполье Измаила организовало мощную антирумынскую демонстрацию, одновременно оно стало брать под контроль стратегические пункты города: порт, телефон, телеграф, почту. В отличие от Килии, при этом произошли боевые столкновения с отступающими румынами – не обошлось без человеческих жертв – погибли шесть граждан Измаила, но оккупанты были изгнаны в тот же день. А на следующий – «весь Измаил» встречал советских десантников и танкистов. Город облетели стихи рабочего Алексея Сливенко – килийца, оказавшегося в Измаиле:

«Вже переможний новий час настав –
І щира подяка до зірок Москви
З червоного мчить Ізмаїла...»

Из бурных событий и эйфории тех дней килийцам особенно запомнилось 30 июня 1940 года. Утром того дня над городом пронеслось несколько краснозвездных истребителей. Затем над обширным ровным полем на северо-восточной окраине города, где еще румыны наметили, но не успели построить аэродром, из пузатых двухмоторных советских самолетов посыпался десант. Приземлившись, парашютисты стремительно «прочесали» и оценили поле. После таких приготовлений на оцепленную толоку совершили посадку несколько «дугласов», из которых сошли: наш земляк, Маршал Советского Союза, нарком обороны С.К. Тимошенко в сопровождении первого секретаря Компартии Украины Н.С. Хрущева и целой свиты военных чинов при многочисленной бдительной охране. Можно с уверенностью утверждать, что со времен турецкого султана Баязида II (XV век) на килийскую землю не ступала нога столь высокопоставленных государственных мужей.

К этому времени на широком поле собралась, можно сказать без преувеличения, вся Килия – вся в красных бантах – сатиновых, бязевых, шелковых и даже – из крашенной марли. Если бы не ковры прямо на траве, можно было бы принять это за гигантский крестный ход, или, что килийцы пришли посмотреть на невиданное дотоле чудо – самолеты на земле. Но это был митинг, вероятно, самый многолюдный за всю историю Килии.

Состав его был очень пестрым: от маршала – большого, лысоголового, с золотыми звездами на петлицах ослепительно белого кителя, до тщедушного мужичка – кэруцаша в много раз стиранной белой крестьянской сорочке, но тоже с красным бантом, Арнаута Василия по прозвищу «Бырдя». Двадцать два года тому они, с нынешним маршалом еще совсем молодыми, были закадычными друзьями – оба занимались одним и те же – по найму свозили хлеб в «магазины» килийских экспортеров хлеба, да и на «вечорницы» порой хаживали вместе...

Простой килийский возчик – кэруцаш Василий Арнаут по прозвищу «Бырдя» – синоним человека очень упрямого был не просто другом, а и «годком» – сверстником маршала и его молочным братом. Мать С.К. Тимошенко, как своего сына выкормила грудью соседского мальчика Васю Борща, чья мать умерла вскоре после родов. Мальчик выказал упрямство и выжил, дожил до встречи со своим молочным братом – маршалом...

А эти самые экспортеры бессарабского хлеба, почтенные «хозяева города», тоже были на этом митинге – почти в полном составе и тоже при красных бантах – особенно больших и блестящих – шелковых...

Волновались все, если судить по фотографиям: охрана в окружении такой толпы, маршальский друг, Василий Арнаут по прозвищу «Бырдя» – от лицезрения своего друга, взлетевшего на такую головокружительную высоту (к тому же бдительная охрана, вначале не разобравшись в дружеских даже в родственных взаимоотношениях между тщедушным килийцем в помятом картузе и огромным маршалом, резко пресекла попытку Бырди прорваться к маршалу немедленно). Понятно, что и килийские экспортеры хлеба чувствовали себя на этом действе не очень комфортно – а вдруг ставший маршалом и министром «кэруцаш» признает в ком-то из них недоплатившего за давний извоз...

Хозяевами города, встречавшими высоких гостей, были участники килийского подполья, «активисты первого дня» новой советской эры, Д.И. Соловьев, П.П. Денисов, И.Д. Руляков, Ш.Л. Дижур и другие.

При открытии митинга хор килийских ветеранов-подпольщиков под руководством Х.Л. Пивоварова исполнил «Интернационал».

Трибуна – прочная, работы немецких колонистов, «бессарабского» образца телега, застлана пестрым молдавским ковриком, борта «шарабана» обернуты кумачом. Рослый, широкоплечий

маршал неожиданно легко не влез, а вспрыгнул на эту импровизированную трибуну.

Занявшая широкое поле многолюдная толпа замерла в напряженном ожидании. И в наступившей тишине прозвучала короткая, но, чувствовалось, взволнованная речь:

– Может быть, некоторые из вас, товарищи, помнят еще моего отца, Константина Тимошенко из Фурмановки... Я счастлив, что сегодня вместе с вами, мои земляки и братья, вижу родную землю свободной! Советская власть пришла в Бессарабию всерьез и надолго, с чем вас и поздравляю, и призываю активно содействовать строительству социализма в освобожденном краю!

После маршала выступил, по привычке с длинной речью, тогдашний лидер большевиков Украины С.Н. Хрущев. Уже в этой речи Хрущев надавал много советов как именно строить социализм.

Выступления организаторов митинга перемежались песнями революционного, антиоккупационного подполья. Особым успехом – всеобщим вниманием, бурными аплодисментами – была отмечена «Песня о Красном Татарбунаре» – тогдашние килийцы еще хорошо помнили злодеяния оккупантов, совершенные в 1924 году.

В начале неофициальной части торжества, маршал приказал охране допустить к себе друга молодости, Васю Бырдю – они обнялись и расцеловались. Пройдясь перед сдерживаемой толпой килийцев, маршал выявил отличную память, персонально опознав нескольких экспортеров бессарабского хлеба, от чего те на июньской жаре похолодели, но все обошлось...

Далее, на еще более высокой эмоциональной волне, прямо на зеленом поле развернулось импровизированное застолье. Некоторое время в ходе его стройно звучали популярные песни из советских кинофильмов – репертуар из них подготовил тот же Х.Л. Пивоваров. Далее, – уже сверх заранее подготовленной музыкальной программы праздника, – дело дошло и до «Ой, мороз, мороз!!!» Некоторые килийские старожилы утверждают, что в процессе веселого застолья была даже раздача первых на Килийщине советских рублей?! До конца этого бурного, но по понятным причинам короткого сабантуя высокие гости не досидели.

Хрущев возжелал немедленно осмотреть свои очередные новые владения, для чего совершил автопробег по городу и на Дунай. Он на лету общался с любопытствующими килийцами и

не преминул возможности давать ценные указания насчет очередных задач Советской власти и как их лучше решать.

Маршал же на легком «кукурузнике», который в качестве связного неизменно следовал за правительственным клином крылатых машин, совершил недальний перелет в свою родную Фурманку...

Из военных в Килии первыми дислоцировались морские пограничники, за ними пограничники сухопутные.

16 июля в город вступили линейные войска Красной Армии – 23-й стрелковый полк майора Галагана, 51-й «Перекопской» дивизии генерала Цирюльникова с приданными частями усиления – истребительно-противотанковым дивизионом и батальоном легких танков. Казармами полка стали зерновые склады по улице Телеграфной (Гагарина) – там, где ныне ПТУ–12, артдивизион сорокапяток и батальон легких танков расположились на территории нынешнего автопарка, – его восточная сторона тогда выходила прямо на толоку, что было удобно на все случаи жизни, особенно на случай боевой тревоги...

Был этот полк не просто рядовым Двадцать третьим, а обстрелянной боевой частью со славным прошлым. Еще в 1920 году полк прославился отвагой и боевым мастерством при штурме мощных укреплений Турецкого вала на Перекопском перешейке за что, как и вся дивизия, был награжден орденом Боевого Красного Знамени и удостоен почетного наименования «Перекопский». Высокие боевые качества проявила часть и в тяжелых боях на Карельском перешейке в январе – феврале 1940 года.

Истоки боевого мастерства, мужества и героизма славного полка в ратном труде, боевых традициях его ветеранов. Среди них командир 151-го «Перекопского» полка – с 1941 года, 23-го стрелкового полка майор Галаган Илья Александрович. Его биография типична для военачальников и полководцев, чьи войска наголову разгромили фашистские орды в Великой Отечественной войне.

Родился он в Северном Казахстане в 1899 году в семье крестьянина-бедняка. Рано остался без родителей, вынужден был стать батраком, пасти сельское стадо.

В восемнадцатом году призван в колчаковскую армию. По прибытии на фронт в составе всего маршевого батальона перешел на сторону Красной Армии.

С июня 1919 по апрель 1946 служил в Красной Армии, Член ВКП (б) с 1920. В 1921 году по окончании командирских курсов получил звание «Краском», после чего служил в Восточной

Сибири, на Дальнем Востоке. Показал себя способным командиром, воспитателем, еще дважды направлялся на специальные командные курсы. За участие в боевых действиях в двадцать девятом году против японцев и белокитайцев в Манчжурии (КВЖД) был повышен в должности – стал командиром стрелковой роты 76 стрелкового полка, вскоре – пом. начштаба этого полка. Следующая ступень – штаб Двадцать шестой дивизии.

В 1935 году Л.А. Галаган – помощник начальника штаба полка 51-й «Перекопской» дивизии в Одессе.

Каждая новая ступень в послужном списке – свидетельство растущего боевого мастерства, командирского опыта. Это подтверждает и награждение в тридцать восьмом году медалью «Двадцать лет РКК». Начало II-й Мировой войны в сентябре тридцать девятого года потребовало усиления Красной Армии, ее командных кадров. При таких обстоятельствах капитан Галаган И.А. был назначен командиром прославленного 151-го «Перекопского» полка 51-й «Перекопской» дивизии, в составе которой довелось участвовать в войне с Финляндией – штурмовать укрепления «Линии Маннергейма». Дивизия и полк отличились в ходе штурма укреплений, отличились в этих боях и многие бойцы и командиры полка, которым командовал майор Галаган, а сам он при этом был ранен.

16 июля 1940 года майор Галаган привел свой полк в Килию. Работы стало невпроворот: прикрытие нового рубежа, напряжение на котором нарастало с каждым днем, организация взаимодействия с соседями, с пограничниками подполковника Грачева, морпогранохраной капитан-лейтенант Кубышкина, моряками-дунайцами, организация боевой учебы подразделений полка. А обязанности начальника килийского гарнизона. А участие в организации новой жизни города – вот сложнейшие задачи, которыми занимался командир полка, его штаб и все командиры, начальники политработники, едва ли не круглосуточно. В декабре сорокового года Галаган И.А., сдав командование полком капитану Сироте П.Н., уехал на высшие командирские курсы «Выстрел» в Москву.

Геройски сражался «килийский» стрелковый полк – по новой нумерации Двадцать третий в годы Великой Отечественной – сказался огромный труд вложения в его подготовку прежним и новым командиром и личным составом части. На долгом своем боевом пути от Дуная и Прута до Волги и потом на Запад, до Берлина, полк был развернут в мехбригаду, в составе танково-

го корпуса генерала Пушкина бригада победно завершила разгром гитлеровской Германии.

Ну, а майор Галаган? В Великой Отечественной войне его боевой путь, как и многих других мужественных патриотов – героический и полон драматизма.

Уже одиннадцатого июля сорок первого года майор Галаган на Западном фронте – на московском направлении. В тяжелых боях командует полком Четвертой Куйбышевской дивизии народного ополчения, потом была историческая битва за Москву – дальше отступать было некуда...

Третьего ноября в тяжелом бою под Нарофоминском тяжелоконтуженый майор Галаган попал в плен. Но кошмар концлагеря не сломил майора – в июне сорок второго года организованной им группе узников удалось бежать из плена и влиться в партизанский отряд «Неустрашимый» (Белоруссия). В партизанах майор был рядовым, командиром взвода, роты, помощником командира партизанской бригады, командиром бригады в Клетнянских лесах. Весной сорок третьего комбриг был отозван на «Большую землю» и, после дотошной проверки, назначен заместителем командира полка 277-й стрелковой дивизии, а вскоре был назначен его командиром. Дальнейший послужной список офицера включает должности помощника командира, наконец – командира 277-й стрелковой дивизии, которую полковник И.А. Галаган довел до Победы. Как командовал соединением? Об этом свидетельствуют боевые награды полковника, их хватило бы на полководца... (См. фото).

Из армии Илья Александрович уволился в 1946 году. Несгибаемый, кристально честный, для нас он – частица героического прошлого не только страны-победительницы, но и Килии.

Такие, как он, закладывали основы нашей Победы в Великой Отечественной еще до того, как напал враг, после того, как это произошло, был в гуще сражений до Победы.

Но вернемся в год 1940-й.

Эйфория освобождения в городе, как и во всей Бессарабии, длилась довольно долго. Новая действительность являла бессарабцам все новые и новые незнакомые им грани. Как отмечалось выше, тут, как и почти повсеместно в Бессарабии, власть устанавливали временные ревкомы и потому... Некоторое время килийцы жили в Килийской волости, Измаильского уезда. Тут их и настигли бурные преобразования, прежде всего административного характера, от которых порой кружилась голова.

Дело в том, что, если граница с чужестранным государством была делимитирована быстро и довольно легко, то... Делимита-

ция внутренних границ между Украиной, Бессарабией, Молдавской Советской Автономной республикой и Северной Буковиной оказалась делом сложным и долгим. Если боевой поход готовился заранее и максимально тщательно, то последующее за ним казалось делом простым, привычным. Оказалось совсем не так. Прошли многие десятилетия прежде чем рядовой бессарабец, если он того хотел, мог узнать о сложных перипетиях, бурных дебатах в самых высоких кабинетах, в ходе которых кроились, перекраивались границы Молдовы и Украины на крайнем юго-западе СССР. Исторически, к моменту похода Красной Армии в Бессарабию, сложилось несколько точек зрения применительно к территориальному устройству освобожденных земель. Своими корнями эта история уходит в 1918 год, когда и возник злополучный «Бессарабский вопрос» в результате захвата Румынией этого края. Тогда ее решение виделось в возврате оккупированной территории Советской России.

Потом – Советской Украине. С образованием Союза ССР в 1922 году, проблема приобрела характер расплывчатый – не совсем ясно к чему присоединять Бессарабию, если это придется делать практически – не было единства и в лозунгах татарбунарских повстанцев: «Да здравствует Советская Молдавия!» На митингах провозглашались лозунги объединения с Советской Россией, как и лозунги, призывающие к объединению с Советской Украиной, в составе которой уже была Молдавская автономная область (которая после Татарбунарского восстания обретет статус автономной Советской Республики). Еще не завершился поход Красной Армии в Бессарабию и Северную Буковину, а газета «Социалистическая Молдавия» первого июля сорокового года в передовой статье писала: «Пришло время, когда Днестр больше не разделяет молдавский народ, а наоборот – объединяет. Освобождение Бессарабии придаст мощный импульс развитию культуры всей страны.

Согласно утверждению этой статьи, площадь территории Молдавской Социалистической Республики должна была составить 50000 квадратных километров, население – три миллиона семьсот тысяч человек. Таким образом, Молдавская Советская Социалистическая Республика будет больше таких европейских стран, как Бельгия, Голландия, или Швейцария...»

Не отсебятину же печатала республиканская газета на двух языках – информация шла из высоких кабинетов, в которых шли дебаты о территориальном устройстве присоединенных земель.

В дело вмешался сам Никита Сергеевич Хрущев. Он ратовал за присоединение всей Бессарабии к Украине, как на том настаивала еще Центральная Рада в 1917 году. Но и хрущевского лобби не хватило для присоединения к Украине всей Бессарабии. Окончательно дело решилось в кремлевском кабинете Сталина, а Сталин, как известно, и до того не раз применял древний принцип властителей: «Разделяй и властвуй».

2 сентября 1940 года VII сессия Верховного Совета СССР подвела итог всем дискуссиям о территориальном размежевании Молдовы, Буковины (Северной) и Украины, приняв «Закон об образовании Молдавской Советской Социалистической Республики».

Город Тирасполь, Григориопольский, Каменский, Тираспольский, Слабозейский, Дубоссарский, Рыбницкий районы МАССР, город Кишинев, Бельцкий, Бендерский, Кишиневский, Оргеевский, Сорокский районы Бессарабии вошли в состав Молдавской ССР. Ее территория составляла не 50000 квадратных километров, как многие бессарабцы предполагали, а 34000 квадратных километра, население не три миллиона семьсот тысяч человек, а два миллиона семьсот тысяч. Та же Сессия Верховного Совета СССР приняла закон о включении Хотинского, Аккерманского (позже – Измаильского) уездов в состав Украины. К тогдашней Одесской области отошли некоторые районы, ранее входившие в состав МАССР.

Но проблемы территориального размежевания между Молдовой и Украиной продолжались еще долго и болезненно.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4.II.1940 года к Молдове были присоединены Волонтировский и большая часть Вулканештского и Олэнештского районов – из Измаильской области. Из Черновицкой области к Молдове были присоединены Единецкий, Бричанский, Липканский и часть территории Окницкого района. После войны вопрос о размежевании получил продолжение. В 1946 году руководство Молдовы просило Сталина о присоединении к республике Хотинского района из состава Черновицкой области Украины. В 1958 году Молдавское руководство просило передать в состав республики Хотинский район из Черновицкой области, а также район Герцы из этой же области. Одесская область должна была поступиться Котовским, Красноокненским районами и некоторыми селами Кодымского и Ананьевского районов. В удовлетворении этих претензий Молдовой было отказано. Наконец, в 1985 году молдавский академик А.М. Лазарев, поэт Е.Н. Буков, работник ЦК КП Молдовы

Ф. Чуботару и бывшая министр просвещения Молдовы А. Крэчун также обратились с подобной просьбой к Правительству СССР. Но тому было не до размежевания на конституционной основе. Наступило смутное время «Перестройки» – развалом Советского Союза занялись силы куда более могущественные...

Приняв «Закон об образовании МССР», VII сессия Верховного Совета СССР, однако, забыла принять «Закон о включении МССР в состав СССР...»

Печать торопливости, небрежности не только на нотах Советского Правительства Правительству Румынии 26 и 28 июня 1940 года, но и на документах, касающихся границ между Украиной и Молдовой в том же 1940 году.

Столь же скоропалительно оформлены документы, касающиеся отношения Молдовы к пакту «Риббентроп – Молотов». Результат?

Напряженность в отношениях между Румынией, Украиной, Молдовой и ПМР. В последнем случае дело доходило до войны (вспомним трагедию 1992 года). А все потому, что и в 1918 году, и в сороковом, и в последующем правительства Румынии, СССР, Молдовы решали территориальные проблемы в регионе, не спрашивая мнения народов, населяющих его.

В Москве очень спешили оформить присоединение размежеванных Бессарабии и Северной Буковины и не очень привлекать к этому бессарабцев. Не так-то много их было на судьбоносной для присоединенных территорий VII сессии Верховного Совета СССР, а с Юга Бессарабии – один Батищев И.И.

Еще до этой сессии были перетрясены органы местной власти. Делали это не те, кто с риском для жизни часто – до прихода Красной Армии, устанавливал власть ревкомом, а функционеры, назначенные Киевом и Москвой.

Не так уж много представителей местного населения, даже из числа бессарабских коммунистов – недавних подпольщиков попало в число руководителей... (См. «Известия Верховного Совета депутатов трудящихся СССР 3 августа 1940 г.»).

В середине июля сорокового года был образован Килийский городской совет (далеко не того состава, что устанавливавший в городе Советскую власть Килийский ревком и его актив). Председателем Килийского горсовета стал Бутов Василий Прокопович, его заместителем – Соловьев Дмитрий Игнатьевич, секретарем – Захарченко Павел Прокопович. Городу также подчинялись: пригородные села Маяки, Натягайловка, Омарбия, Фурмановская (Червоноярская) дорога, хутора Кислицкий, Степовой,

Салман – это в округе. Только 11 ноября 1940 года был сформирован Килийский район и город стал его административным центром.

Решив проблемы территориального размежевания и административного устройства Бессарабии и Северной Буковины, советское государство распространило на них и законодательство СССР, касающееся социально-экономической сферы. 15 августа 1940 года вышли Указы Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении на этих территориях действия советских законов «О национализации земли» (Декрета «О земле») от 8 октября 1917 года. (См. «Придунайская правда» 18 августа 1940 года), «О национализации банков, промышленных и торговых предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Бессарабии и Северной Буковины». (См. там же). Тогда же эти указы были дополнены Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР «О заработной плате, государственном социальном страховании рабочих, инженерно-технических работников и служащих Бессарабии и Северной Буковины». Это законодательство резко ускорило реальные социально-экономические преобразования на освобожденных от румынских оккупантов землях, что в свою очередь повлекло важные следствия – абсолютное большинство населения стало активной силой этих преобразований, а Бессарабия и Северная Буковина стали быстро вписываться в советское государство с его общественным строем, экономикой, внутренним рынком. В целом они быстро становились органической составной частью огромной страны, чего не произошло за 22 года румынской оккупации. Сразу же особенно популярным во всей необъятной стране стали такие продукты земли бессарабской, труда бессарабцев, как фрукты, виноград, вино, овощи. Главное же, востребованным оказались в целом труд и талант народа... Всему этому способствовали и соответствующие советские структуры в районе – хозяйственные, социально-культурные, кооперативные и командно-бюрократические – партийные и советские...

Активно помогали решению сложных и срочных проблем города и района командование, личный состав частей и подразделений гарнизона города. В противоположность тому, что происходило во времена румынской оккупации между военными и гражданским коренным населением города с самого 28 июня сорокового года установились отношения дружбы и сотрудничества. За короткое время, – менее одного года, – немало дружных семейных пар сложилось из ярких, пылких килийчанок и моло-

дых, вежливых, улыбчивых бойцов и особенно командиров гарнизона. Впрочем, – то же можно сказать и о гражданских...

Мощным фактором экономического развития города, как и всего Придунавья, стало Советское Дунайское пароходство. Его суда «Бессарабия» и «Буковина» удобной пассажирской линией связали край с Одессой, а грузовые суда – с советскими черноморскими портами, скажем прямо – тогда в Килию, а особенно в Измаил они ввозили грузов гораздо больше, чем вывозили, особенно промышленных грузов. Перед Советским Дунайским государственным пароходством открывались широчайшие перспективы развития и как международного. В конечном итоге, это и обусловило перенос административного центра области из Аккермана в Измаил и переименование области из Аккерманской в Измаильскую. (См. Указ Президиума Верховного Совета СССР седьмого декабря 1940 года).

Важнейшей сферой радикальных социально-экономических преобразований на освобожденных землях стали аграрные отношения, ведь до прихода Красной Армии 85% населения края были крестьянами, 67000 крестьянских хозяйств Измаильской области – без- или малоземельными.

Наделение крестьян землей повсеместно превратилось для них в радостное событие – в праздник, который чаще всего проходил под красными знаменами. Что особенно важно, – наделение бедняков землей прошло без кровопролития. Земельный фонд для этого был составлен из сельскохозяйственных угодий церкви, монастырей помещиков и землевладельцев, бежавших с румынами за Прут. Для того, чтоб ликвидировать безземелье и малоземелье в крае, до конца 1940 года органам советской власти пришлось ограничить земельные владения очень зажиточных крестьян пятнадцатью – двадцатью гектарами... Вот тут-то и стало входить в обиход страшное слово «раскулачивание».

Так, или иначе, крестьяне Измаильщины получили от советской власти 105000 гектаров земли. 5 сентября 1940 года было подписано советско-германское соглашение о выезде в фатерланд этнических немцев Бессарабии (немецких колонистов). Выехало около 100000 в основном из южных районов Бессарабии, в том числе немцы из Фридрихсдорфа (Новой Николаевки), Парапоры и Помазан Килийского района. Из 246000 гектаров земли, пополнивших земельный фонд Бессарабии, 80000 гектаров получили крестьяне Измаильщины в дополнение к полученной ранее. (См. А.Д. Бачинский «В семье единой» стр. 37–42. Одесса).

Среди получателей были жители Шевченково, Старой и Новой Николаевок и ряда других сел района.

Кроме земли, крестьянство получило тысячи голов крупного рогатого скота, прежде всего коров и тысячи голов лошадей, различный сельскохозяйственный инвентарь для индивидуального хозяйства, нередко – и хозяйственные постройки.

КОЛХОЗ... Вместе с другими незнакомыми словами и это стало входить в обиход бессарабца.

В Килии первый колхоз образовали более привычные к взаимовыручке и коллективному труду рыбаки. То была рыболовецкая артель «Завет Ильича» (сейчас «Голубая нива»). Возглавил артель шестидесятилетний рыбак, умудренный огромным жизненным и профессиональным опытом, Харлампов Василий Харлампович. Еще со своим отцом он рыбачил на Каспии и Волге, на Дону и Днестре и уже самостоятельно долгие года – на Дунае. Не только рыбацкое дело, но и дунайские плавни, могучую реку и знатных рыбаков на ней он знал от изменчивых устий ее до самого Турну – Северина, за что уважали его на этом пространстве не одни только рыбаки. (Когда пришли сюда румыны в 1941 году только энергичное заступничество, солидарность в этом деле рыбаков и не малая, собранная для властей, взятка спасли председателя рыболовецкой артели от расстрела...).

В Вилково первой образовалась рыболовецкая артель под председательством известного на все дунайские плавни Гнеушева (Гнеуша) Н.В. Род этого замечательного человека своими корнями уходит едва ли не ко времени основания маленького сельца Липованское. В дунайских плавнях Гнеуши – Гнеушевы были как дома – острова, протоки косы и участки побережья и сейчас носят их имена...

Надежным помощником председателя был пятидесятитрехлетний Калистрат Калинович Изотов. До того, как в 1918 году Вилково захватили румыны, он был учителем в начальной школе, как и многие другие учителя, румынской власти присягать отказался, за что едва не был расстрелян. Лишенный любимой работы, он стал делать то, что в Вилково с детства приучаются профессионально делать многие – стал рыбаком.

Красную Армию, советскую власть в 1940 году, как и большинство бессарабцев, встретил с радостью, которую выразил публично на митинге. В сентябре сорок первого за это был расстрелян по личному приказу Антонеску. Рыбы в Дунае, малой его дельте, в море хватало, и в Вилково успешно работали еще четыре рыболовецкие артели...

Первой сельскохозяйственной артелью в районе и городе стал колхоз имени С.М. Кирова. Своим председателем колхозники избрали потомственного козака и хлебопашца, Федосея Илларионовича Чернокунца, чей род обосновался на земле килийской еще в первой половине XIX века. Зима 40–41 года была многоснежной – под глубокими снегами хорошо перезимовали озимые, весна была дружной и влажной – виды на урожай хорошие. Да вот оказалось, что дедовской техникой землю, полученную от советской власти не освоить, особенно в одиночку единоличными хозяйствами. Весной сорок первого в колхозы крестьянство пошло массами – за это агитировали власти, и невиданная ранее техника – трактора, тяжелые плуги, что и пятерка лошадей не потянет, широкозахватные сеялки, а там и чудо-машина – комбайн, которая, говорят, и косит, и молотит, и солому копнит одним заходом, а вот повернуться ей на единоличных участках невозможно. Невиданные достижения социального характера не только пропагандировали власти, их лекторы – их предугадывали измученные вековечным тяжким трудом крестьяне и потому в наших краях в ту весну они довольно дружно и весело пошли в колхозы, в особенности недавние бедняки, надеющиеся не только на себя, но и на новую технику...

На острове Кислицком был заложен сад совхоза «Фруктовый Донбасс» и невиданных размеров огороды огромного совхоза «Овощной Донбасс».

Реализовать эти планы смог лишь послевоенный совхоз имени Свердлова...

И еще с одним страшным социальным злом, особо жестоко терзавшим Придунайский край, успешно справилась советская власть – с безработицей, в особенности в портовых городах. До нового 1941 года в Рени, Измаиле, Килии, Вилково, Аккермане получили работу 16000 безработных. Бурное развитие Советского Дунайского пароходства, перспективы механизации погрузочно-разгрузочных работ, расширения судоремонтной базы потребовало подготовки квалифицированных докеров, ремонтников судоводителей, механиков, шкиперов, лоцманов, а в перспективе – судостроителей и других специалистов – речников. Сотни молодых людей были направлены на учебу и практику для получения новых специальностей в Одессу, Николаев, Херсон. (См. Бачинский А.Д.: «В стране советской». Стр. 56).

Наиболее же впечатляющие успехи были достигнуты в народном образовании, культуре, медицине – сферах, которые при румынской власти в крае были особенно запущенными. (Бурное

развитие именно этих сфер оказало сильное положительное влияние на психологическое восприятие советской власти бессарабцами, – разумеется, и на нашем юге).

С самого момента установления советской власти в Килии, как и во всей Бессарабии, развернулась интенсивная подготовка к первому советскому учебному году: ремонтировались имеющиеся школы, нередко они расширялись, строились новые, печатались и в большом количестве завозились новые учебники, наглядные пособия, тетради и т.п.

Тщательно составлялись списки всех детей и списки будущих учащихся, которым предстояло сесть за парты в новом учебном году, комплектовались классы – школьная сеть готовилась к интенсивной нелегкой работе. Школьная сеть – это дневная, вечерняя школа, детские ясли, садики, внешкольные просветучреждения, система ликвидации неграмотности, – неграмотность, оставленная румынскими оккупантами, ужасала, – она была много выше того, что «отражала» официальная румынская статистика и нередко доходила до 80%... Первый советский учебный год в Бессарабии начался 15 сентября. Школьное обучение в румынской школе, особенно в сельской, было грозой, мукой для учащихся – их, особенно мальчиков, часто учителя избивали, ставили на колени, нередко – на кукурузные зерна, или ореховую скорлупу...

А тут вдруг оказалось, что никого не бьют, не обзывают, бесплатно, или за очень дешево обеспечивают тетрадями (в школе не стало переходящих из поколения в поколение аспидных досок, огрызков грифелей к ним). Значительное число учащихся школа одевала, обувала, кормила бесплатно... Многие школьники пришли в школу впервые в жизни и вместо постолов обули обувь фабричную – пусть даже парусиновую, в какой ходила почти вся страна, в ситцевых или сатиновых рубашках, платьях, а не в грубых домотканых. Короче говоря, в лице бессарабской детворы советская власть с самого начала обрела восторженных почитателей. Сам процесс учебы стал делом куда более приятным, чем при Румынии...

Перед началом учебного года в Килии прошло первое межрайонное научно-практическое совещание учителей. Бригада опытнейших учителей из Киева практически делилась с учителями Придунавья советским опытом организации и обучения, а также воспитания.

Еще перед началом учебного года в городе и районе было создано несколько методкабинетов, всестороннее внимание работе школы оказывали советские и партийные органы.

В Измаильской области открылось 350 школ, а том числе 22 средние, 162 семилетние, сел хотя бы без начальной школы в области не осталось. 2260 учителей стали учить «доброму, вечному» учащихся. В школах дружно работали учителя – бессарабцы и приехавшие с Украины, да и из разных других мест Советского Союза. (В июне 1940 года с румынской армией ушли учителя из королевства, подавляющее большинство местных учителей, как и врачей, агрономов, священников остались на месте). (См. А.Д. Бачинский: «В семье единой» Одесса, 1984 г. стр. 62–63).

6000 учащихся сели за парты школ района, в том числе двух средних и семи семилетних. Обучение велось на украинском, русском и молдавском языках. В тот учебный год 15000 взрослых прошли курсы ликбеза – научились читать и писать. Аккерманский учительский институт, Аккерманское и Измаильское педучилище готовили учителей для школ области, учительский институт планировалось реорганизовать в педагогический.

Учителей для Измаильской области готовили также Черновицкий (на молдавском языке), Одесский, Харьковский, Киевский и Московский университеты. Были основаны и готовили специалистов новых для края специальностей Болградская агротехническая школа и Измаильская школа лоцманов, в связи с тем, что в Килии планировалось основать крупные судоремонтные мастерские, планировалось и открытие профтехучилища соответствующего профиля.

Но чудо происходило не только в сфере образования, но и в здравоохранении. Люди учились пользоваться не услугами знахарей, а сетью лечебных заведений – хорошо оборудованных, со знающими, внимательными врачами, фельдшерами, медсестрами и младшим персоналом и все – бесплатно. А если надо было, то консультантов-профессоров срочно вызывали из самой Одессы, или же больных помещали в одесские клиники.

От непривычки ко всему этому с бессарабцами поначалу случались курьезы... Женщина ушла из амбулатории с термометром подмышкой, на второй день вернула прибор с благодарностью и уверением, что он помог ей быстро выздороветь, а то хозяйство не ждет...

В последний день румынской оккупации, на два жудеца из которых состояла Измаильщина, приходилось 19 небольших больниц, а в них в сумме 500 коек. Неудивительно, что край числился «рекордсменом» по смертности в королевстве, Европе, да и в мире.

За неполный советский год число городских больниц увеличилось до 16. Впервые в истории края были организованы специализированные больницы инфекционные, туберкулезные, кожно-венерические диспансеры, бак-лаборатории, открылось 10 новых сельских больниц, 53 сельских медпункта, 35 амбулаторий. Число больничных коек достигло 1500, медперсонал составил корпус из 300 врачей и более 1000 человек среднего медперсонала. Кроме того, на берегу моря на Бугазе и в Будаках открылись 3 санатория на 2850 коек. Впервые в истории края в них отдыхали трудящиеся. По числу больниц и врачей в них, по уровню медицинского обслуживания Килийский район занимал одно из ведущих мест в области.

Во втором полугодии 1940 года на организацию здравоохранения в районе было затрачено 57000 рублей, в 1941 году предусмотрено было на эти нужды израсходовать более 800000 рублей...

В мединститутах Одессы, Харькова, Киева для Килийского района готовились десятки молодых врачей, тысячи человек проходили обучение, готовясь к санитарной обороне страны. С началом Великой Отечественной войны в Килии и Вилково развернулись полевые госпитали, полевая санитарно-медицинская служба – и с этой точки зрения край во всеоружии встретил врага.

Культура в крае? Местные русские, украинцы, молдаване, болгары и другие бессарабцы – народ талантливый, с богатыми традициями народной культуры, искусства музыкального, песенного, изобразительного, прикладного (чего не скажешь о понаехавших из «Старого королевства» румынах, оторвавшихся от истоков своей национальной культуры и презиравших все бессарабское).

Во времена царской России и даже при румынской власти в Бессарабии чаще всего на уровне волостей проходили смотры народного искусства, спортивные соревнования главным образом по национальной борьбе, но это – стараниями энтузиастов и редких меценатов. (Только однажды, в бытность премьером пылкого Николае Иорги в Бухаресте был устроен всерумынский смотр школьного художественного творчества. Тысячи участников съехались на смотр – все в национальной одежде и... Нет, не в постолах, а в деревянной самодельной обуви – саботах. Говорят, в те дни на улицах столицы от стука тысяч деревяшек о брусчатку стоял невероятный грохот, а бюджет министерства просвещения истощился так, что учителям года два не платили жалование...).

В первый же советский год смотры народного творчества всех жанров и видов прошли в Молдове в республиканском масштабе, на Измаильщине – в областном. Грянувшая война сорвала всеукраинский смотр, к которому интенсивно готовилась и Измаильщина.

Коль в Бессарабии неграмотность при Румынии достигла 80%, то библиотеки были излишними. Румыны разграбили те, что были организованы при царской России – редкие собрания, книги разворовали чиновники, офицеры. Массовые издания сжигались на площадях... Эта участь постигла, например, богатые собрания публичных и гимназических библиотек Аккермана, Измаила, Болграда. Взамен при «очагах культуры» – (кэмин културал) комплектовать жалкие библиотеки по 500–1000 книжек народных сказок, житий святых и книжек, прославляющих Великую Румынию и ее королей. К июню 1941 года на Измаильщине действовало 2 областные, 19 городских, 35 сельских библиотек, не считая 220 школьных.

Библиотеки широкого пользования имелись в учреждениях, совхозах, МТС, колхозах. Сотня передвижных библиотек, книгоноши добирались до самых глухих уголков края, в лесничества, на рыбные промыслы...

Библиотеки пополнялись произведениями русских, украинских, молдавских и зарубежных классиков, переведенными на русский язык произведениями поэтов, писателей народов СССР, о существовании которых бессарабцы ранее и не догадывались. В большом количестве в библиотеки и в продажу поступала научно-популярная литература.

Конечно, в доставке имелись произведения классиков марксизма-ленинизма, знаменитый «Краткий курс» истории ВКП(б) и атеистическая литература... Для развития библиотечного дела на Измаильщине государство до конца 1940 года израсходовало в 800 раз больше средств, чем отпускалось при Румынии на год...

При румынской власти Измаильщина с ее городами не знала профессионального театра. После Татарбунарского восстания под страхом ареста (разумеется – с побоями), штрафом и тюрьмы была запрещена постановка русских, украинских пьес самодеятельными коллективами...

К началу 1941 года на Измаильщине действовали 4 дворца культуры, 12 районных и 148 сельских клуба, крупные предприятия, совхозы, МТС, как правило, имели свои клубы. 4 дворца пионеров и три пионерских клуба были в распоряжении этого контингента и пользовались у него большой популярностью.

Большую культурно-просветительную работу вели Аккерманская, Измаильская и Ренийская музыкальные школы – самые первые в Измаильской области. Первым в области профессиональным советским театром стал Аккерманский русский драматический театр, в Болграде и Тарутино организовались передвижные драмтеатры, причем в репертуаре болградского были постановки на болгарском языке (переводы с русского).

22 июня 1941 года должен был открыться Измаильский русский драмтеатр. О кино. Это чудо двадцатого века в сельской местности в Бессарабии практически не было известно до прихода советской власти.

По одному «иллюзиону» работало в Килии, Рени, Болграде, по два в Аккермане и в Измаиле. В них «крутили» в основном американские и немецкие фильмы.

Как известно, в Советском Союзе кино пользовалось у народа особой популярностью, и было предметом особой заботы со стороны Партии и Правительства... («Из всех видов искусства – самым важным для нас является кино». Ленин). Бессарабцы в массе своей познакомились с кино с первых дней прихода Красной Армии – армейские полевые клубы демонстрировали это чудо населению Бессарабии с самого начала похода на Прут. Производимый киноэффект был потрясающим.

Естественно, развитию киносети на территории Бессарабии уделялось большое внимание. Об этом Измаильский обком партии вынес даже специальное постановление. Имеющиеся в городах кинотеатры были капитально отремонтированы и оснащены новой техникой, начато строительство новых кинотеатров. Стационарные кинотеатры, как зимние, так и летние, открывались в каждом райцентре. Особой популярностью пользовалось кино на селе, где его демонстрировали с передвижных киноустановок раза по два в месяц. Главное же, конечно, репертуар: «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году» неизменно входили в этот репертуар и воспринимались как документальное отображение тех событий... Очень популярными были кинокартины «Семеро смелых», «Истребители». Огромным успехом пользовались музыкальные кинокомедии «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Цирк». Ребятам особенно нравился пресловутый «Если завтра война» – за обилие батальных сцен с военной техникой и за бравурные марши. Песни из кинофильмов немедленно входили в общенародный репертуар, особенно молодежный, стирая национальный и языковый барьер между местным населением и людьми, пришедшими из-за Днестра.

Репертуар народных песен, русских, украинских, молдавских, гагаузских, болгарских всегда был очень богат, но никто не знал композиторов, сочинивших музыку, поэтов, сочинивших стихи, – профессиональной музыки не было, не принесли ее с собой и румыны, если не считать таких официальных вещей, как румынский гимн «Да здравствует король!», или песня о знамени «Трикулорь». Небогат был и детский репертуар – репертуар начальной школы: «Кэцелуш ку пэрул крец» – стишки о шкодливой кудрявой собачке, стихи и песенка про Деда Мороза, несколько классных молитв. Вот и все. Поэтому за 22 года оккупации румынский язык не стал языком межнационального общения в многонациональном крае, как не привилась и «культура» оккупантов.

Не только советское кино, но и массовая художественная самодеятельность, да и просто общение с советскими людьми на бытовом уровне подарили бессарабцам богатый репертуар песен, начиная с «Катюши».

Способствовали этому и творческие коллективы, приезжавшие в Бессарабию (и в Килию) из Киева и даже Москвы.

Уже в ноябре 1940 года в Аккермане открылся богатый историко-краеведческий музей – первый в Буджаке музей.

Комплекс таких явлений по советской терминологии определяется как начало культурной революции. Современные источники называют это явление насаждением идеологии тоталитаризма. Если же в оценке быть объективным, честным, то надо признать, что для абсолютного большинства бессарабцев, в том числе килийцев, это было мощным рывком из тьмы средневековья, неграмотности – к знаниям, науке, культуре, к новому достойному человека образу жизни бессарабцев.

Менялся облик города: исчезли с улиц нищие, грязные оборванные, изможденные дети. Люди стали опрятней одеваться, почти не стало латаной домотканой одежды, меньше стало постолов, больше туфель, ботинок, сапог, хотя дорогой одежды и обуви не носили даже высокопоставленные совслужащие. Почти не стало видно замурзанной, золотушной детворы. Детишки радовались частым обновкам, дешевым, доступным конфетам, халве, которая доставалась не только богатым и не только по праздникам, у обычной детворы, а не только у барчуков завелись покупные игрушки – нарядные куклы у девочек, механические игрушки, ружья – у мальчишек... Все это великолепие тоже было признаком нового быта, как и обращение: «Товарищ!» вместо «господин», которое у бессарабца ассоциировалось с жандар-

мом, барином. Обращение «Товарищ!» вошло в обиход легко, применялось естественно, без иронии, подобной той, которая в Галичине звучала в обращении: «Пан-товарищ!».

Цены? Килограмм свинины 6–7 – дорого (по тем временам)
курица 7–8 рублей – очень дорого (по тем временам)
пуд (16) килограмм кукурузы 4 рубля – дешево
хлеб, овощи, фрукты были очень дешевыми.

Почтальон получал 120 рублей в месяц (в селе), начальник почты – в два раза больше. Это февральские 1941 года цены в Килийском районе.

В тот первый советский год в наших краях не закрывали, тем более не крушили церквей (только монастыри), хотя число посещавших их резко сократилось – молодежь лучше себя чувствовала в клубах, в кино, на концертах, которых раньше не знала. Религиозные праздники не запрещались, но ответственность за трудовую дисциплину была строгой, а на религиозные праздники нередко назначались важные общественные мероприятия... и работы.

Приближался новый, 1941 год, и в крае подводились итоги советского полугода. Советская статистика, конечно, размахнулась, утверждая, что за эти полгода денежный доход на душу бессарабца вырос в семь раз. В семь, не в семь. Но, безусловно, уровень материального благосостояния простых бессарабцев и килийцев, конечно, очень существенно возрос – это выражал и внешний вид людей в целом и особенно их лица, с которых исчезли страх, прибитость, подобострастие.

Наступившие новогодние праздники впервые за многие десятилетия стали праздниками не только для богатых, а для трудящихся: с нарядными елками во дворцах культуры, в клубах, школах, в учреждениях и во многих домах. На предстоящий год бюджет маленькой Измаильщины предусматривал: на развитие промышленности – один миллион двести семьдесят три тысячи рублей, для развития сельского хозяйства предусматривалось два миллиона триста тридцать одну тысячу рублей, на развитие коммунального хозяйства выделялось более шести миллионов рублей – это на жилищное строительство, водопровод, дороги, парки...

Самая крупная статья расходов – на развитие народного образования – сорок один миллион рублей и пятнадцать миллионов рублей на здравоохранение, это сказочно много, невиданно во всей истории края. (См. сб. док. «Советский Придунайский край»: 1940–1945 г. г. Стр. 30–32).

Конечно, это на всю Измаильскую область. Можно было не сомневаться, что при тогдашнем строгом контроле за расходованием государственных денег на выделенные средства было бы сделано очень много.

Вместе со всей огромной страной, можно сказать, в состоянии эйфории Килия встретила новый год. Да и как не быть эйфории, если, развернув новогодний номер «Правды», читатели могли прочесть: «Велика наша родина – самому солнцу, земному шару требуется девять часов, чтоб вся наша страна могла войти в новый год – год своих новых побед...

Придет время, когда земному шару для этого понадобится не девять, а двадцать четыре часа...

Кто знает, где нам будет дано встречать новый год через пять, через десять лет, на какой долготе, на каком советском меридиане? Неудержимая эйфория с геополитической подоплекой – вид сумасшествия, опасного для целого Мира. Она наказуема».

Ни автору этого «предвидения», никому из кремлевских вождей (как и Гитлеру, незадолго перед этим утвердившему план молниеносного разгрома и захвата СССР), никому из двухсот миллионов граждан СССР и в кошмарном сне не могло в ту ночь присниться, что следующий новый год наша страна будет встречать на огненном Пулковском меридиане в сражении не на жизнь, а на смерть – за Ленинград. А на меридианах, недалеких от Москвы, будет грохотать судьбоносная для страны и Мира битва за столицу.

На самом юге страны, на меридиане и широте Одессы, вместо самого веселого в стране города будет значиться утыканный виселицами город с проклятым названием Антонеску...

В кремлевских верхах сорок первый год встречали в обстановке нарастающей нервозности, тревоги.

В декабре сорокового года в Москву на важное сверхсекретное совещание из всех военных округов, флотов и флотилий страны ехали и летели высшие военачальники и флотоводцы. Для них была подготовлена вся гостиница «Москва», куда генералы и адмиралы с вокзалов и из аэропорта доставлялись в закрытых машинах. (Им категорически запрещалось выходить из гостиницы на улицу).

23 декабря в Центральном доме Красной Армии открылось высокое совещание. За ходом совещания внимательно следил сам И.В. Сталин.

Тематика докладов на этом высоком военном форуме говорит сама за себя. Первый, главный доклад делал командующий

Киевским Особым военным округом генерал армии Г.К. Жуков: «Характер современной наступательной операции». Говорят, главный автор написанного – полковник Баграмян из оперативного отдела штаба округа написал доклад в стиле Жукова.

Командующий ВВС РККА генерал-лейтенант Рычагов свой доклад посвятил проблемам борьбы за господство в воздухе в ходе наступательных боевых действий.

Командующий Белорусским военным округом, генерал-полковник танковых войск, Д.Г. Павлов... Естественно, его доклад был посвящен вопросам использования механизированных войск в современной наступательной операции и тому, как вводить в прорыв танковый корпус.

Были заслушаны и обсуждены и доклады на другие темы – преимущественно связанные с действиями наступательного характера.

Командующий Московским военным округом, генерал армии И.В. Тюленев, докладывая высокому совещанию, заявил: «Мы не имеем современной обоснованной теории обороны...» Выступившие в прениях по этой теме высказались в том смысле, что видимо: «Оборона будет частью общего наступления и будет проводиться на отдельных второстепенных участках с целью экономии сил в пользу главных направлений общего наступления». (См. «Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 21–31 декабря 1940 года» М. 1933 г.).

Но надвигалась война – Гитлер уже утвердил план «Барбаросса», уже завершался первый этап развертывания сил по этому плану...

И не все участники совещания в Москве были отосланы на места своей службы. Двадцать восемь генералов во главе с Д.Г. Павловым составили группу «Восточных» («Красных»). Другие Двадцать один генерал во главе с Г.К. Жуковым составили группу «Западных» («Синих»). За ночь и два дня эти группы должны были подготовиться к невиданной штабной игре на картах и, подготовив, разыграть практически начало предполагаемой большой войны. Руководил этой военной штабной игрой Народный комиссар обороны СССР, Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Второго января сорок первого года игра началась и проходила в присутствии И.В. Сталина и всего Политбюро ВКП(б).

С самого начала, несмотря на то, что «красные» были поставлены в несколько преимущественные условия, – стали проигрывать «синим». И тогда, с согласия Тимошенко, в ход штабной

игры была введена поправка, соответствующая действительности – «синим» по данным ГРУ были добавлены дивизии, которые немцы реально разворачивали на этом направлении, готовясь к нападению на СССР.

В результате, на восьмые сутки игры «Восточных» (генерал Павлов) постигла катастрофа.

В своих знаменитых мемуарах «Воспоминания и размышления» маршал Жуков пишет довольно мягко: «Игры изобиловали драматическими моментами для «Восточных», они во многом оказались сходными с теми, которые возникли сразу после 22 июня сорок первого года...». Воспоминания немногих участников этого совещания и игра доживших до конца Великой Отечественной куда более мрачны и сводятся к следующему: «Тяжелое чувство охватило участников. Оно сходно с чувством обреченных, которым неуловимый всесведущий оракул предрек их судьбу – потрясающе трагическую судьбу их, которую дано было испытать всего через год...».

Сегодня из рассекреченных архивов нам, потомкам, дано узнать, что 8–11 января сорок первого года состоялась еще одна штабная игра стратегического масштаба (видимо, к составлению ее плана Жуков имеет большее отношение, чем к плану первой). Состав команд «красных» и «синих» в этой игре изменился незначительно. Но теперь «красными», которые в начале оборонялись, командовал Г.К. Жуков. Его войска принимали удар немцев, венгров и румын – «синих», которыми командовал Д.Г. Павлов.

Кроме сместившейся к югу полосы, в которой разворачивались события (игры), все остальное происходило в полном соответствии с тогдашней советской военной доктриной. Два дня «синие» все же наступали, хоть и медленно – успели незначительно углубиться в оборону «красных». И тут сразу без паузы грянули контрудары «красных». Они переросли в контрнаступление и общее наступление трех «красных» фронтов (темп – 45–90 километров в сутки). На пятые сутки игры она была остановлена, когда восточные «красные» были на линии в глубине территории Германии, Чехословакии, Венгрии и Румынии (на картах).

В конечном итоге, – все гладко было на бумаге...

Трудно сейчас через многие десятилетия сказать, какой еще мусор из планов состоявшихся и новых запланированных штабных игр остался в мусорных корзинах Генштаба РККА.

Но сейчас из него строятся наукообразные спекуляции перебежчика Резуна («Суворова») и ему подобных.

Ну а миллионы граждан Советского Союза, не ведая кремлевских тревог, встречали новый год чаркой водки, – скорее не одной, бокалом шампанского, килийцы же наверняка и стаканом придунайского «новачка», пахнущего медом, или густого буджакского «зайбера», который, как известно, если его перебрать, пахнет чертополохом из придорожной канавы...

Чего только не обещал новый год килийцам. И достройку элеватора, и судоремонтные мастерские. Не только «Фруктовый Донбасс», но и такую экзотическую для края культуру, как рис. Но сначала – выборы в Верховные Советы СССР и Украины. Они состоялись двенадцатого января.

Бывшая батрачка Гажева С.Д. и один из руководителей Татарбунарского восстания Батищев Н.Н. были избраны депутатами Верховного Совета СССР от Измаильской области. Одним из депутатов Верховного Совета Украины стал наш земляк, килиец Соловьев Д.И.

Весна сорок первого принесла килийцам много радости и забот. Бывший профсоюзный центр грузчиков и кэруцашей – подводчиков был перестроен в районный Дом культуры, десятки тысяч декоративных деревьев были высажены в парке, скверах, на улицах города и, конечно, посевная – первая колхозная, да и на новых наделах радостно было работать.

Среди этих трудов и забот – Первомай, первый советский. Его готовили, но прошел он гораздо веселей, многолюдней, чем планировали – всенародно, от всей души – для всех от дошколят и октябрят и до взрослых и пожилых. Официальное главное торжество прошло на соборной площади.

Сначала многолюдный митинг, потом парад. Перед трибуной прошли торжественным маршем стрелковые батальоны Двадцать третьего полка, за ними пулеметная рота, саперы связисты, мягко прокатились сорокапятки истребительно-противотанкового дивизиона, полковая батарея, зенитчики. Впервые килийцы увидели почти весь Двадцать третий полк. Пружинистым шагом промаршировали пограничники майора Бурмистрова, морпогранохрана капитан-лейтенанта Кубышкина. Молодые воины весеннего призыва, в том числе много наших земляков, торжественно приняли присягу. Парни из Килии, Вилкова, Васильевки, Шевченково, Червоного Яра, как и парни из Полтавы, Рязани, Коврова, клялись всегда быть готовыми по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту Родины. Никто ни в Килии, ни в Москве не догадывался, как скоро доведется выполнять клятву, выполнять ценой крови и жизни, но выполнять.

После парада и демонстрации всенародный праздник переместился на стадион в парк, на танцплощадки, импровизированные сцены, на улицы, дамбы, на острова, где прошли всевозможные соревнования, танцы, концерты, маевки, гуляния...

В селах района торжественно и весело, нарядные колонны с оркестрами, песнями, флагами и транспарантами, прежде чем выйти на центральную площадь с трибуной, проходили почти по всем улицам села, как в песне – «рекой нарядной»...

Едва улеглись праздничные волнения, как килийцам, так и всем бессарабцам и северо-буковинцам довелось испытать страшный шок от событий, грянувших в ночь с двенадцатого на тринадцатое июня, ночь, о которой кровавый палач Берия тогда же доложил в Кремль: «Проведена операция по удалению антисоветского элемента из Молдавии, Черновицкой и Измаильской областей». В ту потрясшую миллионы людей ночь: «Было «изолировано» 32173 человека, из которых 6250, арестовано», – докладывал обер-палач. Документы свидетельствуют, что в ту ночь не только «изолировали» и арестовывали, но и расстреливали. (См. Одесский облархив, ф. 6, оп. 1, д. 7, л. 2). Надо признать, что Советская власть принесла в Бессарабию и в Килию, конечно, не только трудовые праздники, веселые песни, новые школы, клубы, но и новый страх. Вместо старого, – перед румынским чиновником, жандармом, сигуранцей, новый – перед грозным, вездесущим, неуловимым ведомством Берии НКВД.

При новой власти обвинение в том, что человек – даже, если он чистокровный великоросс, – румынофил, брошенное бессарабцу, было обвинением не менее страшным, чем при румынах: «коммунист», «большевик», «агент Москвы».

Арестовывали и до той ужасной ночи, но чтоб десятками тысяч сразу! «Изолировались» и арестовывали бывшие помещики из местных бессарабских, полицейские, жандармы, чиновники, политические деятели, эмигранты из России, кто еще остался в живых к тому времени, коммерсанты, фабриканты. Репрессии коснулись и многих бессарабских коммунистов – недавних подпольщиков по стандартному обвинению: «румынский шпион...». (Такая участь постигла килийцев Иванову-Дижур А.Л., Иванову А.З. – коммунисты-подпольщики...).

План есть план, в советской стране он – закон. И если в селе не хватало лиц, относящихся к репрессируемым категориям, то в «воронок» – получивший на Украине название «черная машина», а потом на Северный Урал, в Караганду и еще дальше шли учителя, врачи, агрономы, в общем – в первую очередь интеллигенция.

Из Килии в ту страшную ночь были депортированы десятки семей русских, но особенно молдаван, греков, евреев. Из теплой Килии в Сибирь попали: врач Салакин, депутат, либерал, бывшие примари Зак и Секэрян – оба либералы...

Документы свидетельствуют, что тогда ведомство Берии в Бессарабии и Северной Буковине плана своего изуверского недовыполнило, ибо планировалось депортировать восемьдесят две – восемьдесят пять тысяч человек...

Ту кошмарную ночь бессарабцы крепко запомнили. Пройдет три с небольшим года и в сорок четвертом Бессарабия останется без собственных учителей, врачей, агрономов, мелких чиновников, торговцев. Почти все они окажутся в Румынии – в том числе и те, кто в сороковом оставался на месте, хотя и в Румынии их ждали не пироги...

А напряженность на границе нарастала, с каждым днем слухи! Их вал тоже нарастал и все – тревожные.

Да, что там слухи! Еще тревожней были реальные факты.

Как известно, в ноябре сорокового года Румыния присоединилась к «треугольнику» Берлин – Рим – Токио, предоставив территорию своей страны для развертывания одиннадцатой полевой немецкой армии.

18 декабря Гитлер подписал Директиву № 21 к «Плану Барбаросса» и вскоре Антонеску получил боевую задачу в рамках плана.

Продолжая подготовку к нападению на СССР, второго марта сорок первого года по договору с болгарским правительством на территории этой страны сосредотачивается мощная группа немецких войск фельдмаршала Клеиста в составе отборных моторизованной и трех танковых дивизий.

Намеченное на середину апреля нападение на СССР пришлось временно отложить и отборную танковую группу, усиленную почти трехсоттысячным составом войск, переброшенных из Румынии, – все это, прикрытое с воздуха отборным авиакорпусом «Рихтгофен» в апреле сорок первого, бросить на захват Югославии, подписавшей договор о дружбе с Советским Союзом...

Но к началу лета сорок первого года для нападения на Советский Союз гитлеровские войска развернулись от Черного до Баренцева моря. На южном фланге этого гигантского фронта в румынские и болгарские порты вошли корабли гитлеровского военно-морского флота, – сначала легкие силы, а затем подводные лодки и надводные корабли класса эсминцев.

В ответ на эти действия и советская сторона вынуждена была предпринять некоторые контрмеры. С января сорок первого года

и советская граница по рекам Дунай и Прут была переведена на усиленный режим охраны. С третьего апреля и на этой границе усилен состав нарядов, заступающих на охрану. На самых опасных направлениях в пикеты штатной численности в три человека дополнительно назначались пулеметчик с ручным пулеметом Дегтярева и его второй номер. Для поддержки нарядов в случае необходимости вводились подвижные группы – кавалерийские, а где позволяли условия – на подводах. Подвижные группы поддержки формировались при комендатурах в составе до взвода. Средняя же плотность прикрытия на линии границы, как свидетельствуют документы и мемуары пограничных начальников, – пять – шесть человек на километр погранполосы...

Незадолго до начала войны некоторые заставы сменили местоположение, что, конечно, снизило потери в первые дни войны.

Что касается морпогранохраны, то на Нижнем Дунае делимитационную линию нового рубежа установили моряки Четвертого Черноморского отряда морпогранохраны капитан-лейтенанта Кубышкина Ивана Константиновича. Штаб отряда находился в Одессе, первый и второй дивизионы охраняли морские рубежи от Одессы до Килийского гирла Дуная, а далее до устья реки Прут, линию границы принял под охрану третий дивизион Четвертого Черноморского отряда морпогранохраны, штаб и главная база которого дислоцировались в Килии.

Военно-морскую службу Иван Константинович Кубышкин начал в 1927 году по «комсомольскому призыву». Из Севастопольской военной школы младших морских специалистов он вышел рулевым-сигнальщиком, службу в этом качестве продолжил на холодной туманной Балтике. После окончания ленинградского училища имени Фрунзе получил назначение в морские погранчасти. Некоторое время служил на Балтике, а затем был переведен на службу в суровое Заполярье...

Весной сорокового года в связи с событиями, назревающими на юге, капитан-лейтенант Кубышкин как грамотный, опытный, решительный командир был назначен командиром Четвертого ЧОПСа, которому предстояло взаимодействовать с войсками Южного фронта. А затем в июне – июле сорокового года должен был принять под охрану самый юго-западный участок новой советской границы с Румынией.

Комиссаром Четвертого ЧОПСа в этот период был полковой комиссар, Семенов Константин Тимофеевич, чья военная служба началась еще в 1918 году. Граница по Дунаю была самым горя-

чим участком рубежей, охраняемых отрядом морпогранохраны Кубышкина, поэтому командир и комиссар отряда большую часть времени проводили на этом участке. Кроме этого, границу на Дунае охранял семьдесят девятый погранотряд подполковника Грачова Саввы Игнатьевича. В послужном списке этого храброго и опытного командира была служба в легендарной Первой конной армии, длительная упорная борьба с «басмачами» в Средней Азии. Орден Боевого Красного Знамени – редкая по тем временам награда – свидетельство его мужества, воли, боевого и командирского мастерства. Под стать командиру отряда были начальники комендатур и застав отряда. Личный состав отряда гордился своим начальником и старался на него походить.

Цепочка в двадцать застав, четыре комендатуры отряда протянулась от Жебриян (Приморского) до Джурджулешть в устье Прута. На реке Прут семьдесят девятый погранотряд держал локтевую связь с двадцать пятым молдавским отрядом. Под началом Килийской погранкомендатуры во главе с начальником майором Бурмистровым Иваном Николаевичем было три заставы: Салманская, Килийская и Кислицкая.

На улице Большая Дунайская № 2 (Ленина – 2) находилась Третья (Килийская) комендатура и ее службы. Работа в ней кипела круглосуточно, по мере обострения обстановки на границе работы прибавлялось. Особенно много ее было у начальника разведотдела, лейтенанта Баламута, все чаще эту работу надо было координировать с разведками пехоты и Дунайской флотилии. В июне сорокового года в Измаиле развернулся штаб и основные силы Советской Дунайской военной флотилии. В ее состав входили: шесть вооруженных катеров – полуглиссеров, семь тральщиков, двадцать два бронекатера. Главной ударной силой молодой флотилии были пять речных мониторов: четыре однотипных – головной в серии – «Железняков» и флагман – более мощный «Ударный». (См. «Краснознаменный Черноморский флот». Стр. 131. Воениздат. М. 1965 г.). Кроме этого в состав флотилии входили артиллерийские плавбатареи, зенитная артиллерия, пулеметная рота морской пехоты, эскадрилья истребителей прикрытия (И–16), вспомогательные суда, сложная береговая инфраструктура. Командовал флотилией опытный моряк, контрадмирал Абрамов Николай Иванович.

Освобожденная территория принадлежит государству, когда на ней закрепляется пехота – это многовековая истина. Задачу прикрытия нового участка советской государственной границы выполнял Четырнадцатый стрелковый корпус генерал-лейте-

нанта Егорова С.И. Корпус был сокращенного состава, но зато части и соединения в его составе – отборные. Участок границы по Дунаю от моря до Измаила прикрывала Пятьдесят первая «Перекопская» стрелковая дивизия – одна из наиболее прославленных в Красной Армии. Южный Урал, Сибирь до самого Иркутска, а затем легендарная Каховка, Перекоп, Крым под командованием В.К. Блюхера – этапы боевого пути дивизии в годы гражданской войны, орден Боевого Красного Знамени и почетное наименование «Перекопская»... О трижды Краснознаменной Двадцать пятой Чапаевской стрелковой и говорить не приходится. И еще мощный отдельный артполк – двадцать четыре 122 миллиметровых и 12 152 миллиметровых гаубицы входили в состав корпуса. Штаб корпуса располагался в Болграде, он неустанно заботился о совершенствовании системы прикрытия границы, о налаживании четкого взаимодействия между соединениями и частями корпуса и о взаимодействии с пограничниками и моряками.

И еще о славной Пятьдесят первой «Перекопской».

В разное время дивизией командовали генералы Карпонос, Говоров, Москаленко, известные по Великой Отечественной.

С 1938 года дивизией командовал генерал Петр Гаврилович Цирюльников. В сороковом году дивизия под его командованием отличилась при штурме «Линии Маннергейма» в войне с финнами, за что была удостоена ордена Ленина, а ее командир – ордена Боевого Красного Знамени. После войны с финнами дивизия принимала участие в освобождении Бессарабии, где и были расквартированы ее полки: 284 – в Арцизе, там же располагался и штаб дивизии 287 – в Измаиле, а самый знаменитый Двадцать третий – тоже «Перекопский» в Килии.

В апреле сорок первого его командиром стал капитан Сирота Павел Никифорович – заслуженный ветеран дивизии, начавший служить в ней еще под началом начдива Блюхера.

Штаб полка возглавлял капитан Поплавский Леонид Александрович – опытный, талантливый штабист, хорошо знающий свой полк, его людей, вместе с которыми повоевал на «Линии Маннергейма» и совершил поход в Бессарабию. Начштаба сумел сгруппировать вокруг себя работоспособный коллектив штаба из молодых, грамотных и, как оказалось, – талантливых и храбрых офицеров. Его помощником по оперативной части был лейтенант Овчаров Александр Михайлович, успешно осваивающий искусство опытного скрупулезного штабника не менее опытного волевого и отважного командира. Заместителем по разведке был трудолюбивый, пытливый, общительный и очень красивый лейтенант Гонча-

ров Сергей Лазаревич. С первых дней войны они подтвердили на деле свои таланты как штабников, так и командиров.

Замечательные, мужественные, опытные, требовательные и заботливые офицеры командовали стрелковыми батальонами Двадцать третьего полка: капитаны Васицкий, Коваленко и Паламарчук, соответственно – первым, вторым и третьим батальонами. Долгая служба в Армии, горнило «финской» войны были за плечами у этих командиров, они умело учили науке боя своих бойцов.

На границе обстановка становилась тревожней с каждым днем. В начале июня неожиданно у Старой Килии оказались румынские мониторы (они пробрались по Сулинскому руслу и протоке Татару). Орудия их башен были расчехлены и направлены на Килию Новую. Так вскоре выяснилось, это был настоящий боевой маневр в войне, которая формально еще не началась – он был рассчитан на то, чтоб выманить в низовья Дунайской дельты основные силы Советской Дунайской военной флотилии с тем, чтоб с началом войны высадить в полосе Измаила десанты, с ходу захватить город и уже крупными силами развернуть в межозерьи Ялпуг – Катлабуг наступление на Нижний Днестр, а корабли Советской Дунайской флотилии уничтожить, или захватить при попытке их прорыва в море мимо мощного артиллерийского заграждения, каким должен был оказаться огонь румынских батарей у села Периправа... Гладко было на бумаге!

С начала мая Антонеску открыто бахвалится: «Война между Румынией и СССР должна скоро начаться».

А сводка ГРУ в свою очередь предупреждает «Призываются в румынскую армию контингенты от 19 до 42 лет, в обозы мобилизуется конский состав. Румынская армия будет доведена до миллиона человек и сможет развернуть до тридцати дивизий». (См. ЦАМО РФ, оп. 7237, д. 2, Л-л: 114–119). Железные дороги сократили пассажирские перевозки. Из Югославии и Болгарии в Добруджу и Молдавию идут войска, артиллерия, танки. (См. там же).

Десятого июня с острова Капул дракулуй (Чертова голова) напротив недостроенного элеватора был обстрелян шедший в Одессу советский пассажирский пароход «Буковина» – один пассажир убит, двое ранены. С озера Красное в румынских плавнях стали взлетать румынские гидросамолеты. Ведя разведку, они летели над самым фарватером реки, часто нарушая воздушное пространство нашей страны. (Двадцать второго июня они-то и нанесли первый бомбовый удар по советской Килии и обстреляли ее из бортовых пулеметов).

Двадцатого июня на камышовом плоту из Старой Килии приплыл липованин – рыбак. В погранкомендатуре у Бурмистрова он рассказал, что в его селе увеличился румынский гарнизон и число немецких «советников» в нем. Еще он рассказал, что в протоке Татару сосредоточено большое число лодок, Каюков и даже две самоходные баржи – чего никогда раньше не было, а в длинный рыбный лабаз на берегу Дуная вкатили противотанковые пушки, амбразуры прорезали в советскую сторону. В старокилийских шинках немецкие «советники» подтрунивают над своими румынскими союзниками: «Скоро мы двинемся блицкригом на Москву, вам на ваших каруцах не угнаться за нашими танками...» Все это было срочно передано в штаб Грачова, куда и с других участков границы поступали тревожные вести.

Факты активизации вражеской агентуры отмечались и в Советском приграничьи. За две недели до начала войны председатель Карячевского (Мирное) сельсовета Кузнецов Александр Васильевич получил из-за Дуная подметное письмо: «Господин примарь, не обижай наших – мы скоро придем и рассчитаемся». (См. архивные материалы килийского музея). Были и другие тревожные симптомы приближения войны.

Понятно, что и наша разведка активизировала свои действия в румынском приграничьи. В частности было установлено, что гарнизон румынского укрепрайона «Старая Килия» усилен батальоном румынской морской пехоты, а южнее села Периправа напротив Вилкова, на песчаной косе Летя, развернуты румынские тяжелые артбатареи...

Из собранных кропотливым трудом разведчиков, – самых разных данных, – вырисовывалась грозная картина.

Для действий на Южном фронте своего «Восточного фронта» против малочисленного Четырнадцатого корпуса румынское верховное командование развернуло войска пятого и второго армейских корпусов Четвертой румынской армии генерала Николае Чуперкэ. Против Пятьдесят первой «Перекопской» дивизии таким образом должен был действовать пятый румынский корпус в составе девятой и десятой пехотных, двадцать третьей смешанной дивизии и седьмой кавбригады, против двадцать пятой «Чапаевской» – второй румынский армейский корпус – три пехотных дивизии в том числе элитная Первая королевская. Стык между корпусами на участке Джурджулешт обеспечивал Сто двадцать первый отдельный полк Вермахта (полковник Гайс).

А поскольку это происходило на приморском и приречном фланге, то наступление сухопутных соединений румын поддерживала румынская Дунайская флотилия – семь мониторов, три плавбатареи с орудиями большой мощности, бронекатера, речные катера, хорошо вооруженные немецкие быстроходные самоходные баржи, различные вспомогательные суда, а в Сулине – отряд легких сил Румынского Черноморского флота.

Береговое сопровождение румынских речных и морских сил на этом участке наступления поддерживали батальоны первой морской бригады. Воздушное прикрытие этой армады обеспечивали более шестисот в основном немецких самолетов, базирующихся на авиабазах Констанца, Галац, Текучь, Бакэу и на многочисленных полевых аэродромах. (См. И. Александреску, А. Ботошану: «Освобождение Бессарабии» Бухарест, 1999 г. На рум. яз.).

Командование Одесского военного округа имело довольно полное представление о силах противника на противоположном берегу Дуная и Прута и могло им противопоставить силы более адекватные, чем те, которыми располагали пограничники, Четырнадцатый корпус и Советская Дунайская флотилия, но Москва категорически запретила что-либо предпринимать. (Это еще раз подтверждает тот факт, что у Советского Союза никаких реальных планов превентивной войны, по крайней мере, на сорок первый год не было).

Из разведданных, добытых советской стороной перед войной, с ее началом, по ходу и их послевоенных публикаций румынских военачальников известно, что от Фокшан до Дуная и далее на Восток до Черного моря вытянулась цепь румынских укрепрайонов, – местами – глубокоэшелонированная. Вся эта система укреплений оборудована командно-наблюдательными пунктами, системой связи, хорошо вооружена и укомплектована обученными гарнизонами. Перед началом войны система этих укреплений была усилена многочисленными пулеметными ротами, не на этих силах строились расчеты немецко-румынского командования, не на оборону, а на наступление... Непосредственно на румынском берегу Килийского русла Дуная уже в сороковом – сорок первом годах были созданы мощные узлы обороны в районах Периправы, Старой Килии, Пардины, Исакчи.

Батареи у Периправы могли запереть Советскую Дунайскую флотилию в акватории Килийского рукава Дуная, тяжелые батареи Тулчи – обстреливать Измаил, все придунайские узлы укреплений были и трамплинами для нападения на Советский Союз – это подтвердили действия противника в первый же день войны.

Непосредственно против Килии советской, за Дунаем располагался укрепленный узел Старая Килия. Его оборонительные сооружения занимал усиленный Пятнадцатый батальон румынской морской пехоты с многочисленными немецкими «советниками». Накануне двадцать второго июня для форсирования Дуная и последующего наступления в общем направлении – на Аккерман, в Старой Килии развернулся и семнадцатый отдельный батальон румынской морской пехоты Первой морской бригады. (См. там же).

Артвооружение укрепузла Старая Килия составляли шестиорудийная батарея трехдюймовок старого российского образца, шестиорудийная батарея пятидесяти миллиметровых немецких противотанковых пушек, две батареи легких минометов «Брандт». (См. там же). Стрелковое вооружение морской пехоты составляли тридцать пулеметов «ZB»–29 чехословацкого производства, более тысячи винтовок «ZB» того же производства. Скоростные самоходные баржи имели на вооружении спаренные двадцатимиллиметровые автоматические «эрликоны» шведского производства. Разветвленная система наблюдательных пунктов, в том числе самый «дальнозоркий» – на колокольне церкви Старой Килии позволяли румынским и немецким наблюдателям просматривать равнину за Дунаем на большую глубину (но не плотно прикрытую растительностью приграничную полосу шириной метров в 150–200). Гражданское население Старой Килии накануне войны разбежалось по плавням, ушло в село-спутник в четырех километрах юго-восточнее Старой Килии, или было выселено румынами.

От пленных румын в начале войны, а после войны – из публикаций румынских военных, стали известны и планы румынского командования на Нижнем Дунае в начале войны – это элементы плана пресловутого немецкого «Блицкрига». Батальоны румынской морской пехоты, сконцентрированные в Старой Килии и Периправе на рассвете первого дня войны должны были стремительно форсировать Дунай, захватить Килию Новую и Вилково, в последующем, не отставая от основных сил на левом фланге – пятого румынского корпуса широким фронтом наступать на Нижний Днестр.

Вот так, по классическому прусскому образцу: «Ерсте колоне маршире цвайте колоне маршире, дритте колоне маршире...» В линию от Джурджулешт, до моря – от Нижнего Дуная дружно маршировать на Нижний Днестр, а там – и Москва по представлениям забитого румынского солдата. Ощущения жителей советского пограничья тех дней?

Их можно было выразить точно и коротко: нарастающая тревога. Тревожными были сообщения газет, тревога звучала из маленьких черных «тарелок» домашних радиоточек, появившихся в Килии, из огромных рупоров на площадях и улицах города. Часто звучали сигналы тревоги воздушной, химической... Пока что тревоги были учебными. Пресловутое «сообщение ТАСС» четырнадцатого июня успокоения не принесло – город-то гарнизонный и граница за огородом, а то и ближе... Некоторые в этом заявлении искали какой-то скрытый смысл! Военную хитрость, что ли?

В апреле в двадцать третий полк прибыло пополнение – призывники срочной службы, в мае – резервисты, – многие из сел района, из Килии и Вилкова – на отправку их в дальние края, видимо, времени уже не оставалось...

Все интенсивней учились бою войска гарнизона, реже становились увольнения – скучали килийские девчата.

Первая полоса обороны перекопцев проходила непосредственно по погранполосе. Хорошо замаскированные пулеметные гнезда, позиции поставленных на прямую наводку сорокапяток противотанкового дивизиона врезывались прямо в жиденькую дамбу, почти сразу за дамбой, – в густом кустарнике позиции батальонных минометов.

Метрах в ста пятидесяти, прикрытая буйной растительностью, – вторая полоса обороны полка. Окопы неглубокие – близко высокий Дунай. Хорошо все замаскировано. К утру всякое движение на этой полосе замирает...

Метрах в четырехстах, на открытой толоке – третья полоса обороны. Окопы, наблюдательные пункты почти не замаскированы – на ней днем интенсивно учатся стрелковые отделения, взводы – полоса не сплошная, хорошо просматривается с противоположного берега Дуная, особенно – с колокольни. Именно эту полосу усиленно обстреливали и бомбили румыны в первый же день войны. Брустверы практически учебных окопов, – там, где их не полностью сгладило время, – еще до сих пор нашпигованы осколками вражеских снарядов и бомб...

На северо-восточной окраине города раскинулся палаточный летний лагерь полка, от него на северо-запад, в районе так называемых «Чабанских криниц» – позиции полковой артбатареи.

Полк упорно совершенствовал свои боевые порядки, систему связи, сигналов, отшлифовывал систему управления своими подразделениями, взаимодействие с истребительно-противотанковым дивизионом, морскими и сухопутными пограничниками, связь с моряками-дунайцами.

Особо много дел было у молодого пополнения: политическая подготовка, уставы, подготовка строевая, огневая, тактическая.

Подъем учебной роты новобранцев – на час раньше, чем у полка – особое внимание тактической подготовке и обучению стрельбе: индивидуально, огнем беглым и залповой стрельбе. Полковая разведка, пикеты пограничников вели круглосуточное наблюдение, разведку противника: все, что видели, слышали на той стороне Дуная заносили в журналы наблюдения, наносили на карты и планшеты – наблюдательные пункты, огневые позиции, скопление плавсредств, передвижение, шум, действие авиации – все, что могло раскрыть его замыслы, предугадать действия. Ни округ, ни Москва приказа на боевое развертывание не давали, но боевую подготовку проверяли до последнего мирного дня.

ИЮНЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 ЗА ДУНАЕМ

Династия румынских королей, Гогенцоллернов – Сигма – Ринген состоит из четырех величеств. Долгожитель на румынском троне Карол I – основатель династии (1866–1914 годы) румынский язык изучил слабо, даже своих министров разговора удостаивал редко, но повелевал твердо. Румынию рассматривал как свою вотчину, доходы с нее подсчитывал по-немецки скрупулезно, но траты на дворцы, имения, другую недвижимость делал большие.

Сын Карола Первого, Фердинанд I (1914–1927 годы) продолжал богатеть за счет румынского народа, но давал богатеть и многочисленной дворцовой камарилье. Его жена, англо-российских кровей, королева Мария, не только часто вместо короля решала государственные дела, но и решала их вместе с Главным управляющим имениями Короны Барбу Штирбеем (заодно они наставляли королю ветвистые рога). Большим влиянием при дворе пользовался председатель самой влиятельной политической партии И.К. Брэтиану, – подготовленные им документы король подписывал, не читая.

Но так уж получилось: в историю Румынии этот слабовольный и слабосильный король вошел как творец Великой Румынии, на соответствующих королевских указах – его подписи. (В том числе о присоединении Бессарабии...).

Молодой Михай I королем Румынии побывал дважды. Один раз взошел на румынский трон пятилетним ребенком – его туда повели за ручку. Позабавился он на троне до июня 1930 года – вернувшийся из не очень дальних странствий родной отец, на 10 лет понизил его в ранге – до Принца де Алба Юлия.

Второй раз в своей жизни Михай I был королем во время для себя и страны очень сложное и опасное – в 1940–1947 годах.

Так или иначе, его имя связано с актом 23 августа 1944 года (и озарено орденом Победы).

Его отец Карол II с детства видел себя в блеске величия, как дед, но... Еще наследником снискал себе скандальную славу

гуляки и сексуального маньяка. (См. «Досье истории» № 11 1998 г. Стр. 50 и множество других источников по этому предмету). С восшествием на престол восьмого июня 1930 года порицания такого рода в его адрес стали более глухими. А с установлением персональной диктатуры в феврале 1938 года официальные средства массовой информации королевства объявили его «отцом отечества».

Естественно, после отречения от престола 6 сентября 1940 года в адрес экс-короля разразился настоящий ураган критики и обвинений в самых страшных прегрешениях (преувеличить их было бы очень трудно).

И.К. Брэтиану – лидер национал-либеральной партии, который в июне 1930 года первым приветствовавал незаконно вернувшегося в страну блудного Гогенцоллерна словами: «Добро пожаловать на трон, Ваше Величество!», в августе сорокового в адрес экс-короля пылал гневом: «Наш народ под режимом диктатуры, цензуры и агрессии, изолированный от короны, не может быть ответственным за деяния своих правителей, которых он не избирал».

В том же ключе писал об экс-короле и Ю. Маниу – лидер национал-цэрэнистов: «Концепция его (Карла II) персональной власти аморальна – без идеалов, цели и верного компаса». (См. «Досье истории» № 11 1998 г. Стр. 50. Бухарест, на рум. яз.).

Пытаясь спасти прогнивший режим власти, правящие круги Румынии не нашли ничего лучшего, как извлечь из монастыря «Дялу» Иона Антонеску и провозгласить его фюрером Румынии. Как ранее отмечалось, военный не без способностей, но отнюдь не полководец, к тому времени был уже человеком неизлечимо больным психически, слабым физически, которого в нормальном государстве просто досрочно и безвозвратно отправили бы на пенсию! Тем, кто его возвел в кондукэтора румынского государства, было хорошо известно, что он не способен считаться с чьим-либо мнением, кроме своего. Тщедушного телосложения, в гражданском костюме, без многочисленных регалий, а чуть позже, без маршальского жезла, с которым он любил позировать перед объективами фотокорреспондентов, он просто терялся, даже в небольшой толпе (поэтому всегда стремился быть запечатленным отдельно – поближе к переднему плану). По свидетельству близко знавших его людей, например начальника генштаба генерала Иосифа Якобича и других, неизлечимо больной Антонеску то впадал в глубокую депрессию и бывал на грани суицида, то в яростную злобную истерику. Он не признавал врачей – чаще

всего его «лечили» гадалки, ворожки, «чародейки» (под койкой больного валялись человеческие черепа, кости, в чудодейственной силе которых генерала уверяли его «врачеватели»).

Катастрофу для Румынии предвещало уже то, что кондукэтор был законченным маньяком, безоговорочно уверовавшим в то, что ниспослан провидением с миссией возродить Великую Румынию, возвеличить ее до ранга немногих мировых держав, уничтожить ненавистное ему еврейство, в союзе с другим маньяком – Адольфом Гитлером учинить крестовый поход против СССР, уничтожить это государство и поделить гигантское «Жизненное пространство» – с такой бредовой программой в мыслях шестого августа 1940 года, при самой активной поддержке фашистской Германии Антонеску стал диктатором несчастной Румынии.

Первый кабинет генерала Антонеску оказался набранным полностью из военных. Правда, на первых порах румынскому кондукэтору по указанию Гитлера пришлось наделить министерскими портфелями нескольких приставленных из Рейха соратников Зели Кодряну, убитого по приказу Карола II. Теперь главным легионером в Румынии стал Хоря Сима, а государство стало официально именоваться национально-легионерским. Единственной политической партией в нем осталась «Железная гвардия».

Два диктатора в одном государстве? Исключено!

Гитлер уже полным ходом готовил нападение на Советский Союз, а румынские диктаторы яростно грызлись между собой. Это мешало подготовке Германии к войне. Ситуация могла выйти из-под контроля гитлеровцев. 21–23 января сорок первого года даже произошел легионерский мятеж. Генерала Антонеску поддержала армия – ее офицерский корпус, и мятеж был подавлен. Гитлер на всякий случай, по свойственному ему принципу, пригрел Хорю Симу в Рейхе – про запас, а Антонеску в Румынии остался единоличным диктатором. «Железная гвардия» в Румынии была официально запрещена, да и необходимости в ней не было – до бесславного конца своей жизни в слове и деле Антонеску остался верным сторонником Гитлера. На юге Бессарабии, в частности в огромном простирающемся от Дуная до Тарутино Килийском Жудеце, в начале сорок второго года на учете сигуранцы оставалось полтора десятка бывших железногвардейцев, абсолютно лояльных по отношению к Антонеску. С начала 43 года документы сигуранцы их не упоминают. (См. Одесский облархив, ф. 6, оп. 1, д. 5, д. 3–4).

Подготовку к реваншу против СССР румынская военщина начала, едва ее отступившие из Бессарабии и Северной Букови-

ны войска оказались за Прутом: перегруппировывались, пополнялись потрепанные, поредевшие, формировались новые части, соединения. На «Восточный фронт» была переброшена из Добруджи 4-я армия, значительная часть сил из состава второй Трансильванской.

С установлением диктатуры Антонеску подготовка к походу на Восток – экономическая, военная, политическая – стала главной сферой государственной деятельности всех его правительств.

Это подтверждает сам диктатор, в том числе в своем пресловутом «Приказываю перейти Прут!» 22 июня 41 года. Все это – под демагогическими лозунгами: «Освобождения бессарабских и буковинских братьев от большевистского рабства». Не отрицал он это и в ходе судебного процесса над ним и сообщниками в мае 1946 года. (Но оправдывал).

Готовясь к нападению на СССР, фашистская Германия с согласия Антонеску уже в сентябре сорокового года послала в Бухарест свою «миссию» во главе с генералом Хансеном. 12 октября в Румынию начался ввод германских линейных войск – 13-я моторизованная и 16-я танковая дивизии – 25 тысяч отборного личного состава Вермахта. Задача германских войск в Румынии – охрана столицы, важнейших стратегических пунктов в государстве, нефтепромыслов, нефтеперерабатывающих заводов, магистральных нефтепроводов, районов угледобычи, электростанций. Одна из важнейших задач – перевооружение и обучение румынских войск. К концу сорокового года в Румынии было дислоцировано 300000 немецких войск, в начале сорок первого – 500000 и тысяча самолетов. (См. «Румыния в антигитлеровской войне». Бухарест. 1966 г. Стр. 23 – на рум. языке).

В апреле 41 года трехсоттысячная группировка этих войск плюс столько же в Болгарии были брошены против Югославии. К нападению на СССР в Румынии продолжала готовиться 11-я полевая армия Германии генерала Ритера-Ойгена фон Шоберта численностью более 200000 – главная ударная сила группы армий «Антонеску» – румынского «Восточного фронта». (См. там же, стр. 25).

После того как Болгария получила Южную Добруджу, а Венгрия значительную часть Трансильвании и к власти в Румынии пришел Антонеску, Гитлер был готов гарантировать неприкосновенность границ Румынии. Одна из деликатных задач В.М. Молотова во время его визита в гитлеровский Рейх в ноябре 1940 года – прозондировать непосредственно у Гитлера этот вопрос. И еще один, упирающийся в гарантии, данный Румынией Гитле-

ром вопрос пытался прозондировать Молотов лично у германского фюрера в ходе этой встречи: «Как отнесется германское руководство к тому, чтобы СССР занял оставшуюся у Румынии Южную Буковину?»

Ответ Гитлера был однозначным и резким: «Эти гарантии действительны по отношению к любому, кто пытается атаковать Румынию». (См. Ф. Гальдер «Служебный дневник начальника генштаба», т. 2, стр. 244. Воениздат. М. 1969 г.).

Ранней весной сорок первого года Германия одну за другой захватывала балканские страны. В это время Советский Союз многозначительно намекнул, что когда-то Россия владела всеми тремя устьями Дуная.

В ответ на этот намек, Гитлер еще раз в резкой форме напомнил о гарантиях Румынии. (См. Уинстон Черчилль: «Вторая Мировая Война»).

Румынский кондукэтор спешит заслужить полное доверие германского фюрера, закрепить союз с Германией, а Фюрер, завершая планирование войны против СССР и форсируя ее подготовку, спешит накрепко привязать Румынию и ее кондукэтора к своей преступной военной машине.

22 ноября сорокового года Ион Антонеску наносит свой первый государственный визит в Рейх и подписывает документ о вступлении Румынии в Тройственный пакт.

«Румыния готова с оружием в руках идти бок о бок с державами «Оси» для завоевания победы», – заявляет по этому поводу Антонеску Фюреру. На следующий день в ходе встречи с начальником генерального штаба Вермахта Фридрихом Кейтелем Антонеску подробно информирует его о военных приготовлениях Румынии: о строительстве укреплений, стратегических железных дорогах и шоссе, о расширении военно-морских баз и военных аэродромов. Войдя в раж, он договорился до того, что ему «Хватит двух румынских механизированных дивизий, чтоб дойти до Киева». (См. «Документы судебного процесса над Антонеску». Бухарест. 1947 г. Стр. 176).

В ответ он получил от Кейтеля заверения в том, что Германия сделает все от нее зависящее, чтоб Румыния в своих действиях чувствовала себя уверенно, имея за спиной армию Рейха.

Потом была прощальная церемония с фюрером, в ходе которой Гитлер в свою очередь заверил своего нового союзника, что «Германия поддержит Румынию во всех отношениях – и в политической, и в экономической областях. С этого момента суще-

ствование румынского государства будет гарантировано всеми германскими вооруженными силами». (См. там же).

С первого дня нахождения у власти Антонеску уже считал себя и свою страну практически в состоянии войны с СССР, по возвращении же из Германии он не проводил ни одного заседания своего правительства без того, чтоб на нем в первую очередь не обсуждались вопросы, связанные с подготовкой войны против восточного соседа.

Отныне гитлеровская Германия получила в свое распоряжение недостающий для наступления на восток участок оперативного пространства от Болгарской границы до границы с «Генерал-губернаторством» (с Польшей). Таким образом, от Баренцова до Черного моря вооруженные силы Германии получили границу, сопредельную с Советским Союзом.

Это огромное, удобное для оперативно-стратегического развертывания пространство агрессор усиленно, по единому плану готовит, как плацдарм для блицкрига против СССР.

В распоряжение Германии Румыния отдает все 250 километров черноморского побережья, с Констанцей, Сулиной и другими военно-морскими базами, весь Нижний Дунай, – как трамплин для броска на Украину, Кубань, Кавказ с их несметными запасами хлеба, нефти, разнообразного стратегического сырья. Румыния представляет свои запасы хлеба, нефти, цветных и редких металлов в распоряжение одной лишь Германии. Задолго до начала войны территория Румыния используется для организации всех видов разведки против СССР.

В гитлеровском блоке румынская армия – вторая по численности после немецкой: Антонеску готов весь румынский народ превратить в «пушечное мясо» и бросить его в мясорубку войны против СССР. Антонеску – самый верный союзник Германии, и в сорок третьем, и в сорок четвертом году Советский Союз представлял ему реальную возможность вывести свою многострадальную страну из войны против Объединенных наций (разумеется, не по мановению волшебной палочки, не без жертв это могло произойти), но Антонеску не воспользовался такой возможностью.

Он убедил себя и упрямо пытался убедить других, что не крайний антисоветизм, не безграничное властолюбие, исключительная жестокость, сравнимая лишь с гитлеровской, а только неукротимое желание спасти, возродить, возвеличить Румынию движут им.

«Моя борьба во имя спасения этого народа», «Миссия, порученная мне самим провидением», – на разные лады не уставал повторять в приказах, речах, инструкциях, в поучениях, до

которых был очень охоч третий маршал Румынии, точно так же, как и его кумир Гитлер.

В свою очередь Гитлер из всех своих союзников больше всего доверяет Антонеску. Ему единственному он доверяет тайну плана «Барбаросса» почти сразу же после того, как подписывает этот план 18 декабря 1940 года. (С Муссолини Гитлер решился поделиться этой тайной лишь в ночь на 21 июня 1941 года).

В январе 1941 года Антонеску вторично отправляется в Берлин на встречу с Гитлером. Во время этого визита фюрер и познакомил своего главного союзника с «Директивой № 21» и с тем, что, согласно этой директиве, надлежит делать вооруженным силам Румынии.

В самом документе, известном как директива № 21, тем более – в войне против СССР Румынии, ее вооруженным силам отводилась очень важная роль. С самого начала речь шла о двух румынских армиях, Румынском Черноморском флоте, румынской Дунайской флотилии, о силах нескольких укрепленных районов и специальных частях, которые должны были участвовать в «блицкриге» против СССР.

Уже в начале 1941 года мобилизационный резерв Румынии составляли два миллиона 300 тысяч рядовых и 12 тысяч офицеров запаса, которые прошли войсковую подготовку, и численность подготовленных резервов увеличивалась с каждым месяцем. Из этнических немцев Румынии, по образцу войск «СС», «СА» создавалась стотысячная армия и многочисленный резерв из фольксдойчей, входящих в «Гитлер-югенд». (См. Попеску-Пуцурь: «Румыния во Второй Мировой войне». Бухарест, 1964 год, стр. 45).

К началу 1941 года в составе вооруженных сил Румынии имелось 750 боевых, 30 учебных и транспортных самолетов, сотни румынских летчиков обучались в летных школах Рейха и должны были получить новейшие немецкие боевые машины.

На начальном этапе войны Антонеску назначался командующим Восточного фронта Румынии (или группы армий «Антонеску») – южного фланга германской группы армий «Юг» фельдмаршала фон Рундштедта.

Нельзя сказать, чтобы генерал был бутафорским командующим этой группы армий, хотя последнее слово при принятии решений относительно действий было за немецким командованием. (На последней перед нападением на СССР встрече с Антонеску 12 июня сорок первого года, Гитлер предупредил: «Операциям необходимо единое руководство, – естественно, оно будет в

наших руках. Мы должны избегать ошибок прошлых коалиционных воин».) (См. док. «Нюрнбергский процесс» т. 2, стр. 588). Антонеску еще раз подтвердил, что для войны против СССР готов передать в распоряжение Германии все материальные, военные и людские ресурсы, какими располагает Румыния. На это Гитлер ответил, что Германия в долгу не останется: Румыния вернет себе Бессарабию, Северную Буковину и сможет присоединить к себе территории до самого Днепра. (См. там же, стр. 689).

В процессе все более тесного сотрудничества генеральных штабов Рейха и королевства уточнялись вопросы взаимодействия вооруженных сил Румынии и Германии в предстоящей войне. В Бухаресте в районе аэропорта «Бэняса» был построен немецкими специалистами мощный подземный командный комплекс. В румынской столице бывали высокопоставленные чины Вермахта, в том числе главный автор плана «Барбаросса», Фридрих Паулюс, женатый на немецко-румынской княжне. В Берлине бывали румынские генералы. С рабочим визитом в Вену на встречу с Германом Герингом ездил сам Антонеску.

Согласно плану «Барбаросса» и приказу командующего группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, на самом правом фланге этой группы (Дунай – Нижний Прут) должны были начинать наступление на Украину войска 4-й румынской армии корпусного генерала Николае Чуперкэ. Левее нее – мощная 11-я полевая немецкая армия генерал-полковника Риттера-Ойгена фон Шоберта. Войска 3-й румынской армии корпусного генерала Петре Думитреску должны были вторгнуться в Украину в полосе Северной Буковины. Эти войска составляли левый фланг Румынского «Восточного фронта». Генерал (с седьмого сентября – маршал) Антонеску уполномочил своим приказом от 20 июня 1941 года генерала Шоберта и его штаб написать все необходимые для совместных немецко-румынских действий приказы и директивы на начальный период войны. (См. «ВИЖ» № 6, 1991 г. Стр. 34). В группировке «Антонеску» к моменту нападения на СССР насчитывалось более 500000 войск. 64% из них – румынские, а в полосе 4-й румынской армии более 90% личного состава были румыны. (Там же).

В штабе генерала Шоберта были разработаны, а командующим немецкой группы армии «Юг» генерал-фельдмаршалом Рундштедтом утверждены два варианта действий румынского «Восточного фронта» (группировки «Антонеску»).

1) Если после первого удара по советским войскам они начнут отступать, то действовать по варианту «Нахштос» – немедленно

начинать преследование отступающих советских войск с целью воспрепятствовать их организованному отходу за Днестр.

2) В случае, если после первого удара немецко-румынских войск советские войска удержат оборону на линии Нижнего Дуная и Прута, планировалось осуществить операцию «Мюнхен» – фронтальный прорыв советской обороны силами 11-й немецкой полевой армии, приданных и поддерживающих ее третьей и четвертой румынских армий. В последующем – наступать на северо-восток, в направлении Кишинев – Могилев – Подольский – Винница на соединение с основными силами группы армий «Юг», наступающими на направлении главного удара этой группы армий. (Сб. док. «Военно-исторические материалы о Великой Отечественной войне». Воениздат. М. 1960 г.).

В дополнение к двум немецким вариантам действий Антонеску издал свои приказы, которые уточняли порядок подчиненности корпусов и дивизий третьей и четвертой румынской армий – одиннадцатой немецкой полевой армии и ее корпусам. Румынским соединениям, за исключением действующих на Нижнем Дунае, поручалось обеспечивать фланги наступающих немецких соединений. Во всех случаях «День х» и «Час ч» для перехода в наступление как немецкой, так и румынских армий назначался немецким командованием. Что касается полицейских операций, то даже на территории Румынии разрешения на их проведение немецкими частями у румынских властей не требовалось – такие операции немцы могли проводить полностью по своему усмотрению с использованием и румынских сил, в том числе и полевых войск. (См. В. Клобунов, В. Модлинский: «Румыния в планах Гитлера». «Военно-исторический журнал» № 5, 1970 г. Стр. 18–34).

Завершая подготовку к нападению на СССР, Антонеску ввел закон «О румынизации еврейской собственности», согласно которому все евреи на захваченной территории подлежали поголовному истреблению как на месте захвата их, так и в специальных лагерях смерти, которые должны были быть созданы на территории Бессарабии, Северной Буковины и за Днестром – в так называемой Транснистрии. Там же и еще в лагерях в зоне дунайских плавней «Брэила» и «Борча», полному истреблению подлежали ромы (цыгане). Третьего мая 1941 года в Бухаресте был организован «Национальный центр румынизации еврейской собственности». (См. Чукэ. «Документы режима Антонеску». «Досье истории» № 11, 1998 г. Стр. 18. На рум. яз.).

Еще раньше – законом № 236 от 5 февраля 1941 года вводилась смертная казнь для «врагов Великой Румынии в Бессарабии и всюду, куда ступит нога румынского солдата». (См. там же. Стр. 21). С началом похода на восток эти законы были дополнены новыми – еще более жестокими.

10 мая 1941 года в «день нации» жители Бухареста стали свидетелями грандиозного военного парада – последнего перед войной смотра боевых сил в столице.

Через месяц кондукэтор отправился в Берлин доложить фюреру о готовности двинуться за Прут и чтоб скоординировать свои действия с немцами.

12 июня Гитлер и Антонеску подписали договор о совместном участии в войне против СССР. 13 июня Антонеску возвратился в Бухарест. На протяжении недели после этого во всех штабах румынской армии и в войсках проходила напряженная подготовка к нападению на СССР.

Семнадцатого и восемнадцатого июня начальник генштаба сухопутных сил Рейха генерал-полковник Гальдер инспектировал войска одиннадцатой немецкой армии на реке Прут, девятнадцатого июня он со своим румынским коллегой – начальником генштаба Румынии, генералом Якобичем согласовывали последние перед нападением на Советский Союз детали взаимодействия армий союзников – агрессоров.

20 июня Антонеску со своим полевым штабом погрузился с бухарестского перрона в персональный поезд «Патрия» и отправился в войска Восточного румынского фронта. Близко к полночи 22 июня этим войскам было передано: «Приказываю перейти Прут!»

В конечном итоге, приказ оказался фатальным для его автора; что до румынского народа, то ему он принес неисчислимые беды и жертвы. А все потому, что, положившись на германского фюрера, Антонеску пренебрег предостережением истории: НЕ ХОДИ НА МОСКВУ!

СОРОК ПЕРВЫЙ – ГРОЗНАЯ ПОРА И «ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС» КИЛИИ

В истории начального периода Великой Отечественной войны события на советском Дунае – уникальны, они не только грозный, но и звездный час нашего города. Он звездный, потому что на этом участке огромного фронта, в отличие от всего остального огромного советско-германского фронта, советские войска успешно оборонялись в течение месяца (а в отдельных очагах даже дольше). При этом, били врага так, как требовала советская военная доктрина – малой кровью, могучим ударом. Более того, били врага не только на своей земле, не давая ему наступать, – били врага и на его собственной, вражьей земле.

О советских воинах, сражавшихся на этих берегах в сорок первом, справедливо гласит бронзовая надпись на памятнике: «Вы самыми первыми сделали шаг и далекой Победе в лицо заглянули».

Что же известно об этом подвиге? До обидного мало – почти ничего, это – почти что «терра инкогнита».

Советские архивные документы? Один-единственный в сборнике «Советский Придунайский край» 1940–1945 годы, да еще несколько в других сборниках. На запросы в центральные военные и военно-морские архивы СССР (ныне России) приходили и приходят безнадежные ответы: «Документами сорок первого года архив не располагает». Какие там документы с дорог отступления, с полей битв лета – осени сорок первого, в которых ложились в землю, сгорали целые дивизии, корпуса, армии! Вот и остаются в качестве источников немногие публикации ветеранов тех боев, напечатанные много лет после войны. Еще есть письма, устные рассказы участников тех событий. На основе таких материалов написаны «Операция Килия веке» В.И. Синенко, некоторые труды покойного профессора Одесского университета А.Д. Бачинского... А поскольку на земле Придунайской происходили эти уникальные события, то мы, живущие на этой земле, ответственны за память о них.

...Двадцатого июня, как известно, генерал Антонеску со своим походным штабом погрузился в персональный поезд «Патрия» – передвижная ставка, – и направился на «свой» «Восточный фронт». Впрочем, по договору с Гитлером с самого начала военных действий, две армии этого фронта Одиннадцатая немецкая армия генерала Шоберта и Третья румынская корпусного генерала Думитреску практически выводились из-под командования Антонеску, ввиду чего визит в их штабы носил протокольный характер. К утру двадцать первого Антонеску вернулся в штаб Четвертой румынской армии генерала Чуперкэ. Он учинил инспекторский смотр войскам ее левого (северного) фланга, при этом по привычке выдал массу указаний армейским командирам и начальникам, после чего уединился для окончательного редактирования общего приказа на наступление и последнего перед вступлением в Бессарабию приказа по этому генерал-губернаторству – каннибальского по отношению к бессарабцам, особенно евреям.

О румынских силах, готовых к наступлению на южном фланге румынского Восточного фронта, мы уже в какой-то мере говорили.

От Цуцоры (15 километров южнее Ясс) были развернуты войска Четвертой румынской армии – до самого Черного моря.

На левом фланге Четвертой румынской армии для наступления изготовились тридцать пятая пехотная дивизия, которая должна была обеспечивать стык между Третьей румынской и Одиннадцатой немецкой армиями и наступать в общем направлении – южнее Кишинева, все больше расходясь с соседом с юга (что на деле привело ее к сокрушительному разгрому), одиннадцатая и пятнадцатая пехотные дивизии так же как и тридцать пятая входили в состав третьего армейского корпуса, имели задачу наступать в полосе южнее тридцать пятой пехотной фронтально – на Днестр. На центральном направлении наступления Четвертой армии приготовились к наступлению войска пятого армейского корпуса румын в составе Первой королевской гвардейской, двадцать первой пехотной дивизий и седьмой кавбригады. Оба эти корпуса были усилены артдивизионами полевой и тяжелой артиллерии, специальными штурмовыми, механизированными и саперными батальонами, пулеметными ротами, полевой жандармерией. Сложным был исходный рубеж наступления южного фланга Четвертой армии – устье реки Прут и река Дунай по Килийскому руслу, а после форсирования этих преград – дефиле между озерами Южной Бессарабии с выходом на просто-

ры Буджака и далее – на Нижний Днестр и Днестровский лиман. В этой полосе планировалось наступление войск Второго армейского корпуса румын. Сколочен он был наспех из многочисленных батальонов старых (Фокшанского и Брэильского укрепрайонов и батальонов новых укрепузлов: Периправа, Старая Килия, Пардина, Исакча, отдельных пулеметных рот. Корпус поддерживали также отдельные батальоны морской пехоты и Румынской Дунайской флотилии. Стык между вторым и пятым корпусом в районе Джурджулешт обеспечивал отборный сто двадцать первый отдельный пехотный полк Вермахта.

Оперативно-стратегические задачи румынского «Восточного фронта» целиком и полностью были подчинены гитлеровскому плану «Барбаросса». Война, в которую Антонеску ввергал румынский народ и государство, как и для Германии, планировалась молниеносной и тотальной. Что касается румынской армии какой-то части румынского народа, особенно интеллигенции и «беженцев» из Бессарабии, то румынская пропаганда и в первую очередь сам Антонеску изображали агрессию как освободительную миссию. Ярким примером этого является сам приказ Антонеску 22 июня сорок первого года: «Солдаты, я обещал вам с первого дня моего руководства повести вас к победе, стереть позорное пятно из истории народа и тень стыда с ваших погонов и лиц! Сегодня настал час священной войны... Приказываю перейти Прут!

Разгромите врага, освободите братьев от цепей большевистского рабства». (См. Газету «Романия либерэ». 24 августа 1994 г. На рум. яз.).

Что касается рядового и сержантского состава румынского «пушечного мяса» в предстоящей войне, то его Антонеску старался привлечь землей, которой обещал наделить участников похода, а пропаганда – еще и обещанием легкой войны в союзе с могучей Германией – веселой прогулкой в Бессарабию и за Днестр, в ходе которой предстоят лишь победы и другие удовольствия... В сорок первом темная забитая румынская солдатня, едва попав за Прут, распевала эрзац-частушки:

«По Бессарабии гулял я, –
С тремя любовницами спал я:
С олтянкой и мунтянкой
И прекрасной бессарабянкой...»

А в августе сорок первого, едва перейдя Днестр, спрашивали: «Далеко ли еще Москва?» «Святая» простота!

Немало румынских офицеров мечтали на легкой войне добыть богатство, награды, чины. Но были и такие, – даже гене-

ралы, – как начальник генштаба Якобич, командующий Четвертой армии Чуперкэ, наследовавший ему за Днестром, генерал Михаил, которые придерживались точки зрения, что идти надо только до Днестра...

Так было на правом берегу Дуная накануне войны.

А на левом? Одесский военный округ как приграничный должен был отбить первые удары агрессора, прикрыть мобилизацию, концентрацию и развертывание сил Красной Армии. Согласно советским источникам, в составе округа имелись 22 дивизии, в том числе тринадцать стрелковых, моторизованных две, танковых четыре, кавалерийских две. Те же источники признают, что ни одна дивизия не была полноштатной даже по штатам мирного времени. Даже дивизии, прикрывающие границу, в том числе Пятьдесят первая «Перекопская» и Двадцать пятая «Чапаевская» были укомплектованы личным составом на две трети штатов мирного времени. О механизированных и особенно танковых (они находились во втором и даже третьем эшелонах – перед и за Днестром) и говорить не приходится – некоторые из них состояли только из штабов. Из тысячи танков, числящихся на их вооружении, только шестьдесят были современными (десять «КВ–1» и пятьдесят тридцатичетверок). Из семисот единиц боевой авиации округа меньше сотни были современными. И только артиллерийское вооружение войск округа было достаточно современным, в том числе и системы, поставленные на прикрытие границы. Очень слабой была система ПВО войск. Грозной силой были тридцать шесть гаубиц отдельного артполка Четырнадцатого стрелкового корпуса; дивизионная артиллерия этого корпуса, береговая артиллерия Советской Дунайской флотилии состояла их четырех мощных, дальнобойных ста тридцатимиллиметровых орудий морской артиллерии семьсот семнадцатой батареи в Жебриянах. Семьсот двадцать четвертая и семьсот двадцать пятая батареи огнем своих ста пятидесяти двух миллиметровых орудий способны были достать Тульчу и Галац, а не только прикрывать Измаил и Рени. Семьсот двадцать шестая батарея прикрывала Килию, несколько батарей легких пушек дополняли противодесантную оборону по Дунаю на самых угрожаемых участках. Артиллеристы вели тщательную разведку целей и точно рассчитывали огни, правда, не имея возможности их предварительно пристрелять. Грозной силой была корабельная артиллерия мониторов и бронекатеров, умелы и храбры были комендоры...

Войска округа численно значительно уступали противостоящим силам противника, а румынская разведка значительно преувеличивала состав противостоящих румынам советских сил. Так, по данным румынской разведки в составе Четырнадцатого корпуса, кроме реальных двух дивизий числилась еще одна – Девятая кавалерийская. На самом деле она дислоцировалась в районе Бельц.

Обе стороны готовились к войне. На той стороне Дуная накапливались силы, плавсредства.

На этой... Двадцатого июня завершилась очередная дотошная проверка погранслужбы на советском Дунае. Высокое пограничное начальство из самой Москвы, в сопровождении менее высокого из Юго-Западного погранокруга, побывало во всех четырех комендатурах и на самых дальних заставах Семьдесят девятого погранотряда – от Рени до Жебриян. Не посчитало излишним пошарить по хлябям, полузатопленым в то дождливое лето островам советской части дельты и даже пыталось незаметно подобраться к отдельным «секретам»... Но эти попытки застать пограничников врасплох своевременно обнаруживались и решительно пресекались. На катерах третьего дивизиона проверяющие походили по широкому Дунаю и по многим его самым таинственным рукавам и протокам, провели тактическое учение, которое закончилось в ночь на двадцать первое июня. Действиями штабов, командиров и рядовых отряда и дивизиона остались довольны – она получила высокую оценку высокой проверки. (Выбираться из Придунавья проверяющим адмиралам и генералам довелось уже после начала войны).

Службу Советской Дунайской флотилии накануне войны проверяла комиссия Главного морского штаба из Ленинграда и Советского Черноморского флота из Севастополя. Итоги проверки тоже неплохие в целом. Но были и замечания с рекомендацией: сосредоточить в один кулак тяжелые корабли-мониторы, а частью бронекатеров усилить ренийскую, килийскую и вилковскую группы катеров морпогранохраны (это указание командование флотилии выполнило уже после начала войны).

Войска Одесского военного округа, погранвойска на Дунае, как и все вооруженные силы страны готовились встретить и вести войну так, как предписывала военная доктрина того времени – доктрина, о которой официально говорилось на военных совещаниях самого высокого уровня, о которой писалось в документах строжайшей секретности.

С другой стороны, для бойцов, младших и средних командиров вооруженных сил, для допризывной, да и всей молодежи, по

сути – для всего советского народа и его зарубежных друзей, доктрина эта выражалась словами песни «Если завтра война» из кинофильма того же названия, поставленного по сценарию Н. Шпанова. Мелодия бравурного марша сделала песню очень популярной, и люди верили, что случись война, нападя на страну враг:

«На вражьей земле, мы врага разобьем
Малой кровью, могучим ударом».

Опыт Второй Мировой войны, гигантские материальные и людские потери многих государств Европы молниеносно разгромленных и захваченных фашистской Германией, к сожалению, не заставили советское политическое и высшее военное руководство, тем более пропагандистов всех рангов и жанров пересмотреть военную доктрину страны, содержание и методы боевой подготовки, воспитания личного состава армии, авиации и флота и всех тех, кто встанет на защиту Родины в грозный час.

Боевая и политическая подготовка советских вооруженных сил продолжала исходить из принципов этой оторванной от грозной действительности и потому ставшей очень вредной доктрины.

Ни кремлевские политики, ни прошедшие сквозь бои и войны генералы и маршалы из наркомата обороны и генштаба Красной Армии, ни тем более юные новобранцы и почти такие же юные лейтенанты и даже капитаны не представляли себе, какая война их ждет, с каким противником доведется воевать. В общем, верили, что будет так, как в популярных фильмах и песнях (таких было не мало).

Если обратиться не к словам популярной песни, а к инструкциям военного ведомства, то военная доктрина страны исходила из того, что главный противник – фашистский блок (доктрина не учитывала, что блок этот стремительно разрастался и его силы росли). Важнейшим изъяном доктрины было то, что она не принимала во внимание возможности внезапного нападения противника и возросшего значения фактора внезапности. Предполагалось, что советская сторона успеет отмобилизоваться до нападения, что напавший противник будет разбит силами прикрытия границы, ну в крайнем случае – силами первого эшелона боевого построения советских войск, после чего боевые действия будут перенесены на территорию противника, где и будет завершен разгром его военной машины. Тут, на юго-восточном направлении, особое значение придавалось занятию районов нефтедобычи и объектов нефтепереработки Румынии.

В целом, советская военная доктрина была ярко выраженной наступательной, но нанесения превентивного удара она не предусматривала.

В том, что великая держава имела военную доктрину наступательного характера, ничего удивительного нет. Даже превозносящая позиционную войну военная доктрина Франции тоже в конечном итоге была наступательной, не говоря о германской, которая даже после Сталинграда и Курска оставалась таковой.

Слабость тогдашней советской военной доктрины состояла и в том, что она действиям на начальном этапе войны не уделяла должного внимания, как и обороне, в целом, в особенности на начальном этапе войны. Не предусматривалась даже возможность отступления, тем более – стратегического, хотя уставы того времени не отрицали обороны для подготовки наступления.

Были и сильные стороны у советской военной доктрины. Она учитывала, что в предстоящей войне Советский Союз вынужден будет воевать на два и даже на три фронта. (Уже это одно в принципе исключало возможность нанесения Советским Союзом на каком-нибудь направлении упреждающего удара). В соответствии с принятыми в октябре сорокового года «Соображениями об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на 1940–1941 годы», для отражения противника предполагалось использовать: на западе – 237 дивизий и две стрелковые бригады...

Для обороны западной границы СССР предполагалось иметь 170 дивизий и две бригады. Планировалось, что такое количество войск, техники и вооружений на этом направлении страна сможет иметь к середине 1942 года. А когда 22 июня сорок первого года Германия и ее союзники напали на СССР, на прикрытии его западной границы протяженностью в 4467 километров находилось всего 56 дивизий и две бригады советских войск. При этом, далеко не все части и дивизии было укомплектованы по штатам военного времени и уж совсем немногие из частей и дивизий прикрытия к этому моменту оказались развернутыми для ведения боевых действий.

Учитывая нарастающую опасность нападения фашистского блока на СССР, особенно после того, как Гитлер утвердил пресловутую «Директиву номер 21» («План Барбаросса»), Генштаб Вооруженных сил СССР разработал и ввел в действие (разослал в войска) «План обороны государственных границ СССР на период стратегического развертывания Вооруженных Сил». Даже в условиях явно нарастающего цейтнота, Генштаб все еще исходил

из того, что перед боевыми действиями еще будет время для стратегического развертывания. В соответствии с требованиями Генштаба, штабы приграничных округов разработали свои планы прикрытия их участков границы и представили своевременно до двадцатого июня Генштабу к рассмотрению и утверждению. Но времени на это, тем более – на комплексную отработку действий по прикрытию границы уже не было. (См. А.М. Майоров: «На пороге войны». В – ИЖ № 5 1989 г. Стр. 37).

Даже приказ Наркома обороны, требовавший рассредоточения авиации приграничных округов, полученный 19 июня, запоздал. Он требовал доклада об исполнении седьмого июля...

Агрессия Германии против Югославии в начале апреля сорок первого года заставила советскую дипломатию в очередной (и последний перед войной) раз попытаться нормализовать отношения с Румынией – подписать соглашение о делимитации границы по Дунаю и удержать своего соседа на юго-западе от участия в расширении конфликта на Балканах. Кстати, казалось бы, для этого подвернулся и подходящий предлог – удовлетворительное разрешение т. н. «инцидента Меджидия» – арестованные по приказу местных властей советские дипломаты были освобождены по личному указанию Антонеску, что советская сторона поставила ему в заслугу, приписав (из дипломатических соображений) дружественным чувствам генерала к Москве. Антонеску же, который в ходе этого инцидента, даже приказал строго наказать главу администрации (префекта) и начальника полиции Меджидии, после этого стал еще энергичней торопить Гитлера с нападением на СССР, внушая своему союзнику, что только запасы нефти на Северном Кавказе и в Баку захвачены немцами, полностью и надолго обеспечат потребности Рейха в этом стратегическом сырье. Антонеску также снабжал Гитлера «информацией» о том, что в Бессарабии происходят массовые волнения крестьянства против советской власти и колхозов, и это облегчит поход на восток... (См. М. Сучьу. «Сталин и Гитлер – друзья-враги». Журн. «Досье истории» № 5, 1997 г. Стр. 115–117, 20).

С начала июня действия всех видов вражеской разведки резко интенсифицируются, это отмечает советская погранслужба и служба наблюдения за воздухом. Бюллетени же румынской военной разведки отмечают:

«Охрана советской границы усилена. Усилено патрулирование границы, в том числе с участием офицеров».

«На Нижнем Пруту и по Дунаю наблюдается увеличение численности войск, они – в состоянии повышенной боевой готовности». В то же время румынская военная разведка отмечает:

«В последние двадцать дней действия советской авиации в приграничной зоне идут на спад».

В тот же промежуток времени румынская разведка докладывает генштабу и то, чего на самом деле не было – появление советского моторизованного батальона в Рени. (См. «Информационный бюллетень Военной секретной службы Румынии за первое – четырнадцатое июня сорок первого года». «Досье истории» № 5 1997 г. Стр. 50. На рум. яз.).

В связи с тем, что угроза нападения становилась все реальней, Одесский военный округ получил указание Генштаба из Москвы выделить управление девятой армии (командующий генерал-полковник Черевиченко Я.Т., нач. штаба генерал-майор Захаров М.В.) под видом командно-штабных учений и вывести его заранее подготовленный район под Тирасполем. Двадцатого июня поднятое по тревоге управление развернулось в указанном районе и установило надежную связь с подчиненными соединениями, включая развернутый на южном фланге четырнадцатый стрелковый корпус. (См. «Одесский Краснознаменный» Кишинев, 1985 г. Стр. 74).

Нельзя сказать, что в предвидении близкого нападения врага Москва бездействовала.

Двадцать первого июня был решением политбюро ВКП(б) образован Южный фронт, командующим которого назначался генерал армии Тюленев И.В. Командный пункт Южного фронта – старый командный пункт его, оставшийся со времени подготовки похода в Бессарабию в сороковом году. Командующий прибыл туда уже после начала войны и некоторое время оставался без фронтовых средств связи... (См. «Военно-исторический журнал» № 3, 1960 г. Стр. 28).

В ночь на 22 июня начальник штаба полевого управления Одесского военного округа, генерал Захаров получил из штаба округа, находящегося еще в Одессе, сообщение, что там ждут из Москвы сообщение особой важности. Не теряя времени, генерал Захаров вызвал к телеграфным аппаратам командиров корпусов девятой армии, прикрывающих границу и передал согласованное с командующим округом распоряжение поднять эти корпуса по тревоге и привести их в боевую готовность номер один. К четырем часам утра 22 – VI – к началу войны большинство частей и соединений прикрытия границы приказ успели выполнить и встретили захватчиков как положено. На границе по реке Прут между соединениями прикрытия оставались промежутки в десятки километров, в которых оборону заняли лишь пикеты

пограничников... (См. ЦАМО России ф. 464, оп. 5689, д. 9, л. 1). На Дунае разрывы между обороной полков и дивизий были менее протяженными чем на Пруту, но тоже были, и их обороняли пикеты Семьдесят девятого погранотряда. (См. там же).

Двадцать второго июня, за два часа до нападения врага, приказом из Севастополя в готовность номер один были приведены корабли, части и подразделения Советской Дунайской флотилии. (Как известно, пока Кремль решал, какую директиву давать войскам западных приграничных военных округов, главком ВМФ Советского Союза адмирал Н.Г. Кузнецов, взяв всю ответственность на себя, распорядился привести военно-морские силы страны в готовность номер один...).

Благодаря чему враг был встречен во всеоружии и его нападение на флоты потерь им практически не нанесло.

А на Дунае... В Рени было тревожно – за нешироким Прутом наблюдалось усиленное передвижение румынских войск. Румыны почти в открытую, не маскируясь, отрабатывали приемы формирования реки.

А из ренийского порта неожиданно, не загрузившись, ушли пустыми немецкие баржи и пароходы, пришедшие за зерном...

Тем не менее, на воскресение намечались массовые гуляния в городском парке, походы на озеро Кагул...

В субботу накануне войны в Измаиле... Румынские самолеты четырежды нарушали воздушное пространство под городом и даже низко летали над южным берегом Дуная, что-то усиленно высматривая и как будто даже что-то вынюхивая.

На предстоящий выходной у измаильчан планы были самые разнообразные. Но главное – измаильские меломаны настроились попасть в областной дом культуры на концерт русского романса, который готовились дать московские артисты.

В Килии обстановка была напряженной не только потому, что тревожно было на границе, а и потому, что в городе была раскрыта органами НКВД подпольная организация прорумынских националистов «Мындрия националэ» («Национальная гордость»). Выяснилось, что с началом войны, которую члены организации ждали со дня на день, боевики этой «Мындрии» должны были развернуть диверсионно-террористическую деятельность. (См. А.Д. Бачинский: «Они защищали Дунай» в сборнике: «Главное – верность». Одесса, 1987 г.).

В субботу на городском стадионе килийская молодежь сдавала нормы «Готов к труду и обороне» и «Готов к санитарной обороне»... Сдавала и не ведала, как скоро их применить, – эти знания

и умения в бою, на войне. Успешно сдала эти нормы и шестнадцатилетняя Варя Стесенко. Через день всего она станет бойцом килийского ополчения – полевой медсестрой... В ту последнюю перед войной субботу заседало бюро килийского горкома комсомола и приняло в ряды ВЛКСМ большую группу килийской молодежи, в том числе шестнадцатилетнюю Надю Наневу. Не ведали молодые парни и девчата, что с завтрашнего дня комсомольские взносы...

Им придется платить не рублями,

А, может быть, собственной жизнью и кровью.

В килийском подполье Надя Нанева была самой молодой подпольщицей... В ту субботу в килийском парке открылась новая эстрада, танцы обещали быть многолюднее, чем всегда и как всегда веселыми, но... Получилось не совсем так – почему-то в тот вечер к огорчению килийских девчат на танцах почти не было военных – лучших кавалеров и танцоров.

В школе номер один в ту самую короткую ночь в году гремел, весело пел и танцевал первый советский выпускной бал...

В воскресенье должно было собраться совещание в горсовете и обсудить актуальнейшую проблему – об организации массовой уборки урожая.

А в Вилково страдная пора наступила еще в начале марта – ход и лов знаменитой дунайской селедки, на подходе была клубника – работы невпроворот, но... Под вечер в ту субботу рыбаков срочно вызвали на собрания... настоятельно посоветовали назавтра на лов не выходить. Дело в том, что, как сообщил в штаб погранотряда начальник четвертой (вилковской) погранкомендатуры капитан Башмаков С.А., рыбак, приплывший из Периправы, что за Дунаем чуть выше Вилкова, предупредил:

– Из их села гражданское население выселено вглубь плавней, село наводнено румынской морской пехотой, сконцентрированы плавсредства – румыны готовятся высадить в Вилково десант...

Рыбак был доставлен в Измаил, в штабе погранотряда он еще раз повторил то, что уже рассказывал в вилковской погранкомендатуре.

Сопоставили с донесением из ренийской комендатуры, откуда сообщали, что румыны за Дунаем, как и в Периправе, готовятся к десанту...

Предупреждение о возможном нападении в самую короткую ночь ушло в пограничные заставы и гарнизоны.

Предупреждение из штаба Семьдесят девятого погранотряда дошло и до командира Двадцать третьего стрелкового полка,

капитана Сироты П.Н. Боевой опыт и интуиция подсказали порядок и «нюансы» действий в обстановке нарастающей тревоги...

Под вечер двадцать первого июня Двадцать третий стрелковый полк покинул свои зимние квартиры (там, где сейчас учебные корпуса Двенадцатого профтехучилища на улице Ленина), осталась только смена охраны.

Под марш полкового оркестра, под соблазнительные улыбки килиянок, вызывая восторг сбежавшихся на такое зрелище пацанов, полк через весь город промаршировал в свой летний палаточный городок на северо-восточной окраине Килии.

Там он допоздна демонстрировал наблюдателям с колокольни старокилийской церкви – с того берега Дуная, что собирается беззаботно по воскресному распорядку провести выходной день в летнем палаточном лагере на свежем воздухе... А когда июньская ночь скрыла землю от назойливых глаз вражеских наблюдателей, полк во всеоружии, бесшумно занял свои заранее хорошо подготовленные боевые позиции, – как вскоре выяснилось, – уже не для учебного, а для настоящего боя, ибо рассвет той самой короткой в году ночи на протяжении всей более чем четырех – тысячекилометровой границе взорвался войной:

Принес нам общую беду на всех –

На все четыре года...

В наши дни принцип превентивного удара превентивной войны в сопровождении массированной лжи о намерениях жертвы этой войны возведен в ранг государственной внешней политики современных Соединенных Штатов Америки (тому подтверждение Ирак).

Не Буш младший изобрел такой принцип, как предлог для агрессии.

Ложь о том, что Советский Союз упреждающий удар по Германии использовали Гитлер и его подручные, при том неоднократно.

Сначала оправдывая нападение на Советский Союз, в приказе фашистским войскам двадцать второго июня сорок первого года, затем в «Обращении к нации» по радио: «Ради спасения нации я вынужден отдать доблестному Вермахту приказ нанести сокрушительный удар по подлым большевистским агрессорам». (Сб. док. «Нюрнбергский процесс», т. 5. Стр. 426).

А через полтора часа, после того как было совершено нападение, когда война уже грохотала на фронте от Баренцева до Чер-

ного моря, ведомство Риббентропа предъявило Советскому Правительству ноту, квинтэссенцией которой были слова: «Большевистская Москва готова нанести удар в спину Германии, которая ведет борьбу за существование. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми средствами отвести эту угрозу». (Там же. Стр. 574).

Впоследствии геббельсовская пропаганда многократно, на разные лады повторяла эту ложь. В ходе войны, чем ближе были советские войска к Берлину, тем чаще гитлеровцы прибегали к подобным утверждениям... Как за спасательный круг, за версию о вынужденной – превентивной войне ухватились защитники главных военных преступников и сами они – на Нюрнбергском процессе.

Так продолжалось до тех пор, пока перед Международным трибуналом не стал давать показания свидетель обвинения (с советской стороны), фельдмаршал Фридрих Паулюс. Свидетельства Паулюса развеяли надежду подсудимых на спасение, ибо с сентября сорокового года Паулюс (тогда еще генерал-лейтенант) руководил разработкой плана, ставшего известным как «Барбаросса». Кто-кто, а Паулюс отлично знал, и его показания неопровержимо доказывали, что т. н. «превентивная война» против Советского Союза заблаговременно, тщательно готовилась, что план «Барбаросса», его варианты, детали тщательно отрабатывались под руководством главного автора – самого Паулюса и высших военных фашистского Рейха (начальник оперативного штаба Гитлера, генерал Иодль и нач. генштаба вооруженных сил Рейха, фельдмаршал Кейтель сидели перед Нюрнбергским трибуналом на скамье подсудимых).

Восемнадцатого декабря сорокового года, заслушав последний доклад о последнем варианте плана со всеми внесенными в него поправками, Гитлер утвердил его.

Что было потом, от начала Великой Отечественной войны до исполнения приговора Нюрнбергского военного трибунала, хорошо известно. Но... В разгар «холодной войны», те кто ее раздували, вновь пустили в ход утверждения будто с мая сорок первого года Советский Союз стал сосредотачивать на своих западных границах гигантскую группировку войск для нападения на Германию и что все это предусматривалось планом под кодовым названием «Буря». Самыми известными и многословными авторами утверждений подобного рода являются В. Суворов (Резун, см. его сочинения на эту тему «Ледокол», «Аквариум», «Тень Победы», «Беру свои слова обратно», И. Бунич: «Операция «Буря»).

Авторы этих извращений? Резун – «Суворов» Виктор. Родина – Черкасщина. В семье, школе, военном училище – на радость родителям был почти отличником. Военную службу начинал в прикарпатском военном округе. Официальные характеристики отмечают энергию, инициативность, решительность молодого офицера, у сослуживцев он... «Наш ротный эрудит и полиглот». Всем этим он нравился и высокому начальству, в том числе инспектирующему... Отобран кандидатом для поступления в военно-дипломатическую академию генштаба СССР. Сито отбора было густым, но талантливый лицемер проскочил сквозь него. После академии – служба в ГРУ генштаба, затем – заграница – в Австрии и еще где-то. Там его и завербовала английская «Интеллидженс сервис» (разведслужба). Что ж, были предатели и куда более крупного калибра. В конце концов «Суворов» специализировался в области психологической войны против своей родины. Его «литературно-историческое» творчество – одно из орудий этой войны. Оно очень доходно и куда менее опасно чем разведка... А отец предателя и умирая твердил:

– Нет прощения сыну – сколько бед принес он семье!

Можно без преувеличения сказать – далеко не только семье...

Игорь Бунич – из семьи высокопоставленных номенклатурщиков. Его отец – главный эксперт и советник по проблемам развития сельского хозяйства «при дворе» главного кукурузника страны Н.С. Хрущева. Одно из образований Бунич-сын получил в США. Там много институтов стратегических исследований. В одном из них и подвизается Игорь Бунич. Сфера его «научных» интересов – все, чем можно очернить наше прошлое...

На страницах «Военно-исторического журнала» № 12 за 1991 год, стр. 11–12 приводятся фрагменты документа озаглавленного: «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» (со ссылкой на ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 239). Сообщается, что документ, авторство которого приписывается Г.К. Жукову, написан от руки заместителем начальника оперативного управления Генштаба генералом Василевским по указанию начальника генштаба, генерала армии Г.К. Жукова.

Выполнен в единственном экземпляре и датирован пятнадцатым мая сорок первого года. В тексте есть вставки и правка, сделанные начальником оперативного управления Генштаба, генералом Н.Ф. Ватутиным.

В несколько большем объеме текст «Соображений» приводится В.Н. Киселевым на страницах 17–19 «Военно-исторического

журнала» № 2, 1992 года. При этом, в первом случае указывается, что документ подписан наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальником Генштаба Г.К. Жуковым, во втором случае утверждается, что подписей на документе нет. Очень маловероятно, чтоб документ такого рода подавался Сталину в таком неотработанном, черновом виде. Тем более – на окончательное решение, учитывая, что в подобных вопросах последнее слово всегда было за Сталиным. Скорее всего, это черновик, который Высшие чины Наркомата обороны даже не решились показать Сталину, почему документ, точнее, черновик документа и оказался доступным даже полковникам...

Но что же в этом черновике, вызвавшем сенсации и спекуляции? (О нем Жуков, если он даже вносил такие приложения в своих мемуарах и статьях, молчит). Если верить тексту черновика, Жуков писал: «Считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действия германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт взаимодействия родов войск». Это установочный принцип... А далее – план действий:

«Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развернутых южнее Демблин, и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижов, Мотовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских...

Западный фронт (ЗапОВО) – четыре армии, в составе – 31 стрелковой, 8 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийских дивизий, а всего 445 дивизий и 21 полк авиации.

Задачи: ... с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в направлениях на Варшаву, Седлец, Радом, разбить Варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом.

Граница фронта слева – р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом.

Штаб фронта – Барановичи.

Юго-Западный фронт – восемь армий, в составе 74 стрелковых, 28 танковых, 15 моторизованных и 5 кавалерийских дивизий, а всего 122 дивизии и 91 полк авиации с ближайшими задачами:

а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин;

б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на Краковском и Сандомирско-Келецком направлениях и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии». (См. ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 239, стр. 1–16).

Внимательный анализ документа убеждает, что это расширенный вариант уже знакомого нам плана штабных игр начала сорок первого года, игр, в которых, однако, еще не вполне отрешившийся от роли командующего Юго-Западного округа – фронта Жуков, все же уже в куда более масштабной роли начальника Генштаба РККА. (Ощущаются все же отголоски составленного в штабе Жукова – командующего Южным фронтом – плана Бессарабского похода 1940 года).

Так, или иначе, это никакой не план превентивного удара по Германии, а план стратегической штабной игры, которая должна была начаться пятнадцатого июля 1941 года.

«Именно так было составлено задание на стратегические игры пятнадцатого июля» – проговаривается автор «Тени по-

беды», или те, кто за него писали это сочинение. (См. ук. сочинение, стр. 119. Донецк, 2003 г.).

Ведь хорошо известно, что к рассвету двадцать второго июня сорок первого года, в первом эшелоне германских сил для нападения были развернуты сто сорок девять дивизий немцев и их союзников. Многие из немецких имели боевой опыт завоевания стран Европы, все были полноштатными и только ждали команды к наступлению.

Вся группировка состояла их ста девяноста одной дивизии и насчитывала пять с половиной миллионов личного состава до зубов вооруженных врагов. На двадцать второе июня сорок первого года Советский Союз имел на западе в первом эшелоне пятьдесят шесть дивизий, а в трех эшелонах с резервом – 170 дивизий, немногие из них были полноштатными.

Общая численность советских войск на западном направлении по состоянию на начало войны составляла с учетом личного состава флотов и флотилий на этом направлении два миллиона девятьсот тысяч человек. По соотношению численности войск в ударных группировках Вермахта и приграничных округов Красной Армии к началу войны силы Германии и ее союзников более чем в два с половиной раза превосходили советские. (См. Генерал-полковник Кривошеев: «Накануне», «Военно-исторический журнал» № 6, 1991 год, стр. 41–42). Эти данные не расходятся и со статистикой академических изданий.

В этих условиях не то, что о превентивном ударе по гитлеровским войскам не могло быть и речи, – Сталин и Генштаб строжайше запрещали боевое развертывание приграничных округов, хотя там с каждым днем все явственнее ощущалось приближение войны...

Десятого июня сорок первого года, начальник Генштаба Жуков направил командующему Киевским Особым военным округом, генералу Кирпоносу телеграмму: «Начальник погранвойск НКВД СССР, генерал Хоменко, донес, что начальники укрепрайонов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепрайонов Киевского Особого военного округа получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение, и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самоличное распоряжение». (См. ЦАМО РФ, ф. 251, оп. 1554, д. 4).

Ситуации, подобные описанной, имели место практически во всех приграничных военных округах.

С весны сорок первого года, на совещаниях с высшим командованием Гитлер внушает генералам мысль, что Советский Союз готовится напасть на Германию. Но на Нюрнбергском военном трибунале фельдмаршал Рундштедт показывал: «Сам я и другие участники инструктажа у Гитлера были удивлены, услыхав от последнего, что «русские вооружились весьма сильно и сейчас развертывают войска, чтобы напасть на нас»».

Сходные показания давал и фельдмаршал фон Браухич. (См. «Нюрнбергский процесс...» Сб. док. т. 5, стр. 426).

Начальник генштаба Вермахта, генерал Гальдер в своем дневнике 22 марта сорок первого года записал: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских». (См. указанный дневник, т. 3. Воениздат, М. 1960 г.).

Итак: документ под названием: «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза» от пятнадцатого мая сорок первого года – реальность. Но это никакой не план превентивного удара Советского Союза по Германии. Это – очень «сырой» черновик без подписей и утверждающих виз, практически без карт, схем, расчетов. Документ такой неотработанный, схематичный, что напоминает пресловутые «творения» кадета Биглера, которые осмеянный офицерами несостоявшийся стратег со слезами отправил в клозетную дыру эшелона... (См. Я. Гашек: «Похождения бравого солдата Швейка»).

А если это все-таки черновик, то черновик чего?

Больше всего это мог быть черновик плана крупномасштабных игр, которые с учетом опыта состоявшихся в январе сорок первого намеревался уже в качестве начальника Генштаба РККА провести Жуков. В обстановке все более обостряющегося цейтнота от плана игр пришлось отказаться и делать то, что еще можно было сделать в предвидении скорого нападения фашистской Германии и ее союзников.

Убедительным доказательством отсутствия чего-то подобного плану «Буря» в 1941 году является и молчание британского премьера Уинстона Черчилля на этот счет. Уж он не преминул бы обыграть такой факт, имей место хоть намек на него. А маститый автор «Истории Второй Мировой войны», в самом начале «холодной войны», одним из главных поджигателей которой сам он был, не раз сетует... «На эгоизм и недальновидность Сталина, не принимающего должных мер к отпору стремительно назревающей гитлеровской агрессии и на скрупулезное соблюдение графика поставок стратегического сырья Германии». (Попробуй

быть предусмотрительным, если с одной стороны английские мюнхенцы натравливают Рейх на СССР, а с другой – Гитлер посылает своего заместителя Гесса в Англию с предложением о заключении сепаратного мира...).

И еще... В своей «Истории Второй Мировой войны» Черчилль приводит эпизод встречи со Сталиным в августе сорок второго года в Кремле. На вопрос: «Почему Сталин не отреагировал на его, Черчилля, предупреждение в апреле сорок первого года о концентрации германских войск для нападения на СССР?», Сталин ответил: «Я не нуждался в предупреждении, знал, что война приближается, но был убежден, что сумею выиграть еще месяцев шесть мира...»

Ох, как нужны были эти не выигранные шесть месяцев мира для подготовки действенного отпора агрессии самой боеспособной армии мира того времени – гитлеровской армии!

Тогда в самом преддверии войны высшее политическое руководство страны (читай Сталин) делало все, чтоб, задабривая Гитлера, оттянуть нападение Германии на СССР.

В апреле 1941 года военному атташе Рейха в Москве была устроена поездка с посещением уральских и сибирских танковых, пушечных, авиационных заводов с тем, чтоб он воочию убедился, какое новейшее оружие начало поступать в войска Красной Армии... Выслушав доклад о вояже атташе, Гитлер приказал форсировать подготовку по плану «Барбаросса»...

Третьего мая сорок первого года советское правительство признало иракское правительство во главе с ярым про-гитлеровцем Рашидом Али.

Седьмого мая были закрыты в Москве представительства захваченных Германией Бельгии, Норвегии и Югославии.

Двадцать первого июня в девять часов тридцать минут вечера В.М. Молотов пригласил германского посла фон Шуленбурга и в ходе беседы спросил: «Чем можно улучшить обострившиеся в последнее время советско-германские отношения?» (См. Уинстон Черчилль: «Вторая Мировая война» т. 2, стр. 440).

Последний товарный экспресс с каучуком и другими стратегическими материалами для Германии пересек КПП «Брест» за полчаса до начала войны...

(В это время головорезы бригады особого назначения «Бранденбург» в том числе батальон гауптштурм-фюрера Романа Шухевича «Нахтигаль» уже резали провода связи, убивали фельдъегерей, спешащих из советских штабов к войскам с приказами о боевом развертывании согласно Директивы из Москвы. Это на львовском направлении.

В третьей румынской армии корпусного генерала Думитреску еще только зачитывался приказ Антонеску о наступлении, а батальон особого назначения «Роланд» уже просачивался к днестровским переправам северо-восточнее Бельц...).

Ну, какая там «Буря», если только 25 июня в состав Южного фронта были включены приказом Москвы 18-я и 9-я армии и прочие войска вплоть до особого Крымского корпуса и главное, только 25 июня сорок первого года штаб фронта и даже штаб девятой армии этого фронта сумели практически приступить к управлению подчиненными им войсками.

До этого штабы полков, дивизий и корпусов действовали самостоятельно, исходя из складывающейся обстановки. Это в полной мере относится и к штабам 51 «Перекопской» и 25-й Чапаевской дивизий. (Ни в каких архивах, ни в каких воспоминаниях ветеранов этих соединений нет и намека на заранее спланированное наступление на вражескую территорию, нет и намека на конверты с подобными планами).

С трех часов тридцати минут до четырех часов двадцать второго июня, немецко-румынские войска группы армий «Антонеску», как и все остальные вражеские войска на фронте от Баренцева до Черного моря, развернули боевые действия против Советского Союза.

В три часа пятнадцать минут двадцать второго июня на самом правом фланге Семьдесят девятого погранотряда, пограничники его первой заставы очутились под ливнем огня и стали – застава была ключевой в Южной Бессарабии, только тут по узкой одиннадцатикилометровой полосе от Джурджулешт, переправившись через Прут, можно было далее посуху добраться до Галац...

Правее и левее этой полосы простирались трясины припрутского понизовья.

На участке первой заставы, рядом с селом Джурджулешть были единственные на Нижнем Пруту железнодорожный и шоссейный мосты – рядом с многоводным широким Дунаем... Вот почему враг именно тут старался стереть заставу с лица земли, лез напролом, не считаясь с потерями – сто двадцать первый полк Вермахта, роты Первой королевской румынской погранди-визии и даже высаженный в тыл первой заставе авиадесант при мощной артподдержке должны были во что бы то ни стало захватить мосты целыми. По ним из-за Прута на земли Южной Украины должны были ринуться полки королевской пехоты, моторизованные батальоны, танковые роты... Так было предусмотрено планами, которые утвердил лично Антонеску. (См. И. Алексан-

дреску: «Освобождение Бессарабии и Сев. Буковины» Бухарест. 1999 г.).

Но гладко было на бумаге – планы врага разбивались о мужество пограничников, хотя на каждый их пикет в пять – шесть бойцов приходилось до роты врагов. До полудня двадцать второго июня, под командованием лейтенанта С.А. Фесенко, сражаясь в полном окружении, первая застава отбила пять бешеных атак противника – румынской и немецкой пехоты.

Во второй половине дня атаки врага продолжались, заставу непрерывно обстреливала вражеская артиллерия, бомбила авиация.

Многие пограничники пали в бою, почти все оставшиеся в живых были ранены, но застава выстояла, враг не прошел.

К вечеру на помощь пограничникам подоспели роты войск прикрытия Пятьдесят первой «Перекопской» и Двадцать пятой Чапаевской дивизий и враг, понеся большие потери, был отброшен за Прут.

Лейтенант Фесенко первым из пограничников Семьдесят девятого погранотряда на Дунае был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

В то же утро враг попытался высадить морские десанты на Чатале Измаильском, ниже Орловки напротив Исакчи и еще несколько воздушных десантов, но все эти попытки были ликвидированы пограничниками и линейными войсками прикрытия. Такая же участь постигла вражеский десант на острове Кислицкий, напротив Пардины (рум.).

В субботу 21 июня допоздна не мог угомониться Измаил: киноартисты и статисты на съемках фильма «Голубой Дунай», делая бесчисленные «дубли», не догадывались, что с рассветом следующего дня Дунай станет огненным, посетители пляжей готовы были пляжиться и при луне, вот только на танцплощадках, как и в других придунайских городках, в тот вечер почему-то было мало военных...

Наступающий выходной день обещал быть еще более беспокойным, праздничным. Он и оказался очень беспокойным, но не праздничным – военным.

В четыре часа утра на Измаил посыпались вражеские снаряды: тяжелые – из Тульчи, полевой артиллерии – с мыса Сату Ноу. Ошалело били с вражеского берега и пулеметы.

Советский берег в ответ также опоясался огнем. На пляж у старой крепости, на берег выше города и ниже – напротив Пардины враг попытался высадить десанты, и даже, в измаильском

порту... Заставы Измаильской комендатуры вступили в огневой бой, им на помощь шли подразделения Пятьдесят первой «Перекопской» и Двадцать пятой Чапаевской дивизий – вражеские десанты были сброшены в Дунай. Измаильцы стали свидетелями и ожесточенных воздушных боев – в первый же день войны в небе над Измаилом были сбиты пять самолетов противника. Два «хейнкеля», пытавшихся бомбить порт сбил старший лейтенант М.С. Максимов из Девяносто шестой эскадрилии, один «Мессершмитт» сбил молодой летчик этой эскадрилии Л.П. Борисов, открыв свой боевой счет. В групповом бою летчики Третьей эскадрильи сбили еще одного фашистского стервятника. Открыли свой боевой счет и зенитчики Четыреста шестьдесят третьей батареи, сбившие вражеский «Юнкерс».

На военный режим работы немедленно перешел Измаильский обком Партии, он приступил к формированию народного ополчения и еще – к формированию Особого разведывательно-диверсионного отряда, получившего очень романтичное название на долгие годы, ставшего грозной силой – «Дунай».

Добровольцы заполнили обл-, рай- и горвоенкоматы, многие недавно демобилизованные возвращались на свои погранзаставы и корабли...

Не менее важным чем джурджулештское направление с его мостами было межозерье Ялпуг – Катлабуг, в котором, в общем, по осевой ломаной линии Измаил – Ташбунар (Каменка) – Аккерман, согласно планов румынского командования, должна была стремительно наступать ударная группировка Правого крыла Четвертой румынской армии: Десятая пехотная дивизия, Двадцать третья смешанная конно-механизированная и Седьмая кавалерийская бригады противника с плацдармов на участке: створ Исакчи – створ Пардины, захваченных силами бригады морской пехоты румын. Не вышло! Пять раз советские пограничники и чапаевцы сбрасывали в Дунай румынские десанты из Исакчи, то же самое произошло и с десантами, которые противник попытался высадить в самом Измаиле и ниже – напротив Пардины.

В первый день войны огнем ренийского отряда мониторов капитан-лейтенанта Кринова и 724 гаубичной батареи береговой артиллерии был уничтожен стратегический шоссейный мост у Джурджулешт, измаильская группа мониторов своим главным калибром, и тяжелые береговые батареи вели успешную артиллерийскую дуэль с тяжелой артиллерией и мониторами румын в Тулче. Но... Опыт добывается в бою – командование Советской

Дунайской военной флотилии без приказа из штаба Черноморского флота не предприняло решительных мер по ликвидации семи румынских мониторов, хотя в помощь дунайцам для выполнения этой задачи выделялись эскадрилии морской бомбардировочной авиации.

Советская авиация с аэродромов Севастополя, Одессы, Измаила успешно бомбила Яссы, Галац, Тулчу, Сулину, Констанцу, Брэилу и Бухарест, а также Плсешть и нефтяные поля вокруг...

Запоздало командование флотилии и с постановкой минных полей на выходах из румынских баз, в которых находились, хоть и устаревшие, но мощные мониторы противника.

Ну а на участках третьей и четвертой комендатур Семьдесят девятого погранотряда – на Нижний Дунай, – что принес:

«Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой? Как и всей огромной стране,
Принес нам общую беду
На всех – на все четыре года...»

Килия. В начале пятого утра на мирный город, на его порт, многолюдный «Новый базар», на «Старый базар», на казармы гарнизона и дома килийцев на больницу из Килии Старой обрушился арт-огонь, почти одновременно налетели вражеские самолеты. Тихоходные гидросамолеты сбрасывали бомбы с большой высоты куда попало, и уходили за Дунай, «юнкерсы»-«лапотники» пикировали точно на цель – от них досталось порту и пустому палаточному летнему лагерю Двадцать третьего полка, стремительные «Мессершмиты» охотились даже за одиночными прохожими... Жертвами бомбежек и артобстрела были почти исключительно мирные жители.

С этого началось выполнение плана командования Четвертой румынской армии, согласно которого ее приморский фланг (второй армейский корпус) на участке между Килией Новой и Вилковым должно было высадить серию десантов для захвата этих городов, или хотя бы обширных плацдармов в их прибрежной части. С этих плацдармов доставлены туда основные силы Первой морской и 10-й пехотной дивизий со средствами усиления должны были с ходу развернуть наступление в Северо-Восточном направлении – на Днестр. Сама конфигурация морского берега заворачивала бы правый фланг румынской группировки так, что она упреждала бы отступление южно-бессарабской группы советских войск и должна была замкнуть кольцо окружения вокруг них... Понятно, что должны были оказаться в ловушке

корабли Советской военной Дунайской флотилии, а также суда Советского Дунайского пароходства с грузами...

Но и тут у противника – «гладко было на бумаге»...

Около семи часов утра, пользуясь легкой туманной дымкой на реке, противник крупными силами (как оказалось, это была морская пехота батальона первой морской бригады) на двух самоходных немецких баржах, нескольких баркасах и многочисленных лодках, имея очень приблизительное представление о системе обороны на советском берегу, попытался форсировать Дунай в полосе от строящегося элеватора, до нынешней улицы Новой (то есть, как раз там, где протянулась мощная полоса первой линии советской обороны). Огнем врытых в дамбу сорокапяток, легких минометов из-за дамбы, залповым в упор, как на учениях, огнем стрелков Двадцать третьего полка, кинжальными очередями и снайперским огнем пограничников первый залп вражеского десанта был отбит. Многие лодки разлетелись в щепы, Дунай быстро уносил вниз несколько тонущих баркасов. Одна самоходная баржа с орущими от страха и ранеными румынами успела повернуть и уйти в протоку Дуная за островом Татару – западнее церкви в Старой Килии, другая до своего берега не дотянула, немало вражеских трупов поглотили мутные воды Дуная. Советские потери в то утро составили: несколько раненых – пограничники килийской заставы в ее расположении. Но в намерении высадить десант враг был упорнее – после новой интенсивной, но беспорядочной артподготовки до десяти часов утра он не прекращал попыток зацепиться за советский берег. Все эти попытки были отбиты с большими потерями у врага. Убитые и раненые были и среди обороняющихся, но враг не прошел.

В то утро «Морской охотник» № 0-125 лейтенанта Тимошенко В.В., имея на борту инспектора Главного управления морпогранвойск, адмирала Воробьева из самой Москвы, попытался, но не смог прорваться сквозь завесу огня из Старой Килии и уйти в Одессу. Корабль вернулся в Килию Новую, а адмирал уехал по сухопутью, «Морской охотник» существенно усилил своими сорокапятками огневую мощь Третьего дивизиона катеров морпогранохраны капитан-лейтенанта К.И. Кубышкина.

В последующем этот «Морской охотник» с отважным экипажем вместе с прикрывавшей Килию плавбатареей, наносил меткие огневые удары по Старой Килии, участвовал в знаменитой десантной операции «Килия веке».

И после первых неудачных попыток форсирования Дуная, румыны от этого не отказались. Они получили подкрепления, в

протоке Дуная за островом Татару накапливали плавсредства, готовясь к новому десанту...

К полудню первого дня войны шок от бомбежек и обстрелов Килии поулегся, и в городе наступила относительная тишина. И в этой тишине из репродукторов зазвучал глуховатый голос наркома иностранных дел В.М. Молотова – страна узнала, что, нарушив все договора, Германия вероломно напала на нашу страну... Стало ясно, что стрельба, артобстрел, бомбежка – это никакая не провокация, а война и Килия – фронтовой город.

Во фронтовой Килии была организована наделенная чрезвычайными правами оперативная группа в составе: первого секретаря горкома ВКП(б) Литвинова, первого секретаря райкома ВКП(б) Карташова, председателя горсовета Бутова, председателя райсовета Яценко, райвоенкома Жирносекова, начальника погранкомендатуры майора Бурмистрова, начальника райотдела энкавэдэ Вайсмана...

Гора сверхсрочных и сверхважных дел обрушилась на опергруппу: прежде всего – мобилизационные планы – в приграничном районе они и в мирное время – первоочередные. Это мобилизация людей, транспорта, материальных ресурсов – всего, что надо для обороны города, района, страны. В городском парке, рядом с только вчера открытой новой танцплощадкой и эстрадой – в старом крепостном рву заросшей травой и кустарником развернулся передовой санитарный пункт. В нем уже хватало дел Маше Брынзарей, Варе Стесенко (Соловьевой – Чебановой) и другим добровольцам, только вчера сдававшим нормативы «Готов к санитарной обороне» на городском стадионе. Персонал райбольницы получил противогазы, санитарки срочно заклеивали стекла бумажными лентами наперекрест, а главврач Н.Я. Рабинович стал и начальником оборудованного на северной окраине Килии в здании седьмой школы полевого госпиталя. Туда уже поступили первые раненые, и Наум Яковлевич уже произвел первые за войну операции. (За всю войну в разных госпиталях майор медицинской службы Н.Я. Рабинович произведет их неисчислимое множество, в том числе и вернувшись в Килию). Организовать сложнейшее дело эвакуации фронтового города был назначен зампред горсовета Д.И. Соловьев, возглавивший соответствующую комиссию. Горотдел милиции во главе с начальником Д.М. Швецом приступил к охране города, его учреждений, предприятий, граждан – по законам военного времени. Невероятно долгим, напряженным, непривычным еще, полным неведомого был первый день войны. Только поздно

ночью город забылся коротким тревожным сном, а тишину вражеского берега чутко прослушивали пограничники, пехотинцы, моряки, затаившиеся на берегу Дуная, в чащобах его островов, на лесах недостроенного элеватора, на колокольне Николаевской, на колокольне крепостной церкви...

Четвертую вилковскую погранкомендатуру из пяти линейных и одной резервной застав возглавлял опытный пограничник, капитан Салават Алимович Башмаков. Еще с мая месяца, как и весь грачевский отряд, заставы комендатуры были переведены в состояние повышенной боеготовности: где позволяли условия, построили блиндажи, заставам на островах придали вооруженные катера, всем добавили пулеметов...

Двадцать первого июня с рассвета до ночи капитан был в разъезде – проверял боеготовность всех своих застав. С восемнадцатой – последней, которую посетил, прибыл с рыбаком – перебежчиком с румынского берега. Тот сообщил много интересного – в общем, что на рассвете двадцать второго – война. Рыбака отправил в штаб отряда к Грачеву, которого предварительно известил об этом по телефону. Майор Грачев приказал развернуть заставы к бою, огня же не открывать, пока сами румыны не нарушат границу. Едва забрезжил рассвет двадцать второго июня, когда Башмаков задержал выход рыбаков на лов... В четыре утра из штаба отряда сообщили: «Дунай от Прута до Килии – в огне. Война! Заставы от Джурджулешт до Килии, части прикрытия ведут жаркий огневой бой. А над заставами вилковской комендатуры – тишина...» В пять часов сорок минут с шестнадцатой заставы, что напротив Периправы, доложили: «На противоположном берегу шум, сквозь просветы тумана видно – идет погрузка румын на плавсредства, надо ждать десант».

В семь пятнадцать из-за Дуная, со стороны села Периправа долетел грохот залпа тяжелых орудий, через секунду над Вилково раздался вой летящих снарядов, а еще через миг в порту разорвались первые вражеские снаряды. Огонь врага с каждой минутой свирепел. Ураганный огонь обрушился на шестнадцатую заставу. Под прикрытием плотного артогня румынско-немецкие фашисты на двух самоходных баржах и нескольких баркасах рвались к советскому берегу, но не дошли до него – шестнадцатая и резервная заставы, замаскированные у берега Дуная и в гирлах ериков катера морпогранохраны встретили врага шквалом меткого огня.

Обе самоходные баржи и баркасы с десантом врага попытались спастись бегством, развернувшись на обратный курс, но

погрузились в волны Дуная, не дойдя до своего берега... Десятка два румын таки добрались до советского берега... Чтоб сдаться в плен!

Свою неудачу враг вымещал огнем по Вилково.

С восемнадцатой заставы лейтенанта Русакова и с девятнадцатой, что на барже у острова Лимба, доложили, что по ним из Сулины и близких островов румыны ведут ружейно-пулеметный и минометный огонь, обе заставы готовы к отражению возможных десантов. Моряки морпогранохраны выручили пограничников этих застав, совершив на своих катерах стремительные рейды вдоль вражеских берегов, разогнав вражеские пикеты на них и подавив своим огнем огневые точки противника.

И все же враг не успокаивался – под прикрытием артогня из Периправы и Сулины, во второй половине дня двадцать второго июня он настойчиво пытался подавить сопротивление восемнадцатой и девятнадцатой застав, но на помощь им пришли артиллеристы седьмой и шестьдесят пятой противодесантных батарей, а огонь тяжелых батарей противника в Сулине и за Периправой успешно подавила дальнобойная семьсот семнадцатая батарея стотридцатимиллиметровых орудий из Жебриян.

Уже в ночной темноте пограничники девятнадцатой заставы старшего лейтенанта Зеленина Якова Ефимовича уничтожили пробравшихся в наш тыл вражеских разведчиков. Это были последние выстрелы первого дня войны на дунайском участке фронта.

Общий итог этого дня не только на дунайском участке границы, но и на всей границе по реке Прут можно выразить словами: «Враг не прошел!», если не считать небольшого плацдарма на восточном берегу Прута у Скулян, на захват которого враг бросил две пехотные дивизии против одного советского батальона.

Небезынтересно отметить, что в первые дни войны части и соединения прикрытия границы, в том числе полки Пятьдесят первой «Перекопской», Двадцать пятой Чапаевской, Стопятидесятой стрелковых дивизий Четырнадцатого стрелкового корпуса, его артполк, как и погранотряды на границе по Пруту и Дунаю управлялись только их штабами – созданный из военачальников Московского, Харьковского и Одесского военных округов штаб Южного фронта только двадцать пятого июня и еще «с колес» смог издать свою первую директиву воюющим далеко на западе подчиненным ему войскам. Естественно, директива была оторванной от реально сложившейся на границе обстановки – она была в духе довоенной советской военной доктрины и в конечном итоге требовала от подчиненных штабу Южного

фронта войск перенесения военных действий на территорию Румынии...

Уже утром двадцать второго июня на стыке Двадцать пятой «Чапаевской» и Сто пятидесятой стрелковой дивизии Четырнадцатого армейского корпуса стала складываться критическая обстановка. Противник огромными силами переправился через Прут, в районе села Цыганка и продвинулся вглубь советской территории на два километра – к подножью господствующих высот, захват которых обеспечил бы выход вражеских войск на оперативный простор. В этих условиях штаб Четырнадцатого корпуса приказал: основным силам Двадцать третьего стрелкового полка, приданным ему Девяносто первому дивизиону истребительно-противотанковой артиллерии и танковому батальону форсированным маршем следовать в район Цыганки. Из линейных войск к вечеру двадцать второго июня в Килии осталась лишь усиленная рота первого батальона полка – третья рота старшего лейтенанта Юрковского Т.Ф. Кроме пограничников, морпогранохраны и моряков-дунайцев и на всем советском Дунае осталось очень мало сухопутных войск. В этих условиях командир Пятьдесят первой «Перекопской» дивизии, генерал Цирюльников Петр Гаврилович выдвинул поближе к границе кавалерийский эскадрон и мотострелковую роту разведбата своей дивизии под командованием майора Скрипника Федора Романовича.

Эти подразделения, известные своим боевым мастерством еще в мирное время, проявленное в борьбе с нарушителями границы, теперь должны были особо оперативно и бдительно нести свою службу вблизи границы, вблизи гирл малой дельты Килийского рукава Дуная... Ряд вилковчан, хорошо знающих острова и протоки малой дельты, приморские косы и плесы, Стенцовские плавни – людей бывалых, решительных, – добровольно пополнили знаменитый разведбат (среди добровольцев этих была и вилковская комсомолка Елизавета Кирилловна Голубова – позже – Харланина). (С первого июля разведбат Пятьдесят первой дивизии полностью погранкомендатуры капитана Башмакова). Боевой опыт батальона, полученный еще на «финской» войне очень пригодился разведбату, прикрывшему на редкость сложный и тревожный участок границы на Дунае...

Второй день войны на Дунае, как и первый, начался с сильных артналетов и бомбежек противника по Рени, Измаилу, Килии, Вилково, по пограничным заставам. Что касается первой, то ночная передышка для нее оказалась особенно короткой,

с рассветом двадцать третьего июня враг вновь и вновь пытался с боем форсировать Прут и захватить заставу. Здесь вырвавшемуся из плена политруку Фесенко Семену Арсентьевичу – раненному, контуженному, но не пожелавшему покинуть поле боя, было приказано заменить погибшего начальника заставы, старшего лейтенанта Плотникова Александра Григорьевича. Задача была поставлена простая: любой ценой не допустить форсирования врагом Прута и Дуная на участке Джурджулешть. Тяжелый бой длился почти до вечера, редели ряды защитников заставы, среди живых не осталось не раненных, а застава не просто оборонялась, – через несколько дней политрук Фесенко и его пограничники уничтожили румынский десант, высаженный, чтоб атаковать заставу с тыла; одного переодетого в советскую форму парашютиста взяли в плен, – это был немецкий офицер, очень информированный. То, что он сообщил на допросах, очень пригодилось защитникам советской границы на Дунае. В частности он сообщил, что в ближайшие дни будет произведена выброска серии десантов – разведывательно-диверсионные группы, с низколетящих над плавнями и степью тихоходных, почти бесшумных самолетов с секретного аэродрома в Добрудже у Бабадага.

Для проверки этой информации нужны были новые хорошие «языки»...

Между тем в полосе первой и второй комендатур – от устья Прута до зоны третьей килийской комендатуры обстановка до самого вечера была напряженной – то и дело возобновлялась ружейно-пулеметная перестрелка, беспокоящий артиллерийский огонь.

Только в сумерках группа опытнейших разведчиков во главе с самим начальником разведки погранотряда, майором Некрасовым Ф.И. проскользнула на румынский берег. Поиск был удачным – разведчики вернулись невредимыми, с трофеями и главное – с ценными «языками».

Пленные указали места сосредоточения противника на том берегу и сообщили, что готовятся новые десанты на советский берег.

Второй день войны на килийском участке границы был относительно спокойным – противник на том берегу еще не пришел в себя после провала трех попыток высадить десант на килийский берег накануне. Это позволило военным перестроить оборону города с учетом резко уменьшившихся сил гарнизона, а оперативной группе обороны города – организовать две роты народного ополчения...

Добровольцев оказалось много и вскоре роты выросли в батальон народного ополчения. Командиром батальона был назначен второй секретарь Килийского горкома Компартии Украины Поляков Павел Алексеевич, начальником штаба – зав. военотделом горкома Чугунов. Ротами командовали секретарь горсовета Захарченко П.П. и зав. горкоммунхозом Куница А.Г. У обоих в недавнем прошлом была служба в Красной Армии. Бойцами батальона стали более двухсот человек, – большинство коренных килийцев, на себе испытавших, что такое румынская палка и плеть... Килийцы хорошо знали таких бойцов батальона, как Ш. Дижур, Д. Соловьев, П. Денисов, Ф. Миненко, И. Дунаев, Г. Грицанов, братьев Ф. и Н. Паламарчуков, В. Ковалев, П. Прокопец, Н. Белоус... Многие из бойцов батальона затем влились в ряды Красной Армии. Немало комсомольцев влились в ряды килийского батальона народного ополчения. Среди них Варя Стесенко, Маша Брынзарей. Они последовали примеру комсомольского вожака города – секретаря горкома комсомола Н.Д. Авраменко.

Много рыбаков рыболовецкой артели «Заветы Ильича» стали бойцами батальона, их отличное знание дунайских плавней очень пригодились в ходе боевых действии на Дунае.

С получением оружия батальон взял на себя охрану порта, его оборону в случае, если противник попытается высадить десант. Под охрану были взяты учреждения, предприятия, продовольственные и иные склады. Круглосуточно патрулировались улицы города, на всех въездах установлены пикеты. Выявление вражеской агентуры, борьба с мародерством, пресечение паники, наблюдение за плавнями, окраинами города, подступами к нему – все это тоже входило в задачи, поставленные перед килийским батальоном народного ополчения, и он отлично справлялся с такими задачами...

Заслон ополченцев, выставленный на северной окраине пригорода Омарбия, двадцать четвертого июня обнаружил, что с подкравшихся на бреющем полете румынских гидросамолетов в Маяцкие плавни высажен десант. Поднятый на тревоге каввзвод Килийской погранкомендатуры карьером помчался на Омарбию. При содействии ополченцев, в том числе хорошо знавшего плавни местного рыбака Мефодия Васильевича Бондаренко, семеро диверсантов, в том числе два офицера, были взяты в плен, восьмой диверсант утонул. У диверсантов оказалась рация, бинокли и, естественно, оружие. При допросе диверсанты показали, что в их задачу входило выявление системы обороны на нашем берегу, точное установление неохраняемых участков нашей границы

для высадки румынских десантов, которые готовятся... Почти в то же время румыны сбросили десанты у Кара-Мехмета (Шевченково) и Галилешть (Десантное). Особенно многочисленным был последний. На ликвидацию этих десантов были брошены кавалеристы и бронерота разведбата Пятьдесят первой дивизии. Разведчики офицера Скрипника быстро окружили и пленили, а частично уничтожили диверсантов. В этих операциях особенно отличилась бронерота старшего лейтенанта Ивана Ивановича Гавриша. Пленные же в который раз подтвердили, что на советскую сторону готовится серия десантов.

И на второй, и на третий день войны Вилково подверглось артиллерийскому обстрелу: на берегу реки рвались легкие снаряды противодесантных пушек с румынского берега, – горели крытые камышом прибрежные строения, порой город сотрясался от мощных разрывов – то били тяжелые батареи из Сулины. В конечном итоге легкую артиллерию противника подавила противодесантная артиллерия нашего берега и батарея номер семь – четыре семидесятишести миллиметровых орудия, чьи огневые позиции находились чуть севернее Вилково. Румынские батареи в Сулине замолчали под мощными ударами дальнобойной батареи береговой обороны в Жебриянах, помогла также авиация Советского Черноморского флота.

Больше всего неприятностей защитникам Вилкова доставляли румынские тяжелые батареи, стрелявшие откуда-то из-за села Периправа – с песчаных гряд Летя. Батареи стреляли днем, ни пламени, ни даже дыма от выстрелов видно не было, а грохот залпов отдавался эхом со всех сторон плавней. Установить местоположение вражеских батарей помогли вилковские рыбаки, отлично знающие плавни. Викул Леонович Изотов и Леон Ферапонтьевич Заикин в поиске на вражеском берегу были почти двое суток, но зато доставили в вилковскую погранкомендатуру точные координаты тяжелых батарей и двух «языков». После этого точный огонь семьсот семнадцатой (жебриянской) батареи сделал свое дело.

Перед войной по указанию из Кремля, из популярной бравурной песни «Если завтра война», чтоб не дай бог не спровоцировать немецкое нападение, слова: «И фашистская сила нагрянет» заменили нейтральной фразой «Если черная сила нагрянет»...

Не помогло – враг напал. День за днем Рени, Измаил, Килия, Вилково, заставы были под интенсивным артогнем и бомбардировками противника, скован был маневр кораблей Советской Дунайской военной флотилии, нарушена работа портов, через

которые шло снабжение войск оружием, боеприпасами, горючим. В портах скопилось огромное количество подлежащих эвакуации ценных грузов, более пятидесяти судов Советского Дунайского пароходства, да и других пароходств.

Улучшить обстановку можно было лишь захватив полосу вражеского берега достаточной длины и ширины.

Значит, надо было высаживать на румынский берег десанты! И не один...

По воспоминаниям военных, в войсках прикрытия границы по Дунаю: «На учениях отрабатывались такие вопросы, как противодействие переправам войск противников, прикрытие приречных участков фронта сухопутных войск от возможных ударов вражеских кораблей, содействие флотилии сухопутным войскам в переправах через водные рубежи и другие. На совместных командно-штабных учениях флотилии и четырнадцатого стрелкового корпуса большое внимание уделялось оперативно-тактическим расчетам на совместные действия при решении различных задач...» (См. И.И. Локтионов: «Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне». Стр. 13. М. 1963 г.). В том же духе освещает вопрос маршал Н.И. Крылов в мемуарах «Не померкнет никогда», но о секретных пакетах в штабных сейфах войск прикрытия границы с планами превентивного перехода границы никто не пишет и не вспоминает – не было таких секретных пакетов.

Поздно вечером двадцать второго июня в войска Южного фронта, штаб которого еще только формировался, поступил Приказ № 3 наркома обороны: «Не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке форсировать реки Прут и Дунай, мощными ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией, уничтожить его».

Это требование запоздалого приказа в первый день войны войсками, которым он предназначался, было выполнено.

Войскам, обороняющим границу по Дунаю, этот приказ давал возможность предпринять столь необходимые десанты на вражескую сторону.

Во исполнение приказа наркома, среди прочих мер штабы Советского Черноморского флота, Дунайской флотилии, «Перекопской» и «Чапаевской» дивизий, их полков, развернутых у границы, и погранотрядов принялись срочно планировать и готовить соответствующие операции, в том числе несколько десантных.

(Если на реке Прут они были бы целесообразными при общем наступлении наземных войск, то на Дунае они были крайне

нужны приграничным городам, Советской военной Дунайской флотилии и Дунайскому пароходству).

Несколько изолированных один от другого укрепрайонов противника на Южном берегу Дуная и очаговый характер обороны противника вообще должны были способствовать успеху советских десантов.

Многое зависело и от разведки, в том числе и от разведки боем.

Серия небольших операций, которые можно квалифицировать, как разведку боем, были предприняты на вражеский берег силами пограничников двадцать третьего – двадцать пятого июня в секторе седьмой, восьмой, девятой застав под командой коменданта участка капитана Бодрунова.

Сам он водил отряд на остров Раздельный, с которого противник был сброшен в Дунай.

Двадцать четвертого июня десантный отряд под командой лейтенанта Богатырева дерзкую высадку произвел на хорошо вооруженный и укрепленный пункт противника в Пардине. Был разгромлен – понес большие потери и разбежался многочисленный гарнизон местечка, захвачены трофеи: пулеметы и даже два пятидесятимиллиметровых орудия.

Об этом бое не советские – румынские источники сообщают: «Побросав оружие, гарнизон вынужден был укрыться в камышах, при этом понес большие потери. Попытка отбить Пардину на следующий день не удалась». (См. Ион Александреску: «Освобождение Бессарабии» Бухарест. 1999 г. Стр. 221). А ведь с советской стороны действовали лишь сравнительно небольшие группы в порядке разведки боем... и отвлекающих ударов перед крупными десантными операциями. Для их успеха проводились и разведывательные операции в расположениях самих укрепрайонов противника (напоминаем – в условиях, когда сам противник готовился к десантным операциям).

Немного выше Измаила Дунай делает крутую петлю, которая обтекает Сату Ноу, превращая его почти в полуостров, как трамплин, нависающий над Измаилом.

В первый же день войны румыны попытались использовать его в этом качестве для высадки десанта на советский берег. Однако пограничники и части прикрытия границы сбросили десант в реку.

Но румыны не оставили намерений использовать выступ Сату Ноу как десантный трамплин. Они сосредоточили на выступе до полка пехоты, на его северной оконечности соорудили металли-

ческую башню, на которой оборудовали командно-наблюдательный и корректировочный пункт...

На рассвете с советских наблюдательных постов напротив Сату Ноу поступили тревожные доклады: враг грузится на плавсредства – готовится к высадке на советский берег.

И крупный десант состоялся – советский десант на Сату Ноу!

После мощной недолгой артподготовки, в которой участвовали подвижные семьсот двадцать пятая и семьсот двадцать шестая батареи (четыре стопятидесяти двух и четыре стодвадцати двух миллиметровых орудия), наземная артиллерия полка Чапаевской дивизии, главный калибр мониторов «Ударный», «Мартынов». (Можно себе представить положение изготовившихся к десанту румын под этим шквалом артогня!).

Под его прикрытием четыре бронекатера дунайцев стремительно подошли к берегу Сату Ноу и, не мешкая, высадили десант – усиленную штурмовую группу пограничников Семьдесят девятого погранотряда.

Произошел короткий, яростный встречный бой, в результате которого враг понес большие потери, – одних только пленных было взято семьдесят человек. Уцелевшие румынские вояки в панике разбежались по плавням. Захваченный пограничниками плацдарм в дальнейшем был использован для высадки батальонов Пятьдесят первой «Перекопской» и Двадцать пятой Чапаевской дивизий, которые имели успех: разгромили до полка пехоты противника, расширили плацдарм вглубь территории Румынии – до восьми километров, вглубь и почти до Исакчи, выбив противника из населенных пунктов Ласкэр-Катаржиу, Потапов, Чаталкей.

Сатуноуский десант вызвал панику в Тульче с ее военно-морской базой, в Галаце с его военно-морской базой, крупным портом и арсеналом. Так что Сату Ноу стал одним из трамплинов для уникального на начальном этапе Великой Отечественной действия советских войск на вражеской территории. «Румынам понадобилось много усилий и немало жертв, чтоб вернуть себе потерянные территории», – пишет румынский автор.

Несмотря на значительное превосходство в живой силе, в боевых единицах флота, особенно в мониторах, действия румын на начальном этапе войны нельзя назвать успешными.

И румынские архивы об этих событиях свидетельствуют сдержанно, но достаточно красноречиво: «Потерянные в конце июня территории были возвращены в июле в ходе тяжелых боев».

И выше по Дунаю, куда советские десанты не высаживались, операции румынской Дунайской флотилии, как и сухопутных войск, успеха не имели до тех пор, пока советские войска по приказу высшего командования, не ушли с Нижнего Дуная.

Двадцать четвертого июня пять румынских мониторов покинули свою базу в Галаце и направились вниз по реке, намереваясь нанести удар по Рени. На перехват румынской эскадры вышли советские мониторы «Железняков», «Жемчужин» и «Ростовцев» в сопровождении четырех бронекатеров. Их огонь, а также плотный огонь семьсот двадцать четвертой подвижной батареи заставили вражеские корабли отказаться от выполнения задуманной задачи и вернуться на свою базу.

Через два дня части румынской пограничной дивизии и сто двадцать первого полка Вермахта в очередной раз предприняли попытку на катерах форсировать Прут у Джурджулешт. Огнем мониторов «Железнякова», «Жемчужин», «Мартынов» совместно с артиллеристами семьсот двадцать четвертой батареи и девяносто девятого корпусного гаубичного полка противник был обращен в паническое бегство, его потери составили более ста человек.

А с первого по восьмое июля эти мониторы и артиллерия Четырнадцатого стрелкового корпуса отбили еще три попытки румын форсировать Дунай у села Картал (Орловка). (См. И.И. Локтионов: «Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне»).

В ночь на двадцать четвертое июня, после напоминаний из Москвы были поставлены минные поля у Тульчи и Галац, что наряду с десантами в Пардину и Сату Ноу несколько улучшило положение Измаила, но для большей стабильности главной базы Советской Дунайской флотилии, а также Килии, Вилкова надо было овладеть всем правым берегом Килийского русла Дуная посредством десанта.

ОПЕРАЦИЯ «КИЛИЯ ВЕКЕ» И ДРУГИЕ

Итак, тут на Дунае в самом начале войны советские войска – пограничники пехотинцы, артиллерия и летчики, моряки и народное ополчение, – били врага не только на нашей, но... «И на вражьей земле, малой кровью, могучим ударом». Да, в общем-то малой кровью. А удары были могучими.

После того, как поздно вечером двадцать второго июня был получен соответствующий приказ маршала Тимошенко, в штабах войск, прикрывающих границу, началась подготовка десантных операций на вражескую сторону.

Уникальной по масштабности и эффективности стала та, которая, спустя много лет после войны, станет известной под названием «Килия веке» («Килия старая»), куда был совершен первый бросок.

Десантная операция – очень сложный вид боевых действий, предстоящая – особенно: многочисленного врага предстояло бить на его родной территории, за широким многоводным Дунаем. После трех неудачных попыток десантироваться на советский берег, к остаткам пятнадцатого батальона морской пехоты прибавился семнадцатый батальон из этой же морской дивизии. Кроме штатного стрелкового оружия солдат и офицеров в укрепрайоне его огневую мощь составляли шестиорудийная немецкая батарея противодесантной защиты (а в наступлении – противотанковой артиллерии). Все это на суше прикрывалось колючей проволокой, а в Дунае «спиралью Бруно», сверху – немецкой и румынской авиацией, имелась разветвленная система наблюдательных пунктов, в том числе на колокольне тамошней церкви. Имелась густая сеть телефонной связи, а за юго-западной околицей села – батарея семидесяти шести миллиметровых орудий – старые, но надежные, мощные русские «трехдюймовки». И это только в укрепрайоне. А во второй и третьей линиях – войска второго армейского корпуса румын, Сулинская и Тульчинская военно-морские базы и везде – немецкие «советники» и специалисты.

Где и кто планировал операцию «Килия веке»? Во всяком случае не штаб Южного фронта – он был слишком далеко и «на колесах» еще, и не штаб Черноморского флота – он планировал свою крупную операцию против базы и порта Констанца. (Начатая без должной разведки подходов к базе, она провалилась – лидер эсминцев «Москва» подорвался на минном поле и пошел ко дну почти со всем экипажем, лидер эсминцев «Ташкент» – подорвался на мине и вдобавок был накрыт десятидюймовым снарядом противника. Экипаж понес большие потери убитыми и ранеными, а корабль едва дотянул до Севастополя). Так кто и где готовил операцию «Килия веке»?

Командир Двадцать третьего стрелкового полка майор Сирота П.Н. после войны писал совету музея Килийской средней школы номер два (тогда в этом совете скрупулезно вели поиск людей, участвовавших в операции, и документов о ней Света Мешкова, Ира Додон, Владимир Польшаков, Лариса Корниенко, Таня Перевозина, Гроссу Наташа и автор этих строк), планирование это осуществлял штаб полка по согласованию со штабом Пятьдесят первой «Перекопской» дивизии и штабом Четырнадцатого стрелкового корпуса (Арциз, Болград)...

У пограничников несколько иная версия: штаб Семьдесят девятого погранотряда вместе со штабом Двадцать третьего стрелкового полка тщательно разработал план операции и блестяще ее осуществил. Операцией командовали Грачев, Сирота, нач. штаба полка Поплавский. Командиром высадки был назначен командир отряда морпогранохраны капитан-лейтенант Кубышкин. (См. Коммунаров В.: «Взорванный рассвет». Журн. «Пограничник» 1971 г. № 1, стр. 14).

В написанных от руки «Воспоминаниях» бывший командир роты народного ополчения в Килии Куницааг, что авторами плана были начальник штаба Килийской погранкомендатуры капитан Яковенко, райвоенком, майор Жирносеков, начальник третьей погранкомендатуры, майор Бурмистров, капитан-лейтенант Кубышкин, комбат Двадцать третьего стрелкового полка капитан Паламарчук и комбат ополченцев Поляков П.А.

Видимо, в каждом из этих утверждений содержится своя частица истины. Истина и то, что операция готовилась очень тщательно, для чего понадобились самые свежие и как можно более точные разведданные. Их настойчиво кропотливо добывала разведка Двадцать третьего стрелкового полка (помначштаба по разведке лейтенант Гончаров и разведка погранкомендатуры начальник-лейтенант Баламут). Много ценных разведданных

сообщили килийские рыбаки и великий знаток плавней, председатель рыбколхоза «Заветы Ильича» Василий Харлампович Харлампов.

Тщательная подготовка операции предполагала не только сбор разведданных, их анализ, в строжайшей секретности отрабатывались варианты плана с учетом все новых и новых разведданных, продумывались проблемы взаимодействия между пехотой – главной силой десанта, моряками и пограничниками. Не простыми были проблемы организации огневой поддержки десанта и всей операции, ведь к огневой поддержке привлекались полковая, береговая, корабельная и корпусная артиллерия. Головоломной задачей была организация связи: даже у моряков полагаться приходилось в основном на визуальную – флажную и семафорную связь, полк не располагал портативными рациями, а широкий могучий Дунай особо стремительный и мутный после частых ливней того лета в Бессарабии практически исключал возможность организации проводной связи по дну реки между ее берегами. Главная же проблема – люди! Предстояло особенно тщательно подобрать личный состав десанта. После московской директивы штабы корпуса, флотилии и дивизии торопили с подготовкой. Для выработки окончательного варианта плана были необходимы самые свежие и точные разведданные. Как их добыть?

Разведка боем, как в Пардине и Сату Ноу? На худой конец и она не исключалась. Но на том берегу был мощный укрепрайон, многочисленный и уже пуганый враг. Разведотделы Двадцать третьего полка и Килийской погранкомендатуры решили послать на тот берег опытную разведгруппу, чтоб данные добыть скрытно, без лишнего шума и не просто последние разведданные, а и «языка»...

Группа разведчиков состояла всего из трех человек, но каких!

Старшим шел опытный пограничник, сержант Ермолин, на веслах лодки, подобранной лично председателем рыбартели Василием Харлампловым, – боец второй роты народного ополчения Килии Степан Гадияк. Было ему тогда двадцать семь лет, темпераментный энергичный молдаванин плавни знал отлично. Это задание было ему особым испытанием, после которого через два дня в десант он уйдет уже красноармейцем. А потом будут жаркие бои у достопамятной Цыганки на реке Прут, румынская оккупация и антифашистское подполье...

Но главным действующим лицом в этом поиске оказался Степан Кравченко – уроженец Старой Килии, которого и Старая, и

Новая Килия знали, чуть ли не как гайдука плавней – «Кокоша» и соратника, ставшего легендой «Терентия». С румынами у Павла были особые счеты. Румыны убили его отца, замучили в застенках сигуранцы лучшего друга, Ионела Франгулю, а самого объявили вне закона. Спасаясь от преследования сигуранцы в сорок первом году Павел Кравченко перебрался в Килию Новую.

В короткую июньскую ночь путь туда и обратно, и вся разведывательная работа отважной тройки заняла около четырех часов. С заданием справились отлично: собрали данные о составе гарнизона, его вооружении и расположении, о многих объектах, представляющих интерес для артиллеристов, о системе охраны и подходах к объектам и к Килии Старой в целом, – недаром Павел Кравченко был жителем местным – Старую Килию знал, как свой дом. Вдобавок ко всему, вместо одного взяли трех языков – в отдельном домике на отшибе села, – как оказалось, это был узел связи с коммутатором, через который Старая Килия держала связь с Тульчей, Сулиной и Периправой. «Языки» оказались ценными – многознающими и словоохотливыми, – а куда деться. Захваченными языками оказались лейтенант – начальник коммутатора, его подчиненные капрал и солдат, вместе с ними разведчики взяли кипу документов.

Недаром разведка эта тщательно готовилась и на всякий случай отход поисковой группы должны были прикрывать «Морской охотник» № 0-125, артиллерия и пулеметы с советского берега.

Результаты разведки позволили окончательно уточнить план предстоящей десантной операции и поторопиться с ее осуществлением, т.к. румыны в свою очередь готовились к высадке десанта на советский берег, а советского на свой берег не ждут...

Утром двадцать пятого июня начштаба Двадцать третьего стрелкового полка, капитан Поплавский с уточненным проектом плана десантной операции, с захваченными в последнем поиске документами и «языками» (при должной охране, разумеется), отправился в полевой штаб «Перекопской» дивизии в с. Шикирликитай (Суворово). Там немало времени ушло на изучение плана вышестоящим командованием и на его согласование со штабами корпуса, Советской Дунайской военной флотилии и Семьдесят девятого погранотряда – операция-то планировалась не только, как крупномасштабная, но и как общевойсковая комбинированная...

Под вечер двадцать пятого июня капитан Поплавский с согласованным и утвержденным планом операции вернулся в штаб своего полка, где его ждали с нетерпением.

В окончательном варианте привезенный план предусматривал высадку десанта и захват Старой Килии. После этого необходимо было, не увлекаясь преследованием противника, убегающего вглубь плавней, как можно быстрее наступать на запад – на соединение с десантами, уже занявшими Пардину, Сату Ноу, Ласкэр, а возможно, и до Исакчи. Таким образом, предполагалось создать на вражеской территории хоть и очаговый, но фронт, чтоб Советской Дунайской военной флотилии обеспечить свободу более безопасного маневра, а Советскому Дунайскому пароходству – относительно безопасную и беспрепятственную возможность снабжения советских войск на Дунае оружием, боеприпасами, горючим из Одессы, а также эвакуацию судов и грузов из дунайских портов. Захват полосы вражеской территории достаточной протяженности и глубины должен был резко уменьшить возможность обстрела противником советских портов на Дунае из Пардины, Тульчи, Галац. Под угрозой прямого удара и захвата оказывался весьма уязвимый тыл противника, вплоть до Сулины, Тульчи и Галац.

В тот же вечер из Измаила для участия в десанте прибыли четыре бронекатера, для артиллерийской поддержки десанта – мониторы «Ударный» и «Мартынов». Они заняли огневые позиции «у девчат» – между островами Малый Степовой, Катенька, Машенька и Кислицкий, подвижная батарея № 65 в Килии находилась уже давно, а из Татарбунар прибыл дивизион корпусных гаубиц 12 стволов. Так что начало операции должна была поддержать мощная артиллерийская группа.

Накануне десантной операции в подразделениях и экипажах прошли партийно-комсомольские собрания, они нацеливали уходящих в десант на решительные действия. С одного из таких собраний коммунистом ушел в бой один из героев десанта, старшина Ф.Ф. Щербаха.

Июньская ночь коротка, а у командиров, штабистов, начальников до высадки дел было много, очень много – все надо было успеть сделать.

И еще: на закате дня двадцать пятого июня истребители Девяносто шестой эскадрильи совершили тщательную авиаразведку румынского берега Дуная от мыса Сату Ноу до устья реки. Назавтра был десант.

В тот день группа армий «Север» стремительно рвалась к Риге, Таллину, Ленинграду, захватив уже значительную часть Прибалтики...

Группа армий «Центр» в тот день была уже на подступах к Минску...

Что касается группы армий «Юг», особенно ее южного фланга, то о ней начальник генштаба Вермахта – сухопутных сил Германии, генерал Гальдер в своем знаменитом служебном дневнике в тот день записал: «Она медленно продвигается вперед, неся большие потери».

Хитрит, не договаривает генерал – самый южный фланг ее – группа армий «Антонеску» по реке Прут никак не могла форсировать эту реку, даже речку. Что касается событий на Дунае, то там бои были перенесены на вражескую сторону и...

В то утро реку окутал такой густой туман, что небо слилось с гладью вод, и это способствовало успешной высадке десанта в начале операции, которая войдет в историю под названием «Килия веке».

В начале третьего часа утра от острова Катенька отошли и направились на задание лодки с разведчиками и саперами. Лодки и опытных рыбаков, знающих плавни, все их протоки. Гребцов их подбирал председатель рыбартели, Харлампов В.Х. Среди них были Гадияк Степан и Степан Кравченко, Василий Бондаренко, были в этой группе и вилковчане Ковалев Максим и Захватаев Николай. Группу разведчиков скрупулезно подбирали в разведотделе Килийской комендатуры (нач. лейтенант Баламут) и в разведотделе штаба двадцать третьего полка (нач. лейтенант Гончаров). В спецотряд вошли также саперы и минеры лейтенанта Серпера. Задача этого отряда состояла в том, чтоб разведать подходы для основного десанта, тихо убрать минные и проволочные заграждения перед берегом, на который предстояла высадка основного десанта, а затем проскользнуть в тыл врага и неожиданно ударить, когда начнется высадка главных сил. Бесшумно, как тени, пересекли лодки Дунай, успешно было проведено разминирование и расчистка подходов, после чего лодки проскользнули в протоку у Малого Татару, где до момента атаки затаились под самым носом у противника, который сам готовил десант и прозевал наш...

В пятом часу утра от причалов на Дунайце (напротив острова Малый Степовой) отошли «Морской охотник» № 0-125 лейтенанта Тимошенко В.В., бронекатера 131, 132, 133 и 134, прибывшие накануне из Измаила и десять погранкатеров килийского дивизиона морпогранохраны капитан-лейтенанта Кубышкина К.И. – командира высадки. «Морской охотник» и катера несли первый эшелон десанта, второй эшелон его ждал своей очереди в густых вербах ниже строящегося элеватора.

Подгоняемая мощным течением полноводного Дуная, на малых оборотах двигателей, кильватерная колонна кораблей с

десантом бесшумно скользила вниз по реке. Бойцы усиленной роты старшего лейтенанта Юрковского готовились к высадке на вражеский берег. К опытным ветеранам боев на Карельском перешейке старались быть поближе необстрелянные новички весеннего призыва сорок первого года. Среди них и парни с Килийщины: Маленко Иван Савич из Кара-Мехмета, его односельчанин, Решетник Трофим Пименович, Голобородов Степан Ильич, наш земляк Очерет Т.Н., Резвый Григорий Харитонович, Жаман Константин Иванович из с. Китай.

С командного пункта, вынесенного на самый берег Дуная напротив Старой Килии, за движением десанта внимательно наблюдали командир всей операции – командир Двадцать третьего стрелкового полка, капитан Сирота и главный автор плана операции, начштаба полка капитан Поплавский.

Приближалось «Время Ч», момент начала атаки. Когда вся кильватерная колонна поравнялась со Старой Килией, корабли сделали поворот «Все вдруг» на девяносто градусов и, включив двигатели на полную мощность, стремительно ринулись к местам высадки, с советского берега ударили все орудия наземной артиллерии, а с Дуная – главный калибр мониторов, – шквал артогня накрыл Старую Килию. С румынского берега сначала ответили пулеметы, затем батарея за селом – султаны разрывов вражеских снарядов вздыбили Дунай, туман на реке быстро редел, становился огненным...

Из огнедышащего тумана прямо на высокий нос «Морского охотника» наплывал берег, низвергающий смертоносный огонь.

Свинцовый град вражеского огня хлестал с колокольни церкви, из вражеских дзотов, из окон прибрежных хат, из-за высоких брустверов траншей. Вражеские снаряды стали накрывать корабли десанта – появились первые раненые... На бронекатере номер 132 выбыл из строя раненый командир, но ведомый рулевым старшиной Щербахой корабль продолжал приближаться к месту высадки. Новый разрыв – и тяжело ранен рулевой. Но он не выпускает из рук штурвала – высаживает десант и уводит катер к советскому берегу, а высаженные десантники, не дойдя до берега, натыкаются на спираль Бруно – кольца колючей проволоки в воде...

Огонь врага был яростным и страшным:
Горело небо и вскипал Дунай –
Вперед рванулся первым лейтенант Образко,
Бойцов десанта увлекая за собой.

Раздвинув витки колючей спирали, лейтенант Образко, уже раненый, первым выскочил на вражеский берег, следуя за ним, за берег зацепилась группа десантников...

Филипп Иванович Образко, чье имя увековечено в истории уникальной операции «Килия веке» начального периода Великой Отечественной войны, – она в этом тяжелейшем для нас периоде не имеет аналога, эта память – и в названии аккуратной, чистой – красивой улицы в Килии – улицы Образко...

Он – один из группы выпускников Севастопольского высшего военно-морского училища, которых война застала стажерами на бронекатерах Советской Дунайской военной флотилии.

Архивные документы оставили нам имена еще некоторых из этих молодых, людей – грамотных, беззаветно преданных Родине, романтичных, готовых продолжить славные боевые традиции российского, советского флота. Кроме Образко в этой группе были стажеры Чужинов, Моршин, Коган, Афонин. Душой этой спаянной крепкой мужской дружбой группы единомышленников был суровый внешне, но душевный Филипп Образко, а поэтом ее – порывистый, неугомонный мечтатель Петр Афонин.

С начала войны все они рвались в бой, и вот оказались участниками большой сложной рискованной операции, которую предстояло выполнять на вражеской территории. Для них, молодых, только что произведенных в офицеры, она была настоящим, как оказалось, суровым боевым крещением.

В смертельный бой с коварным врагом друзья уходили с сознанием высокого долга и вдохновением, навеянным стихами – клятвой своего друга – поэта Петра Афонина:

Клянусь тебе, Родина, честью бойца –
Буду сражаться с врагом до конца –
Доколь будет биться сердце в груди,
Я буду в суровых боях впереди.
И в самый тяжелый ответственный час
Я выполню с честью Отчизны наказ.
А если, сраженный, не стану я в строй,
То Родина скажет: «Погиб как герой!»
Живым не уйдет ни один паразит –
Я буду гранатой и пулей разить,
А коль расстреляю патроны в бою –
Штыком уничтожу, прикладом добью!

Вдохновение, высокий порыв души сделали поэта ясновидящим, да, собственно говоря, и не надо было им быть, чтоб предугадать – предстоящие бои будут жестокими. Важно другое – в

боях тех они – молодые командиры-моряки, как и пехотинцы, пограничники, простые рыбаки – килийцы доказали верность присяге...

А противник не только огрызался смертоносным кинжальным огнем, пытаясь сбросить первый эшелон десанта в Дунай, он предпринимал яростные штыковые контратаки...

Вот, обливаясь кровью, упал Трифон Решетник из Кара-Мехмета (Шевченково).

Изрешеченный пулями, повис на «колючке» перед румынским окопом Иван Маленко – тоже из Шевченково, несколько пулевых и штыковых ранений получил лейтенант Образко, в огненной сече погибли земляки с Килийщины Жаман Очерет и Голобородов. Огненный смерч в тот день прошелся и по Килии. Его жертвами стали мирные жители.

А в Старой Килии кипел жаркий бой. В критический момент с подмогой подоспел комроты Юрковский...

– За мной, перекопцы! – прозвучал его громкий высокий голос, и рукопашная кровавая свалка закипела уже в траншее противника. Оттуда с воплями:

– Не предэм! Не предэм! (Сдаемся! Сдаемся!) – стали выскакивать недобитые румыны.

Паника в рядах обороняющихся усилилась еще больше после того, как в их тылу начала действовать спецгруппа, высадившаяся с протоки Татару раньше основных сил десанта.

Около семи часов утра подоспел второй эшелон десанта. По пути к вражескому берегу ему довелось отбивать атаки вражеской авиации. Особенно туго пришлось «Морскому охотнику», – он был крупной целью. Но его зенитчики сработали отлично: один «Мессершмитт» был сбит и упал в Дунай, другой подбит, остальные ушли...

Обратным рейсом наши корабли доставили в Новую Килию первых пленных, первые трофеи и первых погибших бойцов советского десанта, а также тяжело раненого лейтенанта Образко. Пять дней врачи боролись за жизнь героя, но раны оказались смертельными...

Друзья же Филиппа в тот день и в ходе всей операции оказались невредимыми. Но до Победы дожили только Петр Афонин и Михаил Коган. После тяжелых ранений Афонину пришлось сменить военную профессию – он стал военным журналистом.

А Михаил Коган... Но о нем рассказ впереди...

Со вторым эшелоном десанта прибыла долгожданная артиллерия сопровождения пехоты... Одна сорокапятка...

Но и при этом дело пошло к победной развязке. Наиболее живучие огневые точки противника уничтожались огнем прямой наводкой. Вдохновляемые своим командиром, штурмовые группы роты Юрковского, – пригодился опыт, добытый при штурме «Линии Маннергейма», – стремительно очищали Старую Килию от противника, приближаясь к Юго-Западной окраине села – к румынской батарее. «Доблестные» канониры Антонеску не стали ждать когда и их пленят и напрямую через плавни драпанули за Сулинское гирло – в сторону Тульчи, побросав не только подбитые, но и исправные орудия. К девяти часам утра бой в Старой Килии утих.

Можно было подвести первые итоги операции «Килия веке», которая продолжалась. Пленных подсчитали легко – их оказалось семьсот двадцать, перепуганных, некоторые в одном белье... Их накормили, раненых перевязали, колонну сняла военная кинохроника. Трофеи первого дня боев на вражеской территории тоже подсчитали – их оказалось не мало: около тысячи винтовок, три десятка пулеметов, восемь исправных и три подбитых орудия, склады укрепрайона, десяток телефонов, разное другое имущество. Доставленное на наш берег, все это тоже было заснято кинохроникой. А из штаба Двадцать третьего стрелкового полка в штаб Пятьдесят первой «Перекопской» дивизии ушла телеграфная реляция: «Двадцать третий стрелковый полк в ночь на двадцать шестое июня сорок первого года, одной ротой форсировал Дунай и захватил Килия веке» – очень скромно!

И хотя в тот день десантники заняли только Старую Килию и выдвинулись в глубину плавней всего метров на триста – четыреста, организовав на этой линии боевое охранение. Этот успех отмечен был и в сводке «Совинформбюро».

Успех советского десанта в Старую Килию в тот день более высоко оценила румынская сторона, подсчитав свои потери.

«В этом бою, указывают румынские источники, гарнизон Старой Килии понес тяжелые потери: четыреста шестьдесят восемь человек (одиннадцать офицеров, шесть фельдфебелей, четыреста пятьдесят один рядовых – убитыми), большое число раненых и пропавших без вести. Гарнизон также потерял тринадцать орудий, два миномета, большое число легкого и тяжелого стрелкового оружия». (См. Александреску: «Освобождение Бессарабии». Бухарест. 1999 год. На рум. яз.).

Иначе говоря, сильный укрепрайон перестал существовать. (В конце концов через месяц румыны заняли Килию левобережную, но не десантом, а долгим окольным путем... Через Джурджулешты).

Однако, далеко на востоке от Килийского участка границы румыны сами атаковали... Атаковали восемнадцатую погранзаставу старшего лейтенанта Зеленина, – тогда это был практически нулевой километр Дуная.

Личный состав заставы немногочисленный, а врагов было много.

В бой вступили все, кто мог стрелять, в том числе жена начальника заставы Мария, да еще экипаж погранкатера. Понеся большие потери, враг вынужден был убраться на южный берег реки.

Но вернемся в Старую Килию, где действия усиленной третьей роты старшего лейтенанта Юрковского из первого стрелкового батальона капитана Васицкого заслуживают того, чтоб на них остановиться подробнее.

Они в решающей мере определили победный исход боя в первый день десанта в Старой Килии и во многом способствовали уникальному успеху всей операции «Килия веке».

К десантной операции были готовы все стрелковые роты двадцать третьего полка. Однако выбор пал на роту Юрковского и не случайно.

Сам он – уроженец села Смолянка Кодымского района Одесской области. Тогда это было село, знаменитое окружающими его обширными лесами.

Младшим лейтенантом, молодым командиром взвода в составе «Перекопской» дивизии принял Юрковский боевое крещение в тяжелых февральских боях сорокового года на финском фронте. В жестокую метель довелось двадцать третьему полку штурмовать неприступную «Линию Маннергейма», но под шквальным огнем противника, понеся большие потери, вынужден был полк отступить на исходные позиции...

И тут выяснилось, что из атаки не вернулся только взвод Юрковского. Весь взвод! Что с ним? Пленен? Уничтожен?.. Никто ничего не знал, что произошло со взводом. В итоге же оказалось, что в вихре атаки, в пурге, увлекаемый своим командиром взвод преодолел зону смертоносного огня и забросал гранатами несколько дзотов. Затем прошелся рейдом по тылам противника, сея в его рядах панику и смерть. Найдя слабое место в обороне противника, Юрковский вывел свой взвод в расположение своей дивизии, не понес потерь и привел несколько пленных. За героизм и находчивость младший лейтенант был повышен в звании и удостоен ордена Ленина. Естественно, он стал любимцем полка и дивизии, не говоря о своих солдатах.

Кишинев. 3 июня 1914 года.
Открытие памятника Александру I.

Справа налево: король Румынии Карол I, царь Николай II, Фердинанд, пока наследник престола, а вскоре король Румынии. (Встреча накануне Первой Мировой войны).

Александр Авереску – первый маршал в истории Румынии. Бессарабец из села Бабеле (Озерное) Ренийского района.

Первая Мировая война

На марше – пехота.

Кавалерия.

Артиллерия.

Кавалерийская стычка. 1915 год.

Генерал Брусилов приветствует свои войска,
вступающие в Западную Галицию. 1916 год.

Дороги войны.

Пожары войны.

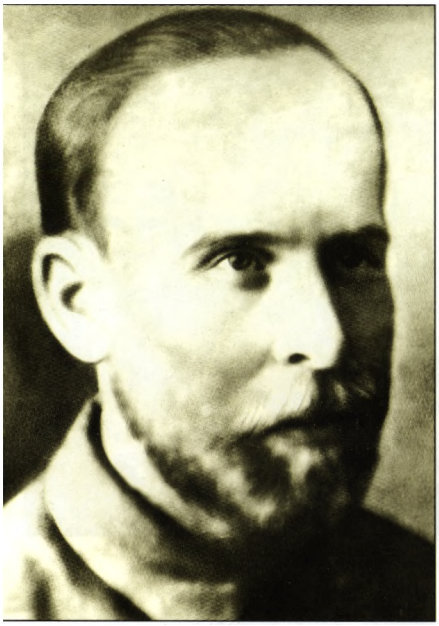
Земляки-килийцы на Карматском фронте. 1916 г.

Килиец
Я.Г. Чебанов погиб
в штыковом бою
в 1915 г. Юго-
Западный Фронт.

Солдаты килийского гарнизона.
1915 г.

Председатель
Килийского Совета
Игнат Савельевич Соловьев
(1917–1918 гг.)
Расстрелян румынскими
оккупантами в сентябре 1924 г.

Председатель Килийского
ревкома в 1917–1918 гг.
Михаил Герасимович Денисов.
Расстрелян румынскими
оккупантами
в сентябре 1924 г.

В этом здании в 1917–1918 гг. работал Килийский ревком (школа № 2).

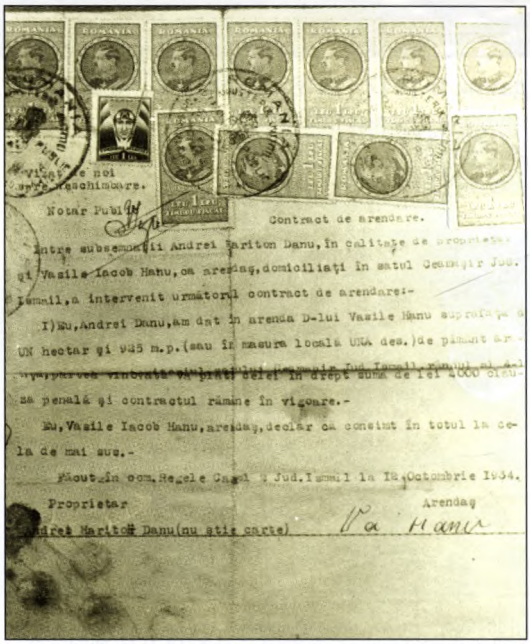

Ион Греча и Георге Стройчу (справа) – участники революционных событий 1918 года в Килии. Замучены румынами в Дофтане.

Килийская полугимназия.
Открыта в 1922 г. За последующие 20 лет ее окончили 200 человек...

Contract de arendare.

Notar Public

Этот документ – договор об аренде земли, договор, к которому житель села Приозерное, Дану Андрей Харитонович, будучи абсолютно неграмотным, смог только «руку приложить»...
Этот документ – обвинительный акт режиму, обрекавшему трудящихся на бесправие и тьму!

Татарбунары. Сентябрь 1924 года.
Каратели: румынские офицеры, жандармы, агенты сигуранцы, немецкие колонисты – у сожженной ими хаты.

Памятник повстанцам
в с. Десантном.

Памятник повстанцам
в с. Васильевке.

Первый секретарь подпольного комитета комсомола Шура Бурлаченко, г. Измаил.

Руководитель коммунистического подполья г. Вилково, затем г. Измаила и всей Бессарабии.

Молодые подпольщики Килии 30-х годов.
Справа налево сидят: П.П. Денисов, Д.И. Соловьев, С.Р. Бронштейн, Е.А. Спивенко, Г. Лейбович.
Стоят: И. Челак, В. Ковалев, Т. Швайко, И. Кравченко, П. Кутыло, З. Гринберг, П. Караняга, Д. Иванов.

Антифашистское подполье Килии (30-е годы XX века)

Александра Лейбовна Иванова-Дижур.

Иванов Василий Захарьевич – секретарь Нижне-Дунайского крайкома компартии Румынии (30-е годы).

Дорога в тюрьму.
Нередко заканчивалась расстрелом «при попытке к бегству».

Илья Аронович Константиновский – советский, еврейский писатель, антифашист.
Его перу принадлежит двадцать четыре книги и многие десятки публицистических произведений.

Шая Лейбович Дижур – организатор коммунистического подполья в Килии тридцатых годов, ветеран Великой Отечественной войны с ее первого дня (народное ополчение Килии), до последнего ее дня.

Румыния.
Король Карол II (1930–1940 гг.).

Полковник дипломатической службы Ион Антонеску (20-е годы XX в.).

Гимназисты Килийской полугимназии,
лидеры прогрессивной молодежи:
Валентин Стериополо,
Емилиан Буков (сидят),
Корней Митрофанов,
Борис Чебанов (стоят).

Иван Иванович
Стериополо – учитель
гимназии. Член ревкома
Килийского подрайона.

В 1936 г. Килийский подпольный горком КПР направил в одну из
интербригад Испанской Республики Ф. Бернадского,
В. Козака и З. Соколова (слева 1, 2, 5).

Выдающийся советский поэт и писатель, государственный деятель, Герой Социалистического Труда Емилиан Несторович Буков родился в маленьком доме на улице Крепостной.

1909–1984

Я тороплюсь! Грози, гроза,
и то, что будет, – будь!
Не время взвешивать все «за»
и «против» – долог путь!
Хочу успеть во все глаза
на свете заглянуть!

(Отрывок из стихотворения
Е. Букова «Неугомонство»).

Начальник воздушной экспедиции
«Крылья Советов»
Валентин Зарзэр.

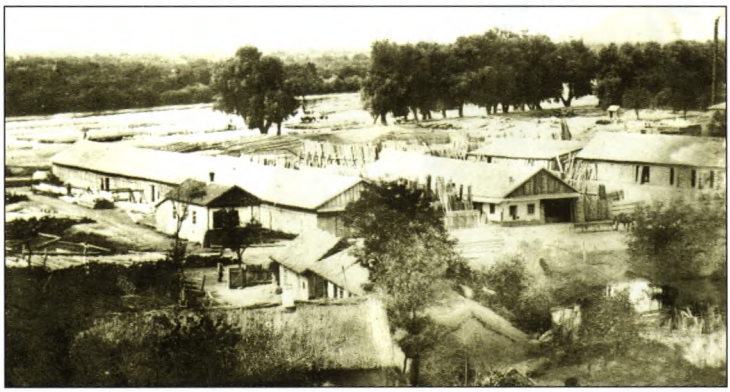
Париж. 1929 год.
Валентин Зарзэр (слева) и
писатель Анри Барбюс.

30-е годы.
В богатом хозяйстве хлеб молотили таким образом.

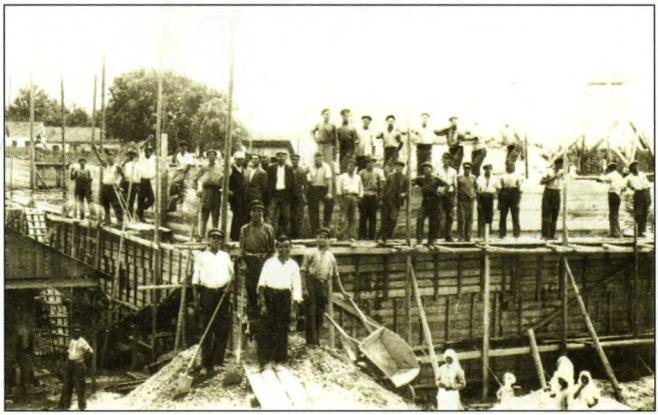

Килийский порт в 30-е годы.
Иностранные пароходы пришли за хлебом.

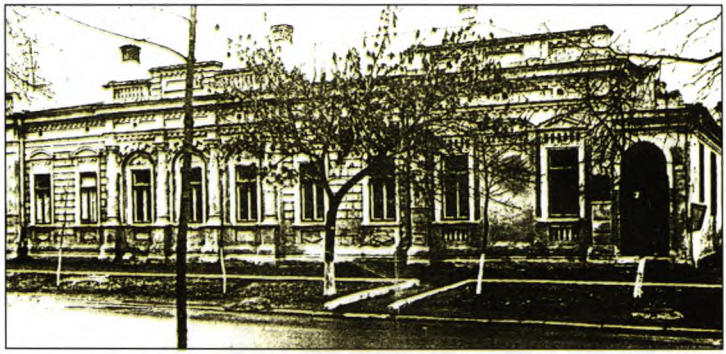
На территории ССРЗ в 30-е годы находились: мельница Вардаракиса, лесопилка Вильдермана, огороды.

1938 г. Начало строительства Килийского элеватора.
(Проект инженера Анжело Саглини. Вверху в центре – нижнее фото).

Особняк нотариуса Граура. (30-е годы XX в.).

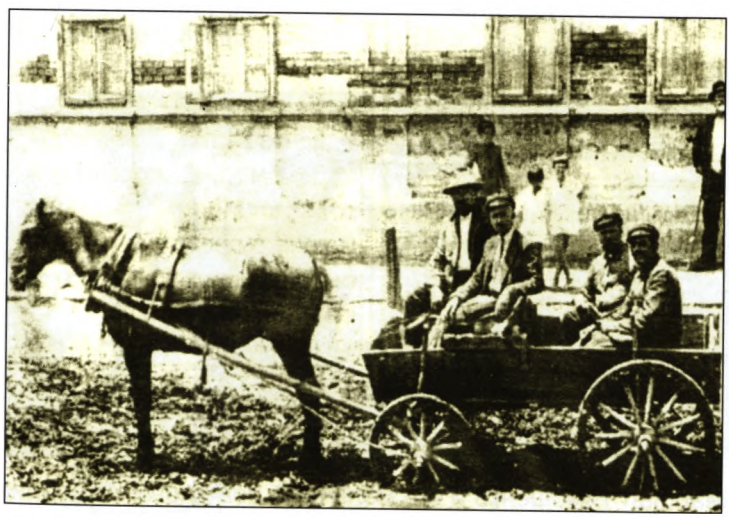
Магазины 30-х годов.

1927 год. Центральная площадь.

Килия. 1938 г. Контрасты...

Маршал Тимошенко и первый секретарь ЦК КП(б)У в Килии. 30.06.1940 г.

Маршал Тимошенко и его молочный брат Арнаут Василий встретились через четверть века. 30.06.1940 г.

Командир 23-го Краснознаменного стрелкового полка, майор Галаган И.А. Июль 1940 г. Килия.

Командир дивизии полковник Галаган И.А. Май 1945 г. Германия.

23-й стрелковый полк вступает в Килию. 16 августа 1940 г.

Раздел конфискованной помещичьей земли в освобожденной Бессарабии. Июль 1940 года.

Килия 12 января 1941 года.
На одном из избирательных участков.

Весна 1941 г.
Командирская учеба на берегу Дуная.

1 мая 1941 г. Парад войск.

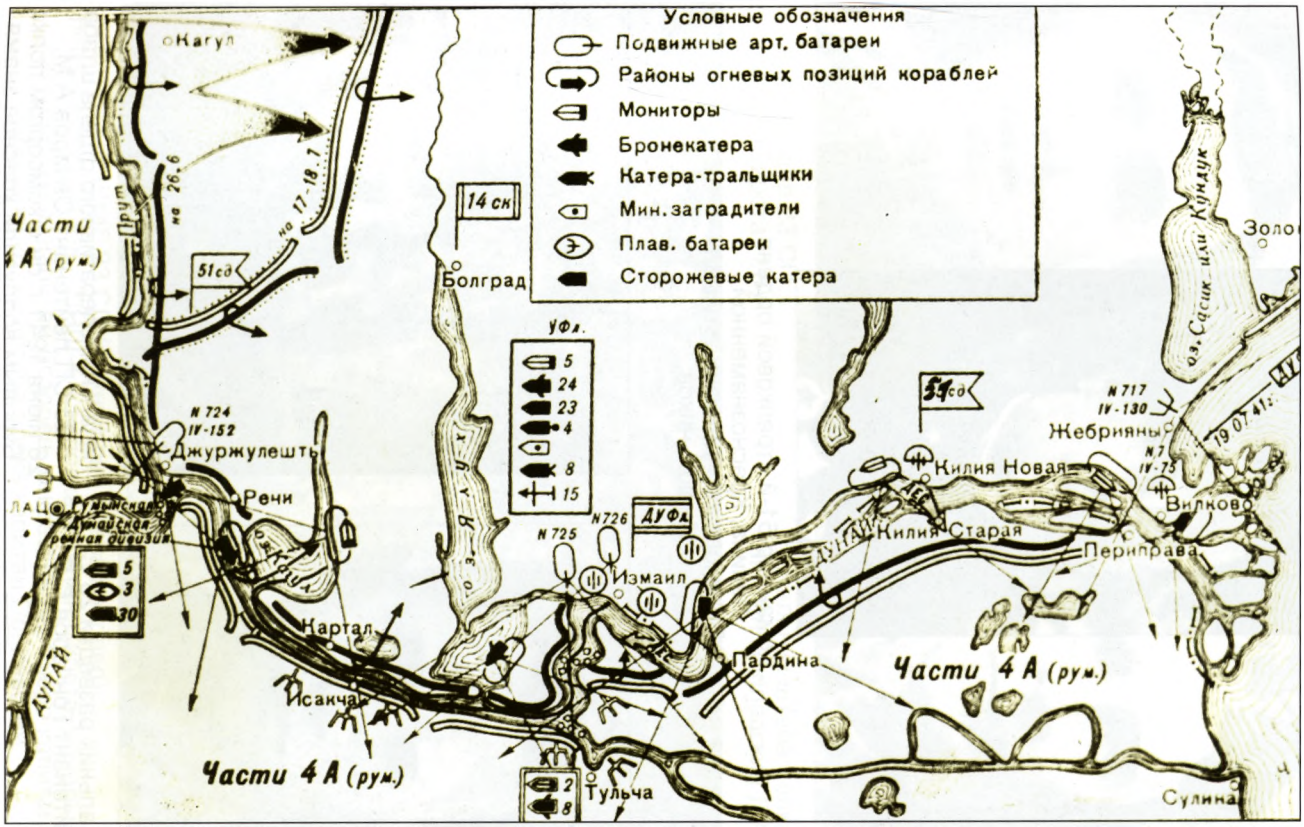
Перед трибуной – школьники.

Школьники на демонстрации.

Учителя килийской молдавской школы после демонстрации. 1 мая 1941 г.

Боевые действия на Дунае 22 июня – 19 июля 1941 года.

Командир 51-й стрелковой ордена Ленина, Краснознаменной «Перекопской» дивизии генерал Цирюльников.

Начальник разведки 23 СП лейтенант Гончаров С.Л.

Начальник оперативного отдела штаба 23 СП лейтенант Овчаров А.М. 26 июня 1941 г. он с комсоргом полка Буровым водрузили красное знамя на колокольне старокилийской церкви.

Командир 23 СП
майор Сирота П.Н.

Начальник штаба полка
капитан Поплавский Л.А.

Штаб 23 СП (нижний ряд слева направо):
лейтенант Овчаров – ПНШ-1, комполка капитан Сирота, начальник санмедслужбы капитан Дозорец, секретарь партбюро капитан Бондаренко, начштаба полка капитан Поплавский.
Верхний ряд – писарский состав.

Участник обороны Килии
в 1941 г.,
Герой Советского Союза
Власенко А.И.

Участник операции «Килия веке»,
Герой Советского Союза
генерал Овчаров А.М.

Матрос сторожевика № 125,
Герой Советского Союза
Куропятников Г.А.

Участник операции «Килия веке»,
Герой Советского Союза
майор Серпер И.Л.

Капитан-лейтенант
Кубышкин
Иван Константинович,
командир
4-го Черноморского отряда
пограничных судов.

Полковой комиссар
Константин Тимофеевич Семенов,
комиссар 4-го Черноморского
отряда пограничных судов.

Группа моряков-пограничников – участников десанта в «Килия веке».
В первом ряду (слева направо): Николай Манойло, Федор Федотов,
Гавриил Абожганкин, Михаил Шевченко, Николай Скворцов.
В верхнем ряду (слева направо): Константин Валухов,
Федор Гагаринов, Сергей Байков, Николай Денисов.

Наряд вилковской заставы в дозоре.
22 июня 1941 года. Рассвет.
До начала войны всего несколько минут..!

Начальник 79-го погранотряда
подполковник
Грачев С.И.

Начальник Килийской
погранкомендатуры
майор Бурмистров И.Н.

Начальник Вилковской погранкомендатуры капитан Башмаков.

Застава старшего лейтенанта Русинова на острове Лимба. 1941 г.

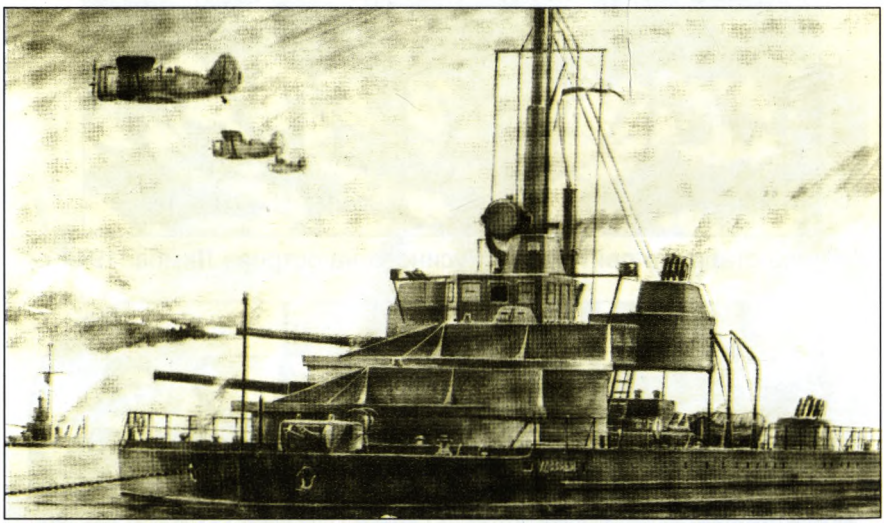
Группа моряков-пограничников. Вилково, 1941 г.
(3-й Килийский дивизион погранкатеров).

Лейтенант Образко Ф.И.
Один из героев легендарного десанта.

Командующий Советской Дунайской военной флотилией контр-адмирал Абрамов Н.И.

Флагманский корабль Советской Дунайской военной флотилии, монитор «Ударный» (1940–1941 гг.).

Летом сорокового уже в составе первого батальона 23 полка, рота Юрковского освобождала Бессарабию и шестнадцатого июля, как и весь полк, дислоцировалась в приграничной Килии...

Так случилось, что грянувшая Великая Отечественная застала уже старшего лейтенанта Юрковского в лазарете, нетерпеливый он, рвется в бой, ведь за плечами у него боевой опыт финской и прекрасная школа двадцать третьего стрелкового полка – таких опытных командиров и начальников, как капитаны Васицкий и Поплавский...

Предстоящая десантная операция – это как раз по нему, познавшему и полюбившему стихию стремительного боя.

К десантной операции были готовы все роты полка и все командиры, но лучше всех рота лихого, отважного старшего лейтенанта Юрковского.

Даже в мирное время готовил он своих бойцов по особенному – без послаблений и скидок – для реального боя, истинно по принципу: «Тяжело в учении – легко в бою!»

А тут впереди – настоящий, не учебный бой со всеми его неожиданностями, как тогда на «Линии Маннергейма», да еще на вражьей земле, за широкой рекой. Готовясь к предстоящей операции, старший лейтенант старался предусмотреть всякую мелочь, рад был автоматам Дегтярева, поступившим в отделение разведки, внимательно присматривался к молодому пополнению, в особенности из местных бессарабцев с Килийщины – обучал их индивидуально, не жалея времени и сил. Одним из таких местных был вилковчанин Харланин Самсон Исаакович. Чем-то он обратил на себя внимание опытного лихого комроты, может быть, заметной сноровистостью, внимательностью, чем-то еще.

Самсон Харланин хорошо знал румынский язык – до сорокового года он отбыл службу в румынской армии. В сороковом году, после освобождения прошел переподготовку в Красной Армии. В результате получил аттестацию: «Способен командовать стрелковым взводом». (Во время Великой Отечественной войны С.И. Харланин с лихвой оправдал аттестацию: начав с рядового, дослужился до капитанского звания и до командира роты).

Рядовой Харланин хорошо знал Старую Килию, – до освобождения он жил там несколько лет, у тамошних умельцев научился ремеслу корзинщика, которое в тогдашних плавнях было столь же распространенным, как и рыболовство. Вот и взял его

наблюдательный Юрковский к себе в роту, определив в первый взвод разведчиком-связным.

Часами наблюдали они с нашего берега берег вражеский, отмечая не только на карте – четвертькилометровке, но и на более крупномасштабном плане все, что доведется брать из боя в Старой Килии: причал, «капитанию» и погранзаставу, кирпичные здания, которые могли быть опорными пунктами противника, громаду церкви с двуглавой колокольней – там был главный наблюдательный пункт и очень удобное, и активное пулеметное гнездо обращало на себя прочное углообразное здание почти на самом берегу Дуная и протоки Татару – рыбный склад. Это строение легко можно было превратить в дот, что румыны и сделали. Только орудийная прислуга проспала начало советской артподготовки, а затем попросту разбежалась...

В ночь на двадцать шестое июня рота Юрковского передала свой участок на берегу Дуная напротив Старой Килии пограничникам и ушла к месту посадки на корабли, которым предстояло высадить десант. По пути, во рву на территории парка бойцы по завязку нагрузились боеприпасами – патронами и гранатами, даже противогазные сумки набили патронами... Группа первого броска во главе с самим комроты погрузилась на «Морской охотник» № 0-125 – ей предстояло высаживаться первой – на участке причального понтона...

Из утреннего тумана, прямо на высокий нос корабля наплывет понтон и уступчатый глинистый берег. Еще несколько мгновений – и можно прыгать чуть не на головы румынской пехоты... Но перегруженный корабль неожиданно чиркает днищем по илистому дну, а его серые борта царапает затаившаяся в воде колючая проволока. Что делать? – молниеносно соображает Юрковский. И в следующий миг с криком: «За мной, перекопцы!» срывается с борта и... с головой уходит в воду. Несколько рывков и под ногами спасительная твердь, его опережает высокорослый лейтенант Образко – с соседнего бронекатера он раздвигает витки спирали. Теперь – в атаку!

Из румынского окопа хлещет ружейно-пулеметный огонь...

Меткий бросок гранаты, взрыв, несколько ошалелых румын выскакивают из окопа и подымают вверх руки, сдаваясь в плен, а бой продолжается.

В этом яростном, быстротечном бою старший лейтенант Юрковский был вездесущим – на правом и левом фланге, в центре наступающих штурмовых групп – везде, где случалась заминка, где личным примером надо было ободрить атакующих,

комроты был тут как тут, он все видел и был везде, где было нужнее всего – он был в своей стихии! И везде в этом бою рядом с ним был его разведчик-связной Самсон Харланин (до того самого момента, когда был тяжело контужен взрывом близко разорвавшейся вражеской бомбы, вследствие чего оказался в килийском полевом госпитале у доктора Н.Я. Рабиновича).

Около десяти часов утра в Старой Килии сопротивление румын прекратилось – бой угас, хотя горели многие хаты, плетни...

Старший лейтенант Юрковский вложил в ракетницу сигнальную ракету и выпалил, – в раскаленном, дымном небе вспыхнула яркая белая звезда – сигнал: «Село взято!» Советский берег (НП командира и начальника штаба полка располагался на самом берегу Дуная) ответил двумя ракетами красного огня: «Сигнал принят!».

А на колокольне церкви уже алел наш победный флаг.

До вечера импровизированная «служба тыла» десанта переправляла на советский берег наших убитых и раненых, многочисленных пленных румын и немалые трофеи...

Основные силы десанта покинули село и выдвинулись в сторону противника, насколько позволяла суша, если землю, на которой приютилась Старая Килия можно назвать сушей. С запада и юга позиции прикрывались протокой Татару, за ними зеленели чащобы островов Малый и Большой Татару, а дальше, если на юго-запад – Пардина, куда должен был выйти десант Юрковского.

На восток от Старой Килии простирались пески и топи, опутанные густой паутиной рукавов, проток, ериков острова Чернавка, Бабина, а, немного не доходя Вилкова – Периправа с тяжелыми батареями между ней и Свиштовкой – румынский замок на Килийском русле...

Кое-как скоротав время в комарином царстве плавней (благо июньская ночь коротка), рота приступила к выполнению второй части операции «Килия веке». Заслон двинулся на восток и через километра 3 развернул цепочку боевого охранения, перехватив ею и тонкую гривку, ведущую к Старой Килии – увы – на большее сил десанта не хватило. На юг ушли поредевший в бою накануне первый взвод и остальные силы роты. С этой группой пошел и старший лейтенант Юрковский... Как и намечалось, у Пардины рота встретилась с бойцами двести восемьдесят седьмого стрелкового полка «Перекопской» дивизии, удерживающих в своих руках и крутую извилину Сату-Ноу.

Таким образом, на участке в семьдесят шесть километров по фронту и глубиной от двух до восьми километров (сколько позволяла топография дельты пехоте) боевые действия были перенесены на территорию противника.

Резко ослабело воздействие противника на придунайские советские города и села в полосе этих семидесяти шести километров вражеской территории, занятой в ходе операции «Килия веке»... Улучшилось положение Советской военной Дунайской флотилии, Советского Дунайского пароходства. Зато в Тульче, Галаце, Констанце нарастала паника... Советские войска, ведущие успешные боевые действия на вражеской территории, лихой старший лейтенант Юрковский, его люди, не ведая, что творится на других участках советско-германского фронта, готовы были продолжить наступление вглубь Румынии, – хоть до Бухареста, ждали приказа на это и соответствующих подкреплений.

Но вместо этого легендарный старший лейтенант, его храбрая рота и другие войска с захваченного за Дунаем плацдарма были переброшены на другой горячий участок фронта – на Прут в районе села Цыганка, где разгорелись кровопролитные бои с рвущимися на Кишинев и Болград превосходящими силами противника. Там и пригодился боевой опыт старшего лейтенанта Юрковского, его роты и других защитников Дуная.

Операция «Килия веке» послужила хорошим прикрытием действий разведывательно-диверсионного отряда особого назначения «Дунай», который как раз в это время совершил свой первый рейд по плавням румынской части дунайской дельты. Появление отряда западнее Тульчи у деревни Сомово вызвало у врага панику, которая докатилась до Галац и даже до Бухареста (бойцы отряда были одеты в красноармейскую форму)... В ходе этого рейда проведена была рекогносцировка района, в котором в последующем была создана сеть баз, на которые опиралась разведывательно-диверсионная работа отряда и антифашистского подполья на важнейшей транспортной артерии – Дунае. В своем рекогносцировочном рейде отряд прошел почти до Сулины, по пути уничтожил несколько вражеских жандармских и погранпостов, собрал важные разведданные и в начале июля вернулся на советскую землю, не понеся потерь.

За героизм и умелое командование усиленной ротой в уникальной операции «Килия веке» старший лейтенант Юрковский был представлен к званию Героя Советского Союза, но на кровавых военных дорогах сорок первого года представление затерялось. Сам Юрковский и его рота в те дни, недели и месяцы не

выходили из тяжелых боев. Сначала у Цыганки на реке Прут, затем на Днестре у Красных Окон, потом под Березовкой – недалеко от родной Смолянки. Потом были тяжелые бои на Южном Буге – прикрывали Варваринскую переправу до последнего патрона.

В составе полка рота отличилась в боях на Днепре у Каховки, где довелось сдерживать натиск бронированной армады – Первой танковой группы Клейста, рвавшейся к переправам через Днепр, а там – к Запорожью.

В этих тяжелых боях первый батальон Двадцать третьего полка полег почти весь, а храбрый умелый и, видимо, везучий старший лейтенант в последний момент даже из этого пекла сумел вывести остатки своей роты, отбив атаки пьяных гитлеровцев, атаки, в которых каждый боец роты сражался за десятерых. На реке Молочной пришлось тоже стоять насмерть, прикрывая отход родного полка и... штаба Девятой армии Южного фронта.

И вообще – потерян счет огненным рубежам сорок первого года.

И все же из всех особо запомнился тот, что под Ростовом.

Ростов-на-Дону был не только важным административным и экономическим центром юга страны, а и стратегическими воротами на Кавказ – прежде всего к нефти. Во второй половине ноября Клейст бросил свою танковую армаду на Ростов и взял его. Но группа армий советского Южного фронта нанесла неожиданный мощный удар во фланг и тыл Первой танковой армии Клейста и Шестой полевой армии Рейхенау. В результате этим отборным силам гитлеровского Вермахта вместо победного «дранг нах остен» – на Кубань и Кавказ, довелось совершать обратное – позорный «драп нах вестен», покинув важный стратегический Ростов... Рейхенау был вызван в Берлин на расправу, но... При посадке на дозаправку самолет снесло с обледенелой посадочной полосы, ударило о бетонный столб, да так... что голова фельдмаршала, оторвавшись от тела, прошибла иллюминатор и... Ее нашли на снежном поле. Под обломками самолета нашли и обезглавленное тело с рыцарским крестом за взятие Киева в сорок первом.

А Юрковский со своей ротой во второй раз после операции «Килия веке» наступал, а не оборонялся.

Потом было переформирование – Двадцать третьего стрелкового полка в Двадцать третью мотобригаду. В начале сорок второго – вновь тяжелые бои в восточном Донбассе и кровавая мясо-

рубка весной – в «Барвенковском котле», где попытка наступать обернулась тяжелым поражением Юго-Западного фронта. В этих боях погибло немало ветеранов боев на Дунае – пехоты, пограничников и артиллерии... А отчаянный старший лейтенант Юрковский и из этого кровавого мешка сумел вывести поредевшую роту.

И снова тяжелые бои, бои без передышки в большой излучине Дона и... грозный приказ номер 227 – «Ни шагу назад!» Штрафные роты и заградотряды... Майор Юрковский назначается командиром штрафного батальона Юго-Западного фронта. Каждый действующий фронт и флот имели в своем составе по штрафбату, ударные армии, флотилии – по штрафной роте. Рядовые этих рот – осужденные по суровым законам военного времени. Им давалась возможность «искупить свою вину в бою»... В случае ранения или гибели в бою люди эти восстанавливались в гражданских правах, с них снималась судимость, возвращались медали, ордена, звания, должности, а их семьям льготы для семей фронтовиков. Штрафные подразделения – только пехота, в том числе морская. Офицерский состав, сержанты и пулеметчики в штрафные роты подбирались из самых опытных, обстрелянных командиров и специалистов – не штрафников. (Под началом таких прославленных командиров, как Герои Советского Союза майоры Кунников, Котанов и других, были штрафные роты. Одна из них – 613-я – 25 августа сорок четвертого года освобождала Килию, Шевченково. С шестьдесят пятого года бывшие штрафные роты именуются штурмовыми – и по праву!).

Бои на подступах к Сталинграду, в самом городе – в этих кровопролитных судьбоносных боях в считанные недели перемалывались дивизии, не то что батальоны, тем более штрафные...

Дальнейшая военная судьба майора Юрковского – командира штрафного батальона Юго-Западного (Второго Украинского фронта)?

В результате долгих, кропотливых поисков с помощью доктора исторических наук А.Д. Бачинского из Одесского национального университета удалось установить, что в сорок четвертом году майор Юрковский Т.Ф. на Втором Украинском фронте пропал без вести. Где, когда?

В грозной сече Корсунь-Шевченковской битвы? В ходе Ясско-Кишиневской операции? Может быть, даже на реке Прут. Где был в сорок первом? А может быть, на голубом, кровавом Дунае в тяжелых боях за Будапешт? Это тоже Второй Украинский

фронт. Как? В огне боя? В испепеляющем взрыве? А может быть, и в плену на допросе – у войны неисчислимо много способов убивать! Пропал без вести так бесследно, что ни в основных, ни в дополнительных томах скорбной «Книги памяти» по Одесской области Юрковский Т.Ф. не значится; нет его и в списках погибших односельчан деревни Смолянка на Одесщине. Безусловно, одно: как и воевал с начала войны – погиб, как герой!

Но вернемся еще раз к истории операции «Килия веке» – еще одним уникальным событием знаменита она: в ходе этого десанта впервые на вражеской территории лейтенант Овчаров Александр Михайлович – первый помощник начальника штаба полка и сержант Буров Михаил Александрович – секретарь комсомольского бюро полка на колокольне церкви в Старой Килии водрузили победное красное знамя. Ему бы, этому знамени – самому первому победному на вражеской территории, занимать место в хрустальной витрине в знаменном зале Москвы, ведь с этого скромного флага, который исчез в вихре войны, и пролег путь к тому, всемирно-известному знамени, что развевалось над поверженным Рейхстагом!

Александр Михайлович Овчаров родился в маленьком городке Остер, что на Черниговщине. На живописных берегах Десны прошло его детство. В 1932 году он окончил среднюю школу, решил стать учителем и спустя пять лет стал им, – окончил украинский литфак Черниговского педина. (При встрече в Килийской средней школе номер два в 1965 году бросалось в глаза непривычное соседство пединститутского значка со значком военной академии, Звездой Героя Советского Союза и множеством высших наград Родины на мундире боевого генерала). На рабфаке родного института Александр Михайлович преподавал украинский язык и литературу, увлекался поэзией, готовился к аспирантуре в Киевском университете.

Учительская жилка осталась в нем на всю жизнь – его тянуло к детям, и они тянулись к нему неизменно. Примером своей жизни, службы армейской – всем, что он говорил, писал, общаясь с людьми, особенно с молодыми, с прессой он воспитывал патриотов. В деле этом был терпелив, настойчив, скрупулезен, искренен и честен. В этом святом деле не терпел фальши, обмана, бахвальства (как, впрочем, не терпел всего этого в людях вообще). Да, он хотел стать учителем и наверняка был бы талантливым в этом деле. Однако призыв в армию в то суровое время круто изменил его жизненный путь – Александр Михайлович стал профессиональным военным.

В составе Пятьдесят первой «Перекопской» дивизии участвовал в войне с Финляндией, затем – в операции по присоединению Бессарабии к Советскому Союзу. В Килии на новой, тревожной границе очень много работы было у молодого первого помощника начальника штаба полка (по оперативной части). Он очень много работал, учился у опытного штабиста, капитана Поплавского. С теплотой и благодарностью отзывался прославленный генерал о своем учителе: «Прошло уже много лет, но я и сейчас хорошо помню, как уверенно, со знанием дела Леонид Александрович руководил штабом. Был он с нами, своими подчиненными, прост и доступен, терпеливо учил премудростям штабной культуры». (Точно также – терпеливо, настойчиво, скрупулезно работал не с одной сменой актива школьного музея сам генерал Овчаров, будучи человеком предельно занятым, – облвоенком, – находящийся в двух тысячах километрах – в Волгограде).

У первого помначштаба всегда было столько работы, что и в давно заслуженный отпуск выбраться не мог, поэтому перед самой войной в уютную Килию повидать сына приехала его мать, Евдокия Михайловна. Но даже в мирное время мать и сын виделись редко – служба не признавала нормированного рабочего дня. С началом же войны сыну и на квартиру некогда было заглянуть...

В подготовке плана и организации операции «Килия веке» – немалая доля и его разностороннего штабного труда, энергии, вложенной в подготовку. Поэтому, когда на вражеский берег высадился советский десант, лейтенанту Овчарову так хотелось попасть в Старую Килию – в бой, чтоб непосредственно на огненной земле, а не на карте, не с НП за широкой рекой осуществлять спланированное в штабе. Капитан Поплавский понял жгучее желание своего молодого помощника многообещающего дела, поэтому отпустил лейтенанта Овчарова в Старую Килию.

И вот со вторым эшелоном десанта помначштаба по оперативной работе пересекает Дунай – тот самый, который еще в 1877 году пересекал и его дед, идя на помощь братьям – славянам... Овчарова сопровождал комсорг полка, сержант Михаил Буров.

О флаге на колокольне церкви Старой Килии рассказывали и писали многие: писатели – маститые, как автор «Морской души» Соболев, и не очень маститые, журналисты – профессионалы и любители, по свежим следам событий, и много лет спустя – понаслышке, участники – очевидцы и «очевидцы» – фантазеры-сочинители. У каждого из них – своя версия произошедшего и версий этих много. И килийские поэты-любители – в основном юные, отдали поэтическую дань этому примечательнейшему

событию начального периода Великой Отечественной войны, описав его такими строками:

«Свинцовый шквал гремел над головою,
Но под огнем – все выше и вперед
Идут, не зная страха, Овчаров и Буров...
И вот на колокольне, взятой ими с бою,
Алеет наш победный флаг».

А.М. Овчаров очень много сделал не только для того, чтоб операция «Килия веке» успешно осуществилась в грозном сорок первом, но и чтоб для грядущих поколений сохранилась историческая память о ней.

Его документально безупречные публикации (к сожалению, их немного), его сохранившиеся в фонозаписях рассказы при встречах, его письма совету музея Килийской средней школы номер два, активным членом которого он долгие годы состоял – хорошо документированные, писанные убористым, но четким «штабным» почерком во многом дополняют то, что хранится в архиве Министерства обороны России (к сожалению, в сорок первый год огненные дороги отступления не много документов оставили для архивов). Тем ценнее рассказы ветеранов, если они так точны, как рассказы генерала Овчарова.

А вот о своем участии в десанте генерал пишет по анкетному лаконично: «В операции «Килия веке» имел задание от командира полка переправиться в Старую Килию, уточнить обстановку и сообщить положение дел в штаб. Главное, – взят нами городок на том берегу, или нет, т. к. комдив, генерал Цирюльников «сидел» на проводе и требовал об этом донесения. Поскольку никакой связи с десантом не было (стрелковые полки коротковолновых раций не имели, а телефонный провод через Дунай рвало и уносило течение). Мы договорились, что в случае успеха я вывешу красное полотнище на колокольне местной церкви. С некоторыми трудностями мы это и проделали вместе с комсоргом полка Буровым, предварительно (с помощью расчета «сорокапятки»), сняв пулеметный расчет румын». Вот так лаконично обыденно о себе. А ведь в долгой Великой Отечественной войне – это самый первый победный флаг на вражеской территории!

После десанта в Старую Килию лейтенант Овчаров срочно отбыл на Прут под Цыганку, где участвовал в тяжелых боях с противником, который много раз превосходящими силами пытался форсировать реку. Но эти попытки, кроме случая у Скулен, где румынам удалось удержать плацдарм на левом берегу реки, потерпели неудачу.

(Румынские авторы очень неохотно пишут о событиях, имевших место с двадцать второго июня по второе июля в полосе Одиннадцатой немецкой и Четвертой румынской армий...).

Оперативная директива номер один (лукавят румынские авторы – оперативная директива номер один это 22–VI пресловутое Антонесково: «Приказываю перейти Прут» в самом начале нападения на Советский Союз по кодовому сигналу «Бессарабия!») на этот раз – от тридцатого июня, как свидетельствуют документы нацархивов Румынии и пишут румынские авторы, например, Ион Александреску в «Освобождении Бессарабии и Северной Буковины» (Бухарест. 1999 г.) требовала: «В ночь с третьего на четвертое июля войти ценой любых усилий и жертв в соприкосновение с противником и навязать ему бой». (См. ук. сочинение, стр. 284). На этот раз Одиннадцатая немецкая армия генерал-полковника фон Шоберта была пополнена танками из резерва Вермахта совместно с приданными ей отборными румынскими дивизиями, в том числе с переброшенной из Третьей румынской армии первой Королевской танковой, на центральном участке фронта по реке Прут прорвала оборону двух советских дивизий на этом участке и медленно стала продвигаться к Кишиневу.

Левый фланг Четвертой румынской армии – ее отборный пятый армейский корпус в составе Первой дивизии королевской гвардии, двадцать первой пехотной дивизии, седьмой кавалерийской бригады, усиленных несколькими артполками резерва ставки Антонеску и дивизионом бронетранспортеров резерва Четвертой армии, в свою очередь должны были устремиться в наступление в направлении Кишинев – Дубоссары. (См. там же).

Не тут-то было.

Вот как описывает эти события тот же Александреску (другие авторы о них предпочитают умалчивать). «Первоначально к форсированию Прута приступила Первая дивизия королевской гвардии в направлении – на восток от Фэлчиу. За форсированием реки первыми двумя колоннами наблюдали лично командующий Четвертой армии, генерал Чуперкэ и кондукэтор – генерал Антонеску. С самого начала не было налажено взаимодействие между пехотой и артиллерией, в результате чего ни в первый день запланированного наступления, ни во второй задача, поставленная наступающим войскам, выполнена не была».

Иначе говоря, ни триумфального марша на восток на глазах у высокого начальства и вообще никакого другого марша не получилось. (Румынские авторы умалчивают, но очевидцы из третье-

го батальона двадцать третьего полка «Перекопской» дивизии, оборонявшиеся на этом участке, свидетельствовали: на рассвете первого дня румынского наступления вражеская артиллерия удачно накрыла огнем... свои войска).

О событиях, последовавших перед Цыганкой до вечера четвертого июля «Журнал боевых действий» Первой дивизии королевской гвардии сообщает: «Первый батальон первого полка дивизии форсировал Прут, но был остановлен, едва ступив на левый берег реки».

«На участке севернее, Прут форсировала вторая колонна – второй батальон Шестого полка королевской гвардии «Михай Витязу». До двадцати одного часа он сумел овладеть лишь небольшим участком восточного берега ценой очень больших потерь». (См. там же).

И в последующие дни Первая дивизия королевской гвардии делает отчаянные попытки закрепиться на восточном берегу Прута. Во что ей это обходится, сообщает тот же «Журнал боевых действий» соединения.

Седьмого июля сорок первого года: «Личный состав разведбата дивизии сократился на семьдесят шесть процентов, остальные части и подразделения на пятьдесят процентов. Двадцать четвертый полк дивизии выведен на переформирование, заменен одиннадцатым ударным.

Огонь большевиков настолько сильный и точный, что исключает возможность какого-либо передвижения». (Напоминаем: на этом участке оборонялись батальоны «килийского» двадцать третьего полка «Перекопской» дивизии). Такое же положение сложилось и на других участках – где наступали другие части и соединения Пятого армейского корпуса румын. Это вынудило Антонеску десятого июля сорок первого года издать приказ номер 423, которым пятый армейский корпус, точнее – то, что от него осталось, – возвращался на исходные позиции за Прутом. (См. там же). Еще более сокрушительное поражение в начале июльского наступления румын потерпела Тридцать пятая пехотная дивизия противника. Она должна была наступать также в общем направлении на Кишинев, обеспечивая стык между Четвертой румынской и Одиннадцатой немецкой полевой армиями. Советники из генштаба требовали не отставать в наступлении от немцев, спешило отличиться и командование соединения. В результате дивизия ринулась в наступление двумя большими походными колоннами без разведки, головной походной заставы и без боевого охранения на флангах! Результат – полный раз-

гром. Королевским указом 35-я дивизия была вычеркнута из списков вооруженных сил Румынии.

Мы еще вернемся к истории боев у Цыганки – они крепко запомнились не только противнику, но и ветеранам «Перекопской» дивизии, много так их полегло и кадровых ветеранов еще с финской войны и солдат весеннего призыва сорок первого года, в том числе – из Килийского, Измаильского, Арцизского районов Южной Бессарабии...

Что касается румынских войск, то пополненный личным составом, вооружением и техникой Пятый армейский корпус Четвертой армии смог начать новое наступление на участке Цыганка Новая – Порумбешть – Цыганка Старая только шестнадцатого июля и только к девятнадцатому июля этот корпус сумел выйти на рубежи, назначенные ему на уже давно прошедшее второе июля... Но это – только на Нижнем Пруту. В целом же на Южном фронте обстановка резко ухудшилась: возникла угроза окружения южного фланга этого фронта. Это вынудило войска Четырнадцатого корпуса отходить к Днестру – отходить с боями, частыми яростными контратаками, неизбежными потерями... Противник же нес огромные потери. В дневнике убитого под Одессой румынского сублокотенента (младшего лейтенанта), командира взвода Михаила Олтяну осталась запись о боях на территории Тарутинского района. Вот она: «Двадцать первого июля. Самый ужасный день. С шести часов нас бьет русская артиллерия. Живем в вечном страхе. На каждом переходе стонут раненые. Противник бьет нас из различных видов оружия. Бой закончился для нас огромным количеством жертв. Майор – командир батальона убит... Останавливаемся у села Александровка Аккерманского уезда. Лишь только входим в село, начинают сыпаться снаряды. Из всех садов строчат пулеметы. Итоги обстрела: семнадцать человек убито, много раненых – получаем приказ отступать...»

Вот так с боями отходили перекопцы от Прута до Днестра.

Переправу через Днестр у Паланки прикрывали чапаевцы. Двадцать пятого противник обрушил на них и на переправлявшихся перекопцев шквал артогня, затем к Днестру ринулись немецкие танки. Бой длился до вечера, но враг не прошел. (См. К. Симонов: «Дневник разных дней войны»).

За Днестром – вновь бои, бои – тяжелый шаг пехоты на дорогах отступления, и вновь бои... Особенно тяжелыми они были на Нижнем Днепре у Каховки – там, где в Гражданскую войну прославилась Пятьдесят первая стрелковая дивизия. Генерал Овча-

ров пишет: «На позиции сильно поредевшего полка противник бросил в психическую атаку свой поголовно пьяный полк. Наша артиллерия, поставленная на прямую наводку и станковые пулеметы, в упор расстреливали гитлеровцев, но нас оставалось все меньше, а гитлеровцы наседали, стремясь отрезать и пленить штаб полка... Когда у нас кончились патроны и снаряды – контратаковали врукопашную».

В одной из таких атак был тяжело ранен и контужен командир полка, майор Сирота Павел Никифорович. Исключительную храбрость солдата проявил начальник штаба, капитан Поплавский – с автоматом в руках он возглавил контратаку наших бойцов и был сражен вражеской пулей. Но замысел противника не удался... С этого момента штаб полка возглавил А.М. Овчаров. В конце ноября сорок первого года преобразованный в моторизованный Двадцать третий полк был в числе тех наших частей и соединений, которые нанесли поражение Первой танковой группе генерал-фельдмаршала фон Клейста под Ростовом.

Вначале у немцев, обладающих огромным превосходством в силах, особенно в танках, все шло так, как они привыкли с начала войны – потеряв пять десятков танков и десяток тысяч личного состава войск, они 21 ноября вступили в важный стратегический Ростов и на весь мир растрезвонили об этом успехе. Но еще когда немцы только входили в город, советские войска, перегруппировавшись и подтянув резервы (правда скудные), перешли в контрнаступление, нанося удары во фланг и в тыл – по войскам Клейста, итальянскому экспедиционному и немецкому горно-стрелковому корпусам. В результате немцы покинули Ростов, не успев закрепиться в нем. Отборные дивизии Клейста при этом, Четырнадцатая, Шестнадцатая танковые, Шестидесятая эссэсовская «Викинг», сверхэлитная – Тринадцатая танковая «Адольф Гитлер», в придачу были серьезные потрепанные, как и несколько пехотных из группы генерала Шведлера...

Узнав обо всем этом, Гитлер устроил жестокий разнос командованию сухопутных войск – на командующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича кричал, как на проштрафившегося ординарца. Тот отдал приказ командующему группой армий «Юг», генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту прекратить отход из-под Ростова. Но отход продолжался. Тогда Гитлер полетел в штаб этой группы армий, где отстранил Рундштедта от командования группы армий «Юг» и назначил на его место своего любимца, фельдмаршала Рейхенау – завзятого фашиста. Но это не помогло – отход немцев продолжался, их потери росли...

Этот успех армий Южного фронта в истории Великой Отечественной войны был отмечен специальным приказом Верховного Главнокомандующего, обращением к победоносным войскам: «Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Приветствую доблестные войска Девятой и Пятьдесят шестой армий, водрузивших над Ростовом наше славное советское знамя...»

В сорок первом награждали скупо, но начштаба Овчаров за эти бои был удостоен ордена Красной Звезды. Сорок второй год принес надежды и, как уже говорилось выше, кровавую баню Барвенково... бои в Большой излучине Дона и Сталинградскую эпопею, которую майор Овчаров прошел от первых боев до последних начальником штаба, затем командиром механизированной бригады. Под его началом она стала Пятнадцатой гвардейской.

После Сталинграда бригада громила гитлеровцев на Дону, на огненной Курской дуге и в Корсунь-Шевченковской битве.

В августе сорок четвертого, в ходе Ясско-Кишиневской операции бригада выполнила особо важное задание командования Второго Украинского фронта – двадцать четвертого августа именно эта бригада, опередив поспешно отступающего противника, на четвертые сутки операции замкнула кольцо окружения того грандиозного «котла», в котором нашли свой бесславный конец двадцать две вражеские дивизии.

Золотой Звездой Героя Советского Союза отметила Родина командирский талант, боевое мастерство и отвагу подполковника Овчарова А.М.

День Великой Победы бригада и ее командир встретили в Златой Праге. Но для А.М. Овчарова и его гвардейской мотобригады война еще не закончилась. Проследовав через полмира на Дальний Восток, герои Дуная, Сталинграда, Праги участвовали в разгроме Квантунской армии японцев.

После войны гвардии полковник Овчаров стал генералом – командовал моторизованной дивизией, суворовскими училищами, в том числе Киевским, в котором, когда оно было кадетским корпусом, его отец был истопником. Служил гвардии генерал военкомом Дагестана, Волгоградской области. Был он и одним из консультантов при создании мемориального комплекса на Мамаевом кургане и начальником строительства знаменитого Зала славы в Волгограде, избирался депутатом Верховного Совета СССР. Герой Советского Союза гвардии генерал танковых войск А.М. Овчаров – Почетный гражданин города-героя Волгограда.

В истории операции «Килия веке», имена лейтенанта Овчарова и старшего сержанта Бурова неразрывно связаны. Но, чтоб выяснить дальнейшую после Цыганки судьбу старшего сержанта, нескольким поколениям «красных следопытов» школы номер два города Килия понадобилось десять лет кропотливых поисков, множество встреч с ветеранами Двадцать третьего стрелкового полка «Перекопской» дивизии. Из архивов долгое время приходили стереотипные ответы: «Документами «Перекопской» дивизии за сорок первый год архив не располагает».

Каким он был, Михаил Буров? Среднего роста, русоволос, худощав, но крепок. В полку и штабе пользовался авторитетом за активность, принципиальность и еще – за скромность и отзывчивость. Много времени проводил среди бойцов в подразделениях части, подавая пример высокой сознательности, морали. Такую, почти служебную характеристику дал генерал Овчаров старшему сержанту Бурову и еще уточнил отчество: Иванович. Подполковник Садчиков Д.И. – бывший начальник полкового клуба, хорошо знавший комсорга полка по клубной работе, в которой тот активно участвовал, к вышеприведенной характеристике героя добавил: начитанный, увлекающийся романтик. Михаил Буров, безусловно, был личностью неординарной, запоминающейся, его таким запомнили многие работающие по комсомольской линии в дунайском приграничьи. Адмирал Жуков Я.К., в начале войны инструктор политотдела Советской Дунайской флотилии (по комсомолу), запомнил вдохновенное выступление Бурова на совещании партийно-комсомольского актива в Измаиле перед операцией «Килия веке». Речь старшего сержанта была не только яркой, но и убедительной и даже поэтичной.

Буров знал историю и историю своей родной прославленной дивизии, умел увлечь слушателей... Наблюдательный начальник полковой разведки, – тогда лейтенант С.Л. Гончаров, – добавил несколько интересных сведений о Михаиле Бурове: «В полк он прибыл с осенним призывом сорокового года. Родом, видимо, из Владимирской области. Особенно дружил с группой наших молодых штабных писарей из города Вязники, часто называл их земляками...»

Что касается боевого пути Бурова после операции «Килия веке», то многие однополчане Бурова, в том числе Овчаров и Гончаров, рассказывали почти дословно (видимо, о своем неординарном однополчанине вспоминали не раз): «В начале июля у села Цыганки на реке Прут (Леовский район Молдовы) шли ожесточенные бои. Вновь и вновь густые цепи румын по мосту, вброд и

вплавь бросались форсировать реку, но всякий раз, неся большие потери, откатывались на исходные позиции».

И вдруг, к исходу дня восьмого июля группа румынских солдат численностью до роты, с белым флагом вышла из своих окопов и направилась к остаткам моста. Румыны успели перейти его и... стали проситься в плен. Огонь с обеих сторон прекратился, – в полосе обороны третьего стрелкового батальона установилась мертвая тишина. Трудно сказать почему – скорее всего потому, что горе неимоверных утрат нашего народа, леденящая кровь правда о невообразимой жестокости оккупантов – все это, а с этим и настоящая наука ненависти к врагу, было еще впереди, – навстречу колонне румын вышли комсорг полка Буров и командир пулеметной роты, лейтенант Зайцев. Когда до «сдающихся» осталось шагов пятьдесят, румыны открыли огонь и стали разворачиваться в цепь, стремясь захватить плацдарм пошире... Вероломная атака врага была отбита – мало кто из перешедших на наш берег вернулся в свои окопы, но Зайцев и Буров были убиты. Эта обескураживающая версия бытовала до тех пор, пока в сорок пятую годовщину начала Великой Отечественной войны в гости к «красным следопытам» не пришла группа ветеранов операции «Килия веке», в составе которой был и бывший начальник штаба третьего батальона, капитан Фурса Иван Варфоломеевич. Он категорически не согласился с версией о гибели Михаила Бурова на Пруту восьмого июля сорок первого года. «Все это было на участке обороны нашего третьего батальона, – говорил он, – и с нашего командно-наблюдательного пункта все, что происходило перед передним краем, было очень хорошо видно. Да, лейтенант Зайцев был коварно убит, а Буров был только ранен, он даже не упал. Раненного его подхватили румыны и увели за Прут – это было ясно видно. Не так давно мне с группой перекопцев довелось побывать в Леовском районе под достопамятной Цыганкой. Ни на одном памятнике погибшим советским воинам там имени Бурова не значится».

И «красные следопыты» вновь принялись за поиск героя через военные архивы и... все военкоматы Владимирской области, – что нам посоветовал бывший начальник разведки Двадцать третьего стрелкового полка С.Л. Гончаров, а еще по его совету, – в редакцию Вязниковской районной газеты (ее название оказалось «Маяк») – была послана небольшая статья о Михаиле Бурове и его подвиге в операции «Килия веке». Как оказалось, статья была напечатана, и спустя некоторое время из города Коврова Владимирской области пришло письмо... от сестры

М.И. Бурова – Бабановой Зои Ивановны. Она писала: «Миша Буров – мой старший брат. До войны мы жили в деревне Юрышки Вязниковского района. Миша работал учителем начальной школы (вот откуда начитанность и увлеченность!). Был Миша веселым парнем, много читал, хорошо играл на балалайке. Из наших Юрышек он и ушел в армию. До войны писал часто – его письма хранила наша мать. Когда началась война, письма перестали приходить. После долгого перерыва снова пришло несколько. Похоронку принесли зимой сорок третьего. Мать наша вскоре умерла...»

Что ж, суровая и... обычная история миллионов семей нашей страны в пору той страшной войны!

Потом от Зои Ивановны пришло еще одно трогательное письмо и с обещанием исполнить просьбу из далекой Килии: переснять и прислать копию фотографии Михаила Бурова.

А потом... пришло письмо от родственников Зои Ивановны с сообщением, что она тяжело заболела и скоропостижно умерла.

Из Вязниковского райвоенкомата и Владимирского областного военного комиссариата, а также из Центрального архива Министерства Обороны СССР (ЦАМО) пришли одинаковые сообщения: «Красноармеец Буров Михаил Иванович, находясь на фронте, был убит тринадцатого декабря 1942 года.

Похоронен северо-восточнее деревни Вышковской Нижне-Чирского района Волгоградской области».

Волгоградский облвоенком чуть позже уточнил: «После войны останки рядового одиннадцатого Гвардейского стрелкового полка, Четвертой Гвардейской стрелковой дивизии Бурова Михаила Ивановича перезахоронены в братскую могилу, находящуюся на хуторе Верхне-Чирском Суровикинского района Волгоградской области».

Итак, скорее всего, прав капитан Фурса: тогда, восьмого июля сорок первого года, на реке Прут у Цыганки герой операции «Килия веке», Буров Михаил Иванович действительно не был убит, а попал в плен к румынам. Из плена бежал и в конце концов добрался до своих (ведь в сорок первом – сорок втором – это судьба и путь сотен тысяч бойцов и командиров – патриотов Родины). Что потом? Скорее всего – один из советских фильтрационных лагерей с их дотошными «проверками» и – вновь на фронт. Рядовым... Суровы были законы той поры! И, видимо, Михаилу Ивановичу Бурову суждено было пасть смертью храбрых в горниле судьбоносной Сталинградской битвы!

Да... По-разному сложились судьбы Александра Михайловича Овчарова и Михаила Ивановича Бурова – очень по-разному, но только в деталях.

А в главном судьбы их схожи: они победители! Более того – они первыми сделали шаг и далекой Победе в лицо заглянули.

Но, вернемся к событиям 1941 г. непосредственно на берегах Дуная. Как отмечалось выше, на островах Дунайского русла Чернавка, Бабина, Большой и Малый Татару, Излучина, Пардина и Сату Ноу составили более чем семидесятикилометровую полосу, захваченную у противника и прикрытую огнем советской артиллерии, то есть серия десантов, в том числе самый крупный – в Старую Килию сложились в масштабную операцию.

И все же была она локальной – на всем остальном огромном фронте советские войска, как известно, отступали. Вследствие этого тридцатого июня Семьдесят девятый Измаильский и Двадцать пятый Кагульский погранотряды были передислоцированы на Днестр... Границу на Дунае и Нижнем Пруту целиком приняли войска «Перекопской» и «Чапаевской» дивизий. Июльское наступление немецко-румынских войск на Могилев-Подольский и Кишинев вынудило советское командование перебрасывать войска с устойчивого, менее угрожаемого дунайского участка на более угрожаемые. К шестому июля на прикрытии дунайской границы остались лишь Советская Дунайская военная флотилия и 287 полк «Перекопской» дивизии, да еще разведбат этой дивизии.

Правда, артгруппа измаильского участка границы была усилена батареей стодвадцати двух миллиметровых гаубиц, да из состава Советского Черноморского флота в Дунай прорвались два торпедных катера, чуть позже – еще два... Для того, чтоб противостоять противнику, наступающему из района Леово в направлении Болград – Аккерман в полосе Нижний Прут – Дунай, была организована Южная группа войск (Приморская). Пора было организовывать массовую эвакуацию с территории, которой грозил захват противником. Измаил стал главным пунктом, из которого осуществлялась эвакуация из Придунавья, Бугаз был главным портом, через который осуществлялась эвакуация внутренних районов Измаильской области.

Восьмого июля завершилась эвакуация советских войск из-за Дуная, в том числе – из Старой Килии. Так завершилась уникальная операция «Килия веке», о которой в своих мемуарах «Не померкнет никогда» Маршал Советского Союза Н.И. Крылов писал: «Насколько мне известно, больше на всем фронте

советскому солдату не довелось в то время ступить на землю врага и хоть на немного на ней закрепиться. Этот десант напомнил врагу: рано или поздно мы придем туда, откуда на нас напали, и войну будем заканчивать там». (См. стр. 10 ук. соч. М. 1975 г.). (А тогда наблюдательные пункты северного берега Дуная отметили, что румынские войска только одиннадцатого июля заняли Сату Ноу, Пардину, Старую Килию...).

С этого момента Измаил, Килия и Вилково, погранзаставы, их комендатуры снова стали подвергаться интенсивным артобстрелам и бомбовым ударам, резко усложнилась обстановка для кораблей Советской Дунайской флотилии и судов Советского Дунайского пароходства. Особенно беспокоил огонь румынских батарей у села Периправа, сквозь который доводилось прорываться советским кораблям и судам.

Поэтому было решено одиннадцатого июля высадить на участке Периправа тактический десант, имеющий задачу уничтожить румынские дальнобойные и противодесантные батареи. Десантом шла неполная стрелковая рота разведбата майора Скрыпника на бронекатерах номер сто одиннадцать и номер сто тридцать четыре, артиллерийская поддержка поручалась еще двум бронекатерам и мониторам «Жемчужин» и «Мартынов», и береговым батареям номер семь (Вилково) и номер Семьсот семнадцать (Жебрияны) – последняя – четыре стотридцати миллиметровых орудия...

Эта артгруппа за двое суток до десанта в обычном режиме вела огонь по противнику, два бомбовых удара нанесла авиация Черноморского флота. Руководство операцией вменялось командиру вилковской группы кораблей капитан-лейтенанту Кринову, командиром высадки шел начальник разведки Советской Дунайской флотилии, старший лейтенант Зайцев.

Одиннадцатого июля в третьем часу утра бронекатера № 111 и № 134 вышли из Очаковского гирла и направились к месту высадки полтора километра ниже Периправы – напротив румынских батарей. Для обеспечения момента внезапности перед высадкой артподготовка не проводилась (с началом высадки артгруппа должна была давать огонь по сигналам командира высадки). При подготовке десанта, однако, не провели промеров глубин на подходах к месту высадки. В результате бронекатер номер № 111, не дойдя до точки высадки сел на мель и немедленно подвергся артиллерийскому и пулеметному обстрелу врага, бронекатер номер 134, подошедший ему на помощь, также был подожжен румынскими снарядами. В результате обстрела погиб-

ли командир высадки, оба командира бронекатеров и другие сорок два человека из составов экипажей и десанта.

Артиллерия с советского берега подавила огонь вражеских батарей, но высаживать уже было некого – оставшиеся в живых моряки и десантники до Вилкова добирались вплавь.

Советская разведка установила, что румынская сторона накапливает силы и плавсредства для нового десанта в секторе Вилково. Если бы это было сделано, то Советская Дунайская флотилия и пароходство оказались в безвыходном положении. Для того, чтоб это предотвратить семнадцатого июля береговые батареи Вилкова и Жебриян, мониторы «Мартынов», «Жемчужин» и подошедший им на помощь «Железняков» провели мощный артналет по изготовившимся к десанту живой силе и плавсредствам противника – десант не состоялся.

Заняв весь южный берег Дуная, противник стал подвергать интенсивному артобстрелу Измаил из районов Тульчи, Чатала и Чатал-Кея, ежедневно бомбила город вражеская авиация. Дважды – тринадцатого и четырнадцатого июля – тульчинская группа румынских мониторов пыталась прорваться к Измаилу, но береговая артиллерия измаильского сектора, главный калибр мониторов «Ударный» и «Железняков» заставили румынские мониторы уйти в Тульчу. Наткнувшись на мощное артиллерийское противодействие, румыны решили захватить корректировочные посты на советском берегу кордона Раздельный, но десант, высаженный с этой целью пятнадцатого июля, был сброшен в Дунай. Несмотря на то, что почти все сухопутные войска с Дуная были переброшены на кишиневское направление, фронт на реке держался устойчиво. Однако, создав на кишиневском направлении подавляющее превосходство в силах в том числе – в танках и авиации, немецко-румынское командование двинуло их в новое наступление на столицу Молдавии. 16 июля части Красной Армии и Кишиневский коммунистический полк народного ополчения вынуждены были оставить город. После этого значительная часть сил немецкой Одиннадцатой армии, левый фланг румынской четвертой армии были развернуты на юго-восток и юг – стали обходить северный фланг приморской группы советских войск. Возникла угроза окружения этой группы...

Учитывая это, Ставка Верховного Главнокомандования и командование Южного фронта отдали приказ о выводе всех войск этого фронта за Днестр.

Впрочем, с первого дня войны тысячи мирных жителей Придунавья оказались на крестном пути эвакуации... На телегах и

пешком, с малыми детьми и стариками, под бомбами и обстрелами вражеской авиации.

Килийцы из придунайских кварталов и из центра города уходили в пригородные села: на Омарбию, в Подковку, Василевку, Покровское, Натягайловку, Демяновку. Сложное дело эвакуации хлеба, оборудования, другого ценного имущества, а главное людей Килийский горком и горсовет поручил зампреду горсовета Дмитрию Игнатьевичу Соловьеву.

Последними, вместе с войсками, уходили из Килии жены офицеров: Мария Николаевна Поплавская – жена начальника штаба двадцать третьего стрелкового полка, Мария Николаевна Семенова – жена полкового комиссара Семенова (морпогранохрана) и многие другие. На кровавых дорогах эвакуации им приходилось быть и нянями, и полевыми медсестрами, и солдатами, нередко – плечом к плечу с мужьями...

Приказ предписывал: «Вывод проводить в ночное время, этапами, прикрывая сильными арьергардами».

В создавшейся на Дунае обстановке очень непростой задачей являлась эвакуация Дунайской военной флотилии со всеми ее вспомогательными средствами и хозяйством. Восемнадцатого июля гирло советского Дуная покинул караван вспомогательных судов и барж с различным грузом. В море его приняли под охрану корабли Советского Черноморского флота и без потерь привели в Одессу. В ночь на девятнадцатое июля флагману – монитору «Ударный» с четырьмя бронекатерами также без помех удалось проскочить мимо Периправы и занять огневые позиции в Очаковском гирле, взяв на прицел Периправу, то же проделала вилковская группа кораблей. Но когда днем девятнадцатого июля на прорыв в море пошла измаильская и килийская группы кораблей, то на траверсе Периправы румынские батареи потопили один бронекатер, а экипажи нескольких других кораблей понесли потери в людях. В Вилково эта группа кораблей взяла на борт роту морской пехоты и пушки седьмой береговой батареи. Все эти три группы кораблей сосредоточились в Жебриянской бухте в ожидании темноты и спокойного моря. Тральщики заминировали выход из Очаковского гирла. Несмотря на усилившиеся ветер и качку корабли вышли из Жебриянской бухты, не дождавшись темноты, и взяли курс на Одессу. Закончив демонтаж и погрузку тяжелой батареи номер семьсот семнадцать, перегруженная канонерская лодка «Красная Абхазия» уже двадцатого июля сумела нагнать караван Советской Дунайской флотилии.

Переход морем тяжело дался мониторам и бронекатерам – на крутой волне корпуса плоскодонных судов прогибались, а у мониторов – до такой степени, что грозили переломиться...

Особую отвагу в борьбе за живучесть этих кораблей на трудном переходе проявили матросы Шитарев, Поляков, Солоухин и Жуков, за что были удостоены орденов Боевого Красного Знамени.

На рассвете двадцатого июля группа эсминцев, канонерок и сторожевиков взяли отходящий с Дуная конвой под свою охрану кильватерной колонной со стороны моря. В Одессе дунайцев встретила телеграмма наркомвоенмора, адмирала Н.Г. Кузнецова: «Дунайская военная флотилия действовала храбро и решительно, полностью выполнив поставленные перед ней задачи. Уверен, что славные дунайцы и впредь будут бить противника так же, как они били его на Дунае».

За умелое руководство боевыми действиями, проявленное в боях мужество и отвагу командующий Советской Военной Дунайской флотилии контр-адмирал Н.О. Абрамов, военный комиссар флотилии бригадный комиссар В.К. Беленков, командир Четвертого черноморского отряда кораблей морпогранохраны – командир высадки десанта в операции «Килия веке», – капитан-лейтенант И.К. Кубышкин и еще ряд героев боев на Дунае были награждены орденом Боевого Красного Знамени – наградой, редкой в сорок первом – сорок втором годах...

К середине июля основные силы Двадцать пятой Чапаевской и Пятьдесят первой «Перекопской» дивизий сражались на Нижнем Пруту. С этих рубежей и начался их отход к днестровским переправам у Бендер, Чобручей, Маяк. Отходили через Болград (сдан 22 июля), Каушаны – с боями, часто контратакуя, нередко дело доходило до рукопашных схваток.

С этими войсками с ренийского, измаильского участков отходили береговые батареи, сухопутные службы Дунайской флотилии. Их преследовали Первая пограничная, десятая пехотная дивизии и седьмая кавбригада румын, мотопехота из резерва Четвертой румынской армии...

Как вспоминал бывший помначштаба двадцать третьего стрелкового полка А.М. Овчаров: «При подходе к Днестру противник пытался упредить нас – захватить мост через реку, но командир Пятьдесят первой дивизии силами нашей Дивизионной артиллерии и артиллерии отдельного корпусного артполка, разгромил румынскую седьмую кавбригаду и ее артсопровождение, устроив им огневую ловушку». (Было это двадцать седьмого июля). (См. Архив Килийского историко-краеведческого музея. Фонд: «Воспоминания ветеранов»).

Как известно, к середине июля стрелковые части на Дунае были представлены лишь частью сил Двести восемьдесят седьмого стрелкового полка «Перекопской» дивизии (Измаил), разведротой разведбата дивизии и ротой морской пехоты флотилии (Вилково). В Килии оставались лишь ставшие красноармейцами добровольцы народного ополчения, да военнослужащие НКВД и райвоенкомата...

Девятнадцатого июля советские войска оставили Рени, в тот же день румыны захватили город, который с двадцать второго июня пытались взять много раз.

Двадцать второго июля арьергард двести восемьдесят седьмого полка покинул столицу дунайцев – Измаил. Отходил с боями по государственному шоссе. Перед Татарбунарами завязался ожесточенный бой с превосходящими силами противника. В полк влились двести пятьдесят татарбунарцев из батальона народного ополчения. Тяжелый бой продолжался до темноты двадцать третьего июля. Арьергард перекопцев и татарбунарские ополченцы понесли большие потери, но враг был задержан надолго, что дало возможность основным силам полка отойти к Аккерману.

Насмерть стоял полк, сдерживая бешеный натиск врага, рвущегося к переправе через Цариградское гирло Днестровского лимана...

Нелегкими были и дороги отступления Двадцать пятой Чапаевской дивизии. Особенно тяжелыми были бои у села Плахтеевки Саратского района, где ее Тридцать первый Пугачевский полк массированные атаки пехоты и танков противника сдерживал трое суток – с двадцать первого по двадцать третье июля.

Перед Днестром, на востоке Староказацкого района, прикрывая переправы, натиск пехоты и танков противника сдерживал в кровопролитном бою пятьдесят четвертый Разинский полк Чапаевской дивизии...

Но еще раз вернемся на Дунай. Девятнадцатого июля советские войска оставили Килию. Это были в основном подразделения, состоящие из добровольцев – бойцов килийского истребительного батальона, военнослужащих НКВД и военного комиссариата. Но только под вечер двадцать второго июля со стороны червоноярской дороги стали входить в Килию румынские войска. А форсировать Дунай из Старой Килии румыны и немцы решились только двадцать четвертого июля. Это был десант из битых в ходе операции «Килия веке» пятнадцатого и семнадцатого батальонов первой бригады морской пехоты румын. У

румын морская пехота была не боевым, а практически жандармским, карательным родом войск. Двадцать восемь расстрелянных мирных жителей – таково первое кровавое дело этих карателей на килийской земле. Отсюда их кровавый путь лежал в Вилково, которое они «освободили» двадцать пятого июля, расстреляв при этом несколько мирных жителей... То же самое произошло в Жебриянах, куда каратели из румынской морской пехоты не решились высаживать десант, опасаясь мощной береговой батареи, которую надеялись захватить со стороны суши (но батарея эта была уже в Одессе...).

Последними, кто в плавнях у Килии дал бой оккупантам – сражался до последней капли крови, до последнего патрона – были пограничники из группы капитана Савинова. Об этом подвиге поведала «почта Нептуна» – записка из бутылки, выловленной болгарскими рыбаками в... тысяча девятьсот сорок восьмом году. «Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось четыре человека: капитан, я, младший сержант Остапов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся! Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Двадцать третьего июня противник захватил Китай (Червоный Яр), Корячку (Мирное), двадцать четвертого были захвачены Демяновка, Парапора, Кара-Мехмет (Шевченково), Помазаны, Дракуля (Трудовое), Дмитриевка и Фурмановка. Подковку, Васильевку, Покровское (все это сейчас Васильевка), Старую и Новую Николаевку румыны захватили двадцать пятого июля. Трудно сказать почему, но если верить архивным документам, последним в килийском районе было захвачено румынами село Еникей (Новоселовка). Захват каждого села сопровождался грабежом, расстрелами мирного населения.

Так или иначе, но даже немецкое командование вынуждено было признать, что: «Русские своевременно очистили Бессарабию, отступили в районы между Днестром и Бугом, сорвав замыслы командования Вермахта отрезать крупные силы Красной Армии», – пишет едва унесший ноги из Сталинграда немецкий генерал К. Типельских в своей «Истории Второй Мировой войны». (См. Ук. соч. М. 1956 г. стр. 183).

А сейчас попытаемся подвести некоторые общие итоги боевым действиям на самом южном фланге войны. На этом участке румыно-немецкие войска начисто проиграли приграничные бои. Не так, как почти на всем остальном более чем четырехтысячекилометровом советско-германском фронте.

Известно, что, готовя и развязывая войну, гитлеровская Германия и ее союзники были убеждены, что будет она победным блицкригом.

Но тут, на Дунае и Нижнем Пруту, и далее на восток – до Днестра и еще восточнее блицкриг провалился с самого начала боевых действий.

Об этом безоговорочно свидетельствуют, прежде всего, общие низкие темпы наступления врага. По признанию самих же немецких и румынских генералов – участников этих событий, по признанию военных историков, описывающих эти события в послевоенное, особенно в последнее время (в Народной и социалистической Румынии эта тема – «белое пятно», ее как бы не существовало) средний темп наступления Третьей румынской армии (Северная Бессарабия и Буковина) – семнадцать – восемнадцать километров в сутки. (См. А. Александреску: «Освобождение Бессарабии и Северной Буковины». Бухарест. 1999 г.).

На самом деле средний темп наступления этой самой стремительной вражеской группировки еще ниже, если ко времени, на основе которого он рассчитан румынскими генералами, прибавить время топтания этих войск практически на исходных позициях на реках Черемоше и Верхнем Пруту – десять и более дней. Да и отход советских войск на этом участке фронта за Днестр был обусловлен отнюдь не доблестью и боевым мастерством Третьей румынской армии, а событиями на направлении главного удара немецкой группы армии «Юг», произошедших за сотни километров от Буковины, от Черновиц.

Низким был средний темп наступления немецко-румынской группировки и Одиннадцатой немецкой армии с танковыми и механизированными частями и соединениями, с отборными румынскими дивизиями – на Кишиневском направлении. Для того, чтоб пройти менее двухсот километров в общем-то открытого пространства, не очень пересеченной, а то и равнинной местности средней полосы Бессарабии, немецко-румынским силам понадобилось более тридцати суток – среднесуточный темп наступления – менее восьми километров (это при многократном превосходстве в силах и средствах, особенно – в авиации...).

И уж совсем черепашьим был среднесуточный темп наступления Четвертой румынской армии. По подсчетам румынских генералов – около семи километров с десятыми. (См. там же).

Но если в расчете учесть, что в течение почти месяца румыны не могли зацепиться за северный берег Дуная, несмотря на большие потери, помощь их союзников и советников – немцев, то

среднесуточный темп вражеского наступления в этой полосе окажется совсем мизерным. Почему?

Да потому, что противник, обладавший к тому же подавляющим превосходством в сухопутных силах на этом участке не скоро опомнился от серии советских десантов, особенно – от операции «Килия веке».

Румынская сторона объясняла и объясняет свои неудачи в этой полосе бездорожьем, затяжными дождями, малочисленностью танков и низкой мобильностью пехотных частей и соединений в этих условиях, промахами разведки в определении советских сил и средств на этом направлении. Тут румынские генералы и историки повторяют «доводы» своих немецких союзников и советников.

Но ведь и на советские войска факторы погоды действовали так же, как и на румынскую сторону. А что касается сил, то, как уже отмечалось, к середине июля их тут у советской стороны было мизерное количество стрелковых войск, о танках и авиации и говорить не приходится.

Понятно, что о мужестве советских защитников Дуная, о безусловном мастерстве советских артиллеристов, о возрастающем боевом мастерстве советской пехоты, о стремительных сокрушительных ударах кавкорпуса генерала Белова румынские авторы молчат...

А все это вместе взятое причинило противнику большие потери в живой силе и технике. Румынские источники определяют потери румынских войск в ходе боев в Бессарабии в девятнадцать тысяч убитых (румынская статистика не приводит данных о немецких потерях (Одиннадцатая немецкая армия), части, вкрапленные в состав Третьей и Четвертой румынской армий, немецкая авиация). Впрочем, и о потерях румынской авиации и румынской Дунайской флотилии румынская статистика молчит.

Советский сборник документов: «Сообщения Совинформбюро» (т. I), определяет потери врага к середине июля сорок первого года относительной величиной от первоначального состава – сорок процентов.

Во всяком случае, бесспорно, что двадцать восьмого июля, когда еще не вся Бессарабия была захвачена румынами, в Румынии был проведен «День национальной панихиды». Генеральный штаб Румынии вынужден был пополнить части и соединения своей Четвертой армии и включить в ее состав Первую «Королевскую» кавалерийскую и Первую «Королевскую» пехотную дивизию, а также совсем не полевую – Первую пограничную

дивизию. (Хотя в румынской армии эти соединения считались элитными, их боеспособность, как показали боевые действия, оказалось невысокой. Особенно это выявилось в последующем – в боях под Одессой).

Прямо пропорционального росту потерь падал и моральный дух не только румынского рядового воинства, но и офицерства, даже генералитета.

В августе сорок первого года в знак протеста против продолжения войны за Днестром, подал в отставку начальник генштаба румынской армии, корпусной генерал Иосиф Якобич, а в ходе боев под Одессой – командующий Четвертой армии, корпусной генерал Николае Чуперкэ. После боев за Одессу Антонеску был вынужден отозвать с Восточного фронта Четвертую румынскую армию, настолько уменьшился ее боевой состав и упал боевой дух. (См. А. Дуцу: «Антонеску и генералы». «Исторический журнал», октябрь, 1999 год).

Так или иначе с немецкой армией за Буг, Днепр, в Крым пошла только Третья румынская армия генерала Думитреску. По отношению к своему верному союзнику Антонеску германский фюрер вынужден был применить пряник и кнут: сначала кондукэтору пришла от Гитлера телеграмма с поздравлением за эфемерный успех – «фиксацию русских сил». За этим последовали угрозы лишения территориальных прибавлений за счет Украины, в случае отказа увеличить союзнический контингент на Восточном фронте, что к весне сорок второго года Антонеску охотно и проделал, послав туда новые дивизии «пушечного мяса».

В целом о противнике на самом южном фланге (это были в основном румыны) можно сказать, что по уровню техники и вооружения, тактике оперативному искусству он не намного ушел от уровня еще Первой Мировой войны, точно также, уровень боевой подготовки даже элитных частей и соединений был низким – почти год немецкого инструктажа в этом отношении мало что изменил к лучшему. Мало помогали понукания со стороны лично Антонеску, который первый год войны часто бывал в действующей армии (впрочем, как только он выезжал из Бухареста, считалось, что он уже в войсках на фронте). Слабость взаимодействия родов оружия в бою, недостаток в средствах связи, как следствие – слабость управления боевыми действиями как в тактическом, так и в оперативном отношении, недостаток транспортных средств, снабжения войск – это то, на что жаловались генералы и офицеры румынской армии с самого начала войны.

Румынская Дунайская флотилия, в особенности ее мониторы, действовала так, как будто сухопутных войск не существовало, командование флотилии не использовало численное превосходство в мониторах (семь у румынских к пяти советским).

Итак, не боевые качества румынских войск, не боевое мастерство офицеров и не полководческое искусство генералитета во главе с Антонеску, а более чем двойное численное превосходство и крайне неблагоприятные для советской стороны события на других фронтах позволяли румынам и их союзникам в Бессарабии в общем медленно двигаться на восток.

Самый главный недостаток группировки советских войск на Дунае – малочисленность ее состава, к тому же быстро продолжал уменьшаться ее численный состав – он перебрасывался на другие участки Южного фронта и даже на Юго-Западный фронт.

Малочисленность средств ПВО: истребительной авиации, зенитной артиллерии, несмотря на мужество и мастерство пилотов и расчетов при большом численном превосходстве немецкой авиации увеличивали потери наземных войск Южного фронта.

Почти неделю войска в Южной Бессарабии действовали самостоятельно – с образованием фронта и его штаба Москва опоздала.

В боях от Дуная до Днестра и далее войска Южного фронта отступали организовано, часто контратакуя и нанося по противнику контрудары. Действуя силами, уступающими по численности противнику порой многократно, они устраивали ловушки, огневые «мешки», в которых уничтожались целые румынские дивизии как в случае с тридцать пятой румынской пехотной, или с седьмой «Королевской» кавбригадой в предмостных боях на Днестре, да и во многих других случаях, не говоря о боях за Дунаем...

После упорных боев, стоивших противнику значительных потерь, за Днестр ушли, хоть и поредевшие, но сохранившие высокую боеспособность, закаленные в жестоких боях, сильные духом части и соединения. Такими же были и пришедшие с Дуная экипажи кораблей, ставшие на защите Одессы.

Боевые дела защитников Дуная, тех, кто громил врага на бесчисленных огненных рубежах между Дунаем и Днестром получили высокую оценку в трудах адмиралов Н.Г. Кузнецова и С.Г. Горшкова – флотоводцев в Великой Отечественной.

А Маршал Советского Союза Крылов Н.И. в мемуарах «Не померкнет никогда» о героических делах войск, сражавшихся на самом южном фланге войны, писал: «То, что войска, действовавшие тут, смогли удержать границу в первый день войны и долго

удерживали потом, имело значение не только для того времени и не только для данного участка фронта. Без стойкой обороны Дуная и Прута, а затем на Днестре, вряд ли удалось бы остановить врага под Одессой».

А анализируя историю Великой Отечественной войны с самых первых дней ее, видимо, не без основания можно утверждать, что молниеносная война – «блицкриг», на которой основывались планы гитлеровцев и их союзников, впервые ощутимо забуксовала в боях на земле Придунавья.

В боях на Нижнем Дунае и за Дунаем начинался боевой путь в Великой Отечественной войне нескольких Героев Советского Союза. Первым это высокое звание заслужил герой обороны Килии и операции «Килия веке», защитник Севастополя – Куропятников Григорий Александрович. Произошло это в тысяча девятьсот сорок втором году.

Власенко Иван Сидорович в двадцать третьем полку был начальником боепитания, участвовал в боях за Дунаем в ходе десанта, потом в боях на реке Прут, защищал Одессу уже командиром стрелкового взвода, а при освобождении Запорожья – пулеметной роты. В тяжелом бою лично уничтожил сотни гитлеровцев, пока вражеская пуля не сразила героя. Звания Героя Советского Союза удостоен посмертно.

В том же тысяча девятьсот сорок третьем году этого звания был удостоен капитан Серпер Иосиф Лазаревич. В сорок первом командиром саперного взвода участвовал в знаменитом десанте в Старую Килию, в сорок третьем дивизион самоходно-артиллерийских установок под командованием майора И.Л. Серпера первым прорвался в еще занятый немцами Мелитополь, двое суток до похода основных сил Красной Армии сражался в полном окружении, нанеся огромный урон противнику, чем в большей мере способствовал освобождению города на Днепре...

О боевом пути Героя Советского Союза А.М. Овчарова подробно рассказано на предыдущих страницах.

Всю Великую Отечественную геройски сражались воинские части, корабли, чей боевой путь начался на Дунае, в Килии.

Легендарный – наш родной килийский двадцать третий стрелковый полк сам в своей полковой песне поет:

На синем Дунае врагов повстречали
И били на их берегу.
В боях на Пруту, на Днепре и на Волге
Умножили славу свою.

Это относится и к 51-й дивизии.

Ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова Перекопская, Харьковско-Пражская дивизия в победном сорок пятом одной из первых в составе Первого Украинского фронта вышла на Эльбу, участвовала и в освобождении Праги...

Наследником боевой славы третьего дивизиона четвертого ЧОПСа отважного капитан-лейтенанта Кубышкина является базирующийся в Килии третий дивизион Измаильского отряда морпогранохраны. Командует дивизионом отличный офицер-орденоносец Журьян В.С.

Несокрушимый в обороне, неудержимый в наступлении двадцать третий уже моторизованный полк в составе Двадцать третьего мехкорпуса дошел до Берлина.

Пограничники Семьдесят девятого погранотряда подполковника Грачева обороняли самый юго-западный участок советской границы от Джурджулешт до Приморского, потом насмерть стояли на Нижнем Днестре, прославились геройскими делами в ходе упорной обороны Кировограда.

Из кровавой бани боев на Барвенковском выступе полк вышел сильно поредевший, но непобежденный. В этих боях командиру полка подполковнику Грачеву не раз приходилось лично водить в контратаки своих пограничников, в одной из них он сам был убит. Святыню части – боевое знамя из этих боев на себе вынес техник-интендант Н. Завар.

А героический семьдесят девятый...
Смыкал ряды
Не сломленный,
Не смятый
Непобежденный
Пограничный полк...
И верилось, что через сто преград
С победой полк дойдет до Измаила,
Но путь к нему вел через Сталинград!

После которого полк нет не через сто – через тысячи преград дошел до Берлина!

Ныне наследником неувядающей боевой славы героических Семьдесят девятого и семнадцатого Краснознаменных погранотрядов является Двадцать шестой Измаильский погранотряд. Он охраняет 370 километров государственной границы Украины. На острове Змеиный его самая южная застава.

Корабли Советской Дунайской военной флотилии – единственной, чьи корабли сражались не только на реках, а вопреки их назначению и конструкции – и на море.

После прорыва из Дуная довелось ремонтироваться в Одессе, Николаеве, Херсоне, а с заводов – сразу в бой.

Мониторы «Жемчужин», «Мартынов» и «Ростовцев» прикрывали отход советских войск через Ингул, Южный Буг, Днепр. Трагически сложились судьбы этих кораблей: после того, как немцы форсировали Днепр, мониторы оказались отрезанными от советских войск. В последнем бою, израсходовав весь боезапас, их экипажи подняли сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!» и взорвали свои корабли, а сами уже, как пехота, с боями выходили из окружения...

Девятнадцатого сентября сорок первого года у острова Березань до последнего снаряда и патрона отбивал атаки вражеской авиации флагманский корабль Советской Дунайской флотилии монитор «Ударный». Было сбито несколько вражеских бомбардировщиков, но это был последний бой славного монитора.

Самая удивительная (и счастливая) военная судьба выпала на долю «Железнякова», снискавшего славу «неуловимого монитора». Он участвовал в обороне Николаева, Херсона, Севастополя, защищал Керчь дважды – в сорок первом и в сорок втором. В сентябре сорок второго сумел вырваться из блокады на Кубани, через штормовое Черное море пришел в Поти – речной плоскодонный корабль! Одним из первых боевых кораблей Черноморского флота стал Краснознаменным – был удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

В августе незабываемого тысяча девятьсот сорок четвертого за кормой «Железнякова» было почти сорок тысяч боевых миль, когда он уже в качестве флагманского корабля Советской Краснознаменной Дунайской военной флотилии вошел в воды Дуная, с боем покинутые в сорок первом. В сорок четвертом – сорок пятом с отрядом тяжелых кораблей флотилии с боями дошел до Будапешта. Корабль оставался в боевом строю флотилии до тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, когда был исключен из списков боевого состава флота. Корабль вернулся туда, где родился – в Киев на завод «Ленинская кузница», со стапеля которого сошел в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Рабочие завода отремонтировали корабль, провели его консервацию и в память подвигов тех, кто на нем воевал во время Великой Отечественной – тридцатого июля тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года возвели корабль на почетный пьедестал. В бурные девяностые годы корабль, прошедший сквозь огненные ураганы войны, едва не погиб в пучине забвения нашего славного исторического прошлого...

Все же этого не произошло! Накануне дня Победы в тысяча девятьсот девяносто восьмом году состоялось второе открытие отреставрированного памятника славному кораблю и его доблестным экипажам.

Морской охотник номер сто двадцать пять, чей экипаж отважно сражался в сорок первом на Дунае, после прорыва в Черное море продолжал доблестно сражаться с врагом. Во главе со своим опытным и храбрым командиром, Тимошенко Владимиром Александровичем он сопровождал советские караваны судов, высаживая десанты, отбивал многочисленные атаки вражеской авиации – отправил на дно моря не одного немецкого стервятника. Туда же от его глубинных бомб ушла и вражеская подводная лодка. Первым в составе Советского черноморского флота морской охотник номер сто двадцать пять был удостоен ордена Боевого Красного Знамени – стал Краснознаменным. До конца войны лейтенант Шевченко стал командиром бригады легких кораблей Черноморского флота – капитаном первого ранга.

Дивизион бронекатеров капитан-лейтенанта И.К. Кубышкина и полкового комиссара Семенова находился непрерывно в боях – защищал Одессу, Николаев, Херсон, переправы через Ингул, Южный Буг.

С боем прорвавшись в Херсон, 14 августа бронекатера капитан-лейтенанта Кубышкина по приказу адмирала Абрамова – командующего Дунайской военной флотилии, заняли оборону на участке Днепра от портового элеватора до Антоновского моста, что выше города, не допустив переправы гитлеровцев через Днепр с ходу...

Стремительно накапливая силы для броска через Днепр, противник с каждым часом усиливал нажим на обороняющихся.

16 августа превосходящими силами, с массированным применением танков, артиллерии и авиации, противник ринулся на штурм города, который обороняли только дунайцы.

Критическая ситуация в обороне города создалась 18 августа. Сухопутных войск по-прежнему не было, силы дунайцев быстро таяли – во второй половине к городу стали подходить танки Первой танковой группы генерал-фельдмаршала Клейста – грянула пятнадцатая вражеская атака...

Командование Южного фронта приказало покинуть город – уходить за Днепр. Отход из города прикрывала группа бронекатеров, в которой флагманским шел номер 203-й с командиром и комиссаром на борту.

Враг наседал, его огонь был плотным, губительным... И вот наконец последний советский солдат сошел с Антоновского

моста на левый берег Днепра. Немецкие танки уже вкатывались на мост, когда бронекатера Кубышкина развернулись на обратный курс. Теперь флагманский бронекатер номер двести три оказался замыкающим. Весь огонь врага обрушился на него, а он чуть-чуть замедлил ход, чтоб несколькими метко пущенными снарядами разрушить наплавной мост. Огонь врага стал еще плотней... Два тяжелых снаряда пробили броню и разорвались в отсеке боезапаса. Мощный взрыв прогремел над Днепром – боезапас сдетонировал. Воды Днепра сомкнулись над флагманским бронекатером номер двести три...

Из всего экипажа чудом спасся один-единственный матрос.

Друзья-моряки не забыли героев! Ветераны четвертого Черноморского отряда пограничных судов на аллее славы, ведущей к «Могиле неизвестного матроса» в Одессе – капитан-лейтенанту Кубышкину и полковому комиссару Семенову соорудили символические надгробья в ряду других могил – герои славны своей жизнью и смертью ради жизни!

В тысяча девятьсот семьдесят шестом году «красные следопыты», нашли место, где затонул командирский бронекатер номер двести один, специалисты извлекли изуродованный чудовищным взрывом корабль со дна седого Днепра, херсонские корабелы отреставрировали геройски погибший корабль и благодарные потомки вознесли его на постамент у вод Славутича.

Еще раньше самая красивая улица, самого городского микрорайона Килии получила имя героя десантной операции «Килия веке» героического защитника Одессы, Николаева, Херсона – Ивана Константиновича Кубышкина.

Килия. Одной из самых молодых улиц города дано имя комиссара Семенова. Они были среди тех, кто тогда, в грозном, трагическом сорок первом – первыми сделали шаг и далекой Победе в лицо заглянули!

Со времен суворовского штурма Измаил – город боевой славы. Он оправдал это звание и героической обороной в грозном сорок первом. Тогда же героической обороной и особенно уникальной операцией «Килия веке» и наш город, безусловно, заслужил право именоваться городом боевой славы.

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ АНТОНЕСКУ

В штабных сейфах поезда «Патрия», двадцатого июня сорок первого года мчавшего Антонеску на «Восточный фронт», был не только проект пресловутого приказа: «Перейти Прут, освободить от ярма большевизма братьев в Бессарабии и Буковине...», но и целая пачка приказов, устанавливающих для этих «братьев» на «освобожденной» бессарабской и буковинской земле кровавый оккупационный режим. Образцами для них послужили инструкции и приказы Гитлера, Гиммлера, Геринга и других заплечных дел супермастеров, предписывающих установление кровавого режима на оккупированной советской территории. Румынскому последышу Гитлера этой пачки показалось мало, и он собственноручно написал еще один – Декрет – закон № 1798, согласно которого за шпионаж, преступления против безопасности королевства, порчу техники, средств связи, мостов виновных карать расстрелом на месте. И это – в «освобожденной» от большевиков Бессарабии! (См. сб. док.: «Стенограммы заседаний народного трибунала по делу Антонеску». Май 1946 г. Изд. Бухарест 1947 г.).

Документы подтверждают, что к нападению на СССР, к установлению кровавого режима на территории «куда ступит нога румынского солдата», в «освобожденной» Бессарабии, в самом Регате – старом королевстве Антонеску стал готовиться, едва придя к власти.

Заблаговременно готовились и кадры грабителей, карателей, палачей, многочисленного, прожорливого, жестокого чиновничьего аппарата для Бессарабии. Документы же свидетельствуют, что эти «кадры» нередко инструктировал лично Антонеску и «советники» из гестапо.

Еще до нападения на СССР был списан с изуверского гиммлеровского плана «Ост» декрет – закон № 236 от пятого февраля 41 года «О расстреле тех, кто подрывает государственный строй, или замышляет это». «Закон об организации судов» почти дословно повторял кейтелевский «Приказ об особой подсудности в районе «Барбаросса» (май 1941 г.)». Оба эти документа требуют

одного и того же – расстрела без суда и следствия коммунистов, комиссаров и евреев. Еще до начала похода на Восток под руководством Антонеску были разработаны и объявлены к исполнению приказы: «О румынизации еврейской собственности», «Об обязательной трудовой повинности». Людей, чья собственность «румынизировалась», уничтожали в концлагерях и гетто. «Трудовая повинность» вменялась всему населению на оккупированной территории, кроме предъявивших «удостоверение о чисто румынском этническом происхождении». Она означала рабский труд на оккупантов.

Самыми жестокими и жадными чиновниками в оккупированной Бессарабии чаще всего были те, кто там управлял еще до сорокового года, в том числе и коренные бессарабцы, бежавшие из края от Советской власти. От них исходило немало инициатив по ужесточению оккупационного режима, в особенности по выискиванию «советских активистов» и по расправе над ними. Они же предложили провести в Бессарабии плебисцит о согласии бессарабцев на присоединение края к «Матери-родине» – Великой Румынии. Антонеску охотно с благодарностью принял это предложение. 1–12 ноября 1941 года «плебисцит» был проведен. В нем участвовало мужское население Бессарабии от 21 года и старше. Допущенным к этому фарсу выдавалось два билета: белого цвета с ответом «да», желтого – с ответом «нет». При выходе с пунктов голосования неиспользованный билет надлежало сдать...

Понятно, что при таких условиях 100% респондентов ответили «да»...

Естественно, что и Килийский жудец в этом деле проявил требуемое единодушие...

В деле ужесточения оккупационного режима от кондукэтора не отставали и его ближайшие сподвижники.

Вице-премьер Румынии тоже Антонеску, но Михай, в начале июля 1941 года настаивал на том, чтобы в Бессарабии и Северной Буковине до конца войны был установлен жесткий военно-оккупационный режим, который только после войны предполагалось узаконить гражданским декретом об аннексии этих территорий. Против аннексии Бессарабии и Северной Буковины по декрету лишь после войны в специальном меморандуме к генералу Антонеску резко категорически высказался лидер национал-либералов Юлиу Маниу, указавший, что: «Такой запоздавший декрет может вызвать сомнения в суверенных правах Румынии, на эти провинции закрепленных еще 23 года тому назад решениями их

народных собраний и рескриптом короля Фердинанда». (См. В.Д. Добринеску «Бессарабия и Буковина во II Мировой войне». Яссы. 1995 г.).

И все же, практически возобладало мнение вице-премьера Михая Антонеску, который издал правительственное распоряжение, по которому в «освобожденной» Бессарабии надлежало наглухо отделить от старого королевства до очищения края от элементов, враждебных Великой Румынии.

Реально срок этот растянулся на весь период румынской оккупации. Впрочем, вице-премьер открыто признавал, что предписываемый режим – не что иное, как режим военной оккупации.

Бессарабец был обязан строжайше соблюдать комендантский час, светомаскировку, без специального разрешения не приближаться к железной дороге ближе, чем на километр, переходить ее только на переездах под бдительным контролем охраны. Не всякому крестьянину дозволялось иметь поле вблизи железнодорожного полотна. Тому же, которому такое разрешалось по специальному письменному разрешению, вменялась и ответственность за сохранность железнодорожного полотна (наряду со стражей).

Особенно свирепствовали власти военные. Командир третьего армейского территориального корпуса, генерал Атанасиу продублировал приказ Антонеску от 21 июня своим. По этому приказу устанавливался штраф 10 до 100 тысяч лей за несообщенный приют «чужаков», две, три тысячи лей – за «сборища» свыше трех человек – это-то на «освобожденной» земле!

Саботаж, несдача оружия, боеприпасов, взрывчатки, средств связи, радиоприемников, терроризм карались смертной казнью на месте по приказу любого офицера. Короче говоря, оккупанты ввели в Бессарабии не просто военное положение, а режим жесточайшего террора. Точно также – и режим повального, безнаказанного грабежа, именем короля, кондукэтора правительства, бессарабского «гауляйтера» – личного представителя Антонеску генерал-губернатора, Константина Г. Войкулеску.

Свирепый, с садистскими наклонностями генерал от жандармерии был личным преданным другом Антонеску и не новичком в Бессарабии.

Еще в 1924 году жандармский подполковник Войкулеску со своим эскадроном конной полевой жандармерии проявил невиданную жестокость при подавлении Татарбунарского восстания. Он и его подчиненные жгли южнобессарабские села, расстрели-

вали, вешали, живьем закапывали в землю схваченных повстанцев или подозреваемых, расправлялись с их семьями, поголовно шомполовали жителей целых сел – детей, женщин, стариков...

23 июля кровавый сатрап получил от Антонеску неограниченные полномочия на злодеяния в Бессарабии и был выведен из-под контроля любой государственной инстанции – подчинялся только кондукэтору, будучи его наместником.

25 июля 1941 года приказом Войкулеску была организована и приступила к действию килийская уездная префектура (прекратившая свое существование через три года и один месяц 26 августа 1944 года). В сентябре 1941 года несметная чиновничья рать Бессарабии от курьеров до вице-губернатора была приведена к присяге – присяге лично кондукэтору Антонеску (как это было принято в войсках «СС», присягавших лично фюреру – Гитлеру...).

«Во имя всемогущего Бога клянусь в верности и послушании кондукэтору румынского государства, – гласил текст присяги.

Клянусь охранять порядок и секреты, доверенные мне, неукоснительно выполнять данные мне приказы.

Клянусь быть правдивым и до смерти бороться за права румынского государства. И, да поможет мне Бог». Никакие присяги кондукэтору, клятвы именем Бога не изменили традиционной воровитости, коррупитивности своры румынского чиновничества – грабили народ, надували государство и самого кондукэтора на каждом шагу в большом и малом. Образцом для грабежа служил план «Зеленая папка» Геринга, а последним перед началом войны документом, повелевавшим грабить эффективно, был раздел пятый все того же декрет–закона Антонеску от 21 июня 1941 года «О румынизации собственности и экономической жизни в Бессарабии», которым «все ее богатство объявлялось румынским и для румын».

Прежде всего, оккупационные власти приступили к разграблению главного богатства Бессарабии – земли – уже в начале августа 41 года у крестьян захваченного края было отобрано 340000 гектаров земли. «Румынизация» земли продолжалась и в последующем. С 31 августа по 1 октября 1941 года по приказу Антонеску и его наместника в крае у крестьян было отобрано половину урожая сорок первого года. В начале июля Войкулеску издал Приказ № 4 – бессарабцы были обязаны сдать в национальный банк королевства все имеющееся у них золото и всю иностранную валюту.

По образцу немецких «хозяйственных команд», осуществлявших ограбление по плану «Зеленая папка», для ограбления

Бессарабии и «Транснистрии» румыны создали «Организацию Z–1». Ее обеспеченные транспортом, возглавляемые экспертами, вооруженные команды, – их консультировали ученые, инженеры разного рода, искусствоведы, библиографы, специалисты из Германии. Там, где «работали» эти команды, ограбление фабрик, заводов, учебных заведений, музеев, театров, библиотек осуществлялось квалифицировано, основательно, скрупулезно. Кроме этих команд, армии, полиции, сигуранцы «румынизацию» собственности в Бессарабии неустанно осуществляли десятки тысяч прибывших из старого королевства чиновников, прожорливых, жадных, как саранча. Масштабы ограбления края неуклонно возрастали, а наместник Антонеску снова и снова требовал от чиновников «Проявлять высокую требовательность и быть инициативными, строгими с подчиненными». (См. Изм. Архив Ф. 1, оп. 8, д. 1, л. 1). Понятно, что местная администрация вовсю старалась выполнить приказ – выслужиться и не обделить себя награбленным.

Согласно румынской статистике, с августа 1941 по август 1942 года из Бессарабии в старое королевство было вывезено 21000 вагонов зерна, семечки и семян технических культур, вывозились также сложные сельхозмашины, трактора, фабрично-заводское оборудование. В следующие 12 месяцев из Бессарабии было вывезено 31000 вагонов сельхозпродукции – это только железнодорожным транспортом, из Килии, Измаила, Рени хлеб в огромном количестве вывозился баржами.

«Румынизация» промышленности и торговли привела к тому, что к лету 1943 года из 8455 частных торговых предприятий Бессарабии, 8383 оказались собственностью румын из старого королевства, или бессарабцев, которые обзавелись «Свидетельствами о чисто румынском этническом происхождении». Наехавшие из старого королевства румыны на очень льготных условиях получали банковские ссуды для приобретения предприятий с торгов...

«Статистический ежегодник за 1942 год фиксирует наличие в Бессарабии 20 предприятий с числом рабочих до 300 (триста),

35 предприятий с числом рабочих до 50,

2700 остальных предприятий имели кроме хозяина и членов его семьи 1900 наемных рабочих. В пяти бессарабских портах насчитывалось всего 1500 рабочих – на погрузочно-разгрузочных работах румынские власти предпочитали использовать полностью дармовую рабочую силу солдат...

В селах Бессарабии работали 6800 ремесленников». (См. «Статистический ежегодник Румынии», 1942 год).

Румынская статистика отмечает, что в 1941–1943 годах в Бессарабии велось довольно интенсивное дорожное строительство – этого требовала, прежде всего, война. На бесконечном строительстве и ремонте дорог чиновничество от сельских примарей до генерал-губернатора наживалось баснословно: труд людей был дармовым, ибо осуществлялся в порядке средневекового турецкого «баялыка», а объем земляных работ, затраченных стройматериалов завышался произвольно. Статистика утверждает, что построено новых дорог с твердым покрытием 558 километров, а отремонтировано 1145 километров таких дорог, мостов всех видов на этих дорогах отремонтировано 7500 погонных метров. На ремонт дорог людей, в том числе детей лет с девяти, гнали под конвоем конных жандармов, не только по убегающим, но и по отошедшим оправиться стреляли... Об издевательствах над евреями, цыганами, военнопленными на строительстве и ремонтах дорог и говорить не приходится – их полегло на строительстве и ремонте дорог без счета...

С самого начала румынской оккупации Бессарабия была разделена на крупные административные единицы – жудецы. В каждом были свои концлагеря, тюрьмы, полицейские легионы, комиссариаты сигуранцы, службы немецкого гестапо, абвера, подразделения «СС» и, естественно, – многочисленные гарнизоны войск, морской пехоты. А по берегу моря воздвигнуты укрепрайоны с артпозициями и аэродромами.

Однако, как и его союзник-шеф Гитлер, прожженный демагог Антонеску 7 июля 1941 года по случаю «освобождения» Бессарабии обратился к ее жителям с воззванием, в котором восхвалял доблесть освободителей, требовал, чтоб бессарабцы вечно помнили и ценили это. Кондукэтор обещал, что будет лично заботиться об обустройстве края и благосостоянии его жителей.

«Прошлое ушло, – да здравствует будущее!» – провозглашал генерал.

Здравницей союзникам, их фюреру Гитлеру заканчивал Антонеску обращение к бессарабцам.

Только через месяц после начала Великой Отечественной войны и спустя три дня после того, как последний советский солдат покинул наш город, 22 июля многие килийцы стали свидетелями того, как в него вступали «победители». Опасливо озираясь, то и дело припадая к земле и залегая в придорожных канавах, грозя в любой момент открыть пальбу, по червоноярской дороге в город просачивались вояки Антонеску. Вакханалия грабежей, насилия, убийств началась в тот же день – ее чинили

«освободители»... Только 24 июля румыны и немцы на самоходных баржах решились форсировать Дунай... Захватив порт, они первым делом расстреляли 27 оказавшихся там мирных жителей, трупы расстрелянных побросали в реку. (См. «Материалы к «Книге скорби» по Килии». Учетный лист № 107 Одесского ОГА 2000 г.).

Килия стала центром нового жудеца. Он так и назывался Новая Килия и состоял из городов Килии, Вилково, местечек Татарбунары, Арциз, Тарутино, сорока пяти сел и десятка хуторов – было, где разгуляться оккупантам...

Захватив Бессарабию, оккупанты сочли необходимым пополнить ранее заготовленные карательные законы новыми. 10 июля в «освобожденной» Бессарабии стал действовать закон-декрет № 2018 «О введении смертной казни за нарушение оккупационного режима, 27 сентября...» «Господин маршал приказом № 5842 распорядился население русской национальности и тех, кто работал при советах, считать подозрительными, установить за ними наблюдение, арестовывать всех большевистских приверженцев». (См. Изм. арх., ф. 1, доп. 19, д. 25, л. 3).

В свою очередь, бессарабское генерал-губернаторство, префектуры жудецов, преторы волостей, примарии, все инстанции сигуранцы и жандармерии, армейские штабы всех уровней засыпали край своими собственными подзаконными актами, вследствие чего вакханалия кровавых расправ над местным населением нарастала. Как снежная лавина в горах...

16 сентября 1941 года шеф полиции Килийского жудеца докладывал полицейскому генералу в Кишинев: «Мы находимся в такой местности, где население состоит из национальных меньшинств. Население национальных меньшинств составляет 11129 человек: русские, липоване, украинцы – все неблагонадежные. В связи с тем, что число неблагонадежных очень велико, мы решили взять заложников». (См. Изм. ФООГА ф. 2118, оп. 1, д. 46, л. 16).

Заложниками, взятыми из всех населенных пунктов Килийского жудеца, были битком набиты подвалы сигуранцы в Килии, Вилково, Татарбунарах, Арцизе, Тарутино, а также в военных трибуналах («Куртя марциалэ»).

С первых дней оккупации города в холодные, полные воды подвалы Килийской сигуранцы (ныне – БТИ) попали директор советской школы в селе Дмитриевка двадцатипятилетний Палади Иван Александрович, директор килийской школы № 6 Руденко Харлампий Сергеевич. За то, что они учили детей в советской школе, за то, что верили в конечный разгром захватчиков и осво-

бождение края и старались передать эту веру другим, они подверглись таким пыткам, от которых Харлампий Сергеевич Руденко скончался. Палади Иван Александрович и еще пять узников были расстреляны румынскими конвоирами за селом Дмитриевка «при попытке к бегству»... Кстати, смертные приговоры румынских трибуналов не дают представления о реальном числе расстрелянных – неизмеримо больше узников погибало «при попытке к бегству» – надоело возиться с заключенными палачам, конвоирам – следовал расстрел «при попытке к бегству»...

Нет числа и не попавшим в документы, но забитым, замученным до смерти жертвам оккупантов...

Пример расправы с бессарабцами без суда и следствия подавал сам румынский «фюрер» Антонеску лично...

Заложниками в вилковскую сигуранцу попали: Гнеушев Никита Антонович – организатор и талантливый руководитель одной из вилковских рыболовецких артелей, его сподвижники, Изотов Калистрат Калинович, бывший матрос с «Потемкина» – Катец Антон Васильевич, как и Гнеушеву, ему было уже за 60. Их ровесником был и Сухов Федор Калистратович, особо подозрительным и опасным в досье сигуранцы числился Хомутов Иван Терентьевич – учитель русской школы, он еще в 1918 году отказался присягать румынскому королю и стал, как водится в Вилково, рыбаком. В 1940 году с радостью на митинге приветствовал освобождение...

После стрессов на Одесском направлении «Восточного фронта» в «Дунайскую Венецию» – Вилково в начале сентября 1941 года отдохнуть и развеяться приехал Антонеску – уже не генерал, а маршал. В воскресенье, после пышной Церковной службы прямо в храме в ноги маршалу бухнулись родственники заложников и стали молить об их освобождении. В ответ на эти мольбы Антонеску приказал: «Врагов Великой Румынии расстрелять!». Вилковской сигуранцей за попустительство «врагам Великой Румынии» был учинен бурный разнос. Назавтра заложники были расстреляны. (См. «Придунайская правда» 11 мая 1945 г.). Впрочем, на протяжении всей оккупации для того, чтоб убить бессарабца, особенно славяноязычного, вовсе не требовалось приказа Антонеску, или решения трибунала. По доносу, подозрению, или просто по наитию это практически безнаказанно мог совершить любой жандарм или военный. Так в морг горбольницы в Килии 22 июля 1944 года был доставлен труп Коломийца Андрея 24 лет, жителя пригорода Маяки, дом тогда № 24, которого застрелил старший сержант

жандармерии Маер Бела. (См. Изм. арх. Ф. 16, оп. 7, д. 1, л. 121). (Бессарабцы, особенно на юге края, в местной жандармерии служили редко, чаще всего это были трансильванские венгры, добруджские турки, или татары...).

Достаточно было написанного каракулями доноса, или вписанного в специальный реестр устного заявления о том, что человек при Советской власти высказывался против возвращения румын, чтоб названый попал в категорию «большевик», или «активист» и соответственно – в лагерь для подозрительных и это, как правило, – после истязаний. Так произошло с килийцами Молдавану Иваном 1901 года рождения, Филиным Андреем 1880 года рождения, Руляковыми Тимофеем и Иваном и многими другими жителями Килии из обширного Килийского жудеца. (См. Изм. арх. Ф. 218/1, д. 330, листы: 5, 8, 33, 37).

Гонорары за доносы были разные и с течением времени увеличивались, последние гонорары доносчикам, в 4000 и 5000 лей килийская префектура выплатила в последний день своего существования, 26 августа 44 года, уже будучи «на колесах». (См. Изм. арх. Ф. 1, оп.1, д. 123, л. 1–3).

Из-за очень высоких норм выработки на «баялыках» – принудработах легко было угодить в саботажники и, следовательно, загреметь в концлагерь. Это и произошло с работавшими на строительстве дороги Килия – Кара-Мехмет (Шевченково) жителями села Бургуджи – Виноградовка, ныне Арцизского района: Васильевым Николаем, Васильевым Петром, Васильевым Зиновием, Градинар Николаем, Марковым Семеном, Парпуланским Ильей, Ивановым Иваном, Грозвыми Михаилом и Христофором, Митевым Дмитрием, Градинаром Филиппом, Терзи Константином и Василием, Бочеваром Иоргеном, которых претор Килийской волости И. Пэкурару и начальник жандармского поста упекли «за саботаж» во Фриденстальский концлагерь (Мирнополье). (См. Изм. арх. Ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 3).

На русских, украинцев Бессарабии дополнительные кары обрушивались за употребление родного языка в публичном месте, даже в базарной толчее – ведь распоряжение № 24 бессарабского генерал-губернатора строжайше предписывало: «Применять строгие меры к виновным, которые своим поведением пренебрегают нашим государственным авторитетом в этой провинции». (См. Изм. арх., ф. Р–12, оп. 1, д. 72, л. 292).

За слово на русском или украинском языках могли последовать зуботычина с матом, удар плетью, арест с избиением, штрафом, а то – и пуля.

Обнаружение во время обыска (а такое бывало часто), не то что советской книги или газеты, а царских времен «Нивы» или другого журнала, обрывка рекламы лекарства, любого товара приравнивалось к государственному преступлению и влекло тяжкие кары со стороны властей. Бессарабца можно было считать «родившимся в рубашке», если от кепки, которая считалась «жидовским», а то и «ленинским» головным убором, жандармы отрывали козырек злосчастной кепки не с головой ее опрометчивого носителя. Точно также к государственному преступлению приравнивалось ношение платка, шарфа, рубашки, платья красного цвета... все это было предусмотрено в приказе № 699 бессарабского генерал-губернатора Войкулеску.

Зимним утром Анастасия Пастернак пошла к соседям занять немного соли. На ней был домотканый передник немаркого красно-коричневого цвета. На обратном пути ее встретил жандармский патруль. Женщину стали жестоко избивать. Лязгнул затвор винтовки. «Не стреляйте, у нее трое детей», – умоляли расчищавшие снег соседи... Но грянул выстрел...

Несколько секунд Анастасия еще стояла, глядя на недальний домишко, в котором ее ждали голодные дети, затем рухнула в снег.

Соседи занесли мертвое тело в дом, разжали застывающие пальцы. На глиняный пол упала тряпица со щепоткой соли. (Из воспоминаний килийцев о румынской оккупации. Архив историко-краеведческого музея).

В апреле 1944 года румынский офицер на улице Некрасова застрелил жителя Килии Белоус Прокофия только за то, что на нем был традиционный для молдаван, болгар, гагаузов нашего края тканый пояс – «брыу» красного цвета.

В октябре 1941 года Войкулеску издал распоряжение, согласно которому: «На все публичные должности назначать только румын, разрешение на право торговли и промышленного предпринимательства выдавать только румынам». (См. Изм. ФООГА ф. Р–12, оп. 1, д. 138, л. 191).

Правда, за хорошую взятку бессарабец любой национальности, кроме еврейской, мог выправить «Свидетельство о чисто румынском этническом происхождении». Не имеющий такой бумажки бессарабец был обречен и на тяжкий принудительный труд (с 12 до 70 лет, а в Транснистрии – с 7 лет).

Труд этот мог быть самым разным – от ремонта дорог и добычи камня в карьерах до огораживания обнаруженных минных полей... Последнее предусматривал специальный приказ генштаба королевской армии. (См. Изм. арх. Ф. 34, оп. 1, д. 1, л. 379).

Кроме принудработ (баялыка) опустошительными были реквизиции лошадей, мясного скота, транспорта, теплой одежды «на нужды фронта» и просто грабеж со стороны чиновников, жандармерии, проходящих войск. Несвоевременная сдача налогов как натуральных, так и уплата денежных не только влекла продажу имущества неплательщика с молотка, но приравнивалась к государственному преступлению и каралась концлагерем.

В 1943 году только из села Фурманки Килийской волости за долги по налогам натурой во Фриденстальский концлагерь попали более 150 человек, в том числе Чобану Андрей и Агрипина, Триколич Иван и Федор, Ступак Архип и другие жители этого села. Туда же угодили килийский бедняк, глава многодетной семьи Кройтор Георгий, Кирвас Константин, Шаргородская Агрипина, Молдавану Нина – обе из села Дракуля (Трудовое) и многие другие... (См. Изм. Арх. Ф. 1, оп. 1, д. 147, л. 147–148).

Согласно приказа бессарабского генерал-губернатора от 11 декабря 1941 года непоклонение румынскому триколору, чиновнику, офицеру при встрече (хотя бы это происходило много раз на день) квалифицировалось как неуважение к государству и кроме побоев, каралось штрафом, а то и тюрьмой от трех до десяти лет. Приказ запрещал в быту называть людей именами Митя, Вася, Ваня, Миша, Люба, Вера, Надя. Надлежало произносить имена на румынский лад: Думитру, Василе, Ион, Михай... Запрещалось при крещении давать детям имена: Игорь, Владимир, Всеволод и другие славянские. Удостоверения личности содержали множество примет, в том числе особых. Все вместе они были полицейским подробным устным портретом владельца документа. Сама нумерация и цвет «Удостоверения личности» свидетельствовали о принадлежности человека к категории «подозрительных», «опасных» или «коммунистов». Удостоверения румын были белого цвета, русских, украинцев, болгар – желтого, евреев, которых не успели уничтожить (ветеринаров, механиков, других дефицитных специальностей) – зеленого цвета...

Не только голод, холод, война косили бессарабцев во время румынской оккупации, но и антисанитария, отсутствие мыла, белья, болезни, эпидемии, с которыми не в состоянии были справиться малочисленные медицинские учреждения, в которых недоставало лекарств, оборудования, медперсонала. Зато Антонеску лично не скупился на советы, как поддержать чистоту в крестьянских дворах и домах, какие лекарственные растения собирать и как их применять. В брошюре: «Административные

поучения, данные в ходе инспекторских поездок по Бессарабии» (Бухарест, 1941 год) Антонеску советовал какими травами, кроме овощей, приправлять «чорбу», как пользоваться стеклянной тарой при консервировании (крестьяне пользовались глиняной посудой – стекло было не по карману).

Среди «отческих» советов Антонеску были даже такие: «Когда в доме малышей купают, девочки с 12 лет в это время должны латать их одежду...».

Маршал требовал, чтоб чиновники всех рангов, учителя, священники заходили во дворы, дома, на кухни и в конюшни крестьян, чтоб они не скупились на отческие советы, а если надо – и на строгие внушения. (См. ук. соч.).

Просвещение? Основой его были начальные школы, поскольку начальное образование считалось обязательным (на самом деле большинство учащихся, особенно в селах, бросали школу, проучившись 1–2 класса). В Килии работала полугимназия и 6 начальных школ, в крупных молдавских селах (они входили в разряд т. н. «образцовых сел») имелись школы, в которых помимо начальных классов имелись «дополнительные» – пятые – седьмые классы. В систему народного образования входили также, как ни странно, центры допризывной подготовки.

Воспитание в национальном духе, уничтожение всего того, что дала старая русская и новая советская системы обучения и воспитания – такой была задача массовой школы при режиме Антонеску.

Поскольку как учебно-воспитательная эта система была очень слабой и примитивной, то задачи свои, особенно воспитательную, она решала в значительной мере битьем, особенно в сельской местности...

В массовой румынской школе теории уделялось мало внимания и времени, основной упор делался на обучение «практическое» – сельхозработы, домоводство, основы плотницкого дела и местных ремесел корзинщиков, рогожечников, вязание веников...

Результат такого обучения? Ужасающая неграмотность, тьма суеверий и представление о том, что национальный дух – это дух жандарма, учителя, чиновника из старого королевства.

Бессарабцы редко допускались к преподаванию, да и только в начальных классах, преимущественно в селах и только после тщательнейшей проверки на лояльность. Такие проверки часто кончались запретом на преподавание, выселением из городов, а то и тюрьмой. Так было в Килии и в Вилково.

Культура? В бессарабских городишках, местечках, тем более в селах она была представлена системой заведений еще более жалких, чем школа. Это были т. н. «очаги культуры» (кэмин културал) с библиотечкой в несколько сот книг в основном духовного и примитивно-патриотического содержания, иногда с довольно жалкой художественной самодеятельностью на те же религиозные и казенно-патриотические темы. Коллективным патроном такой «культуры» числилась королевская семья: королева-мать – Елена Греческая и король Михай.

Основные направления культурно-просветительной деятельности?

Здоровье (в основном посредством гимнастики и маршировки).

Труд (уход за школьным скотом, пришкольным огородом, школьной пахотной землей и те же «баялыки» на самых разных работах задаром, естественно).

Развитие разума (в рамках неоканчиваемого начального образования).

Воспитание национальной души... Поскольку орудием такого воспитания чаще всего была палка, иногда в сочетании с проповедью священника, то результат получался обратный – из подавляющего числа бессарабцев ни до войны, ни в годы оккупации патриотов Великой Румынии не получилось... Масштабы грабежа оккупированной территории стремительно возрастали, захватнические аппетиты – еще больше; как и немецкие, они обретали тотальный характер. Близкая к правительственным кругам газета «Вяца» («Жизнь») четвертого октября 1942 года писала: «Румынский народ задыхается в своих границах. Он напрягает свои усилия, чтоб добиться возможности дышать. Чтоб добиться такой возможности, он должен перенести свои границы далеко – до ворот Азии». (В королевской Румынии 95% народа и понятия не имели об Азии, полагая, что она где-то совсем недалеко от родного села). Сам маршал в это время был куда практичнее – новому генерал-губернатору Бессарабии он приказывает: «Ставрат, приложи все силы, прояви всю собранность и хладнокровие, если кто-то не станет на наш путь, его надо призвать к порядку со всей жестокостью, даже пулей... Одновременно мы должны вывезти из Бессарабии все, что понадобится армии». (См. Нацархив Молдовы, ф. 706, оп. 1, д. 590, листы 16–73).

И вот она грянула – катастрофа на Волге. Десятки тысяч «единиц», как их называл Антонеску, румынского пушечного мяса нашли свою гибель в заснеженных полях Приволжья и

Дона, десятки тысяч оказались в советском плену. А верховный грабитель Антонеску отдает новый приказ – приказ трусливого вора: «Нужно брать из оккупированной территории как можно больше, но не оставлять за собой документов, чтоб не могли русские завтра вытащить их и предъявить за столом переговоров». (См. И.Э. Левит: «Крах диктатуры Антонеску». Кишинев, 1983 год, стр. 126).

В соответствии с такими указаниями были вывезены Аккерманское и Арцизское железнодорожные депо, значительная часть паровозного и вагонного парка железных дорог Бессарабии, механические мастерские Тарутино и теплицы, суконные фабрики Теплицы и Татарбунар, оборудование мельниц, маслобоек, кирпичных и черепичных заводов Килии, через Килийский порт в огромных количествах вывозилось зерно, семечка, лесоматериалы, цемент, ткани. То же самое – из Измаила и Рени. В краю не осталось тракторов, автотранспорта. (См. Изм. арх. ф. 1, оп. 1, д. 71, листы 123).

Строго секретные инструкции Бессарабского генерал-губернаторства от 20 ноября 1943 года, десятого января и пятнадцатого февраля 1944 года требовали, чтоб территориальные округа (местные военные органы) обеспечили взрыв и полное уничтожение того, что невозможно демонтировать и вывезти в Румынию. (См. Нацархив Молдовы: ф. 277, оп. 1, д. 57, л. 57).

Когда в 1944–1945 годах были подсчитаны материальные потери Килийского района от оккупации, то выяснилось, что их стоимость оценивается более чем в 22 миллиона рублей...

А чем измерить людские потери края от рук оккупантов? Во время второй оккупации края бессарабец, особенно славяноязычный, призванный в румынскую армию, с первого дня пребывания в ней зачислялся во «внуки Сталина» и был обречен на повседневные тяжкие оскорбления, садистские издевательства, поборы только за то, что он бессарабец, и это в дополнение к жестокой муштре, побоям, голоду, холоду, которые терпел всякий рядовой румынской королевской армии, славящейся самым диким в Европе режимом службы. Поэтому молодежь, как только могла, старалась уклониться от службы в этой армии. От военной службы могла спасти крупная взятка; если денег для нее не было, оставалось бегство на острова дельты, дезертирство из армии, чаще всего – в ту же дельту. Прямой же отказ от службы в королевской армии обрекал на расстрел. Эта кара и постигла килийских юношей Шутенко Ивана и Каламца Андрея, но не сразу, а после долгих страшных пыток в подвалах сигуранцы.

Число жертв румынской оккупации в районе? По многим причинам его трудно установить. По материалам в «Книге скорби» из числа килийцев румынские оккупанты расстреляли, повесили, замучили более 300 человек, не считая 2000 евреев. В районе нет села или города, где бы не было жертв от рук румынских оккупантов, в особенности из числа русских, украинцев, болгар.

В селе Жебрияны (Приморское) советскому председателю сельсовета Логинову Ф.К., председателю ревизионной комиссии Куричеву Ф.Ф. вгоняли под ногти пальцев рук иголки, нещадно били, затем вывели за село, заставили вырыть могилу и расстреляли. Под предлогом нарушения комендантского часа застрелили возвращающегося с поля Мешкова А.Ф. Русского В.О. застрелили на рыбалке, заподозрив в нем партизана. Оккупантами были расстреляны женщины этого села – Васильева Варвара Ивановна и Фирсова Матрена Ивановна, многие подверглись издевательствам, пыткам и были отправлены в концлагерь. (См. Од. ОГА, материалы к «Книге скорби» по Килийскому району, учетный лист № 216, 3 июля 2000 г.).

Без суда и следствия оккупанты расстреляли Волчанова К.С. и Себова О.Ф., коммунистов из села Еникей (Новоселовка), Белоуса К.С. из Фурманки. Артеменко Матрену Георгиевну из Фурманки повесили только за то, что она дала напиться арестованному румынами своему односельчанину. (См. там же учетные листы №№ 115 и 125).

Согласно материалам, подготовленным для «Книги скорби» Украины из Килийского района, не считая самой Килии, в Румынию и Германию на работу было угнано 3665 человек...

Десятки людей в каждом населенном пункте жудеца попали в заложники и могли быть расстреляны в любой момент. А еще десятки людей, в том числе подростков, детей были занесены в списки подозрительных и подлежащих расстрелу при отступлении румынской армии.

Цинизм и жестокость оккупантов дошли до того, что планировалось создать в дебрях дунайских плавней лагеря особого назначения, в которых содержать здоровых детей из Бессарабии, хорошо их кормить и...

Выкачивать кровь для военных госпиталей, трупы погибших детей предполагалось сбрасывать в Дунай (кто отличит убитых от утопленников?).

Первый такой лагерь был создан в плавнях недалеко от Старой Килии.

На рассвете 25 августа 1944 года, заслышав канонаду на Дунае (советские войска освобождали Килию Новую), охрана лагеря драпанула, а дети разбежались. Некоторые пытались переплыть Дунай. Моряки-дунайцы спасли нескольких из них и доставили в Измаил. Одна из спасенных до недавнего времени (гражданка Сонина) проживала в этом городе.

В целом же стремительное наступление Красной Армии в том августе 44-го спасло от гибели миллионы мирного населения Бессарабии и Румынии.

Антонеску и «окончательное решение еврейского вопроса» («Проблема № 33») в Румынии 1940–1944 годов

Портрет кровавого диктатора, рьяного последыша Гитлера, Иона Антонеску – в ряду парадных портретов всех премьеров Румынии можно увидеть в парадном зале резиденции Правительства Румынии, – дворце Виктория в Бухаресте.

Военным преступником его признали Военный трибунал (Международный) в Нюрнберге и Народный трибунал в Бухаресте в 1946 году.

Этот вердикт ему вынесли и миллионы жертв его кровавых преступлений в разных странах мира.

Но те, кому еще мерещатся сомнительные лавры «Великой Румынии», не так давно поставили несколько памятников диктатору в разных местах страны. Памятник Антонеску в Кишиневе хотели воздвигнуть те, кто были у власти в этой стране сравнительно недавно. Есть силы, которые в Румынии и в соседней Молдове извели горы бумаги и потоки чернил, стараясь изобразить истребившего миллионы румын и сотни тысяч бессарабцев, граждан Украины и России – изобразить героем-мучеником и спасителем румынских евреев!

Кто же прав?

Средневековые законодательства Молдовы и Валахии применительно к евреям, их гражданским, экономическим и политическим правам можно охарактеризовать, как щадящие, а по сравнению с соответствующими законодательствами Испании, Франции – даже гуманными.

Поэтому изгнанные из стран Западной Европы евреи находили прибежище в Польше, на Украине и к обоюдной пользе – в

дунайских княжествах, особенно в Молдове. К примеру, в начале XV века, при князе Александре Добром масса чешских евреев, бежавших от расправы за участие в т. н. Гуситских войнах, на территории Молдовы основали целый город – Хуши. Этот город на перекрестке важных дорог вскоре стал крупным центром ремесел и торговли, а со временем – и книгопечатания в Молдавском Княжестве... Евреи-врачи пользовали даже молдавских и валашских господарей, их придворных. О евреях-коммерсантах и говорить не приходится, – они были в этих княжествах вездесущими.

Воинственный валашский господарь Михай Храбрый в конце XVI века для того, чтоб вытрясти из евреев – ростовщиков, шинкарей – деньги для своих нескончаемых воин, к тому же избавиться от кредиторов, – учинил этому люду несколько «варфоломеевских ночей»...

И в XIX веке Молдова оставалась привлекательной для евреев из Польши, России, Австро-Венгрии – если верить румынской демографической статистике середины девятнадцатого века, население города Яссы почти на пятьдесят два процента состояло из представителей еврейской национальности. К тому времени к традиционным занятиям евреев (торговля, аптекарское дело, шинкарство, ростовщичество, – оно уже успело породить и настоящий банковский капитал) прибавился и гешефт посредством арендаторства, которое нередко доводило до обнищания крестьян и было не по вкусу молдавским помещикам. В результате по Молдове прокатилась волна еврейских погромов, спровоцированных правящими кругами против этого национального меньшинства.

Однако, в королевской Румынии (с 1866 года) евреям-банкирам, фабрикантам, таким, как стальные «короли» братья Аушницы, жилось припеваючи – надо было лишь регулярно задабривать королей драгоценными подарками, да делиться с ними акциями своих фабрик, заводов, железных дорог, на что эти короли были ох как охочи! Но под конец XIX века – в период довольно бурного железнодорожного строительства и вообще – в период кристаллизации румынской буржуазии и самой буржуазной румынской нации на почве соперничества родился и стал обостряться пресловутый «еврейский вопрос»...

Хрестоматийной формой выражения румынского национализма антисемитского толка стали строчки стихов талантливого румынского поэта Георге Кошбук:

Жиды страну удавкой душат
И тормозят ее могучий взлет...

На них воспитывались поколения старших школьников, гимназистов, студентов, чиновников и офицеров. Не у всех представителей этих социальных групп был иммунитет от антисемитизма...

На такой антисемитской основе, в отсталой аграрной стране, сознание масс которой было затуманено околохристианскими догмами, в частности той, согласно которой «жиды распяли Христа», на разнузданной социально-националистической демагогии и родилась румынская разновидность фашизма. Его организационное воплощение: «Лига христианской защиты», «Легион Михаила Архангела» и его последующие модификации, его лидеров – Корнелиу Зеля Кодряну, Александр Куза, Октавиан Гоа и другие.

Еще до прихода Гитлера к власти в Германии, до первых гитлеровских антисемитских законов, распоряжений, до первых концлагерей и еврейских гетто в Германии, в программе самой фашистской организации Румынии – Легиона Михаила Архангела было записано руководство к действию: «Уничтожай жидов всеми средствами – кинжалом, ядом, пулей!»

Все это так. Но только верный последыш Гитлера, Антонеску, придя к власти, уничтожение евреев объявил и сделал одним из приоритетов государственной политики.

В первые месяцы после утверждения своего режима «заботу» о евреях Антонеску расписывал не без демагогии (по официальной статистике к тому времени в Румынии проживало около миллиона евреев).

Седьмого февраля 1941 года на заседании Совета министров, председателем которого он был, кондукэтор (вождь) заявил: «В нормальной обстановке я бы исключил еврейский элемент из румынского государства высылкой за границу. Но я не могу быть негуманным, не могу оставить их умирать с голоду. Решение вопроса я вижу в создании еврейского гетто в Бухаресте... Там жиды могут жить в своей среде: со своей торговлей, со своими синагогами... До тех пор, пока мы их не переведем в области, которые будут установлены впоследствии». (См. журн. «Досье истории» № 11 1998 г., стр. 62–63. На рум. языке). К тому времени Антонеску был уже полностью осведомлен о гитлеровском плане «Барбаросса», с помощью Германии Румыния, ее вооруженные силы полным ходом готовились к вторжению в СССР в качестве союзника фашистской Германии.

Предвосхищая Антонеску, генштаб Румынии еще тридцатого июня 1941 г. издал приказ № 193/941, в котором требовал от всех воинских частей, находящихся в Бессарабии и Северной Буковине, или проходящих по их территории, быть беспощадным к евреям – в случае угрозы с их стороны или подозрения в злом умысле – расстреливать на месте. (См. М. Карп. «Черная книга» т. 3, стр. 31. Бухарест. 1998 г.).

Жестокости по отношению к бессарабцам и буковинцам требовал от армии, полиции и жандармерии вице-премьер Михай Антонеску на секретном совещании третьего июля сорок первого года. (См. там же).

Того же требовал от своих войск приказ штаба Четвертой румынской армии от того же числа. Солдаты, сержанты и офицеры этой армии вели боевые действия на южном фланге фронта. Это они грабили, насиловали, расстреливали и вешали ни в чем неповинных людей в Рени, Измаиле, Болграде, Килии, Фурманке, Новоселовке, Приморском с первых шагов на этой земле.

А кондукэтора снедали все более грандиозные планы геноцида.

На сей раз в вину евреям вменялись и репрессии советской власти накануне войны, как будто многие евреи не пострадали от этих репрессий, а также и то, что некоторые евреи догадались эвакуироваться из Бессарабии и Северной Буковины до румынской оккупации.

Пятого сентября по возвращении из действующей армии на отдых в Вилково он приказал: «Очищение Бессарабии и Северной Буковины от национальных меньшинств – евреев, украинцев, русских, гагаузов, греков, ввиду того, что они мешают военным действиям, построению новой румынской экономики, они полны духа сопротивления и реванша, – это от неотвязной мании преследования, которой страдал психически больной Антонеску, – потому, что они уклоняются от общественно полезного труда во имя победы». (См. «Армия, маршал, и евреи» М. Стоенеску. Стр. 317. Бухарест. 1998 г.).

Сатрап Бессарабии генерал Войкулеску пятнадцатого октября в своем приказе требовал: «Очищение Бессарабии должно быть тотальным. Виновные в невыполнении этого требования будут подвергнуты суровым санкциям». (См. там же, стр. 307).

С началом войны всякая маскировка планов поголовного уничтожения евреев «Всюду, куда ступит нога румынского солдата» была отброшена.

Третьего июля 1941 года на очередном заседании Совета министров кондукэтор потребовал полного очищения территории, занимаемой румынскими войсками от евреев, пояснив: «Очищение территории означает уничтожение евреев только за то, что они другой крови». (См. там же, стр. 64).

И действительно, всюду, куда ступала нога румынского солдата, лилась эта кровь рекой, в том числе в Бессарабии, Придунавьи и в нашем городе.

Перед войной еврейская община Килии состояла из тысячи семей и насчитывала 2492 человека. Это были очень разные семьи и люди: недавние крупные экспортеры зерна и глотающие пыль от этого зерна учетчики количества мешков зерна, ссыпанного в прожорливые трюмы пароходов и барж, почтенные ребе и бедняки, живущие на подаяния сердобольных членов общины, коммерсанты и их приказчики, владельцы универмагов и их приказчики, и торговцы кипятком на стакан, врачи, учителя, столяры, плотники, их подмастерья, потребители изысканных блюд еврейской кухни и те, кто не вдыхали даже ее аппетитных запахов.

Кто-то из евреев перед Второй Мировой войной уехал в Палестину, кто-то – за океан. Но большинство проявили удивительную беспечность, а может быть после года советской власти у них теплилась надежда: «Ну, придут культурные немцы, знакомые нам лихоимцы – румыны – все будет, как было при румынах». Короче говоря, остается тайной, почему столько евреев осталось в городе ко времени вступления в него румын.

И все же, сотни евреев килийской общины, как и миллионы других граждан Украины, с началом войны оказались на дорогах эвакуации, отступления сорок первого, первой половины сорок второго.

О, эти дороги, на которых: «Бойцы из боя выводили пушки,
Крестьяне гнали одуревший скот,
А детвора несла свои игрушки,
И был у куклы перекошен рот...»
Дороги, на которых: «Рожали в поле, пеленали мукой
И дальше шли, чтоб стоя умереть».

Но и это было не самое страшное. Страшнее смерти от пуль и бомб «мессершмиттов» и «юнкерсов», сеющих смерть по дорогам эвакуации, было попасть в лапы к самим немцам, или их союзникам – румынам.

Так, в 1942 оду на Ставропольщине погибли Мойсей и Соня Коганы, их восьмилетняя дочурка Циля из Килии. А где и сколько еще?

Самое же страшное произошло с теми евреями, которые остались на территории, подвергшейся оккупации. Как и их хозяева гитлеровцы, фашисты Антонеску заранее готовились к полной ликвидации евреев на оккупированной ими территории. К довоенным антиеврейским законам и распоряжениям вместе с известным: «Приказываю перейти Прут!» 21 июня сорок первого года румынский диктатор лично написал и подписал приказ № 1798, объявлявший антиеврейский геноцид в Румынии, в Бессарабии, Северной Буковине и «всюду, куда ступит нога румынского солдата». А вскоре этому преступлению придумали и румынское название, маскирующее его: «Проблема № 33». (В Румынии даже самая неграмотная солдатня знала, что Христос был распят на тридцать третьем году жизни...).

С самого начала войны против Советского Союза румынская пропаганда, по примеру геббельсовской, изображала Советский Союз страной евреев, страной, из которой Великой Румынии всегда исходила смертельная опасность, опасность, которая не исчезнет, пока будет существовать еврейская страна СССР. Точно также, прежде всего коммунистов и евреев искали среди советских летчиков, самолетов, сбитых в первые дни войны над Яссами, Плоешть, Бухарестом, а в последующем – среди шпионов, диверсантов, саботажников. Этим румынская пропаганда оправдывала и чинимый оккупантами антиеврейский геноцид. Этот геноцид начался, как только румынские войска ступили на землю Бессарабии и Северной Буковины.

Если в захваченном бессарабском селе оказывались евреи, они уничтожались немедленно, будь это мужчины, женщины, старики или дети. Трупами заполнялись колодцы, скотомогильники, овраги. Примеры? Сколько угодно.

Вот типичный. В большом базарном селе Ташлык (ныне Каменское Арцизского района на Одесщине) евреи – чиновники, аптекари, врачи, с началом войны эвакуировались, осталась старуха – Лахманович Анна, ее муж Берко, бедняк шорник Хайман Хайм с сыном Ицхаком (Ициком) и еще несколько евреев таких, что будто при любой власти терять было нечего...

Хотя Берко был мелким шинкарем когда-то и в его шинке при «старой» Румынии не раз на дурницу угощались ташлыцкие жандармы...

А молодой Ицик Хайман славился талантами художника, чертежника, каллиграфа: с одного взгляда несколькими штрихами он мог набросать портрет заказчика. А когда в примарии

ломалась пишущая машинка, он печатными буквами лучше, чем на машинке отписывал реляции в кишиневские и бухарестские инстанции... Осенью сорок первого все эти люди были зверски убиты, а их тела сброшены в скотомогильник. Односельчане перестали пользоваться этой ямой, – вырыли другую... (См. «Книга скорби» Украины. Одесская обл. Т. 2, стр. 48, 32).

С десятков фотографий «Книги памяти», изданной землячеством килийских евреев в Израиле при подвижничестве Константиновского Леонида Ароновича – ветерана Восьмой английской армии фельдмаршала Монтгомери, смотрят сотни лиц: смеющаяся детвора, озабоченные, но радостные их мамы с глазами Мадонн, счастливые невесты и женихи, гости веселых свадеб, прелестные девушки, благородные юноши, мудрые старцы... Невольно начинаешь и сам им улыбаться – хочется смеяться с ними. И вдруг содрогаешься от ужаса – мысль о жуткой реальности пронизывает сознание: да, ведь все они, почти все – со своими мечтами, мыслями, планами, красотой, мудростью, способностями, талантами погибли от рук палачей почти в одночасье. Погибли на страшных дорогах эвакуации – от пуль, бомб немецких стервятников, под гусеницами немецких танков, настигающих беженцев...

Самое же страшное произошло с теми евреями, которые никуда не эвакуировались, из числа килийских таких было большинство. Для них кровавый ад начался в тот самый день 22 июля 1941 года, когда в город вступили румыны. Озверевшая, пьяная солдатня врывалась в дома и квартиры грабила, истязала, насиловала, убивала... В своей квартире после мучительных попыток были убиты старики Сафрисы. С первых же дней оккупации города прямо на улицах оккупанты убивали мужчин, женщин, стариков, детей, как приказывал Антонеску – только за то, что они евреи.

В самом нарядном здании города – Большой синагоге на главной улице оккупанты устроили тюрьму, в которую загнали 201 еврея – мужчин, стариков, 19 детей. Почти все узники были замучены. Убивали и тех килийцев, которые пытались им помочь – передать воду, продукты.

В синагоге на улице Восьмого марта была устроена тюрьма для евреек. Их туда загнали 88 человек, в том числе 22 несовершеннолетних. Издевательства, которым подвергались узницы, не поддаются описанию... (См. Измаильский архив. Ф. 1, оп. 191, л. 28).

То же самое произошло с пятьюдесятью евреями из двух вилковских тюрем для евреев.

Выполняя распоряжение Антонеску, его наместник в Бессарабии, генерал Войкулеску издал приказ № 621, на основании которого в провинции во всех 14 городах и во многих местечках провинции были созданы тюрьмы, гетто или концлагеря для евреев. Массовое изгнание евреев из Килии произошло 25 и 30 августа 1941 года. В тот день на скорбном пути от Килии до татарбунарского пересыльного лагеря от жажды, изнеможения и побоев погибли десятки людей; многие ослабевшие без отдыха, воды и пищи были расстреляны конвоирами. Убивали развлекаясь, соревнуясь, или по излюбленному предлогу – «при попытке к бегству»... По свидетельству чудом оставшихся в живых мучеников в тот день уже на северной окраине Килии погибли мать и сестра известного килийского адвоката С.М. Кициса, замечательный килийский фотограф-художник старик Бенераф, в степи около села Димитровки был расстрелян казначей еврейского сбербанка в Килии Карл Левентон. Когда под вечер того знойного дня колонна добрела до окраины Татарбунар и оказалась за колючей проволокой, из нее вывели еще несколько десятков обессилевших, расстреляли и сбросили в недальний противотанковый ров.

Кровавый маршал Антонеску и его наместник в Бессарабии, генерал Войкулеску специальным приказом «позаботились» и о том, чтоб уделом евреев была только самая тяжелая, грязная, опасная для жизни работа: в карьерах по добыче камня, на строительстве и ремонте дорог, ассенизаторами, на расчистке полей от оставшихся после боевых действий мин, снарядов и колючей проволоки. До сорок третьего года на строительстве шоссейной дороги Килия – Кара-Мехмед (Шевченково) работали евреи. Обессилевших, изголодавшихся, больных жандармы расстреливали на месте «за саботаж», трупы сбрасывали в старые карьеры, или в Дунай... (См. Измаильский архив Одесской обл. Оп. 1, д. 68, л. 37).

С гибелью последнего еврея на строительстве стали работать бессарабцы – допризывники (премилитары)...

Нигде не зафиксировано сколько килийских евреев погибло на смертном пути от татарбунарского пересыльного лагеря до Одессы, но по свидетельству очевидцев, во время облав расстреляно, повешено, утоплено в море, сожжено в старых пороховых складах 80 человек. В Одессе же был убит и легендарный килийский силач, защитник килийской бедноты, Беня Окс, которому молодой килийский поэт Емилиан Буков еще до войны посвятил небольшую поэму.

Оккупация Бессарабии Румынией застала в крае между Прутом и Днестром около двухсот тысяч евреев. К первому сентября

сорок первого года румынские власти провели в крае перепись евреев, которая выявила, что их осталось сто пятьдесят шесть тысяч... (См. М. Карп: «Черная книга», т. 3, стр. 4. Бухарест. 1996 г.). Для тотального очищения Бессарабии от этого этноса, его и предстояло «эвакуировать» за Днестр – в концлагеря Транснистрии. Массовый, насильственный исход евреев за Днестр через переправы у Хотина, Атаки, Сорок, Бендер, Ясек начался двенадцатого сентября сорок первого года. На дорогах этой «эвакуации» от голода, жажды, побоев, непосильного напряжения, болезней и от пуль конвоиров погибли тысячи человек. Для конвоиров всех рангов эти муки и жертвы были еще одним источником дохода – мародерствующим нелюдям, преследующим колонны «эвакуированных» конвоиры продавали трупы убитых. (См. там же стр. 42).

Так или иначе, до концлагеря Транснистрии живыми дошли 120000 бессарабских евреев – все делалось для того, чтоб от невыносимых условий «естественной смертью» умерло как можно больше людей еще до прибытия в лагеря. А для расстрела изможденных и сопротивляющихся на этих страшных «дорогах смерти» палачи придумали специальный пароль – «Алексиану» – фамилия генерал-губернатора Транснистрии – профессора права. Этот пароль смерти знали все палачи, от рядового конвоира до генерала. (Шеф жандармов Кишинева, генерал Топор, организуя отправку евреев из гетто Кишинева и Вертюжен, в официальной инструкции написал: «Задерживающих движение и сопротивляющихся подвергать Алексиану на месте».). (См. А. Стоенеску: «Армия, маршал, евреи». Стр. 326. Бухарест. 1998 г.). Такую вот «заграницу» имел в виду Антонеску, как место высылки евреев, когда он разглагольствовал об этом на заседании Совета министров 7-го февраля сорок первого года... Нет, при строительстве концлагерей Транснистрии румыны не во всем следовали опыту своих учителей – гитлеровцев, румыны не строили ряды бараков, не оснащали лагеря газовыми камерами, крематориями.

Для уничтожения десятков тысяч людей вполне годились конюшни Доманевки, свинарники Богдановки, трущобы Голты, печи для выжигания извести в Варнице, превращенные в огнедышащие вулканы, овраги, куда сбрасывали часто еще живых мужчин, женщин, стариков, детей.

Некоторые зарубежные авторы, подобно А. Хилгруберу (см. его труд «Гитлер, король Карол II и маршал Антонеску». Бухарест, 1994 год), утверждают, что Антонеску Транснистрия

нужна была лишь для торгов за возвращение трансильванской территории, которую Гитлер отдал хортистской Венгрии. Да и сам Антонеску это утверждал перед Народным трибуналом в 1946 году.

Но тогда в сорок первом, девятнадцатого августа, назначая профессора права П. Алексиану генерал-губернатором Транснистрии, он его напутствовал: «Транснистрия станет румынской провинцией. Мы ее сделаем румынской, выслав оттуда всех чужеземцев. Все славянское, или ославяненное население должно быть загнано в Сибирь».

В ответ Алексиану заверил кондукэтора: «В Транснистрии все будет спокойно... Но мы твердо решили, что в случае малейшего неповиновения или саботажа, мы будем действовать с особой жестокостью».

До войны профессор прославился тем, что проделал огромный труд – систематизировал и прокомментировал все законодательные акты Дунайских принципатов Молдовы и Валахии, а также Румынского королевства с 1859 по 1940 годы.

Еще в Румынии Кароля II на должностях королевского советника в жудеце Прахова и в Буковине юрист Алексиану проявил себя как яростный юдофоб. Именно такой и нужен был Антонеску на должности генерал-губернатора Транснистрии.

Перед принятием этой должности ему была придана группа «технических консультантов» высокого ранга из ведомства самого Гиммлера во главе с Карлом Пфлаумером и бароном фон Малхиусом (до Алексиану эти специалисты по организации геноцида «консультировали» гауляйтера Бессарабии, генерала Войкулеску). Как в Бессарабии, так и в Транснистрии их «консультации» сводились к одному: «Действовать по нормам Гиммлера, Розенберга».

В Транснистрии у Алексиану талант убийцы, как в юридическом творчестве, так и в качестве палача проявился в полную силу – он написал, в общем-то, незамысловатую инструкцию по идентификации евреев.

Согласно профессорской инструкции евреями должно было считать всех, у кого: а) в роду хоть один из предков еврей, б) все исповедующие иудаизм, в) женатые на еврейке, или замужние за евреем.

Антонеску узаконил эту инструкцию не только для Транснистрии, но и для Бессарабии, Северной Буковины и старого королевства «и всюду, куда ступит нога румынского солдата...».

За людьми, подходящими под параметры профессорской инструкции, каратели всех видов и рангов охотились, как за

опаснейшими преступниками, старались уничтожить всех поголовно.

О том, что «новый порядок» устанавливается на оккупированных землях Транснистрии навечно, маршал напоминал своим сатрапам неустанно. Стенограмма заседания Совета министров Румынии совместно с генерал-губернаторами оккупированных территорий 16 декабря 1941 года содержит и такой диалог:

«Маршал Антонеску:

– Господин Алексиану, каково положение в Транснистрии?

Алексиану:

– Положение в Транснистрии очень хорошее. Полный порядок. Мы, господин маршал, работаем там с мыслью, что владеем этой областью твердо и окончательно.

Господин маршал Антонеску:

– Действуйте там так, будто власть Румынии на этой территории установилась на два миллиона лет. Что будет дальше, увидим. Вы там – король. Гоните людей на работу кнутом, если не понимают, а если понадобится, то и пулями. Для этого нет необходимости в моей власти.

Алексиану:

– Именно это, господин маршал, я и хотел услышать от Вас».

(См. Сб. док. «Молдавия в годы Великой Отечественной войны». Т. 1, стр. 97. Кишинев. 1975 г.).

С самого начала «похода на Восток» Антонеску не очень засиживался в Бухаресте, или в своей летней резиденции Снагов – севернее столицы. Его поезд «Патрия», его блестящий бронированный «Мерседес» – подарок Гитлера, или серая походная «Татра» колесили по Бессарабии, Транснистрии. (После Сталинграда такие вояжи учинялись реже).

Он разыгрывал из себя отца отечества и народа: в Вилково хлебал рыбацкую уху, в гарнизонах Измаила, Бендер, Тирасполя снимал пробы из котлов солдатских кухонь, требовал, чтоб чиновники заглядывали не только в рестораны и в казино, но и в крестьянские дворы, сам подавал примеры подобного рода. Бывало, крестьянина за образцовый порядок в хозяйстве одаривал сеялкой или плугом из недавней МТС, как скажем случилось в бессарабском селе Едиборно (Утконосовка). Но... Прежде маршальского поезда или кортежа в город врывались его каратели и «очищали» его от евреев. Так, 12 сентября 1941 года произошло и в Тирасполе. Во двор табачной фабрики каратели согнали 2500 человек мужчин, женщин, стариков и детей и всех до одного расстреляли. На следующий день маршал пожаловал в «очищенный

от евреев город». (См. Нац. Исторический архив Молдовы. Ф. 1316, дело 611, 1941 г., л. 26).

Одесса... По договоренности между Антонеску и Гитлером этот прекрасный город Бабеля, Ильфа и Петрова должен был достаться Румынии. Месяц боев в Южной Бессарабии дал возможность Одессе подготовиться к долговременной обороне. Антонеску же, который никогда в бою не командовал даже взводом, возомнив себя великим полководцем, пятого августа сорок первого года отдал приказ Четвертой румынской армии взять город с ходу. Желая присвоить себе одному всю славу, как ему казалось, беспроигрышной операции, Антонеску к радости Гитлера, отказался от помощи немцев хотя бы танками и авиацией.

Неся большие потери, передовые части румынской армии незначительно продвинулись на второстепенных направлениях наступления.

На основных наступление провалилось, понеся большие потери, атакующие откатились на исходные позиции. Поля перед Одессой покрылись лесом крестов с надетыми на них румынскими касками, а страницы румынской прессы сплошь покрылись траурными извещениями о панихидах по убитым офицерам (о рядовых газеты молчали). В адрес же кондукэтора те же газеты из номера в номер писали прозой и стихами дифирамбы его полководческому искусству, требовали ему у короля маршальского жезла. В начале сентября указ последовал...

Новоиспеченный маршал возжелал отметить это событие взятием Одессы! Снова и снова бросал он на приступ румынские войска. На этот раз на направлениях главных ударов наступали и отборные немецкие дивизии, действовала тяжелая немецкая артиллерия, батальоны особого назначения. Результат? Его подвел командующий Четвертой армии генерал Николае Чуперкэ (отправленный в отставку): «Наши войска на пределе своих физических и моральных возможностей». (См. Архив минобороны Румынии. Генштаб. Ф. Четвертой армии, д. 208, л. 319).

Только по приказу Советского Верховного командования 16 октября сорок первого года советские войска оставили Одессу.

19 октября румынско-немецкие войска вступили в город, который достался им ценой огромных потерь. Командование Четвертой румынской армии исчислило их в 18000 убитых. 11 тысяч пропавших без вести и 64000 раненых. (См. там же л. 320). Немецкий автор А. Хильгрубер в книге: «Гитлер, король Карол II и Антонеску» называет другие цифры: 70000 убитых, 100000 раненых. Понес потери и высший генералитет: самолет коман-

дующего одиннадцатой немецкой армии сел... на минное поле и генерал Риттер фон Шоберт подорвался на мине, едва спрыгнув на землю, а начальнику штаба Четвертой румынской армии генералу Иониции вращающийся винт самолета снес полчерепа. Антонеску жаловался немецкому фюреру, что у него почти не осталось боевой авиации.

Но признать, что он никчемный полководец? Ни в коем случае! И маршал объявил виновным в поражениях румынских войск под Одессой... евреев! Своему вице-премьеру в Бухарест он отписал: «Война в целом и бои под Одессой с лихвой доказали – сатана – еврей. Он, и только он гонит славян в бой, заставляя сражаться до последнего патрона. Отсюда наши огромные потери. Не будь еврейских комиссаров, мы давно были бы в Одессе». Антонеску приказал содрать с бухарестских евреев огромную контрибуцию, ограбить их квартиры, а владельцев посадить в концлагеря. Вступив в Одессу, оккупанты начали расправу с оставшимися в городе жителями, объявив всех без разбора евреями.

В рапортах военного начальства указаны лишь несколько десятков расстрелянных «террористов», конечно же, еврейской национальности. На самом деле жертвами этой дикой «охоты на людей» стали многие тысячи мирных граждан и не только евреев.

Военное командование оккупантов рьяно выполняло инструкции Антонеску – двадцатого октября все места заключения в Одессе оказались битком набитыми евреями – заложниками. Тем, кто не попал в тюрьмы, было приказано с нашитыми на груди и спине «звездами Давида», с деньгами и драгоценностями, но без продуктов питания собраться в гетто на улице Фонтанной и в Парке Шевченко. Там их загнали на самую кромку обрыва над морем и стали расстреливать из пулеметов. Для устрашения смотреть этот ужас согнали тысячи людей...

Такими были первые шаги румынских оккупантов в Одессе вскоре переименованной в г. Антонеску.

В огромном помпезном здании ведомства Берии на улице Еврейской (Энгельса) расположился штаб румынского генерала Глогожану, назначенного комендантом города.

На семнадцать часов двадцать второго октября было назначено совещание высших военных властей города – румын и немцев.

В назначенное время комендант города открыл совещание. Генерал заканчивал чтение своего доклада, когда в семнадцать

часов сорок пять минут центральная часть огромного здания взлетела на воздух. Под обломками оказались сотни оккупантов, из которых девяносто три нашли там свой конец. Среди убитых были генерал Глогожану – комендант Одессы, начальник полиции города, около полусотни старших офицеров. Мощный фугас под зданием НКВД был подорван радиосигналом, посланным из Севастополя. Время совещания сообщила устроившаяся по заданию одесского подполья переводчица комендатуры молодая женщина из Бессарабии. Сигуранца и гестапо так и не смогли ее идентифицировать, несмотря на настойчивые требования Антонеску, который издал приказ за каждого убитого при взрыве офицера казнить двести евреев – заложников, а за каждого сержанта или солдата рядового – сто заложников.

Кроме того Антонеску приказал всех захваченных в Одессе и Транснистрии бессарабцев вернуть в эту провинцию и судить как изменников родины. Их ждали расстрелы, виселицы, тюрьмы и концлагеря, а детей – «черные списки» для расстрела в случае отступления румын...

Каратели свирепствовали вовсю. Двадцать третьего октября многотысячные колонны евреев, гонимые румынскими солдатами и жандармами, потянулись в живописную Аркадию под пулеметные очереди – море поглотило несметное число жертв... Нет, этим даже не обещали гетто.

А на центральных улицах города были установлены сотни виселиц – длинные очереди жертв методично, как на конвейере, уничтожались на них до сумерек. А в районе Дальника четыре огромных склада битком набили стариками, женщинами, детьми. Через амбразуры их пытались расстрелять из пулеметов, но эффект не удовлетворил зверей в людском облике. Склады обложили соломой, облили керосином и подожгли – все сгорело дотла...

Статистика оккупантов утверждает, что в тот день в Одессе погибли 18–25 тысяч евреев. (См. А. Стоеческу: «Армия, маршал и евреи». Стр. 407–411. Бухарест. 1998 г.).

Послевоенное расследование этих преступлений оккупантов подтверждает, что жертв было намного больше.

У маршала на некоторое время жестокая мстительность сменилась краткосрочным приступом благодушия, и семилетнему мальчику он вручил солдатский крест ордена «Виртутя милитарэ» только за то, что тот пожелал быть похожим на своего отца, который в то время был на Восточном фронте. Начавшись с первого дня оккупации Одессы румынами, геноцид евреев не прекращался ни на день за все время оккупации Одессы.

В ноябре, когда уже наступила ранняя в 41 году зима, началось массовое изгнание евреев из Одессы. Все было рассчитано так, чтоб как можно больше людей – полураздетых, изможденных умерло на заснеженных дорогах «естественной смертью»... «Дороги были устланы трупами, больше всего телец детей, скрюченные тела стариков...» (См. подборку документов писательницы и поэтессы Веры Инбер в «Черной книге» стр. 97. Телль-Авив 1982 г.).

Доманевка. В центре села несколько конюшен. Они битком набиты узниками – охрана не выпускает никого. Грязь, дизентерия, нечистоты по колено, гангрена. Из трупов образовались целые горы, в разных позах лежат старики, женщины... Мертвая мать сжимает в объятиях мертвого ребенка, ветер шевелит седые волосы стариков. Румынский жандарм, лаская пса, обожравшегося человечиной, приговаривает: «Ну что, Полкан, объелся жидами?» (См. там же. Стр. 100).

В той же книге приведены воспоминания Елизаветы Пиркрамер: «В Доманевке румыны разрывали надвое детей, ухвативши за ноги, били головой о камни, у женщин отрезали груди, заживо закапывали в землю целые семьи». (См. там же. Стр. 102).

Из документов судебного процесса над палачами из Богдановского лагеря смерти, – показания подсудимого Ионус (1967 год): «Были такие случаи, когда мать падала в яму убитой, а ребенок был только ранен и еще долго кричал среди навалившихся на него трупов».

Из показаний свидетельницы Ваксельман: «В клетку для одной свиноматки загоняли по 10–15 человек, жителям села запрещали передавать продукты голодным людям, обреченным запрещали ходить за водой, а потому они были вынуждены растапливать грязный снег для утоления мучившей их жажды, но и это удавалось далеко не всем». (См. Николаевский облгосархив, ф. 2944, оп. 66, д. 54, листы 2, 3, 9).

Варница в Заднестровьи с давних пор была известна месторождениями камня известняка, из которого в больших печах – «варницах выжигалась отличная известь». При румынской оккупации сюда гнали товарняки, битком набитые смертниками из Бессарабии, Буковины и из самого «Старого королевства». Тут людей уничтожали так, что не то, что от отдельного человека – от тысяч людей и следа не оставалось. Тут нередко заживо сжигали тех, кого режим Антонеску считал особо опасными – коммунистов, подпольщиков. (См. «Черная книга» стр. 103–104).

В марте 1944 года режим Антонеску решил отправить в Вапнярку на бесследное уничтожение из самого большого лагеря в

Румынии Тыргу Жиу группу руководителей Компартии Румынии, в том числе Георге Георгиу Деж, Иоанна Чорою, Александра Гуцана и других. Героический протест заключенных всего лагеря помешал отправке, а затем эта группа совершила удачный побег и влилась в ядро организации, которая подготовила события 23 августа – арест Антонеску... (См. фотодокумент из семейного архива автора).

И. о. начальника генштаба Румынии генерал Иосиф Якобич свидетельствовал, что разгром немцев под Москвой вверг Антонеску в глубокую прострацию. Страшась расплаты за содеянные на оккупированной земле преступления, он даже порывался застрелиться, но не решился на такой поступок, а приказал подготовить эвакуацию всех румынских войск с Восточного фронта в Регат и подготовить их к последнему сражению на линии реки Олт. Было приказано также уничтожить документы об уничтожении мирного населения на оккупированной территории, сравнять с землей и замаскировать братские могилы жертв массовых экзекуций. (См. М. Стоенеску: «Армия, маршал и евреи». Стр. 480. Бухарест. 1998 г.).

Длившаяся дольше обычного глубокая депрессия у маршала, однако, и на этот раз сменилась оптимистическим настроением. В состоянии такой эйфории он написал письмо Гитлеру, в котором, не посоветовавшись с генштабом, предложил германскому фюреру послать на Восточный фронт переформированную Четвертую румынскую армию. Это даже вызвало протест некоторых румынских генералов, из которых генерал Якобич ушел в отставку (вторично). (См. там же, стр. 481).

Последовал припадок ярости у маршала, а пострадали опять-таки евреи. Двадцать восьмого декабря сорок первого года из своего поезда, следующего в Одессу, он распорядился: «Все евреи должны быть немедленно изгнаны из Одессы. Держать их там – преступление». (См. Облархив Одесской области, ф. 1820, л. 1486, л. 31).

По данным официальной румынской статистики того времени в течение зимы 41–42 года в концлагерях системы «Трансистрия» погибли более пятидесяти тысяч заключенных. (См. М. Карп: «Черная книга», т. 1, стр. 34. Бухарест. 1996 г.). Это самое «более» едва ли много меньше названых выше пятидесяти тысяч, ведь конвейер уничтожения людей был невероятной мощи и жестокости, – не удовлетворяясь просто массовыми убийствами, палачи изощрялись в изобретении изуверских мук. Они заставляли мужей сбрасывать в огнедышащий ров своих

жен, а матерей бросать туда своих грудных детей. Отказывающихся это делать загоняли в свинарник (Богдановка) и всех вместе сжигали заживо. (См. сборник документов: «Одесса в годы Великой Отечественной войны», т. 2, стр. 38–39).

Узники гибли от голода, холода, болезней, от садистски жестоких, изощренных истязаний, которым их подвергали палачи. Арсенал этих истязаний превосходил все пыточные застенки средневековья. Далеко не полный список способов уничтожения людей включал: избиение палками, шомполами, железными прутами, проволочными тросами, резиновыми дубинками и шлангами, канатами, вымоченными в рассоле. Человека распластывали на столе: четыре палача непрерывно с ожесточением наносили удары по голому телу, превращая его в кровавое месиво – забивали насмерть.

Били стеклянными бутылками прямо на полу, топтали ногами лежащих на битом стекле, заставляли жертвы есть это битое окровавленное стекло. Истязаемых заставляли есть хозяйственное мыло, пить смесь касторки с уксусом – в лошадиных дозах, закрывали их в армейские парилки для обработки обовшивевшей одежды. Когда истязаемые подплывали в кровавом поносе, их заставляли вылизывать это... (См. труд того же автора, т. 1, стр. 36).

Регулярно объезжая свою «империю» смерти, генерал-губернатор Транснистрии Алексиану неизменно требовал у подчиненных наращивать темпы уничтожения людей, об итогах ежедневно докладывал своему шефу Антонеску, который неизменно оставался доволен рвением кровожадного профессора...

А он, выслушивая рапорты своих палачей, с гнусной иронией спрашивал:

– А что, все еще есть евреи в Транснистрии?

(См. М. Карп: «Черная книга», т. 3, стр. 15. Бухарест. 1996 г.).

Бесспорно, что килийские евреи, как и евреи Бессарабии и Буковины, массами гибли на всех этапах «окончательного решения еврейского вопроса», или «проблемы № 33», как это именовалось у румын. Евреев уничтожала наступающая румынская армия, евреи массами гибли в концлагерях и гетто между Прутом и Днестром, потом на кровавых дорогах в лагеря и гетто за Днестром и, наконец, в самих этих лагерях и гетто. Установить точное число погибших – дело очень сложное и трудное по многим причинам, – нет точных данных о числе жителей этой национальности в предвоенной Килии.

Война вызвала очень интенсивные миграционные процессы, разбросала людей по всей необъятной стране, по всему миру.

Сами палачи, особенно румынские, не были заинтересованы в точном учете своих жертв.

Более того, многое делали для того, чтобы скрыть следы страшных преставлений, в особенности после Сталинграда...

Сам процесс уничтожения людей во многих случаях был таким, что без следа исчезали не только отдельные люди и семьи, но и целые колонны и эшелоны жертв...

Неизвестно сколько килийцев было убито, умерло от голода, жажды, истощения, болезней, холода, горя на дорогах «эвакуации», в пересыльных лагерях типа татарбунарского, на переправах через Днестр у Яськи, Маяк и других – в рапортах конвоиров начальству об этом не стоит искать точных данных.

Но точно известно, что в двух килийских и двух вилковских гетто оккупанты уничтожили более двухсот евреев, в том числе десятки маленьких детей. В Одессе – еще восемьдесят человек. Далее – снова провал в информационном поле – число жертв в лагерях смерти «Транснистрия».

А на дорогах эвакуации – от линии отступающего советского фронта на восток? И эта статистика очень приблизительна.

Мы не знаем, сколько килийских евреев погибло в Доманевке (государственная комиссия установила, что общее число погибших в этом лагере более двадцати двух тысяч), Голте, Варнице, Вапнярке и других лагерях смерти между Днестром и Бугом. Но волей случая в лагерь Богдановка среди тысячи трехсот восьми килийцев попали и хорошо известные в нашем городе медики – супруги Вайсман. И в лагерных условиях они продолжали, как могли, оказывать помощь больным. Они вели и тайный учет погибших в этом лагере килийцев. По этим подсчетам, от рук палачей и страшных условий в лагере погибли тысяча триста килийцев...

В марте – апреле сорок четвертого года наступающая Красная Армия предотвратила гибель около шестидесяти тысяч евреев на территории между Днестром и Бугом в румынской зоне оккупации. Преимущественно те, кто спасались по трущобам, в селах, в глухомани, кочующих по самым гиблым местам региона, откупающихся у жандармов... Из лагерей смерти Красная Армия освободила немногих выживших – всего около трех тысяч. Из узников Богдановского лагеря в живых остались всего около двухсот человек, включая восемь килийцев... (См. сб. док.: «Килия. Книга памяти», стр. 130. Телль-Авив. 1991 г.). Из всей

довоенной килийской еврейской общины после войны в город вернулось менее двухсот человек.

Катастрофа немецко-румынско-итальянских войск под Сталинградом в очередной раз ввергла Антонеску в прострацию. А придя в себя, он поднатужился и почти с оптимизмом изрек: «Гитлер свою войну проиграл, теперь нам надо действовать так, чтоб не проиграть свою». (См. «Новейшая история Румынии». Яссы. 1992 г. Стр. 104).

В планах установления связи с англо-американцами во имя спасения своего кровавого режима Антонеску намеревался разыграть и еврейскую карту, представ спасителем румынских евреев.

Перед Народным трибуналом, вместе со своим вице-премьером, М. Антонеску, профессором права – главным палачом Транснистрии Алексиану, представ как главный военный преступник, Антонеску не без апломба заявил: «Если в Румынии еще есть евреи, то это благодаря мне».

Приводил он перед трибуналом в 1946 году и более конкретные случаи своего личного вмешательства во спасение евреев: «Находясь в Тигине (Бендеры) в сорок первом году, прогуливался вечером около крепости, занятой немцами. Из крепости послышались крики и выстрелы. Я немедленно послал адъютанта узнать, что происходит? Вернувшись, адъютант доложил, что расстреливают евреев. Я пригласил представителя ставки фюрера при моем штабе, генерала Хауфе и заявил, что если на румынской земле не прекратятся такие преступления, то мы выйдем из войны». (Как будто не сам он, Антонеску, еще накануне войны договорился с Гитлером о том, что в полосе действий Одиннадцатой германской армии не только военные вопросы, но и карательные меры против гражданского населения передаются целиком в ведение немецкого командования). На том же процессе в свое оправдание он приводил и такой факт: «Немцы и легионеры готовили «варфоломеевскую ночь» евреям Кишинева, Бельц, Сорок. Я приказал посадить этих евреев в гетто для их же безопасности»... (См. подборку документов «Маршал и евреи» в «Военно-историческом журнале» № 5. 1995 г. Стр. 17). В этих местах «спасения евреев» погибли десятки тысяч узников только за одну осень и зиму 41–42 года.

В сорок третьем году Антонеску приказал осуществить репатриацию узников гетто и лагерей Транснистрии, депортированных из Регата. К тому времени в лагерях и гетто осталось в живых что-то около одной десятой части узников, депортирован-

ных туда в сорок первом – сорок втором годах. В число репатриированных попали, в основном, молодежь и дети. Участь репатриированных оказалась не намного лучше, чем лагерников: они далеко не всегда возвращались в родные места, устраиваться в местах, куда возвращались, они должны были самостоятельно – в заброшенных домах – развалинах, им не предоставлялась возможность устроиться на работу. Репатриированные, особенно дети, массами гибли от голода, холода, болезней, в облавах. Пропаганда же изображала все это, как великое человеколюбие маршала...

В начале сорок четвертого года, для пущей рекламы дела спасения румынских евреев, была спланирована специальная операция под кодовым названием «человечность». Для ее осуществления, а главное – для рекламы была создана специальная организация того же названия. Организовывались побеги евреев из концлагерей и гетто той части Транснистрии, которая отошла к хортистской Венгрии. Из числа бежавших те, кто могли уплатить за отправку в нейтральные страны до десяти миллионов лей официально, а сверх того уплатить «бакшиш» в долларах иногда действительно обретали возможность спастись из антонескова ада. Большинство же исчезало бесследно... (См. М. Карп: «Черная книга», т. 1, стр. 16. Бухарест. 1996 г.).

Летом сорок четвертого года для установления связи с англо-американцами Антонеску решил использовать даже пребывающих в комфортабельном «заключении», – с собственным поваром, с возможностью получать прессу и пользоваться радиоприемником, – мультимиллионеров «королей» стали, братьев Аушниц. Но было уже поздно – советские танки уже катили к Бухаресту...

Дни и даже часы кровавой диктатуры Антонеску подходили к позорному концу!

Трудно, очень трудно установить число жертв холокоста «всюду, куда ступала нога румынского солдата» (тем более плечом к плечу с немецким), но даже число жертв, установленное самими румынскими специалистами, ужасает. Как уже отмечалось, в течение месяца, сколько продолжалось немецко-румынское наступление в Бессарабии и Северной Буковине, погибло около 150000 евреев, столько же на дорогах депортации из Бессарабии, Северной Буковины и «Транснистрии», еще сто пятьдесят тысяч жертв в самой системе лагерей и гетто «Транснистрия». (См. М. Карп: «Черная книга», стр. 31–35. Бухарест 1996 г.).

Вряд ли это полная статистика жертв холокоста на территории, оккупированной румынами. (Более ста пятидесяти тысяч убитых евреев в сорок четвертом – сорок пятом годах установили строгие государственные комиссии в одной только Одесской области). (См. «Очерк истории города-героя Одесса». Стр. 268. Одесса. Облиздат. 1957 г.).

Задумайся над этим, Человек! Не терпи, наполняйся ненавистью, присягни, что не допустишь, чтоб такое повторилось. В душе каждого человека должен быть запечатлен этот завет жертв фашизма.

И за это сражались десятки миллионов бойцов-антифашистов на всех фронтах Второй Мировой и Великой Отечественной воин.

Более семидесяти воинов-килийцев еврейской национальности были в их числе. Кавалером двух орденов славы стал на той войне Спивак Меир Прокопович, многих наград были удостоены Жижур Шая Лейбович, Васильковская Дора Яковлевна, Рабинович Наум Яковлевич, Лейбович Ефим Авраамович и другие.

Многих боевых наград удостоен сражавшийся в Северной Африке в составе Восьмой английской армии килиец Константиновский Леонид Аронович. Смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной пали: И. Гринберг, Ф. Вайнштейн, Ш. Литвин и Д. Литвин, Х. Миримский, Д. Лифшиц, М. Фаликов, Л. Бланк-Константиновский, И. Столяр, Х. Феферман, И. Чулак, И. Кантерман, Н. Хаймович, Г. Нудельман.

И все же, что греха таить, – наш собственный доморощенный антисемитизм, несмотря на многомиллионные жертвы еврейского народа в той войне, несмотря на неисчислимые подвиги евреев – солдат, офицеров, генералов, подпольщиков, партизан, разведчиков, в том числе сотен Героев Советского Союза породил грязный штамп: «ташкентский фронт». Подразумевалось, что его держали, прежде всего, увернувшиеся от передовой евреи – чуть ли не дезертиры. Не было такого фронта ни для какого народа нашей многонациональной страны! Украина и Беларусь, Молдова и Россия, Урал, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток, Брест и Килия, Одесса, Севастополь, Ленинград и Москва, Краснодон, Челябинск, Новосибирск, Ташкент и Комсомольск-на-Амуре, как и все сражающиеся фронты, сколько их ни было на протяжении Великой Отечественной войны, были одним не только огромным, но и решающим фронтом, на котором ковалась великая, самая великая Победа в истории всех воин!

В ее достижение внесли свой вклад и килийские евреи. Не только павшие смертью храбрых в боях, не только с боями дошедшие до Победы, пусть ранеными, инвалидами.

В достижение Победы внесли свой вклад и те, кто, не смотря ни на что, смогли уйти от смерти на дорогах эвакуации. Им довелось рыть окопы для армии на разных рубежах от Дуная и Прута, до Сталинграда, как это довелось делать добрейшей Собине Владимировне Лейтензон.

А Бениамин Львович Илич был молотобойцем в кузнице МТС в Казахстане, Хаим Львович Пивоваров был рабочим на Урале, а супруги Вайсман, даже в лагере смерти Богдановка, старались как медики вырвать из лап смерти кого можно. Все они и такие, как они, – такие творцы Победы, чьи имена забвению не подлежат!

Истребление от рук фашистов грозило не только евреям. Как уже отмечалось, эта участь была уготована режимом Антонеску русским, украинцам, цыганам, болгарам, гагаузам. В декабре 1940 года во время очередной встречи Антонеску и Гитлер обменялись мнениями по целому ряду вопросов, связанных с предстоящим походом на Восток. Естественно, обсуждалась и славянская проблема. С полным основанием можно утверждать, что изуверский гитлеровский план уничтожения славянства «Ост» смыкается с идентичным планом Антонеску. Разница лишь в названии, под которым фигурировали эти преступления: у Гитлера это называлось «переселением», у Антонеску «миграцией». Тогда, при встрече, Антонеску в частности заявил: «Славянские народы являются для Европы не политической или духовной проблемой, а серьезным биологическим фактором»...

Гитлер продолжил мысль своего союзника: «В будущем в Европе должны быть две расы – германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать, чтоб уменьшить количество славян». (См. сб. док.: «Процесс великого предательства» Бухарест. 1946 г. Стр. 35).

В ходе войны против СССР Антонеску не раз заявил: «Я стою за насильственную миграцию русских (читай, депортацию), украинцев и других славян». (См. там же).

Изгнание русских, украинцев, болгар из Транснистрии в массовом порядке началось в 1942 году с насильственного переселения 3200 жителей из Рыбницкого района в Очаковский на неудобья. Мера рассматривалась оккупационными властями как временная – «До выхода румынской армии к порогу Азии»...

На место высланных поселялись румынские колонисты. Румынские власти Транснистрии встречали их хлебом-солью, поселяли в лучших домах, обеспечивали всем необходимым и прежде всего землей – главным богатством края. По пятьдесят

гектаров плодородной пашни досталось рядовым колонистам, офицерам армии и сигуранцы – в десять раз больше. Сам гауляйтер Транснистрии стал крупнейшим землевладельцем. Его имения располагались на лучших землях многих волостей Транснистрии. На тяжкий труд были согнаны тысячи рабов, за которыми присматривали самые жестокие надсмотрщики, лично подобранные Алексияну.

Поселяя в Заднестровье колонистов из Регата, власти изображали это дело так, будто это репатрианты возвращались на свою исконную родину. Самыми привилегированными колонистами в Заднестровье были немцы. Им отводились самые лучшие земли, они поселялись в самых богатых, самых благоустроенных селах, из которых немедленно выселялись не только украинцы, русские, болгары, но и молдаване – местные коренные жители.

Весной 1942 года, когда немецко-румынские войска во второй за войну (и последний) раз двинулись к Волге и «к порогу Азии», власти южнобессарабских жудецов – Аккерманского, Килийского, Измаильского, Кагульского, Бендерского – получили указания правительства Антонеску очистить эти территории от украинцев, русских, болгар, цыган и сектантов различного толка.

Из чиновников южнобессарабских префектур, чинов полиции, жандармерии, сигуранцы, армии были составлены комиссии, которые приступили к составлению поименных списков тех, кого надлежало депортировать «к порогу Азии»... Земли этих семей предусматривалось передать румынам из южной Добруджи и с тех территорий Трансильвании, которые в 1940 году Гитлер отдал Венгрии.

Сокрушительный разгром немецко-румынских оккупантов под Сталинградом и на Дону заставил их начать срочную подготовку собственной драп-миграции в Регат, Рейх и далее, куда унесут ноги от возмездия.

Многие (но не все) славяне – украинцы, русские, болгары, да и не только славяне, которых по обычаю оккупантов следовало уничтожить, как это делалось перед бегством властей с узниками концлагерей, тюрем, – были уничтожены. Стремительное бегство оккупантов перед наступающей Красной Армией летом сорок четвертого года спасло жизнь сотням тысяч людей.

Однако история сложилась так, что и спустя многие десятилетия после Великой Отечественной войны румыны не забыли о богатых землях между Прутом и Бугом. Не канул в лету злосчастный «Бессарабский вопрос». С помощью унионистов и

Народного фронта, затем Христианско-демократической народной партии Молдовы по планам спецслужб Молдовы, а главное Румынии в 1992 году против народа Приднестровья была развязана военная агрессия, принесшая на цветущие земли смерть и разрушения.

В памяти живущих на этой земле людей – молдаван, русских, евреев, украинцев, болгар и других еще живы ужасы румынской оккупации времен Антонеску...

В ходе кровопролитных боев агрессоры были разгромлены, ПМР отстояла свою независимость. С помощью России и Украины на многострадальной земле Приднестровья установился мир. Хрупкий мир – второе десятилетие народ Приднестровской Молдавской республики живет в условиях всевозможных блокад, под угрозой новой агрессии из-за Днестра и Прута...

ПЛАМЯ НАРОДНОГО ГНЕВА

История борьбы трудящихся Придунавья против румынско-немецких оккупантов (сорок первый – сорок четвертый годы) мало исследована. Сверхсекретность советских архивов отчасти тому причиной. То, что на эту тему напечатано в «Истории городов и сел Одесской области», создает мозаичную, далеко не полную картину этой борьбы. Может создаться впечатление, что такой борьбы почти не было, что румынско-немецкая оккупация была мирной, и местное население мирно уживалось с оккупантами.

Румынская пропаганда тогда и теперь именно такой представляла и представляет ситуацию того времени в Бессарабии (и в Придунавьи).

Но документы архивов Одессы, Николаева, Тирасполя, Измаила, Кишинева и Бухареста – доклады и рапорты оккупационной администрации, документы полиции, жандармерии, трибуналов, сигуранцы, румынской армии говорят о другом. Они создают довольно подробную, яркую картину борьбы с оккупационным режимом в Придунавьи. Конечно, они многое затушевывают, искажают, конечно, в этих документах антифашисты – подпольщики, партизаны, парашютисты с «большой земли», просто не желающие покориться оккупантам бессарабцы именуются не иначе, как бандитами, террористами, большевиками, или их агентами.

Сами румынские чиновники, полицейские, жандармы, агенты сигуранцы, армейские командиры признают, что: «Борьба против румынских войск: шпионаж, помощь бессарабцев войскам Красной Армии, органам советской власти имели место еще до того, как румынские войска захватили эту территорию». (См. Изм. архив, д. 233).

С самого начала румынской оккупации края идет и борьба против оккупантов. Интенсивность, эффективность этой борьбы?

Так, измаильская уездная полиция рапортует ее кишиневскому управлению, что несмотря на арест советских активистов в первые же дни оккупации, с первого августа сорок первого года

по первое июля сорок второго в жудеце имели место сто шестьдесят четыре случая антирумынских выступлений, являющихся угрозой государственным интересам Румынии. И это помимо тех, по которым уже вынесены приговоры военных трибуналов. Но антиоккупационное сопротивление началось не в августе, а с первых же часов румынской оккупации. Взрыв здания измаильского аэропорта, повлекший ранение трех солдат, произошел в первый же день вступления румын в город.

С первых же дней оккупации советские патриоты прерывали сообщение на перегонах железной дороги Рени – Романешть, Етулия – Вулкэнешть, в Килийском жудеце с первых дней румынской оккупации патриоты наносили удары по портовым и армейским складам, по караванам судов, идущим на восток с военными грузами. (См. Изм. архив Ф. Р–12 и 13, д. 233, д. 234).

Да, действительно, в Придунавьи антиоккупационная борьба имела свою специфику. Иначе и быть не могло.

В Придунавьи не было крупных партизанских отрядов, сюда не прорывались партизанские соединения Ковпака, Федорова, Сабурова или других прославленных партизанских командиров. Необходимость, цели были, условия не позволяли.

И все же, как и на всей оккупированной врагом территории, в Придунавьи возникло и несмотря на очень сложные условия действовало движение сопротивления оккупационному режиму.

Его вызвала безусловная популярность советской власти в крае, хотя существовала она здесь всего год.

Его вызвало неприятие власти румынской большинством многонационального местного населения, которое к тому же было преимущественно славяноязычным. Главной же причиной, вызвавшей освободительное движение, была невиданная жестокость оккупационного режима.

Условия для освободительного движения в крае были архисложными: открытость местности, «прозрачность» сел, в которых всем обо всех жителях все известно, маленькие городишки и очень малое их число, отсутствие организованного рабочего класса и интеллигенции из коренного населения. Оккупантов же в крае было много, были они хорошо вооружены, опытны и не то, что к партизанам, подпольщикам, коммунистам, советским активистам – практически ко всему местному населению, особенно славяноязычному, очень агрессивно настроенными...

Что касается местного населения, то его исторический опыт – частая смена власти делала его очень осторожным – настороженным, боящимся подвоха, провокаций...

Внешние импульсы к организации антиоккупационного движения из-за линии фронта в том числе? В сорок первом, сорок втором они, в силу известных причин, были редкими и слабыми.

Почти с полной уверенностью можно сказать, что первым таким импульсом был призыв И.В. Сталина в его речи 3 июля 1941 года – его слышало едва ли не все население Придунавья, ведь в крае была еще советская власть.

Выполняя специальное постановление ЦК КП(б)У, самый молодой в стране Измаильский обком сформировал разведывательно-диверсионный отряд особого назначения «Дунай». Естественно, Дунайские плавни стали районом его базирования, полигоном, а заодно – и районом первых боевых действий, ведь для подпольщиков и партизан края Дунайские плавни заменяли леса Белоруссии, России, севера Украины. Состоял отряд из коммунистов, комсомольцев, беспартийных – рабочих, рыбаков, партийных и советских работников – всего 47 человек во главе с командиром Н.А. Олару, начальником штаба Г.Н. Аксельродом, комиссаром Я.С. Янкелевичем. Это были антифашисты еще довоенной закалки – бойцы интербригад Испанской Республики...

Первый рейд по тылам противника отряд совершил в конце июня – начале июля сорок первого года, когда в плавнях от Периправы до Исакчи советские подразделения вели боевые действия. В ходе многодневного рейда отряд Дунай вышел почти на окраину Тульчи, затем повернул на восток и пошел в сторону Сулины, дерзкими налетами уничтожая пограничные и жандармские посты румын. Собранные отрядом разведданные подтвердили, что после десантных операций, особенно «Килия веке», противник охвачен паникой и готовится к эвакуации за Георгиевское русло Дуная... Но, как известно, на других участках фронта обстоятельства сложились так, что советские десанты из-за Дуная пришлось убрать, а отряду ставить другие, прежде всего разведывательные задачи.

Когда противник занял левый берег Килийского русла реки, отряд стал базой для развертывания системы разведывательно-наблюдательных пунктов, задачей которых было обнаружение, отслеживание движения вражеских караванов и сообщение данных на «большую землю» авиационным штабам. Отряд «Дунай» принимал радистов, разведчиков инструкторов с «большой земли». Важной задачей стало установление связи боевых разведывательных групп отряда с подпольем Вилково, Килии, Тульчи, Галаца, Старой Килии. Это надо было для получения точной

информации о движении вражеских караванов с военными грузами для немецко-румынского Восточного фронта – его южного фланга, что было главной задачей советской разведки в дельте Дуная на том этапе войны. Немалое значение имел и транзит советских разведчиков в Румынию и на Балканы через систему пунктов отряда «Дунай» в плавнях. В общем, отряд «Дунай» был настоящим подразделением особого назначения...

Через отряд «Дунай» придунайское подполье получало с «большой земли» советские газеты и листовки, которые потом распространяло в крае.

Крупнейшая водная артерия Европы – Дунай целиком оказался в руках немцев (Гитлер даже вынашивал проект отторжения от Румынии придунайской полосы путем заселения ее немцами). Из Рейха в Черное море сплавлялись мелкие боевые корабли: катера, тральщики, сторожевики, а также вооруженные самоходные баржи, плавбатареи, транспортировалось оборудование для захваченных черноморских портов...

Этим же путем из Украины в Румынию и Германию уплывало награбленное добро. Естественно, что советской авиации, как воздух, нужна была информация о движении грузопотоков по Дунаю. И такая информация поступала в соответствующие советские штабы благодаря самоотверженным действиям советских разведчиков, подпольщиков и партизан в Вилково, Килии, Измаиле. Вследствие этого многие вражеские караваны не дошли до портов назначения. Вот почему так свирепствовали румынская сигуранца, жандармерия, немецкое гестапо. День и ночь летали над Дунаем немецкие самолеты с пеленгаторными антеннами, жандармерия постоянно прочесывала острова и придунайские города, пыталась пробраться в «джунгли» плавней, а в советские штабы информация о караванах поступала регулярно, – сигнальные ракеты даже по ночам точно наводили на цель советскую авиацию...

В бессильной злобе оккупанты хватали и расстреливали заложников.

Вилковское подполье начало действовать с первых дней румынской оккупации. Оно сложилось как разведывательное и состояло из парашютистов-разведчиков Ивашкина Григория Сергеевича – сына председателя Вилковского ревкома 1924 года, первого комсомольца из вилковчан Милова Ивана и Ковалева Алексея, его боевого друга, Попова Ивана. Все они – бойцы Красной Армии, прошедшие и специальную подготовку в разведшколах. Им и разведывательно-диверсионному отряду «Дунай»

Комроты народного ополчения Куница А.Г.

Командир истребительного батальона Поляков П.А.

Зампред Килийского горсовета Дмитрий Игнатьевич Соловьёв, командир отделения народного ополчения.

Полевая медсестра (доброволец) – Стесенко (Соловьёва) В.И.

Рыбак, доброволец, разведчик Бондаренко В.М.

Враги ломились в город наш любимый.
Крошились камни городских ворот.
Но в бой пошел народ неустрашимо,
Несокрушимый трудовой народ.

12 июня 1941 года. Мюнхен. Антонеску и Гитлер после подписания Договора о совместной войне против СССР.

Бессарабия, июль 1941 г. Румынские вояки на привале у дороги. (А на дороге русская трехдюймовка образца 1902 года...).

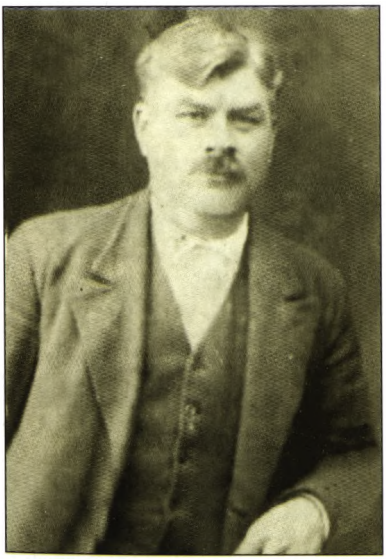
Июль 1941 года. Генерал Антонеску на «Бессарабском фронте».

За годы румынской оккупации в Килии были убиты 3000 человек.

Директор школы с. Дмитриевка
Иван Александрович Палади.
Расстрелян румынами в 1941 г.

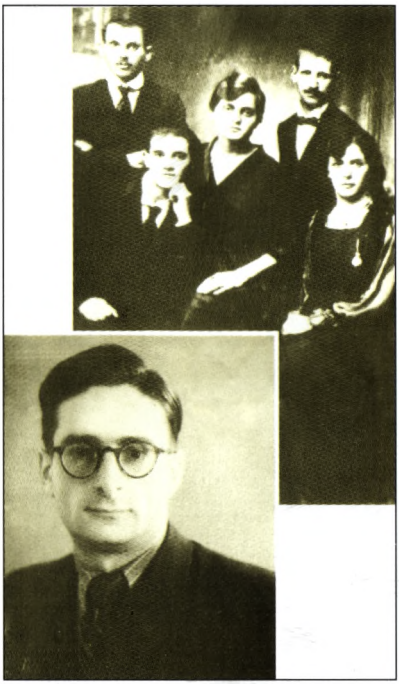
Сорокалетнего Белоуса
Порфирия весной 1942 г.
румынский офицер застрелил
только за то, что на нем был
красный бессарабский пояс.

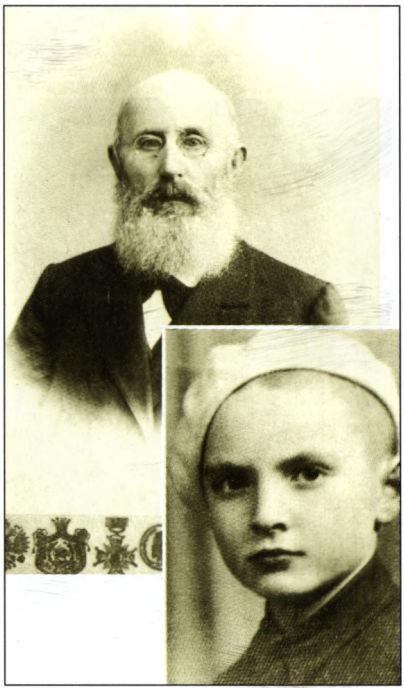
Руденко Харлампий Сергеевич.
В 1940–1941 гг. – директор школы
№ 6, коммунист.
В сентябре 1941 г. замучен в
застенках килийской «Сигуранцы».

Одесса, октябрь 1941 г. Улица Канатная.
Румынские палачи не пощадили даже девочку-ребенка,
потому что она тоже еврейка.

Михаил Яновер – журналист.
Его семья уничтожена
румынскими оккупантами
в Килии. Июль 1941 г.

Июль 1941 г. Старики Сафрисы
зверски замучены в собственной
квартире румынами. А их внук
застрелен на улице.

В первый же месяц румынской оккупации Килии было уничтожено более ста человек еврейской общины города.
25 августа 1941 г. началась массовая ликвидация килийских евреев.

Казнь не успевших эвакуироваться на восток килийских евреев в Одессе (всего было уничтожено 80 человек).

В одной только Богдановке погибло 1300 килийских евреев.

Сентябрь 1941 г. Бухарест.
Маршал Антонеску с жезлом.

Май 1946 г. Бухарест.
Антонеску на скамье подсудимых
перед народным трибуналом
как военный преступник.

Более семидесяти представителей килийской еврейской общины – ветераны Великой Отечественной войны. Двенадцать человек этой общины пали смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Дора Яковлевна Васильковская-Рабинович – Почётный гражданин Килии.
В годы Великой Отечественной войны – военврач.

В дни обороны Килии в 1941 г. Наум Яковлевич Рабинович был начальником полевого госпиталя, всю войну – военврач...

Меир Прокопович Спивак – кавалер орденов Славы II и III степеней и многих других боевых наград.

Шая Лейбович Дижур Великую Отечественную войну прошел от первого дня до Победы.

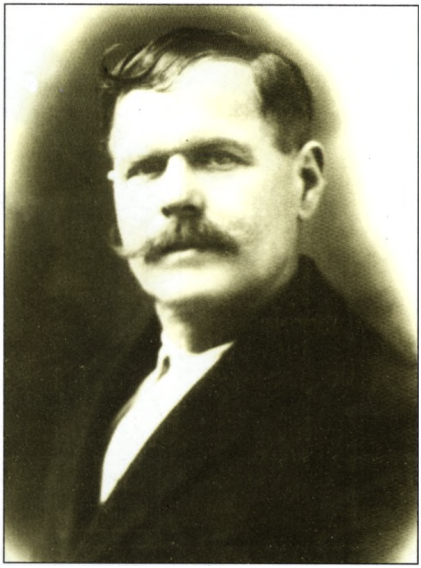
Леонид Аронович Константиновский (второй слева) на фронте под Эль-Аламейном, Северная Африка. Декабрь 1942 года.

Константиновский Л.А. с женой на открытии памятника двум тысячам погибших от рук фашистов килийских евреев 6 мая 1996 года.

Один из руководителей антифашистского подполья в Килии Шевченко С.П.

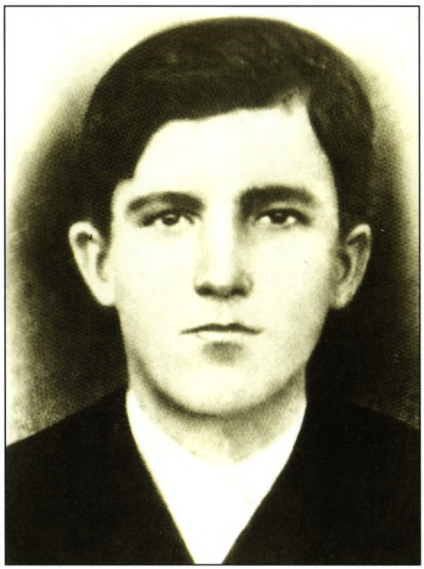
Организатор антифашистского подполья в Килии Симиненко А.И.

Волков А.А.
«Активист первого дня», командир отделения «Ястребков».

Андрей Г.Н. из группы Волкова А.А. На рассвете 25 августа 1944 г. поднял Красное знамя на колокольне Николаевской церкви.

Первый комсомолец города Вилково, советский разведчик Ивашкин Г.С.

Кишинев 8/III 1942

Дорогая мама!

В первых строках моего письма шлю тебе пламенный привет. Я покамест жив, здоров. Был суд, и меня осудили на смерть. Подал /прошение/ о помиловании царю, но не знаю, помилуют ли?

Живу последние дни, ожидая не сегодня–завтра, что позовут на расстрел. Ребят со мной много, так что не будет скучно, когда будут расстреливать. Ты живи, мама, для той счастливой жизни, за которую я боролся, но не имел счастья попробовать. Привет брату Петру и скажи /ему/, чтобы не забывал тебя, смотрел за тобой, а иногда пусть /вспоминает/ что у него был брат Гриша, которого румыны осудили на смерть. Пусть он передаст всем ребятам и девушкам мою трагедию и трагический конец моей жизни. Вы меня забывайте понемногу. Не надо писать, чтобы не расстраивались. Мать Соколова передала /мне/ все ваши подарки. Я остаюсь вам очень благодарен за них. С этим до свиданья, мама и брат Петро. Желаю вам всего хорошего. Оставайтесь здоровы и живите много-много лет, но не забывайте, что у вас был сын и брат /которого/ звали Гриша. Передайте привет Саше Моргунову.

Гриша Ивашкин

Вспомнил о сестре Марусе. Может быть, она еще жива. Честь ей за то, что она еще борется. Если встретитесь, то передайте и ей мой пламенный привет.

Гриша Ивашкин

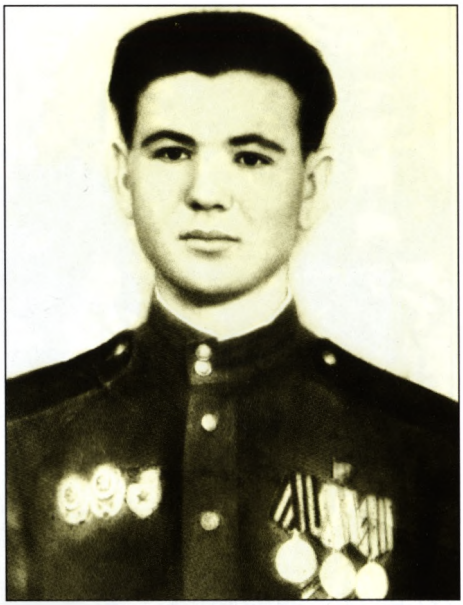
Передайте привет Ковалеву. Скажите, что его сын находится со мной в одной камере и его ожидает тот же конец. Он все получил и благодарит. Еще до свиданья отцу, братьям, всем товарищам.

Ковалев Алексей

Вилково. Анна Ивашкина.

Самой молодой килийской подпольщицей была Надя Наньева (Желдак Н.Г.).

Херсоненко Л.И.

СМЕРТЬ НІМЕЦЬКИМ ОКУПАНТАМ!

ВІСТІ
З Радянської Батьківщини

1 травня 1944 р. понеділок м Москва

НАКАЗ
ВЕРХОВНОГО ГОЛОВНОКОМАНДУЮЧОГО

1 травня 1944 року № 70 м. Москва

Такие листовки воспроизводил в плавнях и распространял в районе Л. Херсоненко.

Группа десантников Ивана Бондаренко (в центре) перед вылетом.

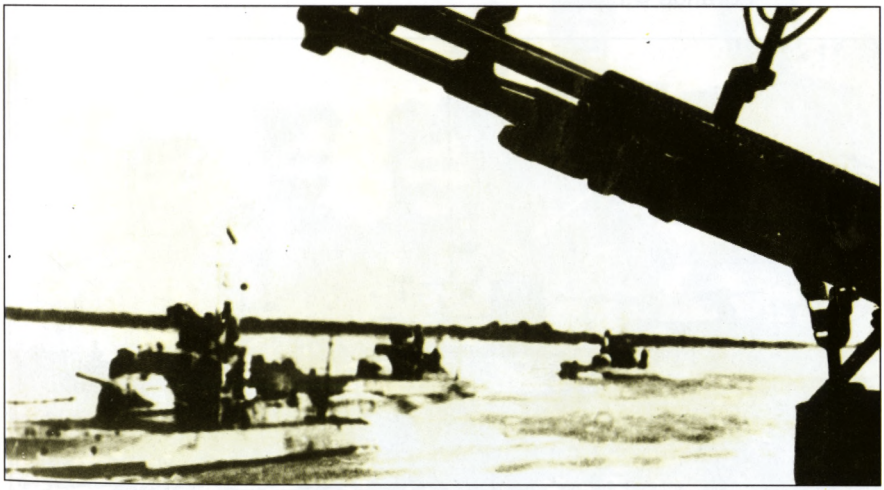
Село Десантное. Мемориал революционной и боевой славы.

Перед Ясско-Кишиневской операцией. Слева направо: командующий 37-й армией Шарохин М.Н., командующий 46-й армией Шлемин И.Т., представитель Ставки Верховного Главнокомандования Тимошенко С.К., командующий 3-м Украинским фронтом Толбухин Ф.И., командующий 57-й армией Гаген Н.А. и командующий 5-й ударной армией Берзарин Н.Э. Август 1944 г.

Десант у Жебриян.

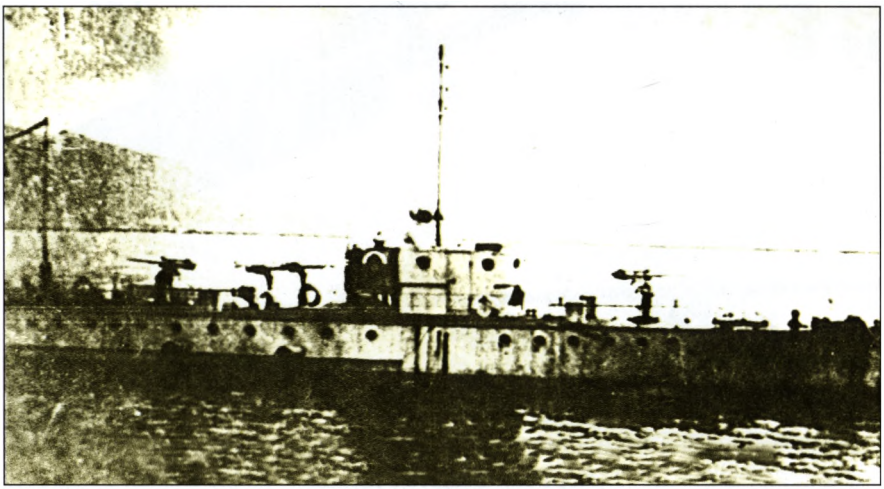
Корабли входят в Дунай.

Командир 384 отдельного
Краснознаменного Николаевского
батальона морской пехоты
Герой Советского Союза
Котанов Ф.Е.

Командир Первой Гвардейской
«Керченской» бригады
Герой Советского Союза
Дерменжи П.И.

Флагманский корабль Первой Гвардейской «Керченской» бригады во время боёв за Нижний Дунай – МО № 044.

Начальник штаба 384 батальона морской пехоты Левитов А.С.

Командир IV штурмовой группы в Жебриянском десанте ст. лейтенант Михайловский Л.А. (помощник начштаба батальона).

Герои Советского Союза – участники боя на Жебриянской косе 24 августа 1944 года.
Слева направо: Никита Гребенюк, Михаил Хакимов, Николай Щербаков, Иван Дементьев, Ефим Павлов, Николай Медведев.

Помкомвзвода разведки Герой Советского Союза Алексей Дмитриевич Мирошниченко.

Командир отделения автоматчиков Герой Советского Союза Кирилл Васильевич Бочкович.

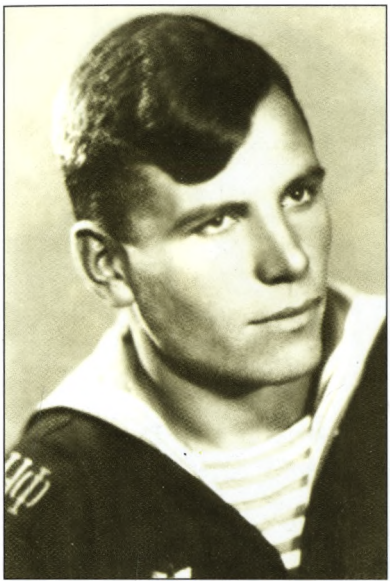
Боевые друзья-котановцы, герои боя на косе Помазков С.Т. (слева) и Гидаят Вахабов.

Участник боя на косе Александр Иванович Сиряк.

Комотделения разведки Аркадий Архипович Волков.

Фёдор Леонтьевич Лозенко был на войне храбрым морским пехотинцем, участвовал во многих дерзких рейдах и десантах, в том числе – в Жебриянском. После войны вел большую военно-патриотическую работу.

Пятый справа в верхнем ряду участник боя на Жебриянской косе Сирота Ефим Иоганович.

Герой Советского Союза
Державин П.И.
командир Первой
Гвардейской «Керченской»
бригады бронекатеров.

Бронекатер Героя Советского
Союза А. Воробьёва первым
высадил десант в Килии.

Капитан первого ранга Герой Советского Союза Державин П.И. –
гость Килии и школы № 2. 1982 г.

Солянников И.С.
командир дивизиона
бронекатеров,
освобождавших Килию.

Морской пехотинец Рева И.А.
храбро сражался за
освобождение Килии.

Бронекатера Первой Гвардейской «Керченской» бригады, прорываясь к Измаилу, ведут бой у острова Кислицкий 26 августа 1944 года.

Комвзвода 613-й роты
Кириченко А.Г.

Замполит Первой Гвардейской
«Керченской» бригады Пышкин.

Один из героев освобождения
Килии главстаршина 613-й
«штурмовой» роты
Рева Иван Афанасьевич.

Капитан Тучин
Николай Филиппович
стал начальником Килийской
погранзаставы в день
освобождения города.

Михайлова (Демина) Е.И.
участница освобождения Килии,
полевая медсестра,
Герой Советского Союза.

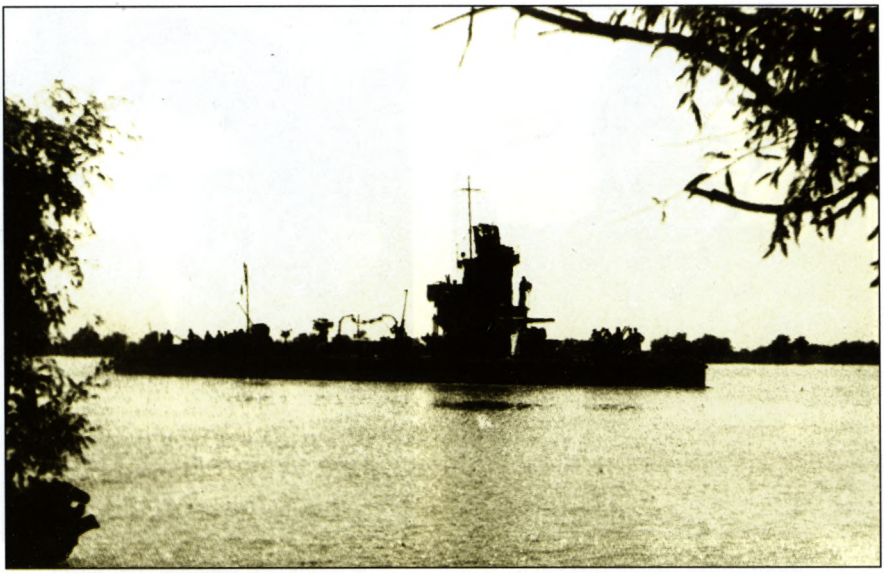
Отважный разведчик КДВФ
Чхеидзе А.А.,
участник освобождения Килии.

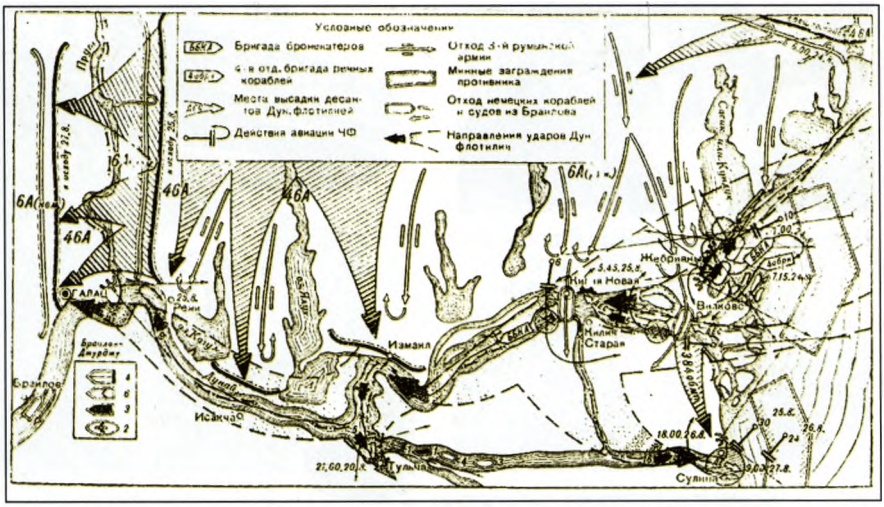
Командующий Дунайской военной
флотилией контр-адмирал
Горшков С.Г. вручает награды
отличившимся воинам.
Сентябрь 1944 года.

Командир второго дивизиона
бронекатеров бригады Державина
капитан второго ранга
Гусятников В.С.
у своего флагманского бронекатера.
Измаил, август 1974 г.

Монитор «Железняков» с апреля 1944 г. флагманский корабль Советской Дунайской военной флотилии. За кормой у Краснознаменного «Железнякова» 50000 огненных боевых миль. Впереди – боевой поход на Дунай.

Прорыв Дунайской флотилии в дельту Дуная 24–27 августа 1944 г.

Ветераны в мирные дни

Григорий Иванович
Гульченко,
учитель истории.

Борис Фокович
Боделан,
директор школы.

Аркадий Григорьевич
Травников,
моряк.

Гречаный Анатолий,
работник торговли.

Василий
Александрович Титов,
инструктор моршколы.

Федор Иванович
Пауков,
прокурор района.

Савва Алексеевич
Ротарь.

Таким
Герой Советского Союза
Котанов возглавлял колонну
Черноморского флота на
параде Победы на
Красной площади в Москве.
1945 г. Из котановцев в
параде участвовали
Герои Советского Союза
Мирошниченко, Медведев и
Щербаков, а также
разведчик Резанов.

30-летие освобождения Килии. 25.02.74 г.
Гости города – участники обороны и
операции «Килия веке» и участники
освобождения 25.08.44 г.

Первый портовый буксир в Килии.
1944 г. (Построен в XIX в.).

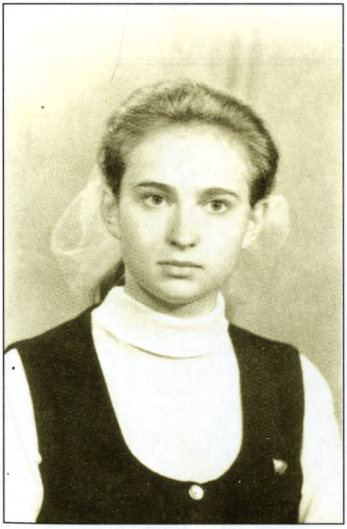

Первый начальник
Килийского порта Лещинский
Александр Вацлавович.

Герой Советского Союза
Федор Евгеньевич Котанов
гость «красных следопытов»
Килийской СШ № 2. Май 1981 г.
Слева направо: автор, Гросу Наташа,
Перевозина Таня, Мешкова Светлана,
Онищенко Руслан, Додон Ира,
Корниенко Лариса.

Людмила Карастойка не
только отлично училась, но
и вела в школе большую
военно-патриотическую
работу.

Грамота Татьяне Карадобре за работу в
школьном музее.

Организатор и первый директор Килийского судостроительного завода Иван Карпович Потапов. 1944 г.

Территория завода. Весна 1945 года.

«Красный обоз» с хлебом фронту.
Старые Трояны, ноябрь 1944 г.

Демонстрация трудящихся Килии седьмого ноября 1944 года.

1967 г. Килийская СШ № 2. В гостях родители Бондаренко И.В. Виктор Семенович и Анастасия Федоровна.

Участники обороны Килии у памятника героям обороны. Справа налево: Лозовой К.М., майор Баламут И.В., Бондаренко В.М., Соловьева В.И.

В почетном карауле у братской могилы
героев обороны Килии
ветераны Великой Отечественной войны
Державин П.И. и Арефьева К.А. 1982 г.

Сторожевик морпогранохраны Украины
«Павел Державин».

Котановцы –
гости села Дмитриевка.

Запомните и пусть знают это внуки и правнуки: не страх перед репрессиями, не комиссары толкали нас в бой. В бой с немецко-фашистскими захватчиками нас вела – рядом стоящие боевые друзья не дадут соврать – пламенная любовь к Родине, жгучая ненависть к врагу.

Капитан второго ранга
Сиряк А.И. на митинге в
Приморском. 1984 г.

На открытии памятного обелиска в селе Приморском в честь 40-летия освобождения Придунайского края от немецко-фашистских захватчиков. 1984 год.

Ветераны Краснознаменной Дунайской флотилии в гостях у мэра города Килии О. Гречанного (во втором ряду – крайний справа) – сына моряка-дунайца. Фото – у памятника морякам.

Памяти павших будем достойны.

Торжественная линейка в день открытия обелиска в память о десантниках-котановцах. Май 1984 г.

Котановцы на митинге в с. Приморское у монумента Герою Советского Союза Бочковичу Кириллу Васильевичу. 1981 г.

Командир Перекопской «Харьковско-Пражской» стрелковой дивизии генерал-лейтенант Чирков среди килийских ветеранов.

Ветераны-котановцы, гости «Красных следопытов» Килийской СШ № 2. Май 1984 г.

Мемориал защитникам Килии в 1941 г. и ее освободителям в 1944 г. (создан в 1974–2005 гг.).

Памятный знак на месте высадки героев-котановцев на Приморской косе 24 августа 1944 г. (Открыт 24 августа 1984 г. при участии многих ветеранов батальона и его командира).

помогали собирать информацию вилковские подпольщики: Гончаров Савва Афиногенович, Черная Ефимия Сергеевна, Касаткин Елефтерий Матвеевич, Голубова Елизавета Кирилловна, Господарев Федор Макарович, Изотов Аким Калинович, Голубов Иван Арсеньевич, Сычов Михаил Семенович, Изотов Иван Калинович, Галкин Иван Семенович, Кравченко Семен Осипович, Смазнов Елисей Афиногенович, Моргунов Артем Петрович, Чернеженко Максим Фомич... (См. Справку ЦГА МССР 16.02. 1984 г.).

Разных людей в священной борьбе с оккупантами объединило вилковское подполье: антифашисты с довоенным стажем, воины Красной Армии, рыбаки, рабочие, учителя, люди в летах и молодежь. Различна и их судьба: Ивашкин Григорий Сергеевич и его друзья-парашютисты были выданы предателем врагу, после страшных пыток расстреляны в Кишиневском централе по приговору трибунала Третьего территориального корпуса весной 1942 года.

В прощальном письме матери, Ивашкиной Анне, восьмого марта 1942 года сын Григорий писал: «Живу последние дни. Ты, мама, живи долго для той счастливой жизни, за которую мы боролись...

Вспомнил о сестре Марусе – честь ей, что она продолжает бороться. Привет отцу, братьям, всем товарищам!»

Пострадали и другие участники вилковского подполья, но на смену погибшим бойцам приходили другие, и вилковское подполье не прекращало активной борьбы с оккупантами до августа сорок четвертого!

Для организации антифашистского подполья в Килии был оставлен антифашист с довоенным опытом работы в Бессарабии Симиненко Андрей Иванович.

Его помощниками стали Степан Шевченко – красноармеец, раненный в боях на реке Прут у Цыганки, и его брат Порфирий – обоим удалось выйти из окружения, вернуться в Килию.

К осени 1941 г. в подпольной организации города было уже 20 человек: механики мельниц Д. Антониу и Д. Владыченко, кузнец В.А. Гроссу, крестьяне А. Устименко и Л. Белоус, Д. Дериенко, рыбак Степан Гадияк – участник десанта в операции «Килия веке» – он там был проводником и бойцом разведывательно-штурмовой группы. Потом были жаркие бои у Цыганки, плен и побег... и другие килийцы.

Организация в административном центре обширного жудеца – стала ядром, вокруг которого в селах жудеца также стали орга-

низовываться боевые антифашистские группы. Самая многочисленная из них – в селе Селиогло (Холмское) ныне Арцизского района. Кроме ее организаторов, Ивана Балабана и Лазаря Тодорова, в холмской группе действовали: Иван Ников, Греков Яков, Гостев Петр и Гостев Георгий, Георгиев Василий, Балабан Степан и Балабан Георгий, Андреев Николай, Минчев Василий, Жечев Андрей, Илиев Федор и Илиев Афанасий, Федоров Андрей и Федоров Лазарь, Стоянов Трифан и Стоянов Иван, Драганов Николай и Драганов Георгий, Проданов Иван и Проданов Георгий.

Организация разработала план захвата примарии и жандармского поста, освобождение узников из концлагеря, что в каменоломнях за селом. Ячейку в селе Дунэрянка (Задунаевка) возглавляли Иван Пейчев и Федор Иванов, а в Главанах – секретарь примарии Николай Куйтукли...

Небольшие подпольные ячейки были в селах Ташлык (Каменское), Кот-Китай (Островное). Так что в килийский центр, а оттуда в отряд «Дунай» стекалась обильная информация со всего обширного жудеца с его железнодорожных станций из гарнизонов. Из отряда информация шла на «большую землю». (См. Од. ОГА ф. Р–7569, оп. 1, д. 49, л. 268).

Как уже отмечалось, первым тяжелые потери понесло вилковское подполье, больше всего беспокоившее оккупантов. Но и после этого оно продолжало действовать под руководством Ильи Хомутова. Килийское и вилковское подполье поддерживали тесную связь, связной от вилковских подпольщиков чаще всего была Ефимия Черная.

Сорок первый год... В стане врагов – эйфория побед на Восточном фронте. А тут в глубоком тылу с неграмотным населением, лживой прессой, без радио (во всем огромном жудеце было всего четыре сотни радиоприемников – только у лиц абсолютно и активно преданных власти, – даже не всем чиновникам давалось разрешение на пользование приемником) румынская пропаганда распространяла плакаты с фоторепортажами о победном марше немецко-румынских союзников на восток – на Москву... А еще сборники залихватских ура-патриотических, конечно же, победных частушек:

Сталин, армия твоя –
Клюют вороны ей глаза.
Авиация твоя...
Птичьих гнезд полна она!

В ресторанах «гуляло» упоенное победами офицерство, чиновничество рангом повыше, разбогатевшие на грабеже аферисты разного рода.

Свирепствовала сигуранца, жандармерия – в административном центре жудеца, каким была Килия, в «Дунайской Венеции» – Вилково, где был королевский «охотничий домик», куда наведывались Антонеску, высокие военные и гражданские чины из Бухареста от вражеской агентуры всех профилей и рангов было не продохнуть. Вот в таких условиях зародилось и начало действовать антифашистское подполье Килийщины.

Его бойцам нужна была, прежде всего, уверенность в победе несмотря ни на что. И такая уверенность была. Была она у опытных бойцов, таких как Андрей Симиненко, братья Шевченко, была она у взрослых, умудренных жизненным опытом, таких как Степан Гадияк, Андрей и Тимофей Устименки. От них эта вера вместе с опытом передавалась молодым порывистым, вплоть до самой юной – шестнадцатилетней Надежды Наневой... Организация росла, действовала все активней, ее бойцов, особенно молодых, уже не удовлетворяла только разведка, передача добытых сведений в плавни – в отряд, распространение листовок, сводок Совинформбюро – росло желание бить врага с оружием в руках. А его еще надо было добыть у врага, потому что в килийской организации было пока что одно лишь охотничье ружье...

В сорок первом приступили к подготовке действий, которые должны были помочь Красной Армии в освобождении родного края, для чего организация была разбита на боевые группы.

Первая в составе: Степан Гадияк, Семен Романовский, Федор Сербин; при приближении Красной Армии должна была брать капитанию порта.

Второй группе – Гроссу Василию, Василенко Харитону, Шевченко Степану поручалось брать килийскую тюрьму – нынешнее здание стоматполиклиники, в обширных залитых водой подвалах которой томились сотни заключенных со всего жудеца.

Находившуюся в здании и во дворе, где сейчас инвентарьбюро, сигуранцу с пыточными камерами в глубоком подвале должен был брать сам Андрей Симиненко с братьями Устименко.

На военный трибунал Килийского жудеца нацеливалась группа Порфирия Шевченко, Павла Белоуса и Дмитрия Дириенко.

Исидору Великому, Леонтию Владыченко и Дмитрию Арнауту предстояло захватить примарию. Она была около пожарной части, там, где сейчас районная детская библиотека.

Важным объектом была почта, там находился и мощный узел связи, обслуживающий гарнизоны жудеца, транзитные воинские части и обеспечивающий связь с Кишиневом и Бухарестом. Этот объект поручалось брать группе Филиппа Чернявского. Ее предстояло укомплектовать связистами.

К весне сорок второго года коммунистическое антифашистское подполье возникло и в соседнем с Измаилом Кагульском жудеце. Желание объединить в борьбе с оккупантами усилия подпольщиков Кагульского, Измаильского и Килийского жудецов было естественным и тут. Кагульское подполье (его руководство) допустило непоправимую ошибку – на связь с Измаилом и Килией были посланы молодые неопытные в деле конспирации подпольщики. В частности, в Килию была послана племянница Андрея Симиненко молодая, совсем неопытная Анастасия Симиненко.

Добравшись до Измаила, она села в поезд, который должен был довезти ее до станции с романтичным названием Фынтына зынелор – Колодец фей, или русалок по-румынски – до станции Зынелор.

В вагоне к скучающей девушке подсел симпатичный, элегантный, вежливый молодой человек. Между попутчиками завязалась приятная беседа. Симпатичный спутник назвался Сашей, оказалось, что едет он тоже в Килию – там близко плавни, а он – бежавший из плена советский летчик...

Если что – скроется в плавнях. Не в силах удержать страшную тайну, Анастасия намекнула симпатичному Саше, что едет в Килию с тайным заданием... В общем, в килийское подполье получил возможность внедриться опасный агент сигуранцы...

Килийская сигуранца не спешила приступать к арестам. А «Саша» ездил по селам, в Вилково, рвался в отряд в плавни – рвение это мотивировал желанием установить через радиостанцию отряда связь с «большой землей». В конце мая сорок второго «Саша» исчез так же внезапно, как появился... В июне грянул вал арестов – в Килийском, Измаильском и Кагульском жудецах...

От пыток в кишиневском централе умер Андрей Симиненко, там же от побоев и туберкулеза скончалась его племянница Анастасия.

В сентябре сорок второго военный трибунал Третьего армейского корпуса в Кишиневе вынес приговор по делу о Килийском подполье.

Степан Шевченко был осужден на 15 лет каторги, но умер от пыток.

Дмитрий Антониу получил 10 лет каторги, Андрей Устименко, Павел Белоус, Василий Гроссу, Дмитрий Дириенко, Исидор Великий, Леонтий Владыченко – 5 лет каторги, самая молодая участница килийского подполья, Надежда Нанева, была осуждена на 10 лет тюрьмы в том же кишиневском централе. На различные сроки в различные концлагеря были заключены 20 человек – подпольщиков из сел уезда. Суровая кара, вплоть до расстрелов, обрушилась на измаильских и кагульских подпольщиков, схваченных сигуранцей... Но, и понеся тяжелые потери, килийское антифашистское подполье не прекратило борьбу с оккупантами. Об этом свидетельствовали все новые и новые листовки и сообщения Совинформбюро в городах и селах жудеца.

Вот одна из листовок того времени.

«Румыны!

Красная Армия, защищая свою землю от гитлеровских захватчиков, в то же время борется за освобождение всех народов, порабощенных Германией. Она борется за ваше освобождение от немецких грабителей, которые оккупировали и грабят нашу страну.

Поддерживайте борьбу Красной Армии. Помогайте Красной Армии всеми силами победить гитлеровские полчища, и вы обретете свободу и независимость Румынии». Этот текст, поступивший от подпольщиков Брэилы, был размножен и распространен в Килийском и Измаильском жудецах. (См. сб. док. «Придунайский край в 1940–1945 годах»; док. № 120, стр. 205, Одесса, 1962 г.).

Народ изобретал самые разные способы сопротивления оккупационному режиму. Одним из самых массовых и достаточно эффективных было бегство в плавни. Туда же угоняли лошадей, транспортные средства, продуктивный скот, спасая все это от реквизиций, но чаще всего в плавни Дунайской дельты от мобилизации в румынскую армию, от угона в Румынию, или того хуже – в Германию скрывалась молодежь. Не было города, или села на Килийщине откуда в чащобах многочисленных островов и островков, в обширных зарослях камыша не прятались бы мужчины и юноши. Чем больше увязал в войне режим Антонеску, тем массовей становилось бегство в плавни дельты. Некоторые из беглецов шли в партизаны, дезертировавшие из королевской армии с оружием также были опасны для карателей, полиции, хотя в партизаны чаще всего не спешили. Трудной и опасной была жизнь в плавнях, особенно поздней осенью, зимой, ранней весной, приходилось уворачиваться от самолетов, облав,

остерегаться засад. Но иначе – застенки сигуранцы, в лучшем случае – фронт...

Если скрываться надо было срочно, а плавни были далеко – прятались по глухим хуторам в дальних селах у родственников, знакомых, в кукурузе... По много раз в году из Килии в «столицу» Бессарабской провинции уходили донесения вроде следующего: «Килийский военно-призывной округ вызывал для сбора на 21–22 августа 42 года 4700 человек. Но явилось на сборные пункты 1500 человек, остальные разошлись по разным селам, по полям, кукурузе и не выполнили приказа...» (См. Нацархив Молдовы, ф. 1626, оп. 7, д. 207, л. 26).

К 1944 году Дунайские плавни кишели беглецами с обеих берегов реки, дезертирами из королевской армии. Румынские жандармы и даже армейские подразделения с офицерами и немецкими «советниками» не рисковали углубляться в чащобы плавней, скорее лишь имитируя их прочесывание, хватали случайных людей, но отчитывались, как о боевых операциях...

Выполняя приказ, полученный из самого генштаба, 22 июня 1944 года в Килии и на островах Малом и Большом Степовом (глубже в плавни не сунулись!), полиция, румынские и немецкие армейские подразделения провели облаву – «улов» 17 человек. Пятерых местных жителей, оказавшихся на своих земельных наделах, пришлось тут же отпустить, 12 переданы военным органам для пересылки в воинские части, откуда они бежали.

По четвертое июля 1944 г. облавы следуют одна за другой в т. ч. и на остров Кислицкий. «Улов» 31 человек, из которых дезертиров румынской армии и «немецких союзников» (так именуются власовцы) 26 человек. (См. Изм. ФООГА, ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 6).

В Шевченково и не только в нем, наверное, еще есть теперь уже немолодые мужчины, которые весной 44 года, уклоняясь от мобилизации в румынскую армию, ушли в эти самые плавни. Среди них был и восемнадцатилетний Херсоненко Леонтий Иванович. Вырос он в семье, где было 13 душ детей. Трудолюбие и разнообразные способности перенял от родителей. Больше всего любил Леонтий рисовать и рисовал замечательно, хотя никто его этому не учил. Мечтал стать художником...

Но подошел срок идти в армию. В румынскую? Воевать против русских, украинцев? Да еще – на бесконечные издевательства, ведь в румынской армии бессарабцев называли не иначе как «внуки Сталина» – «непоцийлуй Сталин». За это им достава-

лись дополнительные издевательства от начальников всех рангов, да и от рядовых из старого королевства.

В феврале сорок четвертого пришла повестка. На призывной пункт явился, но издевательства начались едва призывник переступил порог пункта. И юноша сбежал... – сначала домой, оттуда – в спасительные плавни. Там он попал в боевую группу отряда «Дунай», познакомился с людьми с «большой земли». Пригодился талант художника – Леонтий размножал листовки, поступавшие из-за линии приближающегося фронта.

Когда изредка с большими предосторожностями пробирался домой, приносил и эти листовки, сообщения Совинформбюро...

Однажды, когда Леонтий ночевал дома, ввалились с обыском жандармы. Парень успел выскочить на чердак, а несколько оставшихся после расклеивания листовок мать сунула под стреху старого сарая.

Забившись в самый темный угол чердака, Леонтий слышал, как жандармы избивали мать, как страшно пытали отца – требовали сказать, где сын. Ответ был один: «Не знаю».

Один из жандармов, – рослый, неуклюжий полез на чердак. В темноте об что-то ударился – дальше лезть не стал, – только послал в темноту очередь из автомата...

Когда в августе сорок четвертого пришла Красная Армия, Леонтий ушел на фронт. Со Вторым Украинским фронтом дошел до Праги. А демобилизовался только в пятидесятом...

После Сталинграда, в январе 1943 года и в Придунавьи, за две тысячи километров от заснеженных приволжских степей, как и во всем гитлеровском блоке, трое суток похоронно звонили колокола и отпевались заупокойные молебны. Глухо докатывались сюда вести с Волги – только по рыку жандармов, офицеров, чиновников из старого королевства можно было догадаться, что на восточном фронте произошло что-то страшное для них. Еще безжалостнее грабил, пытал, убивал режим Антонеску. Все более обычным явлением становилось ничем неприкрытое мародерство, чинимое местными чиновниками, жандармами, отступающими вояками Антонеску, Гитлера, их пестрым союзным отребьем...

Первого июня 1944 года младший лейтенант королевской армии в сопровождении ветеринарного агента в с. Кара-Мехмет Соломничану принялись реквизировать в этом селе коней для королевской кавалерии, как они утверждали. Впрочем, не желающие сдавать коней могли откупиться... Ночью реквизиторы учинили грандиозную попойку.

На второй день афера-мародерство повторилась в селе Еникиой, после чего «реквизиторы» исчезли... (См. Изм. архив, Ф. 1, оп. 1, д. 718, л. 31).

3 июня 1944 г. уже немецкая воинская часть осуществила «реквизицию» свиней и бычков в ряде придунайских сел под расписки и под угрозой применения оружия. Расчет по распискам было обещано произвести на станции Березино. Крестьяне, прибывшие в дальний конец жудеца за расчетом, едва не «получили расчет» пулями... (См. там же д. 123, л. 116).

Начиная с 1943 года, на мародерство, чинимое в жудеце проходящими воинскими частями немецких их «союзников» нередко жалуются целые села, их примари, – жалуются самому Антонеску, главе немецкой миссии в Бухаресте генералу Хансену. А мародерство продолжается по всей Бессарабии и в старом королевстве. (См. там же, л. 118).

С начала 1944 года немцы все более нагло ведут себя на земле своего румынского союзника. В апреле 1944 года немцы обрезали связь Килии с ее самой дальней Тарутинской волостью и замкнули систему этой связи на себя. Румынских союзников, прибывших для урегулирования инцидента, заставляют ретироваться под угрозой оружия. (См. там же д. 120, л. 3).

После весеннего наступления Красной Армии в 1944 году, когда были освобождены северные районы Молдавии, резиденция бессарабского генерал-губернаторства края была перенесена в Кагул, – хаос в крае стал стремительно нарастать, – власть стала терять контроль над происходящим.

19 апреля 1944 г. в канцелярию Килийской префектуры и в генерал-губернаторство поступило донесение из Тарутинской волости: «Произошло столкновение между солдатами немецкого полка и «союзниками немцев» (власовцами). С обеих сторон были пущены в ход оружие и ручные гранаты. В результате были убиты 3 солдата Вермахта и 3 «союзника», а кроме того мирные жители, Иванов 85 лет и его сын Никодим 45 лет...». (См. там же, д. 148, стр. 6). События симптоматичные для союза Гитлер – Антонеску в тот период...

По мере приближения Красной Армии к Днестру и подготовки к освобождению всей Бессарабии и дальнейшего наступления вглубь Румынии и на Балканы, разведывательная работа соответствующих советских органов резко активизировалась на всем Юго-Восточном стратегическом направлении. (В частности внимание морской разведки привлекала группа румынских мониторов – 7 вымпелов, с которыми предстояло столкнуться возрожденной в апреле сорок четвертого года Советской военной Дунайской флотилии).

В этих условиях расположенные на пороге Южной Румынии и Балкан плавни дельты Дуная стали «перевалочной базой» для советских разведчиков высокого класса, которым предстояло работать в глубоком тылу противника, нередко – внедрившись в важные звенья его хозяйственных и военных структур, вплоть до высоких штабов... Плавни должны были стать и плацдармом, откуда могли действовать и советские разведывательно-диверсионные группы, забрасываемые перед стратегическим наступлением Красной Армии за линию фронта на глубину 100–150 километров... Такие операции готовили советские штабы фронтов, а то и разведка Генштаба Красной Армии.

Если речь шла о высадке разведчиков высокого ранга и класса, то их нередко прикрывали (и маскировали) разведгруппы, которые должны были отвлечь внимание противника от главного субъекта высадки...

По некоторым сведениям, именно такой случай имел место и при высадке десанта у Галилешт (Десантное) на Килийщине 21 июля 1944 года. Понятно, что в таких случаях даже командир высаживаемой разведгруппы не знал, что в его отряде есть субъект, для которого группа – только прикрытие. Вот почему столь противоречивы сведения даже о численном составе Галилештского десанта... А может быть, в этом и кроется причина того, что пилоты «ошиблись» с точкой высадки десанта на несколько километров, оказавшихся спасительными для прикрываемого и гибельными для большинства десантников отряда Ивана Бондаренко...

По мере приближения Красной Армии к границам Румынии, число дезертиров из королевской армии в плавнях росло. Посылать румынские подразделения для их отлова означало – увеличивать число дезертиров...

Немецких же подразделений катастрофически не хватало даже для того, чтоб латать дыры Восточного фронта, который приблизился так, что в наших краях пели частушки вот такие:

Ой в Одесі дощ іде,
А в Кілії слизько.
Забирайтесь геть фашисти –
Більшовики близько!

Был и другой, кара-мехметский вариант этих частушек:

Ой в Одесі дощ іде,
А в Кара-Мехметі слизько.
Геть тікайте, постоли,
Бо чоботи близько!

С такой ситуацией вынуждены были считаться румынские оккупанты – масштабы ограбления края нарастали, но режим кое в чем мягчал...

Весной сорок четвертого разными путями в Килию стали возвращаться осужденные в сорок втором подпольщики: Степан Гадияк из тюрьмы бежал, – не тот стал тюремный режим... А Надежду Наневу и таких, как она малолеток из Кишиневского централа, без лишнего шума, даже выпустили...

Пройдя через все выпавшие на их долю испытания, вышедшие из застенков и из-за колючей проволоки, они остались бойцами-антифашистами и влились в ряды килийского подполья, которое не прекращало своей борьбы. Оно сформировало новые боевые группы – готовилось с оружием в руках приближать час освобождения, но не пришлось – летом сорок четвертого перед стремительно наступающей Красной Армией оккупанты улепетывали еще стремительнее, их фронт разваливался.

Один из старожилов Килии, молдаванин Андрей Григорий Николаевич рассказывал: «Мне шел восемнадцатый год, со своими друзьями-сверстниками, спасаясь от мобилизации в румынскую армию, или от угона в Германию, мы скрывались то в плавнях, то на окраинах Килии, а иногда – в лабиринтах подворья Николаевской церкви.

Получилось так, что вожаком нашей небольшой группы оказался человек значительно старше и опытнее нас – хорошо знающий плавни рыбак, Волков Александр Александрович – дядя Саша. В ночь на 25 августа 44 года наша группа собралась в густых зарослях кустарника и бурьяна за оградой Николаевской церкви. Днем накануне с востока – со стороны моря доносилась артиллерийская канонада, а в городе, особенно в его припортовой части, было очень шумно и тревожно – смешались немецкие и румынские отступающие колонны. Они забыли порт, стремясь захватить уходящие вверх по Дунаю буксиры с баржами, другие рвались к переправе ниже элеватора, спеша оказаться за Дунаем...

Вопли, ругань на разных языках порой перемежалась даже с беспорядочной стрельбой. Трудовой люд придунайской окраины и центра города попрятался по погребам, огородам, в глухомани островов. Из гражданских по городу шныряли лишь мародеры, да храбрые мальчишки.

Приближался рассвет. Притаившись в высокой траве между несколькими крестами в церковной ограде, порой вздрагивая от звука пуль, шлепающихся о крышу церкви, или с визгом рико-

шетирующих от прутьев кованой церковной ограды, мы вполголоса спорили о том, что делать.

Наш спор прервал дядя Саша:

– Приближается Красная Армия, мы ее должны встретить красным флагом. Пусть кто-то, кто полегче и половчее, вывесит его в просвете люка, что под маковкой звонницы в ее шатре, – и он достал из-под куртки алое полотнище и моток прочной бечевки.

Выполнить задание вызвался я. Сунув полотнище и бечевку за пазуху по косому пилону забрался на почти плоскую крышу церкви, потом – с карниза на карниз, все выше и выше, пока не добрался до звонницы. Перелез через ее ограждение и остановился перевести дух и осмотреться...

Вдруг стрельба на берегу Дуная усилилась, где-то совсем рядом грохнула пушка, молнией сверкнул огонь...

Дунай ответил мощной канонадой, на которую колокола отозвались разноголосым гулом... Подавив страх, полез еще выше – к открытому люку в шатре колокольни, почти под самой ее маковкой – с восточной стороны.

Лестницы, естественно, не было, и карабкаться пришлось по балкам и обшивке. Ржавые гвозди и занозы больно ранили руки, но вот он, наконец, и желанный люк. Повезло: чуть ниже его в шатре – крестовина, даже с намеком на опалубку – можно передохнуть, унять дрожь в руках и ногах, что я и сделал. Выглянул из люка – дух захватило – никогда раньше не забирался на такую высоту! Жаль, что нет древка, – ну, да ладно! Два конца полотнища накрепко прихватываю бечевкой – теперь его можно закрепить в просвете люка, что я и делаю, как можно старательнее, надежно. Подхваченная на ветру – это уже не материя, а зовущий освободителей красный флаг!

Подгоняемый гордым желанием поскорее доложить о выполненном задании и участившейся стрельбой, уже знакомым путем я спустился на подворье церкви. Со стороны Дуная накатывался шум боя – стрекот автоматов, басовитые очереди пулеметов, разрывов гранат, доносились раскаты знакомого русского «Ура-а!» и громкие незнакомые нам еще крики: «Полундра-а!»...

Внезапно стрельба почти совсем прекратилась. Это придало нам храбрости, и мы выбрались на главную улицу города. Перебежками, прижимаясь к стенам домов и заборам, мы двигались к парку, к Дунаю. У входа в городской парк нам повстречались первые советские бойцы – в гимнастерках и тельняшках, некоторые – в маскхалатах, с красными звездами на пилотках.

Румын, немцев уже нигде не было видно. Нас попросили показать дорогу в центр города, что мы охотно сделали вместе с дядей Сашей.

Были выставлены наряды охраны в здании жандармерии, сигуранцы, тюрьмы. Было еще утро, а мы вместе с бойцами были уже в примарии около «пожарки». Тут нас встретили дядя Степа Гадияк – наш сосед и еще несколько вооруженных килийцев. Оказывается – формировался истребительный отряд, и мы сразу были записаны в этот отряд, а дядя Саша официально был назначен командиром нашего отделения.

В ночь на 26 августа дядя Саша вместе с настоящими разведчиками из морской пехоты, прибывшей со стороны Кара-Мехмета, ходил в разведку за Дунай в Старую Килию. Нас туда не взяли, но мы помогали патрулировать наш город...

Вот такими были «активисты первого дня» в нашей Килии!

Прославленный разведчик из 369 батальона морской пехоты («Боевая группа берегового сопровождения Советской Дунайской военной флотилии»), Алексей Александрович Чхеидзе в своей книге «Записки дунайского разведчика» подтверждает: »Килия нас встретила красным флагом на колокольне церкви недалеко от порта (Николаевская).

В ночь на 26 августа мне довелось в составе группы, в которую вошли опытные разведчики, ветераны батальона Запсельский и Бойчак брать «языка» на той стороне Дуная западнее Старой Килии. На небольшой лодке нас переправлял килийский партизан Александр Волков. Он отлично знал реку, ее каналы и плавни у Старой Килии, а мы в свою очередь хорошо знали свое дело, да и обстоятельства сложились благоприятно. Так что к рассвету мы вчетвером боевое задание начальника разведки батальона успешно выполнили – «языка», хорошо осведомленного телефониста, в Килию Новую доставили «в целости и сохранности». За это мы заработали благодарность и целый день отдыха у гостеприимных килийцев».

Потом, до самой пенсии Александр Александрович Волков работал в порту Килия...

Андрей Григорий Николаевич весной сорок пятого ушел на фронт, после Победы еще пять лет служил в советской группе войск в Германии. Демобилизовавшись, как и отец его, стал портным – в этом ремесле достиг высот искусства – стал замечательным модельером.

Из числа бойцов килийского подполья – освобожденный из румынского концлагеря Филипп Иванович Шавловский. Весной

сорок пятого он пал смертью храбрых под Веной. В Вене завершился боевой путь освобожденного из концлагеря Устименко Ивана. Вернувшись в родную Килию, он вступил в колхоз и стал со временем знатным кукурузоводом. В колхозе «Путь Ленина» в одной бригаде с ним работали его боевые друзья по подполью Филипп Чернявский, Харитон Василенко, Иосиф Потапенко и Ефрем Залецкий...

С Советской Армией до Берлина дошел освобожденный из концлагеря Владыченко Леонтий. В мирном труде он стал прославленным токарем Килийского судоремонтного завода. Подпольщик кузнец Василий Гроссу после войны стал кузнецом Килийского судоремонтного.

Дмитрий Дириенко был освобожден из концлагеря Красной Армией, с ней дошел до Победы, а вернувшись в Килию – колхозником до пенсии.

Самая юная подпольщица килийского подполья Надя Нанева Красную Армию встретила в Килии на соборной площади, вскоре Килийский горком ВЛКСМ вручил ей комсомольский билет, не выданный в грозном сорок первом. Работала в райкоме комсомола, горсовете, на пенсию вышла из ПТУ–12, где работала воспитателем и организовала музей боевой славы.

С фронтов Великой Отечественной в наш город пришло более 700 похоронок, а еще, сражаясь за Победу, погибли и сорок девять подпольщиков килийщины.

ОСВОБОЖДЕНИЕ
(Незабываемый сорок четвертый)

Когда в феврале сорок третьего года во всех странах фашистского блока похоронным звоном отдавалась катастрофа на Волге, Советское правительство предложило Антонеску вывести свою многострадальную страну из войны. Но, подобно вдрызг проигравшемуся безрассудному игроку, надеющемуся отыграться на последний грош, незадачливый маршал на заседании своего Совета министров заявил: «Германия проиграла свою войну, но нам надо сосредоточиться на том, чтоб не проиграть нашу».

Свой кровавый режим, свою шкуру Антонеску надеялся спасти перепродажей им же обездоленной Румынии другим хозяевам – англо-американцам. (Этого же добивались и лидеры т.н. «исторических» – «Национал-Либеральной» и «Национал-Цэрэнистской» партий). Как и они, диктатор организовал проведение зондажа на эту тему в Стокгольме, Мадриде, Анкаре, Каире... Более того, в этом деле Антонеску попытался использовать даже «еврейскую карту», включив в эту грязную игру, нет, не узников концлагерей и гетто. Эту миссию он намеревался поручить «королям стали» – братьям Аушницам, пребывавшим не в гетто, или Богдановке, а в комфортабельном «узилище» с телефоном, радиоприемником и газетами, с вышколенной обслугой из собственных камердинеров и поваров.

Советские войска были уже недалеко от Ясс, когда в апреле 1944 года Антонеску отказался вывести Румынию из войны, порвав союз с Гитлером на более чем мягких условиях, предложенных советской стороной: 1. Красная Армия освобождает Румынию от гитлеровских войск, но не оккупирует страну. 2. Государственный строй Румынии не будет изменен. 3. Предусматривается обмен военнопленными по принципу «Всех на всех». (Румынских пленных в Советском Союзе в то время насчитывалось более полумиллиона, советских в Румынии – несколько десятков тысяч).

Но только в ночь на 22 августа незадачливый маршал обещал посетившим его лидерам «исторических партий» Маниу и Миха-

лаке выход из войны, но только перед англо-американцами на его непреложных условиях:

– дать немцам две недели на эвакуацию из Румынии,

– компенсировать все потери Румынии от войны,

– войска Красной Армии покинут занятую ими румынскую территорию,

– Румынии гарантируется территория в границах 1940 г.,

– в Бухарест и другие стратегические пункты страны немедленно высаживаются англо-американские десанты, за ними, как можно быстрее, вступают войска этих стран. Но было поздно – советские войска стремительно приближались к Бухаресту и никакой Даллес из Управления стратегических служб – предшественника ЦРУ и никакой Черчилль с его «Балканским вариантом» Второго фронта спасти Антонеску не могли, да и не захотели бы это делать при таких обстоятельствах.

Такой силы, которая могла бы удовлетворить требование Антонеску: сохранить Румынию в границах до 1940 года во всем тогдашнем мире не было! (См. Л. Безыменский: «Тайный фронт против Второго фронта» М. 1987 г. стр. 198). Рухнули и надежды Гитлера удержать Румынию с ее нефтью, хлебом, геостратегическим пространством в своих руках. Не помогли ни старые, ни новые линии укреплений, ни большая плотность войск между Днестром и Прутом...

С самого начала 1944 года очень неуютно чувствовала себя в этом пространстве многочисленная свора оккупационного чиновничества: донимало «чемоданное настроение», беспокоила масса беженцев – «собратьев» из Транснистрии, фольксдойче со всей Украины, нагоняли страх ужасные известия о мощи, неудержимости советского наступления, рассказы побывавших во фронтовом пекле о «летающих советских танках» – знаменитых штурмовиках «ИЛ–2», о всеуничтожающем огне «Катюш», страх наводили эскадры американских «летающих крепостей», пролетающих высоко в небе Бессарабии в порядке осуществления «челночных операций»... Нет, это был не сорок первый год и никто из оккупантов не интересовался далеко ли до Москвы, знали – Красная Армия будет тут со дня на день. Успеть бы удрать за Прут! Часто менялись составы гарнизонов не только в городах, но и в селах Бессарабии. Кого только не перевидали жители края в ту зиму, весну и лето: обовшивевших, изголодавшихся вояк Антонеску, которым посчастливилось унести ноги из Крыма, из Одессы, грязным, оборванным, в ботинках на деревянной «подошве», мечтающих о разгроме диктатуры Антонес-

ку, как о спасении и больше всего боящихся палки или плети командира. Вперемешку с немецкими полками отступали подразделения всяких власовцев – в поношенных немецких мундирах, обреченных – им не на что было надеяться... Надменный вид пытались сохранить только немецкие офицеры, да и то только перед «туземцами»... Страшные слухи ползли в Бессарабии об отступающих с немцами и наступающих с русскими «татарами», «калмыками» и других невиданных страшилищах – это в подражание немецкой пропаганде распространяла румынская, рассчитывая напугать бессарабцев... Гражданские и военные власти гнали бессарабцев на Днестр – строить укрепления, на шоссе – ремонтировать их. На железнодорожные узлы и пути все чаще налетала советская авиация – взрывались целые эшелоны с боеприпасами, от взрывов гудела вся Бессарабия, доставалось и запруженным вражескими войсками шоссе.

От Аккермана до Жебриян по берегу Черного моря вытянулась линия укреплений очаговой береговой обороны. В начале и в конце ее были возведены укрепрайоны, население из этих мест выселено...

Случалось, вынужденную посадку совершали советские самолеты, как это произошло у села Котул Китаюлуй (Островное ныне), тогда румын и немцев охватывала еще большая паника: метались по дорогам воинские и жандармские подразделения, а церковные колокола всей округи звонили, как на пожар... Почти миллионная армия прикрывала Румынию с востока, точнее – группа армий «Южная Украина» до зубов вооруженная. 28 немецких, 21 румынская дивизия, 800 танков, 8000 орудий, не считая сил вражеского Черноморского флота, и тех, что на Дунае, не считая сил в укрепрайонах.

Воздушное прикрытие – 800 самолетов – сила!

С начала сорок четвертого года высокие штабы советских Вооруженных сил тщательно готовили планы наступательных операций на этом стратегическом направлении: накапливались оружие, техника, боеприпасы и материальные средства, кадры для начала восстановления народного хозяйства...

Усиленно работали все разведки. Двинулись на запад крупные украинские и молдавские партизанские соединения, активизировали свою деятельность местные подпольные организации и партизанские группы...

В том числе в Килии и Вилково.

Как уже отмечалось, подготовка стратегического наступления на Румынию, Дунай и Балканы предполагала и высадку во

фронтовой тыл противника на глубину 100–200 километров небольших разведывательно-диверсионных групп – приблизительно за месяц до стратегического наступления.

Одной из таких групп была та, которая была высажена под селом Галилешты (Десантное) Килийского района. Ее командир, Иван Викторович Бондаренко, сформировал группу из бойцов своего же отряда особого назначения численностью в неполную полсотни бойцов. Но каких! В разведывательно-диверсионные школы особого назначения, особенно московские, в которых готовились люди Ивана Бондаренко, «слушателей» подбирали по очень строгим критериям и параметрам – ведь прыгать им предстояло «в самую пасть зверя» и не только прыгать в нее, но и разодрать эту пасть...

Готовили полгода, а то и больше – разведчиков, подрывников, бойцов рукопашного боя, отличных стрелков, владеющих всеми видами стрелкового оружия – своего и противника, парашютистов, а еще радистов (нередко – радисток). В отряде Ивана Викторовича Бондаренко практически все бойцы прошли такую подготовку, а еще отряд накопил и немалый боевой опыт в предшествующих операциях в тылу врага.

Много успешно выполненных сложных боевых заданий выполнил отряд к лету сорок четвертого. Особенно сложными и опасными были Донецкое и Никопольское. В ходе последнего отряду удалось в одной боевой операции уничтожить четыре десятка немецких танков, десятки автомашин. Сотни гитлеровцев – очень удачно были пущены под откос вражеские эшелоны... А отряд вернулся на «большую землю» без потерь!

И вот отряд под Одессой, рядом с аэродромом (старым).

Для нового спецзадания было приказано отобрать из отряда всего 11 человек. Отобрать их из отряда оказалось делом очень сложным – в бой рвались все. Но приказы не обсуждают, и опытный начальник штаба отряда, Александр Хромов, хотя и недоумевал, почему на задание полетит не весь отряд, отобрал столько бойцов, сколько было приказано...

С одесского аэродрома самолет стартовал после полуночи, 21 июля 1944 г. Несколькими широкими кругами надежный «Дуглас» набрал высоту и взял курс прямо в открытое море, чтоб не лететь над голой степью, где гул моторов одинокой машины могут засечь слухачи вражеской ПВО...

Оказавшись вдали от берега, самолет развернулся почти на девяносто градусов – в сторону дельты Дуная.

На высоте ночь тает особенно быстро, быстро светлеет восток. Светлеет, и в просторном фюзеляже самолета вырисовываются лица товарищей...

«Квадратный», круглолицый сибиряк, Михаил Гмырь, он и комиссар отряда, рядом с ним, как всегда, радистка отряда Зоя Зубрицкая – статная, стройная, миловидная, до войны – ткачиха из Ярославля. Война ее сделала радисткой-разведчицей. Своего радионачальника она упросила дать ей на время выполнения этого задания радиопозывной «Чайка» – почему-то полюбилась ей эта белокрылая птица. Зое захотелось иметь этот крылатый позывной. (Пройдет много-много лет после героической трагедии десантников у Галилешт, и этот же позывной возьмет в космический полет первая женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова – тоже из ярославльских ткачих и родная тетя отважной радистки Зои Зубрицкой...).

Такой была эстафета поколений, из которых выходили герои!

Рядом с Зоей с другой стороны от нее – Дмитрий Звальзин, тоже, как и Михаил Гмырь, сибиряк и заместитель командира, но по разведке – зоркий, стремительный, ловкий, стройный спортсмен... Автоматчик Николай Подкин – ростовчанин, уралец Малов Петр, Березовский Вениамин – еврей из Запорожья, Николай Рекунов – волжанин, Сыбяков Аверкий из красивого села на берегу Днепра, Владимир Суржанский – тоже с Украины – все они – автоматчики, разведчики, минеры высокого класса и с большим боевым опытом. Переводчик Кицу Николай – румын из Добруджи – летел почти что домой. Командир отряда, Бондаренко Иван Викторович, после всех предполетных треволнений – совещаний, уточнений, тренировок, утрясаний некоторое время сидел молча, о чем-то задумавшись под монотонный гул авиамоторов. Может быть, он вспоминал свою родную Большую Лепетиху с ее ивами, купающими кончики ветвей в днепровских водах; может быть, вспоминал последнюю встречу с родными во время краткосрочного отпуска после сложного боевого задания; а может быть – Запорожье – город казацкой славы в прошлом, еще больше – город трудовой славы в недалеком – довоенном прошлом – он там работал перед войной, успел полюбить этот город. Командир отряда даже называл себя запорожцем, и его бойцы стали называть себя также... Отряд любил своего командира, хотя в этом отряде он был одним из самых молодых, – за заботу о людях, за боевые успехи, свидетельствующие о таланте и опытности командира, за то, что был он начитан, вежлив и справедлив. Были в отряде и девчата – радистки, мед-

сестры; они его тоже любили и не только за храбрость, но и за рыцарское отношение к ним, чего он строго требовал и от всех мужчин отряда...

Но полетное время от Одессы до устьев Дуная коротко, а дел у командира много. Прежде всего – еще раз до всех и каждого довести боевую задачу, чтоб каждый до тонкости уяснил свою роль в выполнении боевого задания. В целом, для группы оно состояло в том, чтобы установить связь с боевыми группами отряда «Дунай» с подпольем придунайских городов и сел с тем, чтоб активизировать их деятельность. Главное же – разведка, может быть даже – боем перед уже, безусловно, близким стратегическим наступлением советских войск на самом южном фланге огромного советско-германского фронта.

Короткая летняя ночь таяла быстро – восток уже загорался утренней зарей, когда началась высадка. На первом кругу с борта крылатой машины вниз ушли на парашютах тюки с ручными пулеметами, боеприпасами, рацией: батареями к ней и другим имуществом. Впрочем, в своих письмах-воспоминаниях и в рассказах при встречах на придунайской земле отец командира, Бондаренко Виктор Семенович, оставшиеся в живых десантники, Аверкий Сыбяков и Владимир Суржанский утверждали, что первыми покинули борт самолета «таинственный двенадцатый», – судя по тому, что о нем до сих пор ничего подтвержденного документами узнать не удалось, – очень важный. Высадку его, возможно даже, не зная этого, прикрывала группа Ивана Бондаренко. Фантастический детектив? Герой Советского Союза, полковник Шевченко, с которым автору довелось беседовать лет сорок спустя, утверждал, что приблизительно в феврале сорок четвертого на Ясском направлении его прикрывала группа, подобная той, которой командовал Иван Бондаренко. О своем задании полковник Шевченко не проронил ни слова...

На втором кругу самолета вниз пошли десантники отряда. Приземлились на кукурузном поле недалеко от северо-восточной окраины села.

Трагическое совпадение – дезертир, скрывавшийся в этой же кукурузе, немедленно побежал в примарию Галилешт и доложил о десанте. К тому же два грузовых парашюта упали почти в расположение немецкого охранного батальона, который немедленно был поднят по тревоге...

Неравный бой завязался, едва десантники успели занять круговую оборону. По тревоге были подняты войска и жандармы всего юга Бессарабии от Рени до Аккермана...

Оккупанты паниковали: церкви в селах Килийского и Измаильского, а также Аккерманского жудецов трезвонили, как на пожар, в страхе металась сигуранца, префекты, преторы, примари и всякие другие чиновники.

А под Галилештами все жарче разгорался бой.

Потери врага были чувствительными, но его силы росли. Отовсюду к Галилештам спешили немецкие каратели, румынские армейские части, жандармские легионы, открыла губительный огонь минометная батарея, с соседнего Жебриянского аэродрома поднялись самолеты... Час за часом продолжался неравный жестокий бой – кольцо окружения вокруг десантников неумолимо сжималось, ряды их редели. Все бойцы отряда ранены: истекает кровью командир, смертельно ранен начштаба Хромов... Убиты Березовский, Гмырь, Кицу... Гитлеровцы набрасываются на Ивана Бондаренко, – хотят взять командира еще живым. Последним усилием воли Бондаренко вырывает чеку гранаты – подрывает себя и навалившихся врагов... Раненая радистка уже не шифром – открытым текстом стучит радиограмму: «Земля, Земля! Я Чайка, я Чайка! Командир убит, отряд погиб... Рацию и шифр уничтожаю...» Немецкий майор идет на радистку, орет: «Рус, сдавайся!». «Зоя не сдается!» – отвечает радистка. В обойме ее пистолета, – подарок командира отряда, – осталось два патрона...

Предпоследнюю пулю Зоя послала прямо в пасть майора, последнюю – в себя!

Такой была героическая прелюдия освобождения нашего края.

О героях-десантниках люди нашего края слагают стихи, может быть, не по канонам стихосложения, но искренние:

«Ушла в эфир последняя радиограмма:
Окружены врагами, в степи последний бой ведем...
Наш командир смертельно ранен, но...
Он выдернул чеку гранаты и...
Взорвался вместе с наседающим врагом!
Осклабился в улыбке офицер немецкий –
Радистка видится ему уже в плену,
А у нее всего две пули в пистолете...
Одну – в осклабленную пасть врага,
Последнюю – в себя!
Сраженья эхо уходило в дали,
Алела кровь среди увядших трав...
Десантники стоят на пьедестале –
Для нашей жизни смертью смерть поправ!»

В память о подвиге отряда Ивана Викторовича Бондаренко в 1945 году село Галилешты было переименовано в Десантное. Замечательное своими славными боевыми и трудовыми традициями оно:

Героям – живой обелиск!

Пионерская дружина школы этого села носила славное имя Ивана Бондаренко. Пионерские отряды многих других школ района носили это имя...

В двадцатую годовщину Победы по представлению «красных следопытов» школ Десантской и Килийской № 2, командир отряда десантников Иван Викторович Бондаренко награжден орденом Ленина (посмертно), а все бойцы героического отряда – орденами Великой Отечественной войны первой степени.

Обагренное кровью героев поле на северо-восточной окраине Десантного засевалось пшеницей, кукурузой, потом стало виноградником, сейчас оно снова поле – ПОЛЕ ДЕСАНТНИКОВ...

Стратегическую наступательную операцию, которая вошла в историю под названием «Ясско-Кишиневская», предстояло осуществить войскам II Украинского фронта генерала армии Малиновского Р.Я. и III Украинского фронта генерала армии Толбухина Ф.И. во взаимодействии с кораблями и частями Советского Черноморского флота адмирала Октябрьского Ф.С. и Советской Дунайской военной флотилии вице-адмирала Горшкова С.Г. Численное превосходство наступающих над противником в целом было незначительным, но знание противника и умелое маневрирование силами и средствами позволили советскому командованию создать на направлениях главных ударов подавляющее превосходство. Оно составляло: в танках – 4,4 к 1, в самолетах 3 к 1, в артиллерии 6 к 1 и такое же в людях...

19 августа 1944 года по всей ширине этих фронтов была проведена интенсивная разведка боем, чем противник окончательно был введен в заблуждение относительно времени начала операции и направлений главных ударов.

В тот же день авиация Черноморского флота подвергла интенсивной бомбардировке военно-морские базы Констанцы и Сулины.

Двадцатого августа последовала короткая, но мощная артподготовка по противнику, после чего главные силы фронтов двинулись в наступление.

Оно развивалось стремительно: уже 24 августа, наступая на острие сил II Украинского фронта навстречу авангарда III Украинского фронта, танковая бригада подполковника Овчаро-

ва А.М. в районе города Хушь замкнула кольцо окружения, из которого в последующем не вышли 30 вражеских дивизий... Подполковник Овчаров, который в июне 41 вместе с сержантом Буровым водрузил красное знамя на колокольне церкви в Старой Килии, теперь был удостоен звания Героя Советского Союза.

На самом южном фланге наступления, форсировав Днестровский лиман, вглубь степей Буджака рванулась армейская группа генерала Бахтина, а на приморском фланге планировалось высадить несколько оперативных десантов из отборных сил черноморской морской пехоты с задачей: не допустить ухода противника за Дунай и овладения узлами сопротивления противника и его переправами на Нижнем Дунае от Жебриян (Приморское) до устья Прута. Потерявшее веру в своего румынского союзника, немецкое командование в этом районе спешило убрать из Черного моря все свои боевые, вспомогательные корабли, технику и вооружение.

К 23 августа 160 кораблей и судов противника при сотне орудий калибра 100 и более миллиметров на них, с экипажами, прочим персоналом и эвакуируемыми в 8000 человек сосредоточились в порту Брэила. Разведки Черноморского флота и Советской Дунайской военной флотилии проморгали это, и вся эта сила сумела уйти вверх по Дунаю, чему не препятствовали и в одночасье ставшие нашими союзниками румыны... (См. И.Ф. Лактионов: «Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне». Воениздат, М. 1962 г.).

Нижнее Придунавье, в том числе наш район, города Килию и Вилково освобождали многие части и подразделения Красной Армии, части и корабли Советской Дунайской военной флотилии, Черноморского флота, пограничники уже сформированной и наступающей вместе с советской пехотой Килийской погранкомендатуры, корабли и экипажи морпогранохраны, 369-й «Керченский» Краснознаменный батальон морской пехоты Героя Советского Союза, майора Григорьева, батальон Пятой отдельной Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова инженерно-строительной бригады, подразделения одного из батальонов Пятой гвардейской стрелковой бригады полковника Завьялова – Героя Советского Союза...

Но особая роль в освобождении нашего района, городов Вилково и Килии принадлежит 384-у отдельному Краснознаменному «Николаевскому» батальону морской пехоты майора Котанова Федора Евгеньевича, 613-й штрафной (со времен – штурмовой роты Черноморского флота старшего лейтенанта Резниченко),

Первой Гвардейской «Керченской» бригаде бронекатеров капитана третьего ранга – Героя Советского Союза Державина Павла Ивановича.

Сорок четвертый не сорок первый – о славных боевых делах этих частей и подразделений, о героях, освобождавших наш край говорят не только сами участники этих событий, но и многочисленные документы из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центрального военно-морского архива минобороны России. Об этом звучат огненные строчки Совинформбюро, литые строчки благодарственных приказов Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, потрясающая хроника Великой Отечественной войны...

Что касается источников румынских, то в большинстве своем, подобно советским штабным документам сорок первого года, они рассеяны по полям сражений по дорогам бегства вояк Антонеску. А что касается румынских военных историков, то они очень скупо говорят и пишут о событиях сорок четвертого года (объясняя неблагоприятный для себя ход их – огромным численным превосходством сил советских). Это не ново, это почерпнуто у битых немецких генералов.

Легендарный, как и его прославленный батальон героев, Федор Евгеньевич Котанов родился четвертого апреля 1914 года в селе Неон-Хараба в Грузии, в бедной крестьянской семье. По национальности грек. В детстве и юности работал батраком.

Призванный в Красную Армию в 1928 году, Котанов стал курсантом школы младших командиров, в которой успешно учился и стал снайпером.

В следующие три года успешно учился в офицерской школе, по окончании которой служил в горно-стрелковом полку, в котором стал командиром разведроты... Великая Отечественная война застала старшего лейтенанта Котанова командиром батальона.

С четвертого ноября сорок первого по февраль сорок второго участвовал в тяжелых боях под Севастополем...

Как опытнейший и храбрый офицер был направлен преподавателем учебного центра морской пехоты Черноморского флота.

Настойчиво просится на фронт и после нескольких рапортов пятого января сорок третьего года капитан Котанов назначается в десантный отряд майора Цезаря Кунникова. В процессе подготовки десанта как нельзя лучше пригодился боевой опыт Ф.Е. Котанова.

Через месяц – десант на «Малую» – огненную землю. После гибели Кунникова возглавил батальон отважных.

При работе над историей освобождения нашего края источником послужил и документ особой ценности – реликвия: «Журнал боевых действий 384 батальона морской пехоты», любезно представленный нам командиром и начальником штаба прославленной части. «Приказ народного комиссара Военно-морского флота Кузнецова Н.Г.» гласит: «04. 43 года на базе Потийского флотского экипажа сформировать 384-й отдельный батальон морской пехоты. Командиром батальона назначить капитана Котанова Федора Евгеньевича». А в этом Потийском экипаже к тому моменту собрались бойцы, за плечами которых были оборона Одессы, Севастополя, многие десанты, наконец – огненная «Малая земля» (на которую полковник Брежнев ступил, по словам Ф.Е. Котанова, не раньше, чем там отгремел последний бой).

Генсек Брежнев еще был жив, когда на встрече в музее Килийской СШ № 2 в мае 81 года эту истину с сарказмом в адрес пятижды героя Брежнева, не таясь, объявил Котанов. А он знал, что говорил, потому что на той самой «Малой земле» был начальником штаба батальона майора Кунникова, насмерть стоявшего и геройски погибшего на этой земле...

384-й батальон, люди, зачисленные в него, их командир не на бумаге, а на самом деле были особыми – эта воинская часть изначально предназначалась для самостоятельных действий в глубоком тылу противника.

Его и десантировали в глубокий тыл противника под Таганрог, Мариуполь, Ялту, Николаев и бойцы батальона в боях действовали так, что в огромной мере способствовали успеху операций по освобождению этих городов...

Только при освобождении Николаева 55 бойцов отряда старшего лейтенанта Ольшанского и сам Ольшанский из числа котановцев были удостоены звания Героя Советского Союза (43 и сам Ольшанский – посмертно).

После этого, приказ наркома военмора гласил: «384 Отдельный батальон морской пехоты, отличившийся в боях за город Николаев, именовать 384-й Отдельный «Николаевский»...

Батальон участвовал и в освобождении Одессы, после чего в списке Героев Советского Союза батальона значилось уже 68 человек.

В гигантской сражающейся Красной Армии это был уникальный батальон – батальон героев! Ему-то и выпала военная судьба начать освобождение Придунайского края.

Гвардии полковник, Герой Советского Союза Котанов на одной из встреч, имевшей место в 1981 году в Килии, признавал-

ся: «Мы готовились так, чтоб успешно штурмовать не только твердыни Дуная, но, если прикажут, – и твердыни Босфора и Дарданелл!» (До разрыва дипотношений Турции с Германией в 1944 г. такая необходимость не исключалась! Но Турция порвала с Германией в июле 1944 г.).

После освобождения Одессы, 384-й батальон морской пехоты дислоцировался в городе в казармах недалеко от Приморского бульвара. После ожесточенных боев за Николаев и Одессу батальон пополнялся личным составом. Что касается службы, то она состояла в береговой охране, а главное – в боевой подготовке в предвидении новых наступательных операций на приморском фланге. Анализировался опыт недавних боев, особенно усиленно велась боевая подготовка пополнения. Так было с мая до середины августа. Все резко изменилось перед началом Ясско-Кишиневской операции. Об этом рассказывают сами участники этих событий и «Журнал боевых действий» прославленной части.

Вспоминает капитан второго ранга Александр Иванович Серяк – тогда молодой пехотинец из недавнего пополнения.

– Жизнь батальона изменилась в одночасье, – были отменены и без того редкие увольнении и даже боевая учеба. Прямо из непрерывно подходящих грузовиков личный состав получал полевое обмундирование, снаряжение и главное – боеприпасы. Служба боепитания не скупилась: на автоматчика по три цинка патронов – 1500 штук, гранат – сколько кто пожелает сверх положенной нормы в три штуки... Я вооружился десятью «лимонками» и двумя «РГ–42». Слово комбату Котанову.

– В неподалеку расположенном штабе Советской Дунайской флотилии, куда я прибыл по срочному вызову, оперативное совещание проводил сам командующий Черноморским флотом, вице-адмирал Октябрьский. Обстановку, создавшуюся на приморском фланге после начала Ясско-Кишиневской операции, он вкратце охарактеризовал так: «Под Аккерманом противник понес большие потери, его разбитые части и соединения в беспорядке отступают в общем направлении – к Жебриянскому заливу и укрепленному району, организовав оборону которого он намерен: задержать прорыв наших войск к Дунаю, организовано эвакуировать войска подальше за Дунай...»

Исходя из этого, адмирал поставил задачу: «Скрытно совершить переход морем, захватить Жебриянский укрепрайон, не допустить эвакуации войск противника – уничтожить или пленить их, в последующем форсировать устья Дуная и перенести

боевые действия на территорию противника. Выполнить такую задачу может только известная своим мужеством и боевым мастерством морская пехота в тесном взаимодействии с моряками-дунайцами», – закончил адмирал постановку боевой задачи... (См. «Журн. Боевых действий 384 ОКНБМП»).

«Это очень нелегкая задача, условия, в которой ее предстоит выполнять, – очень сложные как для нас, так и для Дунайской флотилии, ведь ей высаживать десант в Жебриянах, сквозь минные поля и вражеский огонь прорываться в Дунай, где вновь и вновь высаживать десанты...

После Сталинграда противник стал превращать Жебрияны в мощный оборонительный узел. Большая часть населения села разбежалась или была выселена, а несколько человек, которых оккупанты считали «опасными», были расстреляны. Северная и восточная окраины села были прикрыты колючей проволокой в несколько колов и минными полями.

Первая линия окопов (не траншей) протянулась по краю коренного берега моря, там, где берег был высоким, строились дзоты, а на господствующей высоте у заставы – мощный дзот с амбразурами, обеспечивающими широкий сектор обстрела. Дальнобойные батареи пристреляли рубежи заградительного огня на возможных курсах советских кораблей, система наблюдательных пунктов обеспечивала обзор моря и степи и корректировку артогня, на полевом аэродроме на юго-западной окраине села базировались вражеские истребители и морские разведчики».

Гвардии полковник Котанов продолжает свой рассказ.

«Наш батальон хоть и был отдельным и насчитывал вместе со своими службами тыла 1000 человек личного состава (чуть не бригада), но предназначенный ему на сей раз район боевых действий был очень обширен, а цели для атаки в нем очень разбросаны, и каждая по своему – сложна, да еще в плавнях. Боевые действия предстояло вести в глубоком тылу противника, отчасти – на территории враждебного государства, воевать без поддержки танков – лишь с легкими минометами, сорокапятками, да «карманной артиллерией» – гранатами. В штабе батальона вместе с его начальником, капитаном А.С. Левитовым мы разработали план предстоящей десантной операции и согласовали порядок действий с нашим старым знакомым – опытнейшим, храбрым моряком – командиром Первой гвардейской «Керченской» бригады бронекатеров, Героем Советского Союза Павлом Ивановичем Державиным. По предыдущим операциям я знал и команди-

ров бронекатеров, звеньев, отрядов прославленной бригады, их отвагу и высокое боевое мастерство и радовался, чтоб судьба снова свела меня с этими замечательными людьми: Воробьевым, Соколовым, Великим, Прокусом, Андриановым и другими, с их храбрыми экипажами. В выполнении сложной, ответственной боевой задачи на таких можно было положиться!» (Фонозапись встречи с Ф.И. Котановым в музее Килийской СШ № 2. Май 1981 г.).

Рассказывает капитан II ранга А.И. Серяк.

Во второй половине дня 22 августа сыграли «большой сбор». Мы выстроились перед знаменем и командованием батальона.

Открывая митинг, майор Котанов сказал:

– Товарищи офицеры, старшины и краснофлотцы! Пробил торжественный час – Родина приказала нам нанести удар по врагу в его тылу. Задача трудная и ответственная, но я уверен в вас, уверен, что вы еще раз продемонстрируете свою любовь и преданность матери-Родине, еще раз прославите наше оружие! Нас ждет Дунай, нас ждет город русской славы Измаил.

Он говорил, слегка растягивая слова, медленно проходя перед строем, по очереди глядя каждому в глаза...

– Перед могилами наших боевых товарищей мы поклялись отомстить врагу за их гибель – настал час выполнить нашу клятву! Моряки слов на ветер не бросают.

После командира на митинге выступили: полковник из Москвы, старшина первой статьи Абрамов – ветеран батальона, чью грудь украшали три ордена Боевого Красного Знамени, командир нашего отделения автоматчиков, Герой Советского Союза Кирилл Васильевич Бочкович, комсорг батальона старшина Будкевич...

Потом был зачитан приказ об организации штурмовых групп (их было десять), объявлен их списочный состав, назначены командиры.

Наше отделение автоматчиков вошло в четвертую группу старшего лейтенанта Михайловского – помощника начальника штаба батальона.

(На Жебриянской косе майор Котанов назначил его командиром первого эшелона – четыре, затем – пять боевых групп).

Кто-то из политработников, кажется, это был парторг батальона Левин, проходя перед батальоном, раздавал листки плотной белой бумаги с портретом И.В. Сталина и словом «Клятва» на обороте.

Давая мне такой листок, политработник сказал:

– Напиши, как ты будешь сражаться в предстоящем бою. – И я написал, написал, как подсказывало сердце: «Идя в бой за счастье своего народа, клянусь сражаться, не жалея ни крови, ни жизни, как сражались герои-ольшанцы. А если я погибну в бою, прошу считать меня коммунистом».

Написав эти слова, я как бы приблизился к тем, кто клялся над могилой ольшанцев, павших смертью храбрых в николаевском десанте – их массовый героизм стал для нашего батальона ярким примером. Я принял на себя ответственность сражаться за себя и за геройски погибших товарищей – до конца выполнить и их завет...

Клятву в том же духе подписали все, у кого оказались листки с портретом И.В. Сталина, в том числе боевые друзья – учителя И.И. Абрамов, К.В. Бочкович, Ф.Л. Лозенко...

Последовала команда: «Проверить оружие!», и тишина мгновенно взорвалась грохотом пальбы – стреляло все, что могло стрелять, – оружие действительно безотказно. (См. «Журнал боевых действий 384 батальона морской пехоты»).

«Нас уже ждали грузовики – мы выехали на берег моря, где отрабатывали посадку на корабли, затем десантирование в вариантах «на берег» и «в воду» – все нормативы были перекрыты.

Под утро следующего дня уставшие, мокрые, но довольные мы вернулись в расположение части с уверенностью, что и настоящее боевое десантирование выполним успешно. В части мы продолжили подготовку к боевому походу в тыл врага, где меня и многих других бойцов из пополнения ждало боевое крещение. Я, естественно, волновался, но изо всех сил старался скрыть это!» (См. там же). К тому времени майор Котанов был командиром с огромным и славным боевым опытом. Но предстоящая операция и для него была особенной, – он сам в этой операции шел командиром десанта.

Ф.Е. Котанов вспоминает:

«23 августа с наступлением сумерек, батальон сосредоточился на причалах Одесского порта. У пирсов уже стояли корабли Первой гвардейской «Керченской» бригады бронекатеров. Ее командир, капитан третьего ранга, Герой Советского Союза Державин был в этой операции назначен командиром высадки. Это – бывалый моряк также с огромным, славным боевым опытом и, что особенно важно, прекрасно знающий театр боевых действий – здесь он нес погранслужбу еще в предвоенное время и воевал еще в первые месяцы Великой Отечественной». (См. там же). О нем и о его бригаде бронекатеров гремела звонкая боевая слава и слагались стихи:

Вырвавшись из огневой завесы,
Ушли с его последним кораблем
Последние защитники Одессы...
Он город в сорок первом защищал,
Освобождал его в сорок четвертом,
Сотни раз пришлось сопровождать
Морские караваны, тралить мины,
Воздушные налеты отражать.
Топить морские субмарины
По точным данным боевых реляций,
Проведено 16 за войну
Десантных беспримерных операций.

«Шестнадцатая» – для килийцев, самая главная – Жебриянская.

«Такой вот была бригада и ее мужественный, вдумчивый, железной воли командир – надежный соратник в бою. Поэтому, несмотря на сложность боевого задания, мы чувствовали себя уверенно и не ошиблись.

Из Одесского порта мы вышли 23 августа в 20 часов тридцать минут, погода стояла теплая, ночь обещала быть тихой, ясной.

За Воронцовским маяком корабли вытянулись в две кильватерные колонны бронекатеров. Головным между ними шел «Морской охотник» № 0–44 командира бригады, левую колонну лидировал «морской охотник» № 112, правую – морской охотник № 036, следом за ним бронекатер № 33 Героя Советского Союза старшего лейтенанта Воробьева, на этом бронекатере шел и командир первого дивизиона бронекатеров бригады капитан-лейтенант С.И. Борободько. К месту высадки дошли, когда едва забрезжил рассвет». (См. «Журнал боевых действий» 384 батальона морской пехоты). О чем думал командир десанта в часы перехода сам, он и журнал молчат... Сколько раз за долгие часы перехода командир мысленным взором на основании своего большого опыта прошел все этапы предстоящего боя, да еще в разных вариантах, он молчит. А такое наверняка было – об этом говорят его четкие команды и действия в том долгом и жарком бою. Тем более молчит командир о том, что он думал перед тем боем о себе.

Да и вообще... Он и его люди, его батальон, это – одно целое.

А вот матросы-десантники? И у них в ту ночь было время подумать и о предстоящем бое, и о себе.

На бронекатере старшего лейтенанта Лугового ветеран Дунайской военной флотилии П.И. Лукаш вспоминал о первых днях войны на Дунае. Служил он тогда на ставшим легендарным мониторе «Железняков».

Корабль обеспечивал огнем своих мощных орудий десантную операцию в Старую Килию, Лукаш попросился в тот десант и стал морским пехотинцем. Потом были оборона Одессы, Севастополя, феодосийский десант... Потом пошли на Запад – освобождали Севастополь, Одессу и вот впереди новый десант – теперь в Придунавьи. Интересным и поучительным, особенно для тех, кому предстоит боевое крещение, рассказ ветерана, и они не пропускали мимо ушей ни единого слова.

Среди слушавших ветерана был и самый молодой из пополнения, кому в предстоящем бою предстояло боевое крещение – Дмитрий Дадаев, он вспоминает:

– Мы сидели на палубе и о чем-то тихо беседовали:

Кто-то травил анекдоты, вызывая хохот товарищей, и только пулеметчики десанта, как и предусмотрено боевым расписанием, разделив секторы наблюдения и огня, застыли у своих «максимов» и «дегтярей», внимательно всматриваясь в морскую даль...

Мой товарищ, Владимир Никуленко, развязал вещевой мешок и, порывшись в нем, вытащил одну из банок американского десантного пайка, вспорол ее финкой и извлек из нее небольшую баночку консервов, плитку шоколада, узкую, плоскую пачечку сигарет, пластинку картонных спичек.

– Неужели проголодался? – спросил я Володю.

– Да нет, – просто хочу попробовать, что американцы едят, а то ведь, может, и не придется попробовать...

– А, ведь, прав Володька, – подумал я, глядя на приумолкших, пристроившихся кому как удобней знакомых и незнакомых товарищей, – ведь кто-то из нас не вернется из боя... Но кто?

Да, очень типичный ход мыслей перед боем – мыслей в прозе.

А были и стихи. Их написал батальонный поэт Вячеслав Качурин. Правда, это еще об ольшанцах, но... Теперь – и о нас:

Уже готов к заданию десант, –
Уже приказ зачитан перед строем.
Давай, товарищ старший лейтенант,
Письмо напишем перед боем.
Который год война, где дом и где семья
Туманною мечтой не обольщайся.
Пока кругом враги – всю волю собери
И зубы стисни, помначштаба Михайловский.
Который год война, судьба у нас одна,
И долг один у нас, один – гражданский и военный.
Сомнений нет в груди – Победа впереди.
Вперед же, помначштаба Михайловский.

Это мысли о долге перед Родиной и товарищами, тоже типичны перед боем. У каждого свои, но все равно они типичны для солдат той войны – Великой Отечественной. Они типичны не только перед боем, но даже перед смертью в бою. Вот что говорил об этом еще один прославленный участник десанта – Гидаят Вахабов, говорил уже пройдя всю войну, став отцом 12 детей и Героем Социалистического труда во главе процветающего колхоза.

– В бою под Таганрогом бежал со мной рядом друг мой, Ваня Иванов. Вдруг, словно споткнувшись, упал – нашла его вражеская пуля...

Умирая, прошептал: «Гидаят, запомни адрес: Саратов, Максима Горького... Ивановой Маше... Напиши жене, что я погиб за свободу и независимость нашей Родины!»

Вот такие люди шли и в этот десант, шли большей частью не по приказу, а добровольно – по велению сердца и долга. (См. «Журнал боевых действий 384 батальона»).

Вспоминает командир Первой гвардейской «Керченской» бригады бронекатеров П.И. Державин.

– Вот и Жебриянский залив – весь в густом молочном тумане. Там за туманом, на берегу – село Жебрияны. Бронекатера шли двумя кильватерными колоннами прибрежными фарватерами, со скоростью 10–12 узлов, управление осуществлялось только голосовой связью. До прихода в точку развертывания применение радиосвязи и световой сигнализации строго запрещалось.

В четыре часа двадцать пять минут правая колонна строя бригады, по сигналу флагмана: «Повернуть всем вдруг на 45 градусов», последовала к берегу. Переход морем не был обнаружен неприятелем – появление наших бронекатеров под Жебриянами оказалось для противника неожиданным – на берегу горел костер, вокруг него сидели и ходили солдаты... Румынские.

В четыре часа двадцать пять минут 24 августа бронекатера начали высадку десанта – по сходням прямо на берег. Высадка прошла без единого выстрела, и через десять минут была закончена.

Четыре боевые группы, как было предусмотрено, под командованием старшего лейтенанта Михайловского, развернувшись в цепи, двинулись по косе на север вдаль берегов моря и лимана. Это были группы старшего лейтенанта Михайловского, лейтенантов Торохова и Панкевича, младших лейтенантов Чаболы и Карася.

Остальные боевые группы, под общим командованием самого майора Котанова двинулись на Запад – к селу. Тут было все, как

в стихах, которые благодарные потомки об этих событиях сложили к тридцатой годовщине освобождения:

Вот снова в бой ушли бойцы,
Ушли, как звал их долг: Вперед! На Запад!
Их ждал Дунай, ждал Придунайский край –
Свободу им несли советские солдаты.

Как уже отмечалось, противник превратил Жебрияны и округу в укрепрайон. Первая полоса обороны со стороны моря состояла из окопов, прикрытых колючей проволокой в три ряда (минные поя были сняты накануне в предвидении подхода румын и немцев, бегущих из-под Аккермана к Жебриянской бухте). В ста пятидесяти метрах от первой линии располагалась Вторая линия окопов, также прикрытых колючей проволокой в три кола.

Еще одна такая линия проходила почти по восточной окраине села, ее южный фас загибался к морю, прикрывая полевой аэродром. В общем – чуть не полевая крепость. Ее готовы были брать с бою штурмовые группы во главе с майором Котановым.

Но крепость становится таковой, только когда ее есть кому защищать. А вот этого-то тут как раз и не было – 23 августа в Бухаресте Антонеску был арестован, король Михай I обратился к армии и народу с воззванием не оказывать сопротивления войскам «Объединенных наций». Высшее командование вооруженных сил королевства об этом издало свой приказ. В военной сумятохе он дошел не до всех отступающих румынских войск вовремя, хотя до гарнизона Жебриянского укрепрайона этот приказ успел дойти, и румыны, особенно рядовые солдаты, готовы были охотно выполнить его.

(Свержение Антонеску коммунисты, а затем и другие прогрессивные силы готовили с весны 1944 года. В составе этих сил оказался и король Михай I... После ночной встречи с Маниу и Михалаке Антонеску попросил у короля аудиенцию для доклада о положении на фронте и о своем плане перехода Румынии на сторону Англии и США.

Складывалась удобная ситуация для свержения Антонеску. В этой сложной, стремительно меняющейся обстановке роль главного действующего лица в деле свержения Антонеску, проявив не только политическую мудрость, но и мужество, взял на себя король.

Аудиенция маршалу была дана позже 16 часов. Когда все было готово к его аресту, заслушав доклад и пресловутый план Антонеску в своем кабинете, король на несколько минут вышел

в соседнюю комнату, а когда вернулся, объявил диктатору об отставке и тут же сообщил ему об аресте.

Команду на арест подал вошедший в кабинет личного военного штаба короля полковник Емил Ионеску, взводные Д. Былэ и Д. Руссу из гвардейской роты дворцовой охраны капитана Г. Теодореску тут же произвели арест Антонеску. На выходе из королевского кабинета ошарашенный Антонеску кричал: «Завтра расстреляю всех вас!».

Рота капитана Теодореску оперативно арестовала охрану Антонеску, сопровождавших его на аудиенцию военного министра генерала Пантази, министра внутренних дел генерала Попеску, главного инспектора жандармерии генерала Пику-Василиу и префекта столицы Елефтериу.

А маршала сначала водворили в бронированный сейф, в котором до войны хранилась королевская филателистическая коллекция, затем его передали коммунистам Е. Боднэраша, который руководил всем ходом свержения режима Антонеску и гитлеровцев в стране. До тридцатого августа 1944 года Антонеску находился на конспиративной квартире компартии, после чего попал в Москву... (См. П. Кирноагэ: «Политическая и военная история войны Румынии против советской России». Яссы. 1997 г.).

Спустя некоторое время король Михай I обратился к народу и вооруженным силам Румынии с историческим воззванием о прекращении сопротивления Объединенным Нациям (записанное на граммпластину, оно многократно передавалось по румынскому радио).

Но до котановцев-то королевское воззвание не дошло, и в боевом наступательном порыве они настигали и крушили разбегающиеся жидкие роты румынских вояк... Только через несколько дней счастливчики, попавшие в плен, в одночасье стали «союзниками»...

В шесть утра все три полосы укрепления перед селом и в нем были уже позади – седьмой, восьмой, девятой и десятой боевых групп Котанова – впереди был широкий оперативный простор...

В шесть тридцать седьмая штурмовая группа двинулась на Галилешты (Десантное), восьмая, девятая, десятая – на Вилково.

Ленинградец Волков Аркадий Архипович был ветераном батальона с большим боевым опытом. Был он не только опытным, храбрым воином, но и талантливым разведчиком и командиром отделения разведки – личной разведки комбата. Это отде-

ление и было назначено головным дозором сил, двинувшихся на Вилково, куда вел проселок в Дефиле между морем и Стенцовскими плавнями.

А. Волков рассказывает:

«Наше продвижение на Вилково вначале было медленным, задерживали заболоченные и просто залитые водой участки дороги, а еще больше сдающиеся в плен румынские солдаты, которых надо было принимать и конвоировать. В результате контакт с убегающим на юг к Дунаю противником был утрачен... И тогда мы перестали конвоировать пленных, – забирали только оружие и с белым флагом из разных тряпиц отправляли их в тыл...

Чтоб догнать противника, сели на трофейные повозки, запряженные трофейными лошадьми. В результате, довольно быстро противника настигли.

Вскоре мы, а затем и три штурмовые группы подошли к берегу Дуная выше Вилкова. Тут огромные массы румын и немцев с обозами, артиллерией скопились, стараясь любой ценой попасть на переправу, ведущую через широченный Дунай на его южный берег у деревушки, которая, как оказалось, так и называется – Периправа...

Это скопище было охвачено такой паникой, что румыны, а особенно немцы пытались переправляться на снопах камыша, выломанных воротах и дверях, на обломках бревен. Но Дунай – не тихая степная речушка, и многие из пытавшихся переправиться таким способом захлебнулись в его быстрых, мутных волнах...»

Эшелон прорыва в устья Дуная: 11 бронекатеров, 6 ракетных катеров, десять легких катеров, бригада речных кораблей капитан-лейтенанта Давыдова, имея флагманом командующего Советской Дунайской флотилии вице-адмирала Горшкова С.Г., на «Морском охотнике» № 0–26 к шести часам 24 августа скрытно подошли к устьям Килийской дельты Дуная и приступили к разведке на мины. Разведгруппе из легких катеров посчастливилось – она обнаружила обвехованые противником проходы в минных полях, ведущие в Очаковский рукав и «Потаповский» канал.

Бронекатера Державина, пришедшие из Жебриян, и бронекатера Давыдова, пользуясь разведданными, проходами в минных полях, форсировали устья Дуная и двинулись к Вилково. На подходе к городу им преградил путь плотный огонь вражеских батарей, располагавшихся за селом Периправа.

Бронекатера Державина и Давыдова мощным сосредоточенным огнем подавили вражеские батареи и высадили десантные

группы в район порта. Подоспевшие со стороны Жебриян котановцы прервали переправу противника и двинулись в город навстречу дунайцам, ускорив тем самым освобождение Вилкова.

Шестнадцатилетний юнга Первой гвардейской «Керченской» бригады Вольт Васильевич Малиночка на высокий флагшток в порту поднял победное знамя, при этом был ранен пулей немецкого снайпера, а в двухэтажном королевском «охотничьем домике» был взят в плен штаб крупной воинской части румын с полковником во главе. При взятии Вилкова было уничтожено до трехсот солдат и офицеров противника – в основном немцев, 2000 румын взято в плен. Трофеями десантников стали 400 подвод с различными военными грузами, тысяча лошадей и сотни голов крупного рогатого скота.

Потери десантников при этом составили четыре человека убитыми и пятеро раненых. (См. Центральный архив ВМФ России. Ф. 71, д. 14014, л. 61–62).

Неожиданно сложной и болезненной оказалась задача выковыривания гитлеровцев, группами и в одиночку рассеявшихся по островам близ Вилково – в плен они не сдавались и дрались с отчаянием обреченных. С одной такой группой в 50 человек старшине Сваталову и красноармейцу Косареву довелось вести многочасовый бой. Красноармеец Косарев в этом бою был убит, а израненного, истекающего кровью, совсем юного Сваталова спасли от смерти и выходили от ран добросердечные вилковчане.

Вилково зажил, хоть и прифронтовой, но уже мирной жизнью. В нескольких домах был развернут полевой госпиталь, куда доставляли раненых из Приморского, где на косе продолжался яростный бой и с островов Малой Килийской дельты. Первыми медработниками полевого госпиталя были опытный фельдшер, вернувшийся из румынского заточения, Ивлий Павлович Олейников и его семнадцатилетняя дочь – учащаяся медучилища Аннушка (Анна Ивлевна Олейникова), затем в полевом госпитале работали и прибывшие из Одессы флотские врачи и медсестры.

После освобождения Измаила тяжелораненых из импровизированного вилковского полевого госпиталя перевели в измаильский военно-морской, в который поступали раненые на берегах всего Дуная...

А Вилково зажил совсем уж мирной жизнью, даже с радиоузлом и кинотеатром. После освобождения Вилкова адмирал Горшков приказал отряду бронекатеров капитан-лейтенанта Борободько подняться вверх по Дунаю – к Старой Килии, где действова-

ла переправа, по которой с левого берега Дуная противник непрерывным потоком переправлялся на правый берег.

Переправу прикрывал стоявший ниже по Дунаю, хорошо замаскированный румынский монитор. Когда последний открыл огонь по отряду советских бронекатеров и тем себя демаскировал, по нему огонь прямой наводкой открыли бронекатера. Монитор получил несколько попаданий – на нем начался пожар. А добили вражеский корабль пикирующие бомбардировщики «ПЕ–2» из полка Героя Советского Союза, гвардии подполковника И.Е. Корзунова Черноморского флота. Команда монитора разбежалась по плавням...

Расстреляв переправу, отряд Борободько нанес артиллерийский удар по судам, стоявшим в порту Старая Килия и в протоке Татару, потопив две груженые баржи и буксир, а на отходе, серия снарядов была пущена и по Килии Новой... Километрах в шести ниже Старой Килии отряд Борободько устроил засаду, полагая, что румынские мониторы будут прорываться к Вилково. Но делать это румыны не намеревались, а лишь восстановили переправу меж Новой и Старой Килией, поставив на ее прикрытие еще один монитор в вершине острова Татару – выше Новой Килии. (См. И. Локтионов «Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне» М. 1962 г. Стр. 106).

Основные силы Советской Дунайской военной флотилии сосредоточились у Вилково, но для дальнейшего наступления нужна была морская пехота.

В подкрепление 384 батальону Котанова из Одессы на торпедных катерах была доставлена 613-я штрафная рота морской пехоты Черноморского флота, из-под Жебриян в Буджакскую степь углубилась седьмая штурмовая группа лейтенанта Маковецкого (384 батальон Котанова).

Ее командир вспоминает.

– 24 августа в восьмом часу утра мы выступили в направлении села Галилешты. Организованного сопротивления противника не встречали, но из-за плохой размытой дождями дороги и большого количества взятых боеприпасов, т. к. предстояло действовать в отрыве от батальона, – двигались довольно медленно. В Галилешты вошли к полудню. Жители села показали нам место, где лежали погибшие бойцы авиадесанта Ивана Бондаренко... Скорбная картина предстала перед нашими глазами: тела бойцов, в том числе радистки были кое-как зарыты на дне неглубокого оврага на окраине села. Мы перезахоронили героев, погибших в неравном бою, в братскую могилу в центре села. Над

могилой прогремел наш троекратный салют. Жители тут же огородили могилу штакетом.

Уставшие физически и морально, мы заночевали в Галилештах.

На рассвете 25 августа двинулись в Карячку, к восьми часам заняли село. Не останавливаясь, двинулись дальше. Около тринадцати часов заняли Дракулю и Думитрешть, а часов в 17 в селе Кара-Мехмет наша седьмая штурмовая группа соединилась со взводами 613 роты, наступающими со стороны уже освобожденной Килии Новой.

На рассвете 26 августа вместе с подразделениями 613-й роты мы попали в Новую Килии. Надеялись там немного отдохнуть, но нас ждал приказ, предписывающий совсем иное.

На быстроходных катерах нас срочно перебросили в Вилково.

Но вернемся в Жебрияны, где на косе остались фактически главные силы 384 «Николаевского» батальона.

Меньше чем через десять минут после высадки в полосе наступления четырех боевых групп под общим командованием старшего лейтенанта Михайловского сложилась очень напряженная обстановка.

Дмитрий Дадаев, а тогда просто Дима, был самым молодым участником десанта, бой этот был для него первым, участвовал он в нем рядом с командиром отделения автоматчиков, Героем Советского Союза Бочковичем.

Пройдет много лет после войны, Дмитрий Дадаев, сменив много профессий, станет журналистом, а по призванию – поэтом. О бое на Жебриянской косе – своем первом бое – он отозвался стихами:

Мы поднялись в атаку на рассвете –
Навстречу смертоносному огню.
Я ничего страшней не знал на свете
И до сих пор все в памяти храню...

Семнадцатилетний, он, как и его старшие боевые друзья, понимал:

Была война, в огне была Европа,
И мы тушили мировой пожар.

О бое такого накала вправе говорить, прежде всего, те, кто прошел через него, поэтому, чтоб не кощунствовать и не сочинять, мы обращаемся к «Журналу боевых действий» котановского батальона и к самим участникам боя. «Ожесточенный бой разгорелся в районе, который на карте значился, как «Курени» и «Волчок» – это крытые камышом рыбацкие хижины на изгибе

Жебриянской косы у самой двойной прорвы, соединявшей тогда лиман Сасык – Кундук с морем. Накал боя возрастал с каждой минутой – несколько раз валивший плотными цепями из-за прорвы противник переходил в яростные атаки. Всякий раз десантники интенсивным огнем почти в упор и гранатами отбивали эти атаки. К пяти часам утра, – меньше чем через час после высадки, – котановцы овладели «Волчком» и «Куренями», взяв много трофеев и большую партию пленных. (Пленных оказалось больше, чем морских пехотинцев в четырех боевых группах на этом участке).

На некоторое время противник откатился в северном направлении – к нескольким домикам и колодцу, – на карте место значилось, как «Кирнички».

Воспользовавшись паузой, морская пехота стремительно двинулась вперед и яростной атакой овладела пятачком «Кирнички», но при этом понесла потери убитыми – два офицера и ранеными. С севера из-за Прорвы к противнику валом валили подкрепления, и котановцы перешли к обороне».

«Журнал» отмечает далее.

«Семь часов пятнадцать минут. Противник яростно атакует превосходящими силами, не считаясь с потерями. Бой переходит в рукопашные схватки – в ход пускают ножи, кулаки, зубы. Свирепствуют немецкие снайперы – в первую очередь «снимают» офицеров и пулеметчиков...

– Цепи котановцев редеют, а к противнику подходят все новые и новые подкрепления, – вспоминает командир свободного боевого отряда на косе старший лейтенант Михайловский и продолжает:

– В этих условиях мне ничего не оставалось делать, как вызвать огонь бронекатеров на себя, что я и сделал с помощью сигнальщиков...

А бой становится все яростней, наши потери растут: убит Герой Советского Союза Кирилл Бочкович – пуля снайпера раскололо череп, смертельно ранены Герой Советского Союза Иван Дементьев, любимец батальона – храбрейший его ветеран Иван Иванович Иванов – близким разрывом мины ему вырвало внутренности...

К девяти часам утра отбито еще семь атак противника.

Нас накрывают снаряды вызванного «на себя» огня бронекатеров, немцы отпрянули, командир объединенной группы старший лейтенант Михайловский от близкого разрыва своего же снаряда был тяжело контужен... Часов около десяти наступило

короткое затишье. В этот промежуток подошедшие из Одессы катера успели все же забрать раненых, в том числе Михайловского и Дементьева.

В командование объединенной группой вступил младший лейтенант Карась Петр Григорьевич – офицер инициативный, отважный, с крепкой выдержкой. Короткое затишье взорвалось еще более яростным боем. Его накал дошел до того, что в дело вступил даже личный состав штаба батальона, разместившийся в хижинах «Курени». Штабу, вплоть до писарей, телефонистов, радистов, вестовых несколько раз довелось отбивать атаки противника, защищая святыню части – боевое знамя.

Майор Котанов переместил свой штаб в село, главный командно-наблюдательный пункт устроил на колокольне церкви, откуда хорошо просматривалась вся округа, а главное – коса, где кипел яростный бой. Туда была послана еще одна штурмовая группа – последний резерв командира батальона. А из-за Кундукской прорвы на косу противник продолжал валить валом: остатки (более 2000 человек) 153 пехотной дивизии немцев, разгромленной под Аккерманом, 380-й отдельный королевский полк румын, специально обученный бою в песках и болотах на приморских, приречных флангах Десятый, Отдельный егерьский батальон немцев (это его снайперы свирепствовали на косе), авангард девятой гренадерской дивизии немцев... Сама нумерация и титулы перечисленных немецких частей и соединений, рвавшихся к Дунаю, свидетельствуют – большинство из них – кадровые, элитные, чья родословная уходит в девятнадцатый век – еще во времена, когда «железный» канцлер фон Бисмарк железом и кровью сколачивал Второй Рейх, громя Французскую империю Наполеона III... Они, эти отборные части и соединения рейха Третьего, гитлеровского сохранились даже после ограничений, наложенных Версалем после разгрома Германии в I Мировой войне. И вот теперь на Жебриянской косе им приходил бесславный конец...

Но до шестнадцати часов котановцам на косе пришлось выдержать еще четыре психические атаки и самим много раз переходить в контратаки – уничтожая и беря в плен все более крупные массы противника, чей напор слабел.

Отступающие с немцами румыны, чья страна уже заявила о выходе из войны, готовы были сдаться, но, стиснутые со всех сторон массами своих вчерашних союзников, сделать это смогли только после полудня...

Только в 16 часов, – отмечает «Журнал боевых действий», – атаки со стороны противника прекратились, ураганный огонь

тоже, – противник стал массами сдаваться в плен. К двадцати часам вечера не только в Жебриянах, но и на косе наступила тишина.

В этой десантной операции котановцы уничтожили более двух тысяч солдат и офицеров противника, около четырех тысяч было взято в плен, в том числе – полтора десятка старших офицеров и генерал, количество же взятых трофеев – просто несметно.

Конечно же, успеху боя на косе в огромной мере способствовала башенная артиллерия и «катюши» Первой Гвардейской «Керченской» бригады, штурмовые и бомбовые удары сорокового Гвардейского авиаполка Героя Советского Союза подполковника Корзунова и 995 ордена Суворова штурмового авиаполка. Они не допустили к Прорве и «Волчку» основные силы 9-й гренадерской дивизии гитлеровцев, – рассеяли, уничтожили или заставили их сдаться в плен.

Записи, которые легли в основу описания жаркого боя на Жебриянской косе 24 августа 1944 года, несомненно, сделаны были в «Журнале боевых действий 384-го батальона» уже после боя, а окончательно отредактированы в спокойной кабинетной обстановке, но и они порой напоминают те, что описывают самые напряженные моменты великой Сталинградской битвы – уж таким был тот бой на косе.

А на вопрос: «Кто был самым храбрым в том бою?» много лет после войны в письме «красным следопытам» Килийской средней школы № 2 подполковник Михайловский писал: «Мне трудно выделить кого-либо из всего отряда. Со всей ответственностью заявляю, что все действовали бесстрашно, как было в традиции у десантников-котановцев. И все же... Хочется отметить бесстрашие санинструктора Чаавы – был у нас такой. В батальоне был он по возрасту старше всех – за пятьдесят...

Сам, раненный в бою, под сильным огнем противника весь бой выносил раненых из-под огня и оказывал им помощь. За этот бой он был удостоен ордена Боевого Красного Знамени».

За умелые действия и отвагу автоматчик Сирота Ефим Иоганович, для которого жаркий бой на Жебриянской косе был боевым крещением, тоже удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

Журнал боевых действий батальона отмечает массовый героизм десантников – офицеров и рядовых, ветеранов и молодежи в том бою.

Это Герои Советского Союза Бочкович и Дементьев, ветеран батальона Абрамов, павшие смертью храбрых на косе. Геройски

сражались на косе автоматчики Вахабов, Помазков, Лозенко, Нетребко, Строев, пулеметчики Романчук, Барабашкин, Менчанский, Тюленев, Никаншин, минометчики Иванов, Мишин. Пример отваги и находчивости в жестоком бою подавали офицеры: Полешко, Стороженко, Горохов, Чабала, Школьников.

Комбат, начштаба и его помощник о себе не говорят. Но исход боя красноречиво свидетельствует об их умении руководить боем, об их личном мужестве в этом бою.

Истоки мужества, героизма? В пятидесятую годовщину того памятного боя подполковник Александр Иванович Серяк (в том бою – молодой краснофлотец) на митинге в Жебриянах, обращаясь к молодежи, сказал: «Знайте же вы и пусть ваши дети и внуки знают и запомнят – не сталинский режим, не комиссары гнали нас в бой. В священный бой нас вела пламенная любовь к Отчизне и жгучая ненависть к врагу.

Во имя Родины, по велению своего сердца мы всегда готовы были идти на подвиг, а если нужно – на смерть. В этом, да еще в боевом товариществе был главный источник наших побед. Что же касается морской пехоты, то туда, – вот рядом стоящие товарищи не дадут соврать, – в том числе и в особо дерзкую Жебриянскую операцию, брали только добровольцев, и недостатка в них не было».

Памятный бой на Жебриянской косе – не только образец высочайшего массового мужества, героизма и боевого мастерства тех, кто сражался непосредственно в цепях морской пехоты. Он образец мужества и командирского мастерства всех, кто руководил боем, организовывал четкое взаимодействие отделений и штурмовых групп десанта, сил и средств его артиллерийской и авиационной поддержки.

Не только командир 384 батальона морской пехоты и его боевые друзья – офицеры, участвовавшие в жарком деле на Жебриянской косе и Нижнем Дунае, но и академические анналы Военной истории считают эту десантную операцию и последовавшую за ней целую серию других – классическими по исполнению и эффективными по результатам. В комплексе и во взаимодействии с другими частями и с Советской Дунайской военной флотилией на территории Румынии и Болгарии последствия этих операций реально оказались далеко не тактического масштаба. Они во многом способствовали тому, что войска двух Украинских фронтов блестяще завершили гигантскую Ясско-Кишиневскую стратегическую операцию, ставшую классикой стратегического военного искусства, и стремительно перенесли боевые дей-

ствия в Румынию и на Балканы. Котанов Ф.Е. гордился тем, что породнился с нашим краем, став Героем Советского Союза за бои по его освобождению.

За героизм и умелые действия в этих боях Героем Советского Союза стал и помкомвзвода разведки батальона А.М. Мирошниченко.

И все же не этим, стратегического размаха пассажем, хочется завершить рассказ о бое на Жебриянской косе. Слово самому молодому участнику этого боя – Дмитрию Дадаеву:

«Мы выполнили задачу – враг не прошел. Цена этому – гибель половины нашей четвертой штурмовой группы... Над братской могилой павших в бою наших товарищей прогремел трехкратный салют. На могильный холмик я кладу бескозырку Виктора Косырева. На ее ленте золотая надпись: «БЕСПОЩАДНЫЙ» и прижимаю ее небольшим камешком. Это и была последняя точка жестокого кровопролитного боя на Кундукской косе».

Данные о потерях котановцев в том памятном бою противоречивы. По документам Центрального архива ВМС России и свидетельствам многих участников этого боя, смертью храбрых в нем пали:

Герой Советского Союза Кирилл Васильевич Бочкович – старшина второй статьи, один из героев-ольшанцев, командир отделения автоматчиков – из Саврани Одесской области.

Герой Советского Союза Дементьев Иван Павлович – один из героев Николаевского десанта, автоматчик, русский из деревни Берег Соль-Вычегодского района Архангельской области.

Абранов Иван Иванович – командир разведвзвода, ветеран батальона, храбрейший из храбрых воинов его, как отзывался о нем комбат прославленного батальона. Уроженец города Николаева.

Тимофеев Николай Михайлович, младший лейтенант, командир стрелкового взвода. Родился в селе Штимфильд Запорожской области.

Чабала Николай Павлович, младший лейтенант, командир стрелкового взвода, из города Кара-Су в Крыму. В качестве командира сводной группы на «Волчке» он заменил раненого лейтенанта Карася, но вскоре сам был убит в жестоком бою на «Волчке»...

Шмаглий Федор Федорович, стрелок, уроженец села Покровка Покровского района на Запорожчине...

Тятюшкин Иван Федорович, пулеметчик из села Котовска Тамбовской области.

Сазонов Николай Степанович из Торжка Калининской области – минометчик.

Косырев Виктор Александрович из села Фомково Волгоградской области – храбрый воин и батальонный поэт. Для него этот бой оказался последним...

Кирюхин Василий Андреевич, младший сержант, командир минометного расчета из села Кузьмищево, Тарусовского района Тульской области.

Иванов Николай Александрович, младший лейтенант, командир минометного взвода из села Голопристанского Херсонской области...

Никуленко Владимир Васильевич из Ленинграда, автоматчик.

Трипалько Павел Захарович из хутора Юшкин, Азовского района Ростовской области, стрелок.

Воробьев Ефим Васильевич из города Юрьевска Ивановской области, стрелок.

Ушаков Александр Иванович из села Чистово Ивановской области, стрелок.

Мишин Михаил Емельянович, сержант отделения связи, из села Калиновка Кировоградской области.

Крикун Николай Федорович, старший матрос стрелкового отделения, Геленджикский район Краснодарского края, совхоз имени Сталина...

Далее в списке погибших в бою на Жебриянской косе согласно справке Архива ВМФ России значатся:

Володченко Андрей – старший матрос из роты ПТР.

Первов Глеб Андреевич.

Гемаев... Все меньше данных о погибших. Они, видимо, из пополнения, прибывшего перед самой операцией. Еще не занесены по всей форме в списки батальона. Уже на походе к Жебриянской косе с ними едва успели познакомиться те, кто был рядом...

Что ж, была война, в которой все бывало... в которой много безымянных героев осталось... И пока в не найденной братской могиле на косе несколько таких безымянных героев похоронено. Так и не найдена эта братская могила у самого берега моря. А может быть, ее давно смыли, разметали страшные зимние черноморские шторма?..

А участвовавшие на похоронах Дадаев, Кучумов, Серяк утверждают, что погибших на Жебриянской косе было двадцать восемь...

В том памятном бою на косе 60 десантников получили ранения – лечились в Одессе, Вилкове, Измаиле (в Одесском госпитале умер Герой Советского Союза Дементьев).

Первая Гвардейская «Керченская» бригада в том бою на Жебриянской косе потерь в личном составе не имела.

Крепко запомнился котановцам бой на косе, крепкой была их память о погибших товарищах. Шли годы, десятилетия после войны, а ветераны батальона возвращались и возвращались на косу: вспоминали боевых друзей, приносили цветы, увековечили память о десанте, его героях в книгах, открыли стелу на месте высадки. Глубокой и искренней была эта память ветеранов. Все меньше их оставалось, а память не умирала – даже какое-то болезненное чувство вины перед павшими товарищами сквозило в этой памяти. Оно – и в стихах Дмитрия Дадаева.

Вернулись мы с войны по воле случая,
А сколько не пришло тогда с войны!..
Нас вдовье горе обнимало жгучее,
В глаза бросая холод седины...
Плечом к плечу мужья их рядом шли,
Хватая воздух пересохшим ртом,
С землей в обнимку гибли под снарядами,
Собою защищая отчий дом.
А мне, как видно, вышла доля лучшая –
Израненный, но я пришел домой,
И мне больнее горе жгучее
И леденящий холод вдовьей седины.

И у килийцев память о подвиге котановцев на Жебриянской косе родила стихи и песни. Например, вот такие:

Был чист и ясен небосвод,
Туман стелился, словно паутина,
Алела синь приморских вод
В лучах багрового светила...
Гвардейская бригада бронекатеров
Державина неслышно к Жебриянам подходила.
На влажной кованой броне
Котановцев стальные роты она несла,
И в предрассветной тишине
Вскрылилось их могучее
«Полундра!» и «Ура!»
В огне вся жебриянская равнина –
Кирилл Бочкович десант ведет на бой!
Он землю нашу обагрил своею кровью –
Он – в нашем сердце – дорогой герой!
И снова в бой идет неустрашимо
Котановцев неудержимая лавина:

Дементьев, Павлов, Щербаков, Медведев.
Лозенко, Помазков, Вахабов...
Погиб Бочкович, но десант ведет вперед
Мирошниченко –
В бою он командира заменил,
За друга беспощадно фрицам мстил
И пядь земли родной –
Просоленной и обагренной кровью –
От палачей освободил.
Спасенное от гибели село Приморское
(А в прошлом – Жебрияны)
Улыбкой счастья встретило советского солдата,
И хлеба с солью поднесли
Освободителям девчата...
И снова в бой ушли бойцы,
Ушли, как звал их долг:
Вперед! На Запад!
Их ждал Дунай,
Ждал Придунайский край –
Свободу им несли советские солдаты!

Пусть строчки юной поэтессы Жанны Микаевой – тогда ученицы Килийской школы номер два – пусть они и не вершина поэтического творчества. Но они точны, почти как военная сводка, и искренни – встречались ученики второй школы с котановцами не раз... А в русском селе Жебрияны румынские и немецкие оккупанты проявляли особую жестокость – об этом свидетельствуют и документы.

Рассказ о событиях, последовавших после освобождения Жебриян и Вилкова продолжает командир Первой Гвардейской «Керченской» бригады, Герой Советского Союза Павел Иванович Державин: «В два часа ночи 25 августа командующий Советской Дунайской флотилией адмирал Горшков приказал мне взять на борт 613-ю роту морской пехоты следовать в Килию Новую и занять ее. Выполнить этот приказ я решил силами третьего дивизиона бригады храброго, опытного моряка, Ивана Силыча Солянникова (бронекатера 32, 33, 215, 432, 434, 205, 214). Как было приказано, командовал высадкой, как и в Жебриянах, я лично, находясь на «Морском охотнике» № 0–44.

Переход прошел без приключений. Еще на подходе к Килии Старой сбавили обороты двигателей – пошли почти бесшумно. За крутым поворотом реки с недостроенным элеватором небо над Новой Килией озарялось сполохами разноцветных ракет, а перед поворотом нас ждал сюрприз – наплавной мост, уничтоженный

группой Бирюкова, оказался восстановленным, по нему противник бесконечной колонной переправлялся за Дунай...

Пришлось пошуметь – башенный комендор воробьевского бронекатера, Ланчава Шота Георгиевич несколькими снарядами разорвал мост – открыл путь к причалам Новой Килии.

В начале шестого утра на килийский берег в районе погранзаставы и недостроенного элеватора высадилась первая десантно-штурмовая группа во главе с замполитом бригады, капитаном второго ранга Пышкиным».

Одним из первых во главе штурмовой группы на килийский берег ступил старший лейтенант Коган, который 26 июня 1941 года отсюда уходил в легендарный десант «Килия веке»...

П.И. Державин продолжает: «Через десять минут на всем участке береговой линии от элеватора до затона у лесопилки (сейчас – главный вход на стадион «Водник») десантирование было успешно завершено.

Едва первая штурмовая группа развернулась в цепь, как с вышки румынской заставы ударил пулемет, одновременно стали рваться минометные мины, одна из них угодила в бронекатер, другие рвались на берегу. Упал тяжелораненый замполит Пышкин, несколько бойцов 613-й роты. Меткая очередь спаренной пушечной установки бронекатера – и расчет на пограничной вышке уничтожен.

Еще несколько мгновений и первая штурмовая группа – в парке. На его восточной окраине уже брошена противником батарея легких ротных минометов – это она причинила десантникам ощутимый урон в первые минуты высадки...» (П.И Державин: «Мы вернулись к тебе, Дунай»).

С высокого берега у церкви, будто с перепугу, ударила вражеская пушка – комендоры с бронекатеров заставили ее замолчать. Вскоре они доложили: в проеме колокольни в орудийные прицелы виден красный флаг...

Штурмовые цепи шестьсот тринадцатой роты стремительно наступали, но противник улепетывает еще быстрее... Так что, заняв парк, порт, прибрежную зону, штурмующие контакт с противником теряют...

Из этого положения морских пехотинцев выручили юнцы из вышедшей навстречу наступающим молодежной группы «Дяди Саши» – Волкова Александра Александровича. Они-то, эти юнцы, и сориентировали десантников в лабиринте незнакомых улиц и указали направление, в котором скрылся противник...

В памяти благодарных килийцев события того незабываемого утра 25 августа 44 года отразились в стихах:

Рассвет струился над Дунаем,
Пылала на востоке алая заря
И замполит Гвардейской, «Керченской» бригады Пышкин
Повел в атаку группу первого броска.
За ним 613-я рота устремилась
И грянуло: «Полундра!» и «Ура!»
Над белой колокольней наше знамя взвилось
И вновь, – теперь уж навсегда, –
Свободной стала Килия.

В ходе освобождения Килии особенно стремительно и успешно действовал взвод морских пехотинцев старшего лейтенанта Кириченко Алексея Григорьевича. Из обширных подвалов тюрьмы (стоматполиклиника теперь) он выкурил человек 200, решивших выдать себя за арестантов-власовцев...

На центральном гарнизонном узле связи (ныне – отдел соцпомощи РГА) пленен полковник, группа старших офицеров, захвачены важные штабные документы и – весь узел в целости и сохранности.

На соборной площади застрял румынский пехотный полк с артпарком и большим обозом. Со всем этим пришлось немало проканителиться, т. к. десантники исходили из того, что это пленные и трофеи, а румыны доказывали, что они уже – союзники Красной Армии...

Те из килийцев, кто из погребов рискнул выйти, когда морская пехота еще стремительно атаковала, запомнили рослого («полтора Ивана») десантника с «дегтярем». В порыве наступления он, казалось, был вездесущим – его видели у Николаевской церкви, на центральной улице и на далеких окраинах Килии – на выездах в сторону Червоного Яра и Шевченково.

Это был старшина 613-й роты Рева Иван Афанасьевич.

Он рассказывает о событиях того незабываемого для килийцев дня:

– Поступили сведения, что на Килию продолжают двигаться отступающие части противника, в надежде переправиться через Дунай.

Чтоб не допустить этого, мы развернули захваченные в порту пушки, по одной – на Червоноярской и Шевченковской дорогах. Снаряды отыскали там же в зарядных ящиках пушечных «передков». На червоноярском направлении нам-таки пришлось сделать несколько выстрелов по голове вражеской колонны. Она остановилась и сдалась в плен. Нашими трофеями стали

радиостанции на автомашинах, обоз с продовольствием и боеприпасами.

А в город вступали все новые и новые советские войска.

В полдень со стороны Шевченково вступила разведка 369 отдельного «Керченского» батальона морской пехоты, часов в 14 – Килийская погранкомендатура, части и подразделения 46-й армии, в том числе батальон майора Егоркина 51-й Гвардейской инженерной бригады. Ее разведвзводу, состоящему в основном из вологодцев во главе с лейтенантом Крюковым, на подступах к Килии довелось вести последний на этом участке фронта огневой бой с противником и пленить его...

Под вечер того дня, вместе с войсками в город пришли представители советской власти, в том числе Дмитрий Игнатьевич Соловьев, а также группа медиков, учителей, портовиков и других специалистов, которые немедленно занялись организацией мирной жизни в Килии.

В освобожденном городе затаилась смерть в виде снарядов, мин, взрывателей и других смертоносных предметов. Все это исчислялось тысячами, а еще валялось много брошенного оружия и боеприпасов, были и коварные мины-сюрпризы в виде детских игрушек, авторучек, пудрениц и даже шоколадок. Жертвами их становились, прежде всего, дети...

Густо были заминированы порт, казармы бывшего 23 стрелкового полка (ПТУ–12) погранкомендатуры (СШ–2), казармы морпогранохраны – через дорогу и другие объекты.

Замполит инженерной бригады, полковник Санников Михаил Васильевич рассказывает о работе саперов в нашем городе:

– В этой смертельно опасной работе, которая началась едва батальон нашей бригады вступил в город, особенно отличились молодые бойцы пятой роты – земляки-сталинградцы сержанты Востриков и Желтов, рядовые Юрзев, Наземцев и Овсянников. Много пришлось повозиться с разминированием крупного склада (по улице Красноармейской). Во влажной среде мины, снаряды, гранаты, патроны, особенно их взрыватели окислились – страшный взрыв мог грянуть каждую секунду, а рядом находились дома мирных жителей, детдом, школы, больница... Ювелирная работа была выполнена без «ЧП», помещения сданы под овощной склад...

Целую гору вражеских снарядов пришлось извлечь из баржи, вросшей в остров Малый Степовой напротив восстанавливаемых судоремонтных мастерских. Сотни снарядов со взрывателями высыпались через распоротый борт баржи прямо в Дунай. Водо-

лазного снаряжения у нас не было, и снаряды приходилось доставать со дна реки на ощупь...

Мы были очень рады принести вашему прекрасному городу по-настоящему мирную жизнь, а она наступает не когда перестают стрелять, а когда о безопасности свидетельствуют величайшей ответственности надписи: «Проверено. Мин нет» – автограф советских саперов.

А итог первого дня освобождения Килии подзела сводка Совинформбюро: «25 августа 1944 года. Войска Третьего Украинского фронта, развивая успешное наступление, вышли к реке Прут, овладев при этом городами Леово и Кагул, а также с боями заняли более 200 других населенных пунктов, в том числе районные центры – город Килию, Новоивановку, Татарбунары.

Войска Третьего Украинского фронта соединились с войсками Второго Украинского фронта в районе Лэпушна, Леушены». Много у нашей Килии побратимов по освобождению!..

А 384 котановский батальон в тот же день 25 августа получил приказ сосредоточиться в полном составе в Вилково и на бронекатерах первого дивизиона бригады Державина форсировать Дунай у села Периправа на южном берегу реки и как можно быстрее двигаться к Сулине.

Остальным бронекатерам бригады, имея головным ее второй дивизион капитан-лейтенанта Гусятникова, – следовать в Измаил...

К Измаилу двинулись также тральщики, плавбатарея № 4 и героический монитор «Железняков» капитана третьего ранга Алексея Харченко. В сорок первом они огнем встретили напавшего врага в Измаиле, потом были бои у Килии, Вилково, потом – 50000 огненных миль войны в Черном море. И вот «Железняков» вернулся на Дунай – единственный из пяти дунайских мониторов, оставшийся в боевом строю...

26 августа 1944 года сводка Совинформбюро сообщила: «Войска Третьего Украинского фронта, развивая наступление, штурмом овладели областным центром, городом и крепостью Измаил.

В тот же день советские войска освободили города Болград и Рени. Приказом Верховного главнокомандующего И.В. Сталина личному составу частей и соединений, участвовавшим и отличившимся в этих боях, была объявлена благодарность. Москва от имени Родины салютовала им двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий». (См. газ. «Правда» 27 авг. 1944 г.).

Десяти воинским частям и соединениям, отличившимся при взятии города Измаила, было присвоено почетное наименование «Измаильских»...

Через 25 лет флагманский бронекатер № 134 II дивизиона Первой Гвардейской «Керченской» бригады был вознесен на постамент перед въездом в Измаил со стороны порта на проспект Суворова...

28 августа под конвоем II дивизиона бронекатеров капитан-лейтенанта Гусятникова в Измаил из Галац был приведен флагман румынской Дунайской флотилии монитор «Ион Брэтиану», на следующий день уже без конвоя в Измаил прибыли румынские мониторы «Лаховари», «Ардял», «Буковина» и «Бессарабия»... По некоторым данным – это и заслуга того неведомого, двенадцатого, которого прикрывал десант Ивана Бондаренко у Галилешт. Внедрившись в штаб румынской Дунайской военной флотилии, он способствовал тому, что в боях на Дунае румынские мониторы действовали не все вместе, а поодиночке, большая их часть вообще не принимала участия в боевых действиях, отсиживаясь в Галаце...

Эти мощные, хотя и старой постройки мониторы, сменив названия на: «Азов», «Керчь», «Бердянск», «Измаил», «Мариуполь», имея флагманом краснознаменный «Железняков», составили «Отряд тяжелых кораблей Советской Краснознаменной» орденов Нахимова и Суворова Дунайской военной флотилии, с боями дошли до верховий Дуная... После войны пять румынских мониторов, приведенные в «морской порядок» были возвращены Румынии.

«Железняков» еще долго был флагманом КДВФ, затем – учебным кораблем. После исключения из списков флота корабль был отведен на завод «Ленинская узница», давший ему жизнь в 1934 году и вознесен на постамент, как символ мужества и героизма трудового и боевого. В начале девяностых годов корабль-символ едва не погиб... Но отреставрированный, он остался памятником тем, кто его создавал и спасал, и тем, кто на нем доблестно воевал всю Великую Отечественную...

Державин Павел Иванович со своей бригадой бронекатеров после войны вернулся в Килию. Прослушав курс военной академии генштаба был начальником моротделов нескольких погранокругов. С 1953 года – в запасе, затем – в отставке. Много раз был гостем Килии. Встречи с ним были очень интересными, особенно для молодежи. Он – Почетный гражданин Одессы.

Там есть улица П.И. Державина, а воды Черного моря бороздит корабль погранслужбы «Павел Державин». Парадный мундир гвардейского экипажа капитана первого ранга Державина со Звездой Героя и полусотней орденов и медалей – экспонат Цен-

трального музея ВМС России в Санкт-Петербурге. Он принадлежит бессмертной истории.

Комиссар Первой гвардейской «Керченской» бригады бронекатеров, Пышкин Анатолий Яковлевич, после ранения при освобождении Килии долго лечился, затем – довоевал до Победы. После войны окончил морскую академию, служил на дважды Краснознаменном Балтийском флоте – до начальника политуправления флота, адмирала. Сейчас на том же флоте служат его сыновья и внуки...

Успехи советского наступления на левобережьи Дуная обусловили необходимость переноса боевых действий на правый берег реки. На это поступило строгое указание и от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина – наступление советских войск в Добрудже и на Балканы окончательно хоронило пресловутый «Балканский вариант» Второго фронта Уинстона Черчилля.

Имевшее большое политическое значение наступление советских войск в Добрудже открыл прославленный котановский батальон морской пехоты, после того как неудача постигла 383-й батальон морской пехоты, который на подходе к Констанце, будучи на буксирном пароходе, наскочил на мину... При таких обстоятельствах 384-й батальон морской пехоты получил приказ командующего Черноморским флотом, переправившись из Вилкова за Дунай, далее по песчаной косе и плавням, через небольшое рыбацкое село Свиштовку как можно быстрее выйти к Сулине левобережной и захватить ее. Одновременно бронекатерам Четвертой отдельной бригады надлежало, взяв на борт в качестве десанта 613 роту морской пехоты, пройти по разведанному с помощью килийских рыбаков каналу из Килийского в Сулинское гирло, выйти к Сулине правобережной с тыла и совместно с батальоном Котанова, используя момент внезапности, взять эту важную военно-морскую базу противника. Таким образом, котановцам, как рассказывают сами они и «Журнал боевых действий» их части, вновь пришлось действовать в качестве и в темпе батальона быстрого реагирования, каковым он практически и был... Оказавшись на румынском берегу у села Периправа, роты котановского батальона без задержки по косе Летя через населенные пункты Свиштовка и Красное, без артиллерии, быстро как только позволяли силы натренированных бойцов, двигались к цели захвата – Сулине с ее многочисленным гарнизоном, другими скопившимися там частями и частью румынского Черноморского флота. Несмотря на срочный характер боевого

задания, батальон двигался со всеми предосторожностями, имея впереди разведвзвод, головной дозор которого возглавил опытный разведчик, старшина первой статьи, помкомвзвода Мирошниченко. У Алексея Денисовича Мирошниченко к этому времени был славный послужной список, в котором значился долгий боевой путь, на котором Алексей Денисович сбил вражеский «юнкерс», уничтожил лично шесть немецких танков, многочисленные разведывательные рейды по тылам противника, наконец – бой на Жебриянской косе, в котором помкомвзводу Мирошниченко довелось заменить и павшего в бою командира отделения автоматчиков Бочковича...

(Был А.Д. Мирошниченко не только опытным разведчиком и командиром, а и человеком беспредельной отваги, выдержки, стремительной сметки, был он и человеком великой доброты, отзывчивости на чужое горе. После войны он взял в свою семью, вырастил и воспитал несколько детей его погибших боевых друзей...). В Свиштовке к батальону подоспели сорокапятки и легкие минометы. Подвиг их расчетов состоял уже в том, что, преодолевая пески и топи, они сумели настигнуть батальон, намного увеличив его огневую мощь и способность действовать автономно.

Несмотря на то, что в связи с подходом артиллерии батальон «отяжелел», к цели он двигался с опережением расчетного графика времени...

Головной дозор котановцев подошел к Сулине левобережной в 18 часов, чуть позже – весь разведвзвод. К подходу главных сил батальона Мирошниченко со своими людьми успел выяснить, какие силы румын находятся в Сулине и как настроен их личный состав. Оказалось, что гарнизон состоит из 1500 человек, во главе с начальником – майором и группой младших офицеров. Вступив в переговоры с командованием гарнизона, разведка котановцев избежала боя с противником, в результате чего остались неповрежденными мощные дамбы и уходящие далеко в море волноломы и другие важные гидросооружения Сулины. Личный состав гарнизона Сулины левобережной к его радости был направлен на сборный пункт в Тульче.

В ночь на 27 августа с запада к Сулине правобережной подошла Четвертая бригада речных кораблей Давыдова с 613-й ротой морской пехоты на борту и практически без боя заняла порт и город.

28 августа 1944 года Котановскому батальону и другим частям, занявшим важную военно-морскую базу – Сулину, была объявлена благодарность Верховного главнокомандующего.

Москва же произвела в честь отличившихся частей салют в двадцать артиллерийских залпов из 224 орудий...

В это время 384-й Котановский в спешном порядке на тральщике и нескольких сторожевиках уже приближался к крупнейшему румынскому порту и главной военно-морской базе – Констанце. При штабе батальона уже в качестве союзника был и румынский майор из Сулины.

Не без его содействия котановцам довольно быстро удалось установить контроль над портом и базой Констанца. Помощь оказали и добравшиеся в Констанцу боевые друзья из 382-го батальона, да и новоиспеченные союзники – румыны.

Так или иначе, а вечером 29 августа московский диктор Левитан вновь торжественно читал благодарственный приказ Верховного Главнокомандующего – упоминался в нем и батальон Котанова, а затем прогремел традиционный в двадцать залпов из 224-х орудий...

Остров Змеиный... Во время войны румыны установили на нем трехорудийную батарею дальнобойных орудий, ее прикрывала полурота морской пехоты. С помощью немцев вокруг острова были установлены минные поля. Подводный кабель связал гарнизон острова с военно-морской базой Констанца.

31 августа два бронекатера отдельного дивизиона старшего лейтенанта Клоповского и сторожевик с ротой морской пехоты майора Котанова подошли к Змеиному. Румынская батарея молчала, несколько солдат из румынского гарнизона наблюдали за высадкой котановцев. Минут через двадцать формальности передачи острова советскому десанту были завершены. (Румынский пост из нескольких солдат оставался на острове до 1946 года).

Далее события разворачивались так, что 384-й Отдельный «Николаевский» батальон морской пехоты первым в Советских вооруженных силах оказался в ситуации, о которой вскоре зазвенела ставшая очень популярной песня «Под звездами балканскими», ибо были...

«Впереди страна Болгария,
Позади – река Дунай...»

Вспоминает командир разведвзвода батальона, капитан-лейтенант Г.А. Шехерев:

– Варненский, Бургасский десанты – приятнейшие для всего батальона события: высаживались одновременно с моря и с воздуха. Основные силы батальона – с большого «Морского охотника», штурмовые группы лейтенантов М.И. Панкевича и М. Гончарова – с гидросамолетов. Разумеется, боев не было – на берег

нас болгарские «братки» выносили на руках, где наперебой угощали виноградом, фруктами, вином, болгарским самогоном – крепкой, душистой «мастикой»...

А потом мы вновь выполняли роль сил быстрого реагирования всюду, где это требовалось, а требовалось – в Бухаресте, Софии, Белграде – по охране советских правительственных миссий, штабов и других важных объектов. К великой радости котановцев, 25 сентября 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР прославленная воинская часть была награждена орденом Боевого Красного Знамени. Вскоре эта высокая Правительственная награда засияла на знамени батальона Героев...

Последняя боевая операция батальона на берегах Черного моря носит просто-таки фантастический характер – фантастический по дерзости и точности исполнения – просто ювелирной – иначе не скажешь...

Это операция по захвату главных сил румынского флота в его главной базе – Констанце.

Разведорганам СССР стало известно, что группа румынских морских офицеров готовит потопление главных сил румынского военного флота.

Для предотвращения этой крупной военной и политической диверсии было принято решение: военные корабли союзной Румынии временно поставить под командование штаба Советского Черноморского флота, просто-напросто захватив румынские корабли. (Военная история знает, ведь, даже такой прецедент: по приказу Черчилля в 1942 году был потоплен французский флот в Средиземном море – немцы могли захватить его).

В высоких советских штабах быстро, но скрупулезно была разработана операция по захвату кораблей румынского флота.

А когда возник вопрос, кому поручить ее выполнение, – однозначный выбор пал на батальон Котанова.

Штурмовые группы самых опытных и храбрых офицеров: Панкевича, Гончарова, Горохова, Шехерева, Цыганкова, Шемаданова, Маковецкого, Ушакова, Голенко должны были ночью четвертого октября – в самую глухую пору «собачьей» вахты (с четырех до шести часов) молниеносно, бесшумно, по возможности без пролития крови захватить румынские корабли. Они стояли на глубоком внешнем рейде, готовые к потоплению. В любой момент могла последовать команда: «Открыть кингстоны!»

И тогда лидер эсминцев, флагманский корабль эскадры «Король Фердинанд», успевшие в мае сорок четвертого ускользнуть из Севастополя модернизированные эсминцы «Мэрэшть» и

«Мэрэшешть», легкий крейсер «Королева Мария», несколько старых, но еще боеспособных миноносцев, переданная еще в годы Первой Мировой войны русская подводная лодка «Дельфин», несколько тральщиков и сторожевиков, итальянской постройки быстроходный лайнер, он же – военный транспорт «Трансильвания» (в советском Черноморском пароходстве он некоторое время плавал под названием «Украина») – тогда все эти корабли оказались бы на дне моря, и была бы это очень серьезная военная и политическая диверсия. Ничего этого не случилось, потому что в считанные минуты тихо и бескровно котановцы провели операцию по захвату румынских кораблей. Жертвы? Один румынский офицер застрелился, те, кто непосредственно должны были осуществить диверсию, взяты в плен.

Участники дерзкой операции удостоены правительственных наград, в том числе подполковник Котанов Ф.Е. – ордена Александра Невского.

Когда в штабе Советской Дунайской военной флотилии майору Котанову ставили задачу на Жебриянский десант и последующие действия, ему – храбрейшему и опытнейшему командиру – она представилась превышающей силы его части по масштабу.

Реально же достигнутые успехи операции по масштабам вышли за пределы тактических, – достигли масштаба оперативного. И даже, более того, – они в немалой степени на южном фланге способствовали достижению стратегических успехов Ясско-Кишиневской операции и советского наступления на Балканах. Поэтому-то все живые Герои Советского Союза прославленного батальона участвовали в легендарном Параде Победы после завершения войны в Европе, а сам командир батальона на этом параде возглавлял Сводный полк Советского Черноморского флота. Это ли не пример потомству!

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ

Освобождение пришло к килийцам. Как и весь советский народ, они могли выполнять священную задачу: «Все для фронта, все для Победы!».

Для фронта – прежде всего люди. Солдаты! Со дня освобождения до Дня Победы более трех тысяч килийцев по мобилизации и добровольно ушли в освободившую край армию. И это кроме сотен тех, кто в рядах Красной Армии сражался за победу с самых первых дней войны, а еще сотни трудились во имя Победы в глубоком тылу. Еще в конце 1943 года был создан Измаильский обком Компартии большевиков Украины. Точно также задолго до Ясско-Кишиневской стратегической операции Красной Армии в глубоком тылу страны и в ранее освобожденных районах Украины началась подготовка к восстановлению разрушенного войной хозяйства Измаильщины. Подбирались кадры руководителей, специалистов всякого рода, выделялись денежные средства, накапливались материалы, продовольствие, техника, рабочий и продуктивный скот – для освобожденной Измаильщины. Все это стало прибывать в Килию, едва она была освобождена.

После освобождения нашего города и района, те наши земляки, которые ушли на фронт, освобождали Румынию, Болгарию, Югославию, Польшу, Венгрию, Австрию, громили врага на земле германской, брали Берлин, штурмовали Рейхстаг, освобождали Прагу. Но и на этом для многих из них война не закончилась. Переброшенные через полсвета, они добивали последнего союзника Германии – Японию в Корее, Манчжурии на Курилах, Южном Сахалине и в Порт-Артуре...

А в Килии... Нет-нет, земля и вода не была безвидной и пустой, хотя многие здания, особенно в центре и в прибрежной зоне, были разрушены. А многие: порт, крупные здания, из которых сбежали полицаи, чиновники – заминированы. К берегам Дуная приткнулись подорванные пароходы, баржи, а по реке плыли трупы животных, людей и страшная рогатая смерть –

морские мины. И все же, как при сотворении мира... «Вначале (- а если точно, то двадцать шестого августа), на второй день после установления Советской власти – вначале было слово. И слово это было «НАДО!»

«Надо!» – сказала Москва. За ней столь же непреложно – «Надо!» – потребовал Киев. «Надо!» – незамедлительно дошло и до Килии:

1. Обязать всех руководителей государственной и местной промышленности, коммунального хозяйства, кооперативных и общественных организаций, связи, транспорта, культурно-просветительных организаций, а также владельцев частных предприятий, столовых, пекарен, ресторанов, парикмахерских: а) немедленно возобновить работу, б) организовать охрану государственного и брошенного имущества.

2. Рабочим, служащим, инженерно-техническим работникам в суточный срок стать на учет по месту прежней работы.

3. Все материалы, имущество брошенных предприятий и учреждений считать государственной собственностью.

4. Лиц, уличенных в хищении государственной собственности, привлекать к ответственности по законам военного времени...

И стало так. Ибо «слово» это было словом советской власти, записанное в Решении номер один Килийского горисполкома, председателем которого был сначала назначен, а потом избран Дмитрий Игнатьевич Соловьев, пришедший сюда накануне вместе с войсками, освободившими город.

И стало так, – не могло быть иначе, ибо законы военного времени суровы... Согласно этим суровым законам, в порт, на завод – на любую государственную работу и в осеннюю слякоть, и в зимнюю стужу приходилось идти по килийскому бездорожью с Маяк, с Омарбии пешком. Опоздать нельзя было ни на минуту... За опоздание полагался карцер, а то и штрафбат. Так было в порту, на КСРЗ, так было во всей сражающейся за Победу стране.

А на южном фланге ушедшей из наших краев на Запад войны, самой мощной транспортной артерией был густо усеянный и утыканный минами, заваленный военным металлоломом Дунай и потому из всех предприятий города первым на Победу стал работать Килийский порт – уже на второй день после освобождения города. Первым начальником порта стал бывший речник Днепровского пароходства, недавний активный участник партизанского движения в Белоруссии и Украине, Александр

Вацлавович Лещинский. Первые три бригады грузчиков Килийского порта возглавили А.И. Сербиненко, П.И. Шевченко и Ф.М. Симиляну. Объем работ возрастал не с каждым месяцем – с каждым днем – этого требовал, прежде всего, фронт. Во все большем количестве перерабатывали и мирные грузы, необходимые городу, району, Придунавью. Кроме того портовики занимались и ремонтом портовых сооружений, плавсредств – всего того, что еще держалось на плаву и даже того, что не очень держалось на плаву; а еще помогали в ремонте городского жилого фонда, сильно пострадавшего от войны и румынской оккупации, – разрушенными оказались сотни домов – двадцать четыре тысячи квадратных метров одной только коммунальной жилплощади. В первые месяцы после освобождения трудовой коллектив порта был самым большим в нашем городе – к нему относились вначале и люди, работавшие в судоремонтных мастерских.

Неимоверно тяжелым был труд грузчиков – до конца сорок четвертого года это был исключительно ручной труд. Только в ноябре прибыли механические средства – плавучий паровой кран – практически лебедка грузоподъемностью в тонну – кран постройки тысяча восемьсот восемьдесят девятого года – «музейный экспонат», но работал... Второй кран поновее – американский автокран выпуска тысяча девятьсот двадцать пятого года, грузоподъемностью также в одну тонну.

Кроме всего прочего, работа в порту была очень опасной, потому что река часто прибивала к берегу рогатую смерть – плавучие мины.

Костяк коллектива порта – его трудовую, по фронтовому работающую гвардию составили: грузчики Георгий Евдокимович Кройтор, Савелий Власович Аваданий, Яков Иванович Мунтян, Михаил Васильевич Тозар, матросы Исай Иванович Кебап, Иван Семенович Афенди, Константин Иванович Бублис, Яков Георгиевич Кожухарь, Иван Дмитриевич Степаненко... (См. Н.И. Варивончик: «Очерк истории Килийского морского порта». 1979 г.).

Героический труд килийских портовиков до конца первого после освобождения года позволил с честью выполнить фронтовые задания Правительства, командования Третьего Украинского фронта и Краснознаменной Дунайской военной флотилии, а также города и района, многое было сделано для Советского Дунайского пароходства, для Килии и пароходства, а также для района. Порт осуществлял не только перевозки топлива, разнообразных грузов, но и... пассажиров – с помощью фантастическо-

го транспортного средства – старой баржи-развалюхи, кое-как оборудованной скамьями и прикрытой тентом. Это сооружение буксировал самый древний из сохранившихся на Нижнем Дунае буксир «Рени» (постройки 1882 года). Этот удивительный симбиоз килийцы нарекли «Буландра», что в переводе с местного жаргона означает «еле живая, но еще рабочая кляча...».

Наступил тот Великий сорок пятый год – год Победы. В день, когда она наступила, килийские портовики смогли отрапортовать: пятимесячный производственный план выполнен досрочно!

РОЖДЕНИЕ ФЛАГМАНА
(Килийский судоремонтно-судостроительный)

По издавна сложившейся традиции, Килийский судостроительный, судоремонтный завод – это, прежде всего, спаянный коллектив рабочих, многие из которых – мастера высочайшего класса в своей профессии. Это коллектив прекрасных инженеров, мудрых руководителей.

В исторически недавнем прошлом все вместе они построили первый в стране лихтерный цех – завод в заводе, предопределивший организацию уникального международного предприятия «Интерлихтер», нового порта Усть-Дунайск...

И сегодня они высоко несут вымпел судостроения Украины, представляя ее и в Европе.

Мы, килийцы, независимо от того, где работаем и живем, гордимся нашим Килийским судостроительным!

А тогда, в незабываемом сорок четвертом...

На месте стадиона «Водник» – зловонное болото, свалка мусора, тучи комаров. А там, где сейчас завод, – парк? Захудалая паровая мельница, несколько допотопных пилорам, на островках между плавнями – огороды, бедняцкие халупы, заброшенный рыбный лабаз. Свои следы оставила и война: несколько барж с развороченными бортами глубоко вросли в ил. Из пролома той, что приткнулась к острову, на берег и прямо в Дунай вывалились сотни снарядов.

А корабли Советской Дунайской флотилии, сражающиеся уже далеко на западе, а суда Дунайского пароходства, остронуждающиеся в ремонте! Где его производить? Двадцать седьмого августа управление Советского Черноморского пароходства издало приказ об организации в Килии судоремонтных мастерских. Их директором был назначен ветеран Великой Отечествен-

ной войны, человек величайшего трудолюбия, воли, изобретательности и опыта – Иван Карпович Потапов. Первый директор судоремонтных мастерских, а вскоре – судоремонтного завода, вспоминает: «Думал всю ночь, утром двадцать девятого августа развесил по городу объявления: «Требуются рабочие на судоремонтный завод – слесари, токари, столяры, плотники, литейщики, жестянщики, а также строительные рабочие и конторские работники». К двенадцати часам к месту, указанному в объявлении, собралось около трехсот человек. Среди них те, кто потом на всю жизнь сохранил верность заводу: Малый В.Д., Владыченко И.П., Прохоров А.С., Стеря Г.А., Зверев В.Ф., Романов Н.И., Кантаражи Е.И., Журьян В.Д. Да разве всех перечтешь?».

Кто помнит, какими они тогда были? Это потом – много лет спустя – тех, самых первых, увидят праздничными, торжественными, при наградах... А тогда был труд, напряженный, как бой. Он и был боем – боем за Победу, потому что ремонтировали не только баржи, буксиры и пароходы, а и боевые корабли Советской Дунайской военной флотилии.

(Когда выросли современные цеха слип, не верилось, что фронтовой заказ выполняли в неимоверно примитивных условиях. При отсутствии сухих доков и судоподъемных механизмов у берега рыли котлован, оставляя перемычку, после чего ее срывали и котлован заполнялся водой. В котлован почти вручную заводилось судно, вновь насыпалась перемычка, после чего вода отсасывалась, а судно закреплялось в нужном положении. Только после этого можно было приступать к ремонту).

Это гиблое, но крайне необходимое сооружение именовалось «судоремонтная яма»...

К концу сорок четвертого года судоремонтные мастерские состояли из механического цеха с восемнадцатью видавшими виды станками – токарными, сверлильными и другими фабрикации тридцатых годов.

Слесарный участок располагал тридцатью комплектами тисков с инструментом к ним – все это в заброшенной паровой мельнице бежавшего в Румынию предпринимателя и коммерсанта Вардаракиса.

В деревообделочном цеху пять станков – токарных, сверлильных, фуговально-циркулярных, пятнадцать столярных верстаков с комплектом инструментов. Фасованный лес – из собственной лесопилки.

Заводская электростанция – два трофейных агрегата общей мощностью около ста киловатт, которых едва хватало на пита-

ние станочного парка, трех сварочных постов и электротермопечи, да на не слишком яркое освещение. Кузнечный участок мастерских располагал двумя горнами, несколькими наковальнями и кузнечным инструментом ко всему этому. Первыми инженерами по судоремонту были ленинградцы и сормовичи, ставшие килийцами. Оттуда же почти все первые станочники, сварщики, квалифицированные слесари-судоремонтники.

Транспорт? Два списанные из армии ЗИС–5 и три «полуторки» на порт и судоремонтные мастерские – древний паровой буксир «Рени» (он же – тягловая сила фантастической системы по имени «Буландра»...). Важным транспортным средством были традиционные килийские возчики – недавние «кэруцаши» с «каруцами», в которые впрягались не очень резвые лошадки. А мастерским неукоснительно надо было выполнять не только фронтовые заказы, но и срочные заказы города, первых совхозов и колхозов, граждане города и сельские жители нередко тоже нуждались в помощи судоремонтных мастерских.

Как работалось? По фронтовому – по законам военного времени.

Заслуженный ветеран КСРЗ, мастер модельщик пришел в мастерские совсем юный пареньком. Уже на пенсии вспоминал: «Раньше и дорог-то не было, а зимы страшные... Идешь на работу – целое горе, а опоздать нельзя – дисциплина была военная. Нередко ночевать приходилось на заводе, чтоб не опоздать на работу. А по рабочей карточке 400 грамм хлеба в день, 300 грамм сахара или заменителей в месяц. Другим категориям работающих – меньше. А семьи, как правило, многолюдные».

А еще были займы: в фонд Победы, на строительство танковой колонны «Измаилец», на строительство кораблей Дунайской военной флотилии. Все это – из не очень большой зарплаты...

В начале 1945 года припортовые судоремонтные мастерские приказом министерства морского флота СССР стали самостоятельным заводом.

Великий праздник Победы его коллектив встретил досрочным выполнением пятимесячного производственного плана.

ДАЕШЬ СВЯЗЬ!

В считанные дни стремительные эстафеты связывали походную ставку Александра Македонского, где бы она ни находилась, со столицей империи. А в период расцвета Римской империи

«все дороги вели в Рим», даже если начинались на самых дальних окраинах империи – связь и транспорт были нервами кровеносной системы войны уже в те времена.

Что говорить о Великой Отечественной! Транспорт, связи в ней заслужили всенародной благодарности, песен, стихов и орденов – без нее невозможна была жизнь ни гражданских, ни тем более военных...

Вести с фронтов, письма с фронтов и на фронты – переписка миллионов людей, которых война разбросала по стране и миру, – всем им почта, телеграф, телефон нужны были, как воздух, радио и радиовещание также...

На третий день после освобождения района приказом номер один города Килия и Вилково, села района были извещены о том, что система связи работает, а ее начальником назначен Мирошков Герасим Кириллович.

В большинстве сел были открыты агентства почтовой связи, а в городе Вилково отделение связи. Коммутаторы телефонной связи армейского образца были установлены в Шевченково, Трудовом, Десантном, Червоном Яре и Вилково, к ним также подключались сельсоветовские телефоны и сел, в которых не было коммутаторов. Телеграфная связь по аппаратам «Морзе» осуществлялась с Измаилом. Телеграммы в села передавались через агентства связи и доставлялись адресатам почтальонами.

Много усилий было приложено для создания системы массовой информации через «Союзпечать» и радиовещание. Символами последнего на перекрестках улиц и на площадях были раструбы громкоговорителей, а в домах, пока далеко не во всех, – тихо журчащие «тарелки» радиоточек.

Радиофикация стала всенародной мечтой и всенародным делом – для этого люди организовывались поквартально, поулично и нередко из подручных средств строили линии радиопередачи, телефонной связи.

В 1944-м и в Победном 1945-м, да и многие годы спустя самую тяжелую работу выполняли почтальоны. Среди множества вестей, которые они разносили в любую погоду, во все времена года самыми страшными, конечно, были похоронки.

За почтой ездили в село Суворово, куда она поступала с поезда.

Долгое время единственным видом почтового транспорта был гужевой.

Автомашина в районной конторе связи – видавшая виды «полуторка» – появилась только в 1948 году. И инкассаторы

районного отделения госбанка свои функции осуществляли с помощью гужевого транспорта.

А дороги... Двенадцать километров от Килии до Шевченково только условно можно было считать шоссе. Остальные – полгода пыль по щиколотку, полгода – непролазные хляби... А связь работала бесперебойно – на Победу. На рассвете незабываемого девятого мая сорок пятого года связь первой донесла до народа-победителя весть о ПОБЕДЕ. Так было и в Килии, и в районе.

ХЛЕБ – ФРОНТУ!

Этот лозунг в годы Великой Отечественной для хлеборобов стал и непреложным законом. С самого начала освобождения, словно запекшаяся кровь на бинтах, он глядел со стен беленых хат и заборов.

Хлеб нужен был фронта, как патроны, снаряды, пушки и танки – нужен был для Победы.

И как победа в бою на фронте, хлеб в тылу нередко добывался ценой не только тяжкого труда, но и ценой крови и жизни.

В сорок четвертом – сорок пятом немало плодородной земли пустовало – некому было ее обрабатывать – самые здоровые мужчины ушли на фронт. А там, где поля все же были вспаханы трудом по большей части стариков, женщин и детей, нередко затаилась смерть – снаряды, гранаты, мины.

Самой коварной была немецкая противопехотная мина – «лягушка».

Летом взмахнет косарь косой, или осенью притянет подросток поближе стебель кукурузы, чтоб сорвать початок и... С легким хлопком взлетает на уровень груди мина, гремит взрыв, везут с крестьянского поля покойника, а то и не одного...

Подобное случалось не так уж редко, но об этом газеты не писали.

Охотно писали так, как, например, «Придунайская правда» десятого ноября сорок четвертого: «Трудящиеся в благодарность за свое освобождение от гнета оккупации, выполняют и перевыполняют план хлебопоставок». Крестьяне села Старые Трояны отметили годовщину Октября «красным обозом» в тысячу подвод. Крестьяне салютовали доблестным фронтовикам сдачей хлеба сверх плана – вывезли государству 9600 пудов хлеба. Ох, уж эти «сверх плана!» Порой – до последнего зернышка...

В голодном сорок шестом – сорок седьмом за это нередко расплачивались жизнью. И это – тоже цена Победы, ведь для нее хлеб был нужен, как патроны, снаряды, пушки, танки и самолеты.

Килийский элеватор... Работы по завершению его строительства увенчались успехом тоже в победном сорок пятом. Воплощенный в прекрасное, величественное сооружение по проекту выдающегося европейского архитектора и инженера Ангела Саглини видно далеко окрест Килии, украшает ее. Часть вывезенного румынами его оборудования была утеряна, его заменили немецким, поступившим по репарациям, как и СРЗ, элеватор располагал собственной электростанцией мощностью в 50 киловатт.

В голодном 1946–1947 году элеватор оказался центром спасения голодающих – отсюда выдавались продовольственная помощь (3750 тонн) и посевное зерно (9548 тонн).

И потому для килийцев города и района (для жителей степных сел района, даже больше, чем для горожан) элеватор – спасительный храм...

Сейчас он – ООО с красивым названием «ЛАД».

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

В которой у каждого из советских фронтовиков, кроме общих, как правило, были и свои личные счеты с коварным, кровожадным врагом. Артиллеристы сплошь и рядом посылали во врага адресные снаряды: «Гитлеру! Геббельсу!» Моряки посылали в немецкие корабли торпеды: «За родную Одессу!», «За Севастополь!», «За родной Ленинград!», «За Мурманск!» За родных. За боевых друзей...

После гибели Зои Космодемьянской на фронт танкистом ушел ее семнадцатилетний брат Александр. Он беспощадно мстил фашистам за сестру, а на броне его могучей самоходки «ИСУ–152» грозно алела надпись: «За Зою!» Много побратимов было на фронтах у отважных Зои и Шуры...

Воевали на фронтах боевые машины с именами Чапаева, Павла Корчагина и его прототипа – автора романа «Как закалялась сталь», Николая Островского, и многих, многих других героев советского народа...

И те, кто героически трудились в тылу, рабочие, крестьяне, интеллигенция, в том числе люди пожилые, учащиеся ремеслен-

ных училищ, пионеры – все они горели желанием более непосредственно бить врага. Поэтому их скромные сбережения добровольно отдавались в фонд обороны. На эти деньги создавались самолеты, танки, целые танковые колонны.

Особенно славны подобными делами уральцы. Сотни боевых машин из сверхпланового металла создали челябинские танкостроители. Этими машинами был укомплектован добровольческий Десятый уральский танковый корпус, уральцы же составили экипажи этого корпуса. В жестоких боях на огненной Курской Дуге состоялось боевое крещение корпуса, а затем он с боями дошел до Праги. Тогда пражане в благодарность за освобождение от немецко-фашистских захватчиков вознесли могучий «ИС–2» лейтенанта Гончаренко на почетный постамент.

По мере освобождения временно оккупированной территории Союза, почин в сборе средств на танки, самолеты, авиаэскадрильи, танковые колонны и боевые корабли подхватывали жители Украины, Белоруссии, Молдовы, а пионеры для этого собирали металлолом, оставшийся после того как проходили «трофейные команды». (И тут, как с хлебом, металлолом порой добывался ценой крови и жизни).

Ну, разве могла остаться в стороне от добровольного сбора средств в фонд обороны (с начала сорок пятого – в фонд Победы) наша область?

Измаильщина собирала средства на авиаэскадрилью, на танковую колонну «Измаилец» и на строительство боевых кораблей для ушедшей на запад Советской Дунайской военной флотилии.

Зарплаты были небольшими, стипендии еще меньше, но: «Ничего, потерпим, выдержим, – говорили люди, – лишь бы быстрей наступил мир».

Рекорд в сборе средств по Измаильской области побили жители Килийского района. Областная газета «Придунайская правда» 13 декабря 1947 года писала: «Многие крестьяне вносят в фонд строительства кораблей Дунайской военной флотилии крупные суммы денег. Так, например, председатель Карамехмедского сельсовета, тов. Бабенко внес 100000 рублей, его заместитель, тов. Кутас 25000 рублей, житель села Еникиой, тов. Койчев 35000 рублей...»

Всего же на строительство новых кораблей для героической Дунайской флотилии жители Килийщины собрали два миллиона триста шестьдесят тысяч шестьсот восемьдесят три рубля.

За такой добровольный вклад в дело достижения Победы над врагом, восемнадцатого февраля 1945 года Килийский район

был отмечен благодарностью Верховного Главнокомандующего, И.В. Сталина, – как за победную боевую операцию на фронте священной, народной Отечественной войны.

В начале октября победного сорок пятого года из Москвы килийцам поступила правительственная телеграмма «Собранные трудящимися района два миллиона тридцать шесть тысяч 683 рубля обращены на строительство четырех бронекатеров, которым присвоены названия: «Килийский патриот», «Килиец», «Трудящиеся Килии», «Дунайский патриот».

Бронекатера «Дунайский патриот» и «Трудящиеся Килии» переданы личному составу Амурской военной флотилии, а бронекатера «Килийский патриот» и «Килиец» – личному составу Краснознаменной орденов Нахимова и Кутузова Дунайской военной флотилии.

Ваше обращение на имя товарища Сталина и ответ на него переданы командирам бронекатеров, как документ по истории бронекатеров.

Внутри бронекатеров на видном месте установлены металлические доски, на которых указано, что бронекатера построены на средства, собранные трудящимися Килийского района.

Бронекатера «Килиец» и «Килийский патриот» вошли в состав дивизиона бронекатеров Первой Гвардейской «Керченской» бригады, которая после войны долгое время дислоцировалась в Килии.

Между килийцами, особенно килийчанками и экипажами бронекатеров, по традиции сложились дружественные отношения.

БУДНИ ТЫЛОВОГО ГОРОДА

На первых порах, еще до того, как заработали судоремонтные мастерские, в городе и районе стали работать мастерские частников – швейные, сапожные, столярные, парикмахерские и, конечно, «фирменные» рестораны Митешовых, Ставровых, Ивановых... Это были солидные заведения, в которых вкусно кормили, хорошо обслуживали, подавали хорошее вино. Но свое урвать старались хозяйки грязных кабачков, подозрительных «квадратов» и даже не очень тайных притонов.

Вовсю работал рынок. Ему стало тесно вокруг собора, и он перебрался на просторный пустырь, где и сегодня рынок. Чего только не продавалось на этом рынке! Кроме традиционных для Килии овощей, рыбы, молочных продуктов, вина прямо из

бочки, конечно, хлебом разных видов, торговали мясом и изделиями из него. Но тут надо было держать ухо востро – незадачливый покупатель мог приобрести и изделия из мяса подозрительного происхождения.

Предприимчивые граждане и армейские снабженцы торговали консервами – чаще всего американской тушенкой, колбасным фаршем, паштетом, гороховым концентратом, яичным порошком тоже американского происхождения, армейскими пайками в упаковке: завтрак, обед, ужин из двух – трех видов консервов. Запить всё это можно было напитком из порошка в станиолевом пакете, в пакетике же – джем, несколько сигарет, папочка спичек на картонной основе. Как семечки – на стакан и стаканчик продавались табак и махорка в сопровождении рекламных шуток-прибауток. Невесть откуда бравшиеся папиросы «Беломор-канал», убойной крепости «Пушки» и элегантные «Дюбек» и «Казбек» в рекламе не нуждались...

Рынок был и горластой барахолкой. Источники товаров, предлагаемых барахолкой? Мародёрство в короткий период безвластия, трофейный сбор – не редко ценой увечий от подрывов на минах, «неведомо» откуда поступающая американская униформа, бельё и даже шевиот. В цене была обувь всякая, прочная армейская особенная (надо было остерегаться умелых, красивых подделок). Кроме большого базара в городе сложилось несколько «хитрых» базарчиков – в основном продовольственных.

Деньги? Первые рубли пришли с военными и совслужащими. В установленный срок и в ограниченном количестве был проведён обмен румынских леев на рубли (в соотношении один рубль за десять лей). Проблема для большинства местного населения не сложная – у него наличных на руках было не много. Но были и нажившиеся на войне и других бедах. Этим мешки румынских купюр пришлось выбрасывать в Дунай...

Быстрое утверждение советской системы хозяйства и торговли сокращало сферу частной торговли и предпринимательства.

Первыми на новый лад заработали пекарни – хлеб – всему голова. Карточная система, жёсткий план госпоставок и надвигающийся голод сорок шестого – сорок седьмого годов стремительно сокращали количество и снижали качество и ассортимент поступающего в торговую сеть хлеба.

До конца года заработали паровые мельницы, они выполняли, прежде всего, государственный заказ и заказ фронтовой. В значительной мере это относится и к маслобойкам, и волноческам.

Местная промышленность – предприятия райпромкомбината, предприятия артелий инвалидов, райпищекомбината. Кроме работы на местный рынок и заказчиков райпромкомбинат и артели инвалидов выполняли и фронтовые заказы – шили солдатское бельё, бельё для госпиталей, расширялся ассортимент продукции пищекомбината (весной сорок пятого года можно было купить даже мороженое его производства – кружочек лакомства, зажатого между двумя круглыми вафельками, казался чудом, доступным далеко не всем кто глотал слюни, глядя на него...).

К концу сорок четвёртого года наладила свою работу городская баня (улица Дунайская угол Войкова), самой востребованной стрижкой парикмахерских была «под машинку» (под нуль), а можно было подстричься и «под бокс», «полубокс», но чаще всего «под польку», детишкам, а часто и подросткам заказывался «чубчик».

Через несколько лет на улицах Сталина (Ленина), Дунайской, Киченко, Суворова будут воздвигнуты новые добротные и даже элегантные двухэтажные дома «сталинского» проекта, с таких же домов начнутся и посёлки СРЗ, и ПМК.

А пока в городе разруха – в развалинах, или в аварийном состоянии 24000 квадратных метров жилой площади. В государственной жилой площади острый недостаток. Служебными квартирами, да и то не всегда обеспечиваются только начальники высокого ранга. Большинство же партработников и совслужащих с семьями ютятся в невероятной тесноте, холостяки же ночуют на столах и стульях собственных кабинетов (или срочно женятся на килийчанках с жилплощадью).

Военные? У кого на погонах два просвета, снимают квартиры у частников, старлеи и лейтенанты, как и рядовые совслужащие, ночуют в кабинетах на столах и стульях. У флотских в распоряжении кубрики или казармы. Поэтому первые двухэтажки в городе предназначались для военных, местное население называло их «офицерскими».

Как известно: «Без воды и ни туды, и ни сюды!» До водопровода в городе еще далековато и килийцы пьют воду колодезную и дунайскую, если ее можно носить ведрами. Благо, после того как снесло трупы и мины, река экологических проблем не создавала, или о них понятия не имели...

Учреждения, больницы, школы, училища среди техперсонала содержали и водовозов (килийцы к ним привычны были со времен старины глубокой).

Отопление? Естественно, печное. Топливо бытовое? Как в старину – камыш, которого вокруг было море. А также традицион-

ные кизяк, солома, кукурузные стебли и кочерыжки – «качалайки» кукурузные – это для печек. Для «буржуек» – дрова и обломки мебели. Общественный городской транспорт? О нем можно было только мечтать. Добраться в Измаил и Одессу надо было служебным транспортом, – чаще всего гужевым добраться до станции «Зынелор».

А жизнь в тыловом городе была не только в тесноте и впроголодь, но не редко и тревожной – свирепствовал бандитизм. Мужчины были на войне, много всякого оружия в руках у хулиганов, грабителей, а то и бандитов, убийц. Всякие «черные кошки», известные нынешним поколениям разве что по сериалу «Место встречи изменить нельзя», водились у нас...

И не всегда милицейский патруль и патруль «ястребков» – молодые ребята-допризывники из «отрядов самообороны», – успевали выручить попавших в беду мирных килийцев... Милиция, те же ястребки, с помощью пограничников и армейцев не сразу смогли выкурить из плавней, обезвредить одичавших немцев, забившихся в плавневые трущобы еще в ходе летних боев. Не всегда это удавалось ценой пота...

Жестокой была борьба с бандой грабителей и убийц закоренелого бандита Шкуратова – убийцы многих граждан Килийщины – крестьян, агрономов, торговцев, учителей. На борьбу с бандитами не раз доводилось подыматься по тревоге пограничникам капитанов Тучина, Сороки, водной милиции капитана Левина. А за Дунаем еще долго свирепствовали базирующиеся в плавнях банды велико-румынских националистов Антонеску, Юлиу Маниу, их приспешников, мечтавших вернуться к власти в соседней Румынии...

Обстановка в городе долго оставалась тревожной – грянувший в сорок шестом голод, скопившиеся несмотря на жесткий пограничный режим беженцы из голодающих степных сел, которым нечего было терять кроме собственной жизни, но которым Килия на Дунае все же давала шанс на жизнь, стихия черного рынка, – все это не способствовало стабильности, несмотря на все усилия правоохранительных органов.

Если напряженной была жизнь пограничной Килии, работа горсовета и горкома КП(б)У, то, что говорить о проблемах, с которыми сталкивался райисполком и райком Компартии Украины – некоторое время они располагались в Кара-Мехмете (Шевченково). Темнота, неграмотность, нищета, а на дорогах пошаливают бандгруппы и плавни рядом... Каково было председателям райисполкома Мальцеву, Каранфилову, секретарям райкома Головне, Солдатову?

Мало документов того времени осталось в райархиве – писать было некогда, надо было оперативно работать.

И все же, вот несколько из типичных постановлений райисполкома и райкома КП(б)У. (Почти до конца 1944 года документы этих органов писались от руки, на обороте деловых бумаг, оставшихся от румын, иногда – и со времен царской России).

Естественно, важнейшие постановления были о хлебе и земле.

Постановление райисполкома для сел района (4 сентября 1944 года) требовало:

1. Тщательно подсчитать бесхозный хлеб и скот.

2. Прекратить выдачу даже войскам по их требованию.

3. Организовать сбор такого хлеба и скота и организовать надежную охрану и кормление скота. (См. Ф.Р. 1211, оп. 2, д. 4, л. 1).

Следующее из обнаруженных постановлений категорически требует:

«Всегда помнить о лозунгах: «Хлеб фронту!», «Все для фронта, все для Победы!» Необходимо строго спрашивать за неполный учет земельных площадей». (См. там же: л. 4).

Следующий документ – о натурпоставках. Их величина устанавливалась в зависимости от земельной площади.

Норма натуруплаты

С 2-х га: хлеба – 90 кг, мяса – 10 кг, молока 45 л.

С 2–5 га – 5 га: хлеба – 110 кг, мяса – 15 кг, молока 60 л.

С 5–10 га: хлеба – 150 кг, мяса – 60 кг, молока – 90 л.

При наличии 10–15 га натуруплата была еще, в общем-то, божеской. Владельцы двадцати и более гектар земли входили в категорию «кулаков», их земля подлежала конфискации, а еще через несколько лет их самих могло ожидать выселение, или ГУЛАГ...

Несмотря ни на какой энтузиазм остатки хлебных запасов в крае стремительно таяли – надо было думать об урожае сорок пятого года и решение райисполкома от 7.X.1944 года требует немедленно приступить к осеннему севу, для чего:

1. Однолошадным хозяйствам организать супряги (чтоб две – три бедняцкие клячи впрягать в один плуг).

2. Срочно завершить ремонт десяти тракторов Помазанской и Ново-Николаевской МТС (они еще в процессе организации).

Последний пункт решения предлагал ускорить разработку распределения хлеба по карточкам. (См. там же: л. 23).

В ту осень могучий Дунай несколько раз в разных местах рвал хлипкие дамбы. Райисполком был и МЧС – он срочно мобилизо-

вал по 300 человек и 300 подвод для ликвидации прорывов у Лесков и на острове Кислицком... (См. там же: л. 27).

Как и во всей воюющей стране, в особенности в областях, подвергшихся временной оккупации, острой, важнейшей проблемой было спасение детей-сирот (таких в стране оказалось около восьмидесяти миллионов – ведь, сколько миллионов взрослых погибло!). Спасать надо было и инвалидов, стариков. Острой была эта проблема и в Килии, и в районе. Решать ее надо было немедленно – ради будущего страны. Нет, не найти слов, чтоб описать масштабы и величие подвига страны во имя спасения детей – тех, которые сейчас «дети войны», и не только их.

Спасали людей районная больница (графини Толстой) и все другие лечебные заведения города и района, в том числе впервые созданная больница водников (тогда ул. Сталина, 10), детская больница – тогда на улице Дунайской, по улице Суворова несколько больших зданий занимал детдом. Ситуация сложилась так, что один из его корпусов тут же пришлось приспособить под трахоматозную больницу, а при ней спецшколу...

Войне, разрухе, нищете неизбежно сопутствуют эпидемии: сыпного и брюшного тифа, туляремии, кишечных болезней, чесотки. Особенно смертоносным был тиф.

Уже седьмого октября сорок четвертого года Килийский райисполком постановляет: 1. Создать районную Чрезвычайную комиссию по борьбе с сыпным и брюшным тифом. (Во главе с самим предрайисполкома тов. Мальцевым). Но районная чрезвычайка, видимо, работала медленно, а тифу только это и надо было – на кладбищах работы хватало...

И тогда нагрянула областная проверка, и грянуло постановление Измаильского обкома КП(б)У, признавшее работу ряда районных органов по борьбе с эпидемией тифа неудовлетворительной.

Постановление требовало: 1. Во всех населенных пунктах организовать дома для ночлега проезжих. 2. Выделить помещения для изоляторов, в которых лечить больных тифом. 3. Улицы населенных пунктов разбить на десятидворки, в каждой назначить ответственного за выявление заболевших тифом. 4. Поголовный осмотр населения завершить 15 января 1945 года силами медкомиссий. 5. Во всех населенных пунктах организовать бани для поголовного обмыва населения и борьбы со вшами, госпитализировать всех, у кого обнаружится повышенная температура.

Лиц, виновных в невыполнении этих мер, предупредить о строгой ответственности по законам военного времени. (См. Ф.Р.–1211, оп. 1 д. 3, л. 11–12).

(Документы райисполкома к этому времени печатались уже на машинке).

Всех подробностей, деталей, нюансов, красок той до предела напряженной жизни не описать. Но это была жизнь, в которой работали очень много; мало, но чаще всего весело, несмотря ни на что, отдыхали, рожали и растили детей и с оптимизмом торопили будущее – впереди была ПОБЕДА.

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПОМНИТ СЕРДЦЕ, – НЕ ЗАБУДЕТ НИКОГДА!

С весны сорок пятого года страна жила ожиданием близкой Победы, и в нашем краю ее ждали с нетерпением. В среду, сразу после Пасхи пришел он, этот великий день девятого мая, – день Победы. Легкое воркование телефона, тихий шепот немногих репродукторов-тарелок донес весть о Победе, но мощным рокотом загремела весть о ней в ушах, в сердцах, на улицах и площадях...

Вряд ли кто из дождавшихся этого праздника после неописуемо страшной войны, из переживших этот праздник в безграничной радости и со слезами на глазах в состоянии описать его! Ведь через что прошли в ту войну!

Ведь сколько убила минувшая война. Одних похоронок пришло в Килию около семисот, в район – более двух тысяч! Сколько людей изувечила, сколько человеческих судеб! О скольких людях, на кого обрушилась война, к концу ее ничего не было известно! Сколько жгучих, трепетных надежд теплилось в измученных войной сердцах людей после Победы! Где найти такие слова, чтоб выразить все это?

На истерзанную войной землю и на нашу придунайскую возвращался мир, а с ним и те, кто его завоевали – в первую очередь те, кто подпадал под «Закон о демобилизации старших возрастов действующей армии» 23.VI.1945 г. Как народ (преимущественно женщины и дети) встречал победителей от пограничного Бреста до Белорусского вокзала в Москве, мы знаем хотя бы по кинохронике и кинофильмам. Но Велика страна-победительница – миллионам ее сыновей и дочерей выпала суровая и благородная доля победителей... Не все они отправлялись на Родину из поверженного Берлина, не всех их встречала Москва. Вся страна до самых до окраин ее в бесчисленных ее городах и весях встречала победителей – безмерной радостью и со слезами на глазах, да и побе-

дители по-разному возвращались домой. Не всем им было до торжественных встреч... Так бывало и в Килии.

Об одном из многих таких случаев – о том, как встречали тридцатипятилетнего фронтовика – килийца Павла Петровича Кроитора – ниже следующий рассказ.

На войну он ушел осенью сорок четвертого, с войсками Первого Украинского фронта с тяжелыми боями дошел до широко разлившегося Одера.

Плацдарм на западном берегу реки, март сорок пятого года.

От того рубежа до Берлина войскам фронта оставалось пройти менее ста километров. Отсюда пойдут они на штурм вражеской столицы, когда настанет час. Это будет! А пока на плацдарме кипит яростный бой – уж которые сутки. Рвутся мины, снаряды, визжат болванки, выпущенные немецкими «пантерами» непрерывно атакующими плацдарм в стремлении уничтожить его защитников. Густо перекрещиваются трассы пуль – кажется, ничто живое не может выжить в этом огненном аду... А важный плацдарм держится.

Двое бойцов – земляки, килийцы – недальние соседи – восемнадцатилетний Николай Чудин и тридцати пятилетний отец семейства (четверо детей), Павел Кроитор – держат оборону, «работают» уже за весь расчет миномета... Гитлеровцы остервенело наседают, их огонь все яростней.

И вот падает сраженный осколком вражеской мины земляк, сосед Коля Чудин. А миномет продолжает «работать», теперь Павел один – установщик, подносчик, заряжающий, наводчик и стреляющий. Весь расчет – в одном.

А миномет продолжает «работать»... Сколько так продолжалось – не помнит Павел – все поглотил близкий разрыв вражеской мины, после которого очнулся только в медсанбате.

Хирург извлек из его искромсанного тела три десятка осколков, особенно пострадала левая нога – хирург предлагал ампутацию... Раненый категорически не соглашался – дома четверо детей... В конце концов хирург ампутацию отменил, взяв на себя ответственность за жизнь солдата. Всю жизнь потом солдат и вся его семья добром поминали хирурга...

Потом были долгие месяцы лечения в госпитале где-то за Волгой и еще не один осколок извлекли из раненого врачи. Но кусочек крупповского металла остался в коленной чашечке... На последующие сорок лет. (Через сорок лет осколок стал сильно беспокоить и уже другой хирург – тоже фронтовик, Павел Никитич Барсуков извлек тот кусочек злого металла из тела постарев-

шего солдата. Теперь это музейный экспонат). А семья? Тогда, в сорок пятом, она долго не получала писем с войны, но и похоронки не было, и это вселяло надежду. Как и весь народ – отпраздновали и отплакали день Победы. А спустя еще некоторое время стали изредка приходить письма. Теперь они пахли не дымом костра и не порохом, не махоркой, а больничной палатой, лекарствами, дезинфекцией... И вот он настал тот незабываемый, единственный в жизни большой семьи день в самом конце лета сорок пятого – его, этот день, этот миг помнит каждый человек этой семьи до сих пор. Эта память у одной из дочерей фронтовика и родила стихи:

Памяти отца-солдата

Это было в сорок пятом, –
Уже закончилась война.
Мы сидели на крылечке –
И как всегда –
Ждала папу вся семья.

Мама «затирку» варила,
Братишка хныкал, как всегда,
Тетя Лена – мастерица
Из обносков и тряпья
Шила «новые» одежки,
Чтоб носила детвора...

Любопытный дядя Георгий
Полон важных новостей:
Влас вчера живой вернулся,
А от Клима нет вестей...

К закату солнышко склонилось
С Дуная слышится гудок...
А вдруг сегодня, наконец,
С войны вернется наш отец!

Мама крестится украдкой,
Притихла детвора вокруг...
Не прошло еще и часа,
Как свершилось чудо, вдруг:

С крепостного косогора,
Из закатной той зари
Чуть хромой боец спустился –
Две медали на груди...

В гимнастерке и обмотках,
Тощий «сидор» на спине,
Туго свернутая скатка,
Палка толстая в руке...

Вот солдат остановился,
Посмотрел вокруг, ища,
Про себя чуть улыбнулся,
Заискрилися глаза.

Улыбнулся вновь – широко!
И тогда узнали все
И морщинки, и оспинки
На худом его лице...

Папа-а-а-а! Пава! Сын! Павлуша-а-а!
– Вмиг смешались голоса –
Это радостно встречают
Брата, мужа, сына – в общем – нашего отца!

Поцелуи и объятья,
И непрошена слеза,
В «касса маре»* приглашают,
Ставят стул под образа...
И вопросы, ох! Вопросы, и глядят во все глаза...

Заспешили в дом соседи
С нами радость разделить,
О своих родных и близких
Не встречал ли где, спросить.

Люди слушали солдата,
Вспоминали сыновей...
И катились слезы градом –
Не сдержать их из очей.

* «Велика хата», светлица.

А детишки рядом трутся,
Смотрят – не отводят глаз,
С нетерпеньем ждут гостинцев,
Что отец для них припас?

И отец вдруг спохватился:
– Разве мог я позабыть?
Погодите, погодите –
Дайте в «сидор» заглянуть.

Поискав по закоулкам
Фронтового рюкзака, он извлек три сухаря,
Ну, а к ним еще в придачу
Три кусочка сахарка!

Засидевшись поздно, гости
Застеснялись, говорят:
– Отдохни-ка, брат, с дороги –
Не близка она была, да и ждут тебя дела.

Заждались с войны солдата,
Ветхий дом, худой плетень,
На одной петле калитка –
Завтра ж будет трудный день...

Ну, а мы заснули сладко,
Без забот и без тревог –
Папа дома! Это значит –
Нам не страшно ничего!

Будет хлеб, иль мамалыга,
Иль хотя бы «баланда»,
Будут книжки и тетрадки –
Старшим в школу ведь пора.

Хорошо, что вновь все вместе,
Что нам очень повезло.
Ничего теперь не страшно:
Папа – дома! Вот и все.

Ох! Скольким же взрослым и детям не так повезло!
Сколько им еще оставалось страдать? До конца жизни!
Вот так на нашу землю после той войны возвращался мир.
Возвращался мир – это главное. Возвратился мир!

СОДЕРЖАНИЕ

Килия и Придунавье в годы Первой Мировой войны 7
Война, революции, агрессия 21
Бессарабия – колония «Великой Румынии»
(начало: 1918–1924 годы) 35
Буджак в огне
(Татарбунарское восстание 1924 года) 49
Край в тисках осадного положения 76
Румыния в планах Гитлера 133
Жуковский поход в Бессарабию и Северную Буковину
(28 июня – 3 июля 1940 года) 155
Один год советской власти в Килии
перед ураганом войны 168
Июнь 1940 – июнь 1941 г. за Дунаем 205
Сорок первый – грозная пора и «звездный час» Килии ...215
Операция «Килия веке» и другие 250
Оккупационный режим Антонеску 294
Пламя народного гнева 333
Освобождение (незабываемый сорок четвертый) 350
Этот день мы приближали, как могли 392
Рождение флагмана
(Килийский судоремонтно-судостроительный) 395
Даешь связь! 397
Хлеб – фронту! 399
Шла война народная 400
Будни тылового города 402
Этот день Победы помнит сердце, –
не забудет никогда! 408

Б. А. Райнов

ИСТОРИЯ КИЛИИ
Том II
(1914–1945)

Технический редактор С.П. Малыгина.
Корректор С.А. Тимошенко.

Подписано к печати 04.12.2009 р.
Формат 60x84/16. Гарнитура SchoolBookC.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 30. Тираж 400 экз. Зак. 386.

ООО РИА «СМИЛ».
Свидетельство о внесении к Государственному реестру
субъектов издательского дела ДК № 3408 от 03.03.2009 г.
68603, г. Измаил, ул. Нахимова, 385.
Тел. 04841-63-915. E-mail:maligina@ukr.net

Изготовление форм и печать ООО РИА «СМИЛ».